

Институт
Ближнего Востока

Центр изучения
Израиля и диаспоры

ИЗРАИЛЬ И ЕГИПЕТ: ПЯТЬ ВОЙН ЗА ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА

Алек Д. Эпштейн

Москва

2020

Научное издание

Алек Д. Эпштейн
ИЗРАИЛЬ И ЕГИПЕТ:
ПЯТЬ ВОЙН ЗА ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА
Москва, 2020.

Dr. Alek D. Epstein
ISRAEL AND EGYPT:
FIVE WARS IN A QUARTER-CENTURY
Moscow: Institute of the Middle Eastern Studies –
Center for Israel and Diaspora Studies, 2020

ISBN

*Книга публикуется в авторской редакции
и не обязательно отражает позицию
Института Ближнего Востока
и Центра изучения Израиля и диаспоры*

*Автор благодарит Александра Александровича Тара
за важную помощь в редактировании текста книги*

© Институт Ближнего Востока
© Центр изучения Израиля и диаспоры
© Алек Д. Эпштейн

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие президента Института Ближнего Востока.....	5
Предисловие руководителя Центра изучения Израиля и диаспоры.....	9
Введение.....	15
1. Война, не закончившаяся миром: двусторонние отношения от создания Государства Израиль до окончания правления короля Фарука (1948–1952 гг.).....	27
2. Переворот «Свободных офицеров» и приход к власти Мухаммеда Нагиба: осторожные надежды на мир и их крах (1952–1954 гг.).....	63
3. Обострение израильско-египетских противоречий и первое советско-египетское военное соглашение (1955 г.).....	99
4. Посреднические миссии Р. Андерсона и Д. Хаммаршёльда и предотвращенная израильско- египетская война (январь – июнь 1956 г.).....	135

5. Суэцкий кризис и путь ко второй израильско-египетской войне (июль – октябрь 1956 г.).....	171
6. Израиль в мясорубке сверхдержав: Синайская война за Суэцкий канал и ее последствия (ноябрь 1956 г. – март 1957 г.).....	207
7. Ни битв, ни переговоров: десять лет между Синайской и Шестидневной войнами (1957–1967 гг.).....	243
8. Проигранный гамбит Г.А. Насера: третья израильско-египетская война, ее причины и последствия (июнь 1967 г.)... ..	279
9. Постскриптум Шестидневной войны: вместо мирных переговоров – новая гонка вооружений (1967–1969 гг.).....	315
10. Истощение в никуда: израильско-египетское противостояние в последний год жизни Г.А. Насера (1969–1970 гг.).....	351
11. Мечтая о реванше: Ануар Садат на пути к Судному дню (1970–1973 гг.).....	387
Эпилог.....	423
Список литературы.....	427

ПРЕДИСЛОВИЕ ПРЕЗИДЕНТА ИНСТИТУТА БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Предлагаемая вниманию читателя книга известного русскоязычного израильского ученого, стоявшего у истоков становления современного российского израилеведения, д-ра Алека Д. Эпштейна, посвящена отношениям Египта и Израиля, во многом определившим характер Ближнего Востока, с которым нам сегодня приходится иметь дело. Это фундаментальное исследование охватывает четверть века войн, дипломатических интриг, внутривосточных баталий в обеих странах и представляет читателю широкую панораму того, что в этот период происходило в регионе и за его пределами.

В описываемый период у непосредственных соседей, союзников и соперников враждующих государств, обеих сверхдержав – США и СССР, двух великих держав – Великобритании и Франции, а также в ООН и государствах-сателлитах Вашингтона и Москвы, относившихся к «свободному миру» и социалистическому лагерю, арабо-израильское противостояние, в том числе ситуация на египетско-израильском фронте, было одной из главных проблем. Решить ее представлялось чрезвычайно важным с учетом фактора Суэцкого канала, одной из главных транспортных артерий современного мира.

Для Египта, пережившего за это время переход от монархии к республиканской авторитарной форме правления, войны с Израилем стали главным испытанием на прочность, а еврейское государство из малозначимой периферийной проблемы стало главной военной угрозой и до сих пор сохраняет статус основного вероятного противника. Для Израиля проигрыш в войне с Египтом означал физическое уничтожение государства и его населения. Мотивация разная, отсюда, судя по всему, и результат египетско-израильских войн. Египтяне сражались (и сражались храбро) ради победы над теми, кто не представлял угрозы для существования их государства и, тем более, их самих как народа. Израильтяне понимали, что проигрыш – это смерть для них всех.

Автор традиционно не ограничивается чисто военными аспектами египетско-израильского противостояния. Он детально и обстоятельно описывает внутривосточную обстановку в обеих странах и ту атмосферу на международной арене, которая привела их к войнам, кровопролитным и так ничем в конечном счете, с точки зрения территориальных приобретений, ни для кого из них и не закончившимся. Войны эти перевернули сначала ближневосточный регион, а потом и весь мир, повлияв на транспортные потоки, цену на нефть и баланс сил сверхдержав куда больше, чем кто-либо мог предположить. Отзвуки их на Ближнем Востоке и за его пределами слышны до сих пор.

В конечном счете, они повлияли на превращение Израиля в региональную сверхдержаву сильнее, чем

противостояние со всеми остальными его врагами. Сирия, основной союзник Египта в войнах с Израилем, была для него грозным высокопрофессиональным противником. Значительно меньшая численно иорданская армия обладала великолепной выучкой, и победа над ней в 1967 году обеспечила еврейскому государству полный контроль над Иерусалимом и большей частью национальных святынь, расположенных в Иудее и Самарии. Ливан был и остается для Израиля немалой головной болью. Но только победа над Египтом сделала его существование на Ближнем Востоке постоянным фактором.

Настоящая книга, посвященная эпохе, охватывающей время непосредственно перед началом египетско-израильских войн, сами войны и периоды конфронтации между ними, дает самое полное и объективное описание того, что происходило на этом небольшом, но стратегически важном участке мировой арены, с 1948 до 1973 год, в русскоязычной литературе. Автор этой работы славится своей объективностью, которую подтверждал в каждой из предшествующих настоящему изданию книг. Редкое качество в нашем, насквозь политизированном, мире. Как израильтянин, он, разумеется, имеет свои симпатии и антипатии, но они не сказываются ни на профессиональном уровне его работы, ни на итоговом результате.

Всё дальнейшее, что было между Израилем и Египтом, относится к совершенно другой эпохе — периоду военного баланса, ни разу не переходившего в прямые столкновения между ними, Кемп-Дэвида и последовавшего за египетско-израильским мирным

договором, заключенным под давлением американцев, «холодного мира», который продолжается до сих пор. Это тема других книг, которые, будем надеяться, когда-нибудь увидят свет. Что до издания, которое ты, читатель, держишь в руках, его можно рекомендовать как профессионалам, включая военных и дипломатов, так и широкой публике, которой оно, безусловно, будет интересно.

Евгений Сатановский
президент Института Ближнего Востока

ПРЕДИСЛОВИЕ РУКОВОДИТЕЛЯ ЦЕНТРА ИЗУЧЕНИЯ ИЗРАИЛЯ И ДИАСПОРЫ

Монография «Израиль и Египет: пять войн за четверть века» – очередная фундаментальная работа д-ра Алека Д. Эпштейна – одного из самых авторитетных специалистов по вопросам ближневосточного конфликта. Как и предыдущие его книги, данная монография написана на базе изучения огромного количества документов, включая архивные материалы, лишь недавно ставшие доступными после снятия грифа секретности. Автор очень подробно исследует причины всех пяти войн между двумя странами и приходит к выводу о том, что далеко не всегда эти войны были абсолютно неизбежными. Более того, достаточно часто египетских лидеров к войнам против Израиля подталкивал панарабский вектор политики Египта, который его собственным интересам мог даже противоречить, а иногда ими двигала региональная ситуация и стремление не допустить усиления других арабских стран.

Рассматривая первую войну против Израиля, которую Египет, вместе с другими арабскими странами, начал буквально на следующий день после объявления Израилем своей независимости по окончании мандатного правления Великобритании, автор указывает на то, что Египет руководствовался не только желанием «скинуть евреев в море» и не допустить создания Израиля, но и задачей максимально предотвратить укрепление в регионе

позиций Иордании. Автор подробно исследует и последствия победы Израиля в этой войне, отмечая, что лидеры Египта и других арабских стран восприняли независимость Израиля как временную ошибку, которую они не смогли предотвратить. Готовности признать Израиль и установить с ним мирные отношения у арабских стран не было вообще. Абсолютно справедливым является и вывод автора о том, что крайне странный для мирного процесса принцип «территории в обмен на любые (даже промежуточные и малозначимые для Израиля) соглашения», к которому арабы, а вместе с ними – и мировое сообщество, постоянно призывают Израиль (вне зависимости от того, как и почему эти территории были арабами утеряны), укоренен еще в первом соглашении о прекращении выигранной Израилем войны в далеком 1949 году.

Весьма важным является анализ автором позиции ООН в израильско-египетском противостоянии. Он отмечает политику «двойных стандартов» со стороны организации, призванной быть беспристрастным арбитром и миротворцем в международных конфликтах. В частности, когда арабские страны нарушили принятое ООН решение о разделе Палестины/Эрец-Исраэль и вторглись на территорию, предназначенную Израилю, никаких санкций со стороны ООН не последовало. Также никаких действий ООН не предпринимала и в связи с многолетним нарушением Египтом резолюции Совета Безопасности ООН №95 от 1 сентября 1951 года об открытии Суэцкого канала для израильского судоходства. Лишенными каких-либо гарантий были и действия

миротворческих контингентов ООН, размещенных, как декларировалось, для предотвращения военных конфликтов. Когда незадолго до Шестидневной войны 1967 года президент Египта Г.А. Насер обратился к генеральному секретарю ООН, которым в то время был представитель Бирмы (нынешней Мьянмы) У Тан, с требованием вывести контингент международных сил с Синайского полуострова, размещенный там по решению ООН, У Тан выполнил это требование менее чем за неделю, при том, что численность сил ООН превышала три тысячи человек. Вывод международного контингента по первому требованию без каких-либо условий и обязательств со стороны Египта лишь укрепил ощущение вседозволенности египетского президента, который на следующий день отдал приказ о закрытии Тиранского пролива для прохождения как израильских судов, так и судов других стран, что ускорило эскалацию конфликта, приведшую в итоге к войне. Как отмечает автор, эти события должны стать уроком для всех тех, кто считает, что безопасность Израиля может быть гарантирована путем размещением «голубых касок».

Рассматривая значительное влияние различных геополитических факторов на египетско-израильские войны, автор подробно останавливается на действиях двух сверхдержав – США и СССР. Традиционно считается, что эти государства были главными союзниками стран-участниц ближневосточного конфликта. Однако автор на конкретных исторических фактах воспроизводит объективную картину тех событий. Советский Союз, действительно, оказывал Египту не только постоянную

политическую поддержку, но и предоставлял многомиллиардную помощь в виде бесплатных поставок ему современного вооружения. Кроме того, в начале 1970-х годов СССР направил в Египет в общей сложности (не одновременно) более тридцати тысяч военнослужащих не только для обучения египетских военных, но и в т.ч. летчиков транспортной авиации, специалистов ПВО и даже летчиков, принимавших участие в воздушных боях. Что же касается поддержки Израиля со стороны США, то она была не так однозначна и своевременна, как это принято считать.

Более того, во время Войны за независимость Израиля США принципиально объявили эмбарго на поставку оружия еврейскому государству, а в Суэцко-Синайской войне и вовсе были по другую сторону конфликта, вступив в конфронтацию не только с Израилем, но и с Францией и Великобританией, всячески, в т.ч. путем жесткого давления через ООН, принуждая Израиль и его союзников к прекращению своих действий. Анализируя события, приведшие к войне 1967 года, автор констатирует, что в самые критичные для Израиля дни США ограничивались лишь невмешательством в его проблемы, но при этом после разгрома египтян и их союзников оказывали серьезное давление на Израиль с целью добиться от него территориальных уступок. Не остается без внимания автора и тот факт, что если СССР в 1970-е годы продавал оружие исключительно Египту и его арабским союзникам, то американцы сочетали военную помощь Израилю с поставками вооружения арабским

странам, являвшимся жесткими противниками Израиля и даже воевавшим с ним.

Особое место в монографии уделено, естественно, последней войне Египта и Израиля, часто называемой Войной Судного дня. Как известно, арабы не случайно выбрали для начала этой войны единственный день в году, когда многие евреи, не придерживающиеся никаких религиозных традиций, стараются не работать и соблюдать полный пост. Не работают в этот день и все средства массовой информации Израиля. Автор скрупулезно, основываясь на архивных документах, анализирует причины ошибок руководителей военной разведки в оценке имевшейся у них информации о времени начала войны Египтом и Сирией, а также неготовности политического руководства Израиля нанести, как предлагал начальник Генштаба израильской армии Давид Элазар, превентивный удар по арабским армиям. Автор отмечает, что и премьер-министр Израиля Голда Меир, и министр обороны Моше Даян осознавали, что превентивный удар, аналогичный тому, что в Шестидневной войне сыграл решающую роль в максимально быстром разгроме египетской армии, встретит жесткое неприятие не только со стороны СССР, но и со стороны США. Оглядка на мировое сообщество дорого обошлась Израилю. Несмотря на то, что через восемь дней войны Израиль смог переломить ее ход, а затем форсировать Суэцкий канал, полностью окружить третью египетскую армию численностью двадцать тысяч человек и только в связи с ультимативным требованием США и угрозой советского военного вмешательства

вынужден был остановиться в 80 километрах от Каира, за победу в этой войне Израиль заплатил очень высокую цену. Потери Израиля на двух фронтах превысили две с половиной тысячи человек – больше, чем во всех боевых действиях, которые вело еврейское государство после своей Войны за независимость, вместе взятых. Египет, в свою очередь, потерял в ходе войны в октябре 1973 года пятнадцать тысяч, а Сирия – более трех тысяч человек.

Обобщая историю взаимоотношений Египта и Израиля, автор неоднократно подчеркивает, что войны между ними вспыхивали и тогда, когда у сторон не было территориальных претензий друг к другу. В частности, как отмечает автор, после полного возврата Израилем Синайского полуострова Египту в 1957 году этим странам нечего было больше делить, но последующих войн это не предотвратило. Поэтому решающее значение для заключения мирного договора между ними после повторного возврата Синая Египту, а главное – для соблюдения такого договора, имеет осознание Египтом факта отсутствия каких-либо надежд на достижение военной победы над Израилем. Собственно, аналогичный вывод можно сделать и в отношении арабо-израильского конфликта в целом, с тем лишь дополнением, что арабы должны окончательно осознать, что не только война, но и террор не поможет им победить Израиль, а потому мирное сосуществование с ним служит и их интересам.

Юрий Гиверц
руководитель Центра изучения Израиля и диаспоры

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга посвящена событиям, происходившим с 1948 по 1973 годы, а потому, если рассуждать логически, должна была быть написана и издана сразу после конца этого периода – лет сорок пять назад. Увы, в те годы это было практически невозможно, ибо в Советском Союзе тогда выходили сочинения, озаглавленные «Источник опасного кризиса: роль сионизма в разжигании конфликта на Ближнем Востоке» (в 1973 году) и «Националистическое безумие: идеология, политика и практика международного сионизма» (в 1976 году). Этот подход нельзя даже назвать односторонним – он был заведомо искажавшим реальное положение дел; читатели подобных книг ни в чём, что происходило на Ближнем Востоке, с их помощью разобраться никак не могли.

Шли годы, и в 1990-е годы положение стало меняться к лучшему, причем весьма быстро. В московских и питерских издательствах одна за другой выходили более сбалансированные книги об Израиле и арабо-израильском конфликте; одни из них были написаны российскими авторами, тогда как другие – переведены с английского, французского или иврита. Однако в 1990-е – 2000-е годы и издателей, и читателей интересовали актуальные события; происходившее в 1950-е – 1970-е годы оказалось «между стульями»: политологам это уже казалось «преданьем старины глубокой», а историкам, наоборот, – прошлым слишком недавним, чтобы его можно было изучать, базируясь на достаточной документальной базе.

Хотя Институтом Ближнего Востока и иными структурами было выпущено немало книг и об Израиле, и о Египте, об отношениях между этими двумя странами на русском языке до сих пор так и не появилось *ни одной* монографии. И это при том, что *никакие две страны на Ближнем Востоке – да и во всем мире в целом – за описываемый в настоящей книге четвертьвековой период не воевали меж собой чаще, чем Израиль и Египет – пять раз!*

Более того: как минимум, трижды – в 1956, 1967 и 1973 годах – боевые действия между Израилем и Египтом грозили перерасти в третью мировую войну, и это не преувеличение. Как увидит читатель настоящей книги, *конфликт между этими двумя отнюдь не самыми крупными государствами планеты занимал беспрецедентно значительное место в геополитической повестке дня.* Гарри Трумэн, Дуайт Эйзенхауэр, Джон Фостер Даллес, Николай Булганин, Дмитрий Шепилов, Ги Молле, Энтони Иден, Даг Хаммаршёльд, У Тан, Линдон Джонсон, Ричард Никсон, Генри Киссинджер, Уильям Роджерс, Алексей Косыгин, Андрей Громыко и другие первые лица международной политики в разные периоды посвящали израильско-египетскому конфликту немалую часть своего рабочего времени. Однако они никогда не оказывались по одну и ту же сторону баррикад: в 1948 году Советский Союз оказывал поддержку Израилю, прежде всего – в рамках противостояния Великобритании; в 1956 году, поддерживая Египет и угрожая еврейскому государству жестокими санкциями, СССР и США противостояли Франции и Великобритании, которые – каждая по своим причинам – вошли в альянс с Израилем;

в 1967, и еще более – в 1969–1970 годах, Советский Союз всей своей военной и политической мощью поддерживал Египет, тогда как Израиль фактически действовал в одиночку, оказавшись лишенным международной поддержки; в 1973 году Египет начал войну по своей инициативе, без поддержки какой-либо из мировых держав, но и внезапно атакованный в иудейский Судный день Израиль таковую поддержку – причем только от США – обрел лишь тогда, когда переломил ход боевых действий в свою пользу, и американская администрация была больше обеспокоена не тем, как спасти еврейское государство (оно справилось самостоятельно), а тем, как не дать ему добиться слишком многого.

Читатель настоящей книги увидит со всей отчетливостью, что *отношения между Египтом и Израилем оказывали крайне существенное, а порой – решающее влияние на отношения этих двух стран с различными мировыми державами*. Дипломатические отношения между СССР и Египтом были установлены в июле 1943 года и с тех пор не прерывались никогда; между СССР и Израилем – в мае 1948 года, но дважды прерывались по инициативе советской стороны, второй раз – на долгие двадцать три с половиной года, и это случилось как раз после начала третьей израильско-египетской войны в июне 1967 года. Тогда же были разорваны установленные еще в апреле 1922 года дипломатические отношения между США и Египтом; они были восстановлены лишь спустя шесть с половиной лет, в феврале 1974 года. Отношения между США и Израилем не прерывались никогда, но важно помнить, что американцы

согласились установить их только в марте 1949 года, то есть после окончания Войны за независимость Израиля и подписания Соглашения о прекращении огня с Египтом (это произошло 24 февраля 1949 года). В отдельных публикациях встречается утверждение, будто установление дипотношений с США произошло после подписания Израилем соглашений со всеми напавшими на него арабскими странами, но это неверно: к 28 марта 1949 года ни с Иорданией, ни с Сирией, ни с Ираком подобных соглашений подписано не было, а вот с Египтом – было. На всем протяжении рассматриваемого в настоящей книги периода Египет не поддерживал дипломатических отношений с Израилем, но с Францией и Великобританией эти отношения поддерживались – и были разорваны осенью 1956 года после начала этими тремя странами военных действий против Египта. *Нельзя назвать ни один другой двусторонний конфликт где бы то ни было в мире, вследствие которого вовлеченные в него страны в разное время разрывали дипломатические отношения с четырьмя из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН!*

ООН в каждом кризисе играла ту или иную роль, и несомненно заслуживает упоминания тот факт, что именно в ходе второй израильско-египетской войны Великобритания и Франция 30 октября 1956 года – впервые в истории Совета Безопасности ООН – проголосовали против и наложили вето на проект резолюции, которую внесли США. Если нужно было зримое доказательство того, что никакого единого «Запада» не существует, то именно израильско-

египетский конфликт таковое предоставил. Из-за паралича, сложившегося в ходе именно той войны в Совете Безопасности ООН, была созвана – *впервые в истории Организации Объединенных Наций – чрезвычайная сессия ее Генеральной Ассамблеи*, в свою очередь, *впервые принявшая решение о создании чрезвычайных вооруженных сил ООН.*

Важно при этом понимать, что *ООН представляет собой нечто большее, чем сумму входящих в нее государств; ее руководители, как правило, гражданством ни одной из мировых держав не обладающие, играют собственные роли, и израильско-египетский конфликт был тому ярчайшим примером и свидетельством.* В настоящей книге достаточно подробно рассказывается и о роли Ральфа Банча в достижении Египтом и Израилем Соглашения о прекращении огня в феврале 1949 года, и о роли Дага Хаммаршёльда в предотвращении войны между Израилем и Египтом в апреле 1956 года и куда более скором окончании войны тогда, когда она все же началась полгода спустя. Не менее подробно на этих страницах демонстрируется, насколько абсолютная неготовность У Тана противостоять египетскому давлению в мае 1967 года сделала неизбежной третью израильско-египетскую войну; говорится и о провале посреднических усилий Гуннара Ярринга, назначенного генеральным секретарем ООН своим спецпредставителем после ее окончания.

Совет Безопасности ООН не раз принимал резолюции, которые в одних случаях Египет, а в других – Израиль выполнять не собирались, касалось ли это открытия Суэцкого канала и Тиранского пролива для

израильского судоходства (резолюция №95 от 1 сентября 1951 года) или отступления Израиля с занятых им в ходе июньской войны 1967 года территорий (резолюция №242 от 22 ноября 1967 года) – *и никакое давление* (на Египет оно было менее сильным, на Израиль – более) *не оказало на позиции сторон почти никакого влияния*. Если нужны доказательства того, что даже совместно выработанная всеми мировыми державами позиция по тому или иному вопросу, утвержденная «имеющей обязывающую силу» резолюцией Совета Безопасности ООН, не гарантирует, в общем, ничего, если те, кого это касается, данную позицию не разделяют, то израильско-египетский конфликт предоставляет и таковые.

Вовлечение различных мировых держав в описываемый конфликт имело различные последствия, о которых подробно рассказывается в настоящей книге, но на одно из них нужно обратить особое внимание: *именно израильско-египетский конфликт, как никакой другой, способствовал тому, что на Ближнем Востоке появилось атомное оружие*. В октябре 1956 года Израиль фактически обусловил свое согласие начать вторую войну против Египта в одиночку (при лишь последующем присоединении Франции и Великобритании в качестве тех, кто будет «принуждать стороны к миру») получением ядерных технологий, которые должны были позволить – и десять лет спустя в самом деле позволили – Израилю обрести собственное атомное оружие. В мае 1967 года два полета египетских реактивных самолетов над наиболее важным израильским ядерным центром – в Димоне, которым находившиеся на вооружении Израиля

американские системы *Hawk* ничего не смогли противопоставить, были среди важнейших катализаторов, приведших израильское военное, а затем и политическое руководство к решению начать новую войну против Египта. Все войны между Израилем и Египтом велись исключительно конвенциональным оружием, но в 1967 и 1973 годах с крайней осторожностью, но рассматривались и другие сценарии; ядерный апокалипсис не наступил, но мало когда и мало где вовлеченные в конфликт стороны были так недалеко от него.

Чрезвычайно важно понимать, что *многие решения были следствием развития ситуации, которую никто ни в Каире, ни в Иерусалиме сознательно не подталкивал туда, куда она в итоге приходила*: это верно как относительно войны 1948 года, к которой изначально совершенно не стремились ни король Фарук, ни премьер-министр Египта Махмуд ан-Нукраши, ни кто-либо в Израиле, так и касательно войны 1967 года, которую ни Гамаль Абд эль-Насер, ни Леви Эшколь не хотели начинать первыми. Давид Бен-Гурион совершенно осознанно начал войну против Египта в 1956 году, как Гамаль Абд эль-Насер и Ануар Садат, взвесив все за и против, начали против Израиля первый – Войну на истощение, а второй – Войну Судного дня (Октябрьскую войну 1973 года). Однако, как будет показано на страницах настоящей книги, *лишь три войны из пяти между Израилем и Египтом были результатом сознательно принятых высшими руководителями той или другой стороны решений; две другие – войны 1948 и 1967 годов, оказавшие как раз наибольшее влияние на развитие*

событий в регионе в последующие десятилетия – стали следствием решений, принятых под значительным влиянием внешних факторов, в первом случае касавшихся желания руководителей Египта не уступить слишком много враждебной Иордании, а во втором – не повернуться спиной по отношению к союзной Сирии. Не только геополитическая, но и региональная динамика оказывала на израильско-египетские отношения серьезнейшее влияние.

В последние годы среди политических аналитиков стало очень модным искать всевозможные конспирации и разоблачать их. Бессмысленно отрицать, что и в Израиле, и в Египте не раз, не два и не три говорилось одно, а делалось при этом совершенно другое, но важно осознавать, что *ни в Египте, ни в Израиле не было какой-либо единой доктрины по отношению к противоположной стороне, которую бы разделяло всё военно-политическое руководство этих стран.* О том, что ни король Фарук, ни его премьер-министр Махмуд ан-Нукраши не рвались посылать войска на войну против Израиля в 1948 году уже говорилось выше, но большой вопрос заключается в том, скатились ли бы Израиль и Египет к войне между собой в 1967 году, если бы Абд эль-Хаким Амер так активно не подталкивал к ней Гамалю Абд эль-Насера, который боялся, что его жаждавший крови заместитель и командующий армией сместит его так, как сам он за тринадцать лет до этого сместил Мухаммеда Нагиба. С другой стороны, как свидетельствуют рассекреченные недавно протоколы, когда 28 октября 1956 года руководством Израиля обсуждалось начало

второй войны против Египта (она началась на следующий день), то лидер оппозиции Менахем Бегин Давида Бен-Гуриона поддержал, а вот двое министров его правительства проголосовали против! В ночь с 27 на 28 мая 1967 года начальник Генерального штаба израильской армии Ицхак Рабин убеждал членов правительства санкционировать начало третьей войны против Египта, но колебавшиеся министры ни к какому согласию не пришли, и решение было принято лишь неделю спустя! Голда Меир, и после войны 1956, и после войны 1967 года твердо стоявшая на том, что без подписания мирного договора Израиль не должен отступать ни с каких занятых в ходе боевых действий территорий (в 1969–1974 годах она была главой правительства Израиля, и за эти годы не отдала египтянам ни квадратного сантиметра Синайского полуострова или сектора Газа), в периоды, этим войнам предшествовавшие, отнюдь не была их яркой сторонницей. В 1956 году Моше Даян и Шимон Перес, а в 1967 году Моше Даян, Ицхак Рабин и Эзер Вейцман убеждали – и убедили, – соответственно, Давида Бен-Гуриона и Леви Эшколя в том, что если Израиль не начнет войну первым, то, подвергнувшись в самом скором будущем неминуемому нападению со стороны Египта, окажется перед угрозой уничтожения. В 1978–1979 годах Моше Даян и Эзер Вейцман занимая, соответственно, посты министров иностранных дел и обороны в правительстве во главе с Менахемом Бегиним, сыграли решающую роль в том, что Израиль согласился вернуть Египту весь Синайский полуостров, а Шимон Перес и Ицхак Рабин втянули Израиль в «процесс Осло», после чего все они

получили в западной прессе почетный статус «солдат мира», но, вообще говоря, большую часть своих жизней они служили в совершенно других войсках, о чем читатель этой книги получит весьма ясное представление.

В дополнение к сказанному укажем, что *динамика двусторонних отношений была не только следствием противоречивых отношений в правящих элитах обеих стран, но и сама по себе оказывала существенное влияние на эти отношения*: так, Давид Бен-Гурион в июне 1956 года сместил Моше Шарета с поста министра иностранных дел Израиля прежде всего именно потому, что тот противился любым планам войны против Египта, а трагический конец то ли застрелившегося, то ли убитого Абд эль-Хакима Амера был предопределен разгромом египетской армии в войне июня 1967 года, к которой он Г.А. Насера активнее всех подталкивал. Недостаточная готовность к войне, начатой Египтом совместно с Сирией против Израиля 6 октября 1973 года, привела к отставке правительства Голды Меир и окончанию ее длившегося несколько десятилетий выдающегося пути в политике.

Отношения между Израилем и Египтом не были симметричными. Целью еврейского государства было добиться признания и права на жизнь в мире – границы, установленные в 1949 году двусторонним Соглашением о прекращении огня, Израиль в целом устраивали. Израиль никогда не стремился уничтожить Египет, никто из израильских руководителей никогда не грозился «сбросить Египет в море» – из Каира же подобные заявления раздавались не раз, не два и не десять. Все те 25 лет, которым посвящена эта книга, египетские

руководители вели против Израиля борьбу, и времена войн сменяли периоды экономического бойкота, рейдов *фидаинов*, запрета судоходства, туризма и культурных связей. *Израиль хотел мира; в Египте хотели, чтобы Израиля на Ближнем Востоке не было.*

Эта книга покрывает период в четверть века, с весны 1948 по конец 1973 года. За это время в обеих странах сменилось по четыре руководителя: король Фарук, Мухаммед Нагиб, Гамаль Абд эль-Насер и Ануар Садат – в Египте, и Давид Бен-Гурион, Моше Шарет, Леви Эшколь и Голда Меир – в Израиле. К несчастью, ни один из этих египетских лидеров за всё это время ни разу не согласился встретиться ни с кем из израильских руководителей. В этой книге рассказывается о малоизвестных попытках Игаля Ядина (в конце 1954 года) и Нахума Гольдмана (в марте 1970 года) встретиться с Г.А. Насером, а Меира Амита в 1966 году – с А.Х. Амером, однако ни первая, ни вторая, ни третья миссия по разным причинам не состоялись. *Опыт Израиля и Египта отчетливо свидетельствует, что какие бы влиятельные и серьезные посредники (а и Роберт Андерсон, и Даг Хаммаршёльд, и Гуннар Ярринг, и Уильям Роджерс несомненно были таковыми) ни пытались привести стороны к мирному урегулированию, мир не может быть достигнут, когда одна сторона отказывается вести прямой диалог с другой.* Когда после победы на выборах в Израиле Менахема Бегина Ануар Садат в 1977 году согласился, наконец, вести прямой диалог с израильскими руководителями, тогда страны, до этого воевавшие пять раз, и подписали договор о мире.

Эта книга базируется на тщательном изучении научной и мемуарной литературы на трех языках, а также на большом массиве израильских, американских и советских документов, рассекреченных к настоящему времени, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот. Документы ближневосточной политики США опубликованы к настоящему времени по состоянию на конец декабря 1980 года (соответствующий том серии «*Foreign Relations of the United States*» издан в 2014 году), тогда как выпущенный в 2003 году двухтомник документов «*Ближневосточный конфликт*» из Архива внешней политики Российской Федерации покрывает период только до конца ноября 1967 года; материалы за последующие годы не обнародованы. Аналогичной серии публикаций ключевых документов внешней и военной политики Египта нет вообще. В Государственном архиве Израиля хранятся многие важнейшие для темы данной книги документы, в том числе стенограммы заседаний правительства, но до настоящего времени рассекречены протоколы за 1948–1967 годы, и лишь отдельные – за 1968–1980 годы (все протоколы за последующие годы остаются недоступными для исследователей). Изучение закрытых в настоящее время израильских и советских документов 1967–1973 годов наверняка обогатило бы три последних главы настоящей книги, посвященных этому периоду; очень жаль, что государства так рьяно охраняют свои секреты от исследователей их истории.

Иерусалим, 18 июля 2020 года

ВОЙНА, НЕ ЗАКОНЧИВШАЯСЯ МИРОМ: ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ ОТ СОЗДАНИЯ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ ДО ОКОНЧАНИЯ ПРАВЛЕНИЯ КОРОЛЯ ФАРУКА

Историю израильско-египетской дипломатии принято начинать с подписания на острове Родос в конце февраля 1949 года соглашения о прекращении боевых действий между двумя странами. На самом же деле еще в 1945 году будущий первый президент Государства Израиль Хаим Вейцман (1874–1952) встречался с главой правительства Египта Али Махиром (Ali Mahir, 1882–1960)¹, а в 1946–1948 годах, то есть еще до создания Государства Израиль, и непосредственно в ходе первой арабо-израильской войны, когда Египет официально выступал против каких-либо переговоров с сионистами, тогдашний руководитель Департамента по арабским делам Еврейского агентства Элияху Сассон (1902–1978) провел ряд встреч с египетскими политиками: с Али Махиром и сменившим его на посту премьер-министра Исмаилом Сидки (Ismail Sidqi, 1875–1950), министром иностранных дел Мухаммедом Лютфи аль-Сайидом (Muhammad Lutfi al-Sayed, 1872–1963) и генеральным

---

¹ См.: Йоав Гелбер, «Дипломатические контакты до военного противостояния – переговоры между Еврейским агентством и Египтом и Иорданией, 1946–1948» // «Катедра» [«Кафедра»], №35 (1985), стр. 125–162 [на иврите].

секретарем Лиги арабских государств Абд ар-Рахманом Аззамом (Abd al-Rahman Azzam, 1893–1976). Цель Элияху Сассона состояла в том, чтобы заручиться поддержкой Египта в отношении условий раздела Палестины и признания им еврейского государства². Усилия Э. Сассона, прекрасно говорившего по-арабски и докладывавшего обо всех своих переговорах министру иностранных дел Моше Шарету (урожденный Черток, 1894–1965) и главе правительства Давиду Бен-Гуриону (урожденный Грин, 1886–1973), не предотвратили втягивание Египта в войну в Палестине/Эрец-Исраэль, однако большой вопрос, как, когда и кем было принято это решение.

В первые месяцы 1948 года, когда резолюция ООН о разделе Палестины стала свершившимся фактом, в Египте все еще шли споры о том, какой курс в наибольшей мере послужит египетским интересам. В египетском руководстве и в обществе не было единства мнений на тему места страны на континууме между национально-гражданской, пан-арабской и мусульманской идентичностями. Сторонники идей пан-арабизма и пан-исламизма считали, что Египет обязан протянуть руку помощи собратям в Палестине, тогда как их оппоненты полагали, что важно найти путь, который в наибольшей мере послужит интересам самого Египта. В частности, Исмаил Сидки, бывший главой правительства Египта с февраля по декабрь 1946 года, считал, что у египетских

---

² См.: Neil Caplan and Avraham Sela, “Zionist–Egyptian Negotiations and the Partition of Palestine, 1946” // *Jerusalem Quarterly*, No. 41 (1987), pp. 19–30.

вооруженных сил нет возможности втягиваться в затяжную и изнурительную военную кампанию, итоги которой невозможно было предсказать. По его мнению, для Египта было выгодно скорейшее достижение сепаратного соглашения с Израилем на наиболее благоприятных для страны условиях³.

В декабре 1947 года, то есть уже после того, как Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию №181 о разделе Палестины/Эрец-Исраэль и создании на части ее территории еврейского государства, на состоявшемся в Каире совещании глав правительств арабских стран премьер-министр Египта Махмуд ан-Нукраши (1888–1948) заявил о нежелании его страны участвовать в каких бы то ни было военных действиях на территории Палестины⁴. На заседании Политического комитета Лиги арабских государств, прошедшем в Каире же 10 апреля 1948 года, М. ан-Нукраши отстаивал ту же точку зрения, однако король Египта Фарук был обеспокоен планами вмешательства в конфликт короля Иордании (тогда страна называлась Трансиорданией), вследствие чего был готов взвесить аналогичную возможность⁵. 26 апреля министр иностранных дел Египта Ахмед Мухаммед

---

³ См.: Итамар Рабинович, «Египет и вопрос о Палестине до Июльской революции и после нее» // «Зманим» [«Времена»], №32 (1990), стр. 78–87 [на иврите].

⁴ См.: Yoav Gelber, *Palestine 1948. War, Escape and the Emergence of the Palestinian Refugee Problem* (Brighton: Sussex Academic Press, 2001), p. 117.

⁵ Там же, p. 120.

Хашаба заявил, что хотя Египет не может и не будет препятствовать «добровольцам» принимать участие в боевых действиях в Палестине, он «не собирается, и не будет посылать регулярные армейские подразделения»⁶. Хотя в отдельных публикациях утверждается, что решение об участии вооруженных сил в войне в Палестине было принято в Египте только 11–12 мая⁷, а египетские документы, касающиеся этой темы, не опубликованы, заслуживает внимания тот факт, что уже 29 апреля на встрече в Аммане фельдмаршал Абд аль-Илах (1913–1958), двоюродный брат иракского короля Гази I, наследный принц и регент при его сыне Фейсале II (в то время ему было всего тринадцать лет), уже заявил о готовности короля Фарука направить войска в южные районы Палестины⁸.

М. ан-Нукраши считал, что главная задача Египта – добиваться эвакуации британских вооруженных сил из зоны Суэцкого канала. Не возражая против направления в Палестину добровольческих батальонов и финансовой помощи местному арабскому населению в его борьбе, он выступал против вовлечения в нее подразделений регулярной армии Египта. Однако король Фарук – буквально за считанные дни до истечения британского мандата на Палестину – принял решение о вступлении в

---

⁶ См.: Benny Morris, 1948. *The First Arab–Israeli War* (New Haven: Yale University Press, 2001), p. 182.

⁷ Там же, p. 183.

⁸ См.: Yoav Gelber, *Palestine 1948. War, Escape and the Emergence of the Palestinian Refugee Problem*, p. 126.

войну против Израиля. В распоряжении историков нет документальных свидетельств о том, когда именно и вследствие каких соображений король сделал именно этот выбор, но, насколько можно судить, ключевыми факторами была его ненависть не только к новому еврейскому государству, но и к королю Иордании и его режиму. Фарук опасался, что войска Абдаллы, которыми с 1937 года командовал британский генерал Джон Глабб (John Bagott Glubb, 1897–1986), выиграют войну, что резко усилит позиции Хашимитского монарха в арабском мире, во-первых, и поставит под угрозу безопасность и будущее Синайского полуострова, во-вторых. Не будет большим преувеличением сказать, что король Фарук де-юре пошел войной на Израиль, но де-факто его целью было сдерживание экспансионистских амбиций короля Иордании. Не забудем, что в то время Хашимитская династия правила и в Ираке (это положение вещей сохранялось до 1958 года), и король Египта, во-первых, опасался возможной концентрации совместного воинского контингента обоих государств у своих границ, а, во-вторых, стремился минимизировать те достижения, с которыми должен был выйти из войны в Палестине король Иордании⁹. Еврейское государство оказалось заложником борьбы конкурировавших меж собой арабских монархов.

---

⁹ См.: Моше Сассон, «О мирных переговорах с соседями (личное видение)» // *Министерство иностранных дел. Пятьдесят первых лет*, под ред. М. Ягера, Й. Говрина и А. Одеда (Иерусалим: «Кетер», 2002), том 1, стр. 108 [на иврите].

Нападение египетской армии на Израиль в первый же день, когда эта страна провозгласила свою независимость, не только стало большой бедой для еврейского государства и его жителей, но и на годы и десятилетия вперед заложило сильнейший фундамент осторожности и недоверия, препятствовавших мирному урегулированию.

Вместе с тем, контакты – пусть и тайные – между египетскими и израильскими дипломатами продолжались даже во время ведения боевых действий. Встречи между Элияху Сассоном и Камалем Риадом, состоявшиеся в Париже 21 и 30 сентября 1948 года, были отнюдь не формальными; в них глубоко и содержательно рассматривался широкий круг вопросов¹⁰.

Заслуживал особого внимания тот факт, что в ходе этих встреч египетский представитель не выразил возражений против израильского контроля над Иерусалимом, ограничившись протестом лишь против того, чтобы под такой контроль попали святыне места ислама на Храмовой горе. Египтяне соглашались на фактическое мирное сосуществование с Израилем, выдвигая, однако, со своей стороны ряд условий.

Во-первых, они хотели поддержки со стороны мирового еврейства, во влияние которого они почему-то очень верили (несмотря на Холокост, который никто не смог остановить и жертв которого никто не был готов спасти), как в их борьбе с Великобританией за вывод ее

---

¹⁰ См.: Элияху Сассон, *На пути к миру* (Тель-Авив: «Ам овед», 1978), в частности, стр. 377–385 [на иврите].

войск из зоны Суэцкого канала и Судана, так и в их контактах с американской администрацией в отношении предоставления Египту американской экономической помощи. Вера египтян во влияние мирового еврейства была, очевидно, сильно преувеличенной, но израильские представители вынуждены были принимать ее в расчет.

Во-вторых, египетские представители упоминали об опасениях короля Фарука в связи с возможной просоветской ориентацией еврейского государства, что грозило появлением глубоко враждебного по отношению к египетской монархии плацдарма непосредственно у ее границ. Не исключено, что возникновение рядом с его страной социалистического государства беспокоило короля больше, чем появление государства еврейского.

В-третьих, египтяне все больше фокусировались на вопросе о территориях, настаивая на том, что, как минимум, земли северо-западного Негева, а также прибрежная полоса, включавшая сектор Газа и зону к северу от него (ныне на этой территории находятся израильские города Ашкелон и Ашдод), которые, согласно решению Генеральной Ассамблеи ООН, подлежали включению в состав Палестинского государства, должны быть отданы под контроль Египта. Египтяне опасались, что Негев, при гласной или негласной поддержке англичан, будет полностью или частично захвачен войсками Иордании, король которой – Абдалла – находился в очень напряженных отношениях с Фаруком. Официальные лица США и Великобритании оказывали давление на руководителей еврейского государства, чтобы

они отказались от Негева в обмен на сохранение в составе Израиля Западной Галилеи – области, не выделенной ему резолюцией о разделе Палестины.

В сентябре 1948 года, когда египетская армия все еще оккупировала Негев, граф Фольке Бернадот (Folke Bernadotte, 1895–1948), делегированный в регион в качестве представителя ООН, предложил передать пустыню под арабский суверенитет; цитируя его отчет,

*The area known as the Negeb, south of a line running from the sea near Majdal east-southeast to Faluja (both of which places would be in Arab territory), should be defined as Arab territory*¹¹

То есть – «Территория, известная как Негев, к югу от линии, проходящей от моря около Мадждала [ныне – Ашкелон] к востоку-юго-востоку до Фалуджи [ныне этот населенный пункт не существует, на его месте построены отдельные районы города Кирьят-Гат] (оба места будут на арабской территории), должна быть определена как арабская территория».

Однако что значило словосочетание «арабская территория»? Имелось ли в виду, что Негев предлагалось передать Палестинскому государству? Иордании? Египту? Или же речь шла о каком-то разделе этой территории? В Отчете Ф. Бернадота об этом ничего не говорилось. Внимательное изучение этого документа позволяет сделать вывод о том, что шведский дипломат трагически

---

¹¹ Progress Report of the United Nations Mediator on Palestine, September 16, 1948 // UN General Assembly, A/648, стр. 18 (Заключение, пункт 4).

недооценивал масштаб противоречий внутри арабского мира, как и многие другие ошибочно сводя конфликт к арабо-израильскому. Однако на Негев претендовали *разные* арабские страны, и их вражда между собой была едва ли не сильнее их враждебности по отношению к Израилю. Во второй половине сентября 1948 года египетские эмиссары тайно обратились к Э. Сассону с предложением о заключении постоянного соглашения о перемирии. Сам Ф. Бернадот 17 сентября 1948 года погиб, но это лишь усилило значение поданного им накануне документа, который стал восприниматься как политическое завещание видного общественного деятеля, павшего в борьбе за мир. Египетские дипломаты стремились добиться реализации инициативы Ф. Бернадота таким образом, чтобы Иордания никогда не обрела общую с их страной границу, которая, по их опасениям, могла стать плацдармом для последующего нападения и быстрого захвата малонаселенного Синайского полуострова.

Израиль, впрочем, имел на Негев иные виды, добившись военным, а отнюдь не дипломатическим путем, изгнания оттуда как иорданских, так и египетских войск, сумевших закрепиться лишь в секторе Газа. История не имеет сослагательного наклонения, но не исключено, что израильские руководители в принципе не возражали бы против передачи Северного Негева не Палестинскому государству, а Египту, но, как представляется, эта идея могла получить развитие только если бы египетская армия не участвовала в нападении на Израиль в мае 1948 года. Израильским воинам с большим трудом и ценой

значительных жертв удалось остановить египетские войска в 32 километрах от Тель-Авива, и ни Д. Бен-Гурион, ни кто бы то ни было другой не считал возможным рисковать, позволив этим войскам остаться столь близко к крупнейшей городской агломерации еврейского государства.

Ход первой арабо-израильской войны, бывшей для еврейского государства Войной за независимость, описан в научной литературе многократно, в деталях и подробностях. Наиболее тяжелым для Израиля был период с 15 мая по 11 июня 1948 года, когда, будучи атакованным войсками пяти стран, само его существование висело на волоске, в том числе и по вине Египта. Уже 15 мая египетские самолеты атаковали Тель-Авив; в результате бомбардировки центральной автобусной станции погибли 42 человека. Египетские сухопутные войска начали наступление в районе Газы, высадив с кораблей десант севернее этого города. 23 мая египетским силам удалось захватить кибуц Яд-Мордехай, 7 июня они заняли и поселок Ницаним. К 29 мая египетские войска продвинулись до города Ашдод. Другая группировка египетских войск развернула наступление в северо-восточном направлении в сторону Беэр-Шевы, отрезав Негев от основных еврейских населенных пунктов на побережье. 11 июня графу Фольке Бернадоту удалось добиться согласия сторон на установление перемирия сроком на один месяц.

На протяжении десяти дней боев, возобновившихся 9 июля, израильским войскам удалось установить связь с Негевом, прорвав линию египетских войск. 18 июля между

сторонами вновь было заключено перемирие, продлившееся до 15 октября, когда израильская армия начала против египетских войск операцию «Йоав», направленную на получение контроля над Негевом. 21 октября израильскими силами был занят наиболее крупный населенный пункт в этом регионе, Беэр-Шева. Почти сразу же при посредничестве США на израильско-египетском фронте было заключено новое перемирие, вступавшее в силу 22 октября. Вечером 21 октября два египетских военных корабля, включая флагман египетского ВМФ «Король Фарук», заняли позиции на рейде тель-авивского порта; по оценке израильской стороны, это было сделано с целью воспрепятствовать довооружению Израиля с помощью грузов, доставляемых морем. В результате дерзкой вылазки израильских морских коммандос следующей ночью корабль «Король Фарук» был подорван на рейде; многие члены его экипажа погибли.

6 сентября 1948 года в египетском городе Александрия открылась сессия Политического комитета Лиги арабских государств, которая продолжалась на протяжении десяти последующих дней. По инициативе Джамала аль-Хусейни (1893–1982) – основателя и председателя Палестинской арабской партии и члена Верховного арабского комитета (которым руководил его брат, иерусалимский муфтий Амин аль-Хусейни), предварительно посетившего столицы ряда государств региона, на этой сессии было принято решение о создании Палестинского правительства, которое должно было находиться в Газе. Главой этого правительства был

утвержден уроженец Цфата Ахмед Хилми (1883–1963), а Джамал аль-Хусейни стал министром иностранных дел. Египет стал первой страной, признавшей это правительство; за ним последовали Ирак, Сирия, Ливан и Саудовская Аравия, но не Иордания. Это правительство ни де-юре, ни де-факто не было признано ни одной из мировых держав. С египетской перспективы, основная задача Палестинского правительства состояла в том, чтобы не позволить королю Абдалле присоединить те или иные районы Палестины, которые были заняты войсками Арабского легиона, к Иордании. Когда стало ясно, что Абдалла не имеет ни малейших намерений передать Западный берег реки Иордан под контроль Палестинского правительства, египетские власти потеряли к этому проекту всякий интерес. В середине октября 1948 года членам Палестинского правительства в директивном порядке было указано эвакуироваться в Каир, и на этом данная институция фактически прекратила свое существование¹². Египет на девятнадцать последующих лет сохранил контроль над сектором Газа, который управлялся военной администрацией, а отнюдь не Палестинским правительством. *Всем тем, кто уже много лет поддерживает требования Египта и других арабских стран о создании на Западном берегу и в Газе Палестинского государства, стоит помнить о том, что когда Западный берег и сектор Газа находились под*

---

¹² См.: Avi Shlaim, “The Rise and Fall of the All-Palestine Government in Gaza” // *Journal of Palestine Studies*, no. 20 (1990), pp. 37–53.

контролем Иордании и Египта, никакое Палестинское государство они не создали, и никакие территории под его контроль не передали.

16 ноября 1948 года Совет Безопасности ООН принял резолюцию №62, в которой призвал все стороны, вовлеченные в конфликт в Палестине, стремиться к скорейшему заключению соглашения о перемирии путем прямых – или с участием признанного посредника – переговоров о немедленном прекращении огня. Совет Безопасности также постановил, что соглашение о перемирии должно включать в себя пункты об установлении постоянной демаркационной линии прекращения огня, за пределами которой будут запрещены какие-либо перемещения войск любой стороны, а также о сокращении вооруженных сил, вовлеченных в боевые действия сторон, в той мере, в которой это будет необходимо для поддержания состояния прекращения огня в переходный период к прочному миру в Палестине.

Прочный мир, увы, так и не достигнут до сих пор, но 6 января 1949 года д-р Ральф Банч (Ralph Johnson Bunche, 1904–1971), бывший посредником на арабо-израильских переговорах и удостоенный в 1950 году за эту деятельность Нобелевской премии мира, объявил, что Египет согласился начать переговоры с Израилем о перемирии. Официальные переговоры между делегациями Израиля и Египта начались на греческом острове Родос 12 января.

Египетскую делегацию возглавляли полковники Мухаммед Ибрагим Сейф ад-Дин (Muhammad Ibrahim Seif ad-Din) и Мухаммед Камаль аль-Рахмани (Muhammad

Kamal al-Rahmani). Израильскую делегацию возглавлял Уолтер Эйтан (Walter Eytan, 1910–2001), в 1948–1959 годах занимавший пост генерального директора Министерства иностранных дел Израиля. Обе делегации включали как дипломатов и юристов, так и военных. Кроме Ральфа Банча, важную роль в качестве посредника играл американский генерал Уильям Райли (William Edward Riley, 1897–1970), с августа 1948 года возглавлявший Организацию ООН по наблюдению за выполнением условий перемирия (The United Nations Truce Supervision Organization, UNTSO). На первом же заседании Р. Банч настоял на том, чтобы делегации вели прямые переговоры и чтобы их члены перед началом каждого раунда пожимали друг другу руки. Более того, по его инициативе участники переговоров вместе играли в бильярд. Уолтер Эйтан свидетельствовал, что в ходе совместного пребывания на Родосе между членами израильской и египетской делегаций сложились дружеские отношения¹³. Не имея прецедента, Р. Банч установил переговорный формат, в котором каждый вопрос обсуждался в трех последовательных форматах: вначале проходили неформальные переговоры между ним и представителями каждой из сторон по отдельности; затем – неофициальные встречи Р. Банча с главами обеих делегаций совместно; и наконец – официальное заседание египетской и израильской делегаций с участием группы представителей ООН. Со временем неформальные переговоры между

---

¹³ См.: Walter Eytan, *The First Ten Years: A Diplomatic History of Israel* (London: Weidenfeld and Nicolson, 1958), p. 29.

представителями сторон порой проходили без присутствия сотрудников ООН, хотя обычно с ведома Р. Банча и с его согласия¹⁴.

Нужно сказать, что военные действия в Палестине/Эрец-Исраэль продолжались на протяжении всего того месяца, что делегации Израиля и Египта вели переговоры – и даже после их успешного окончания; силы израильской армии заняли Эйлат только 10 марта 1949 года. Успешные военные действия, которые вела израильская армия, были фактором, оказывавшим существенное влияние на то, на какие уступки была готова египетская делегация на Родосе. Еще до начала переговоров в ходе операций «Йоав» и «Хорев» израильские силы заняли северную и центральную части Негева, включая город Беэр-Шева (араб. – Бир-эс-Саба), который по решению ООН о разделе британской подмандатной территории отходил арабскому государству. Египтяне требовали от израильтян выполнить резолюцию №61 Совета Безопасности ООН от 4 ноября 1948 года, которая призывала все вовлеченные в конфликт стороны отойти на линии, занимавшиеся их силами 14 октября. Это, в частности, требовало от Израиля вернуть контроль над Беэр-Шевой Египту (в мае 1948 года в город вошли египетские войска, которые были выбиты только 21 октября, когда Беэр-Шева была взята израильской армией в ходе операции «Моше», бывшей частью операции

---

¹⁴ См.: Elad Ben-Dror, “Ralph Bunche and the 1949 Armistice Agreements Revisited” // *Middle Eastern Studies*, vol. 56, no. 2 (2020), p. 277.

«Йоав»), на что не были готовы ни Д. Бен-Гурион, ни М. Шарет, ни кто бы то ни было другой в руководстве страны. Израильская позиция состояла в том, что сама резолюция Совета Безопасности ООН №61 фактически не соответствовала утвержденному Генеральной Ассамблеей ООН плану раздела Палестины, по которому Египту не полагался ни квадратный сантиметр бывшей прежде подмандатной территории, а потому египетская оккупация Беэр-Шевы и Северного Негева, равно как и сектора Газа, который к тому времени оставался оккупированным египтянами, были заведомо противоправными.

Переговоры начались тогда, когда самой острой проблемой для Египта были четыре тысячи солдат, попавших в окружение в районе поселка Фалуджа (ныне на его месте вырос израильский город Кирьят-Гат). Египтяне требовали, чтобы им было позволено немедленно и безоговорочно вывести свои войска. Р. Банч поддержал это требование и 16 января 1949 года представил членам израильской делегации план по его осуществлению. Хотя египетские силы, оказавшиеся в ловушке в Фалудже, были самым сильным козырем Израиля, У.Эйтан практически сразу же согласился разрешить их полную эвакуацию, начиная с 24 января. М. Шарет и Д. Бен-Гурион подвергли решение У. Эйтана резкой критике, однако последний утверждал в ответ, что высказал такое согласие, основываясь на его устном взаимопонимании с Р. Банчем, что египетские войска будут эвакуированы из Фалуджи только если двусторонний договор о перемирии будет подписан до указанной даты.

Однако переговоры продвигались медленно. Египтяне требовали отступления израильских сил к линии, где они стояли 14 октября 1948 года, что оставляло за Египтом контроль над значительной частью территории Северного Негева. Израильская делегация, в свою очередь, настаивала на уходе египетских войск к международно-признанной границе, что лишало короля Фарука не только Северного Негева, но и сектора Газа. Более того: дальнейшее продвижение израильской армии ставило египетские войска в секторе Газа под угрозу окружения. Каждая из сторон продолжала стоять на своем, и 23 января У.Эйтан объявил, что, поскольку никакого соглашения подписано не было, Израиль не допустит эвакуации египетских войск, окруженных в районе Фалуджи, согласившись разрешить лишь поставку продовольствия и медикаментов в Фалуджу под наблюдением ООН. Условием же освобождения фактически попавших в плен египетских солдат и офицеров Израиль назвал подписание соглашения о перемирии. Египтяне были ошеломлены и разочарованы; переговоры были прерваны на три дня, чтобы члены делегаций могли вернуться в свои страны для дополнительных консультаций.

Второй раунд переговоров начался 27 января 1949 года, но каждая из сторон оставалась на своих изначальных позициях. В ответ на все требования Египта члены израильской делегации отвечали, что эта страна не имеет права использовать переговоры о перемирии для достижения того, что она не смогла получить силой оружия. 30 января Р.Банч представил компромиссное

предложение, которое в целом базировалось на сохранении за каждой из сторон того, что фактически находилось под ее военным контролем¹⁵. Египтяне боялись, что если переговоры закончатся провалом, то группировка, окруженная в Фалудже, погибнет, после чего израильская армия предпримет атаку с целью овладеть сектором Газа, а потому сочли за лучшее принять предложения Р. Банча. Израильцы колебались.

В этот момент на помощь американским посредникам – Ральфу Банчу и Уильяму Райли – пришел госсекретарь США Дин Ачесон (Dean Acheson, 1893–1971), направивший 5 февраля специальному представителю США в Израиле (статус посла он получил только в марте) Джеймсу Гроверу Макдональду (James Grover McDonald, 1886–1964) телеграмму с требованием оказать давление на израильское правительство, чтобы оно согласилось принять компромиссный план¹⁶. 6 февраля перед заседанием правительства Израиля Д.Г. Макдональд встретился с М. Шаретом; израильский министр иностранных дел высказал ряд существенных возражений, подробно перечислив уступки, на которые Израиль уже

---

¹⁵ См.: 'Compromise Formulations Presented by the Chairman' // United Nations Archive, папка S-618-4; см.: Elad Ben-Dror, *Ralph Bunche and the Arab-Israeli Conflict: Mediation and the UN, 1947–1949* (London: Routledge, 2016), pp. 167–168.

¹⁶ См.: The Secretary of State to the Special Representative of the United States in Israel (McDonald), at Tel Aviv // *Foreign Relations of the United States, 1949. Vol. VI. The Near East, South Asia, and Africa* (Washington: Department of State, 1986), pp. 730–731.

пошел в ходе переговоров¹⁷. Это, однако, не помогло: инструкции, полученные американским дипломатом от госсекретаря, не предусматривали возможности «войти в положение израильской стороны». Ральф Банч же угрожал членам израильской делегации, что, в случае их отказа принять его предложения, он вернет свой мандат Совету Безопасности ООН, обвинив еврейское государство в провале переговоров. Р. Банч прямо сказал членам израильской делегации, что они должны осознать политические последствия, которые последуют за этим.

Давление и угрозы сделали свое дело, и, несмотря на категорическое нежелание Д. Бен-Гуриона допустить размещение египетских войск в пятидесяти километрах от Тель-Авива, Израиль сообщил о том, что принимает предложения Р. Банча. На первоначальном требовании о том, чтобы Египет отвел свои войска к международно-признанной границе, Израилю настоять не удалось. Ситуация была особенно деликатной еще и потому, что, хотя сектор Газа был занят египетскими войсками, король Иордании Абдалла стремился заполучить контроль над ним (а также над дорогой, которая бы связала с ним Западный берег), о чем он настойчиво говорил Реувену Шилоаху (урожденный Рувим Засланский, 1909–1959) и Моше Даяну (1915–1981) в ходе обсуждений параметров иордано-израильского мирного договора¹⁸. М. Даян

---

¹⁷ См.: The Special Representative of the United States in Israel (McDonald) to the Secretary of State // Там же, pp. 731–732.

¹⁸ См.: Моше Даян, *Этапы пути. Автобиография* (Иерусалим: «Эйданим» – Тель-Авив: «Двир», 1976), стр. 88–90 [на иврите].

рассказывал, что король Абдалла увещевал его лучше оставить Газу за Израилем, «отдать ее дьяволу», но только не передавать египтянам¹⁹.

Достигнутый компромисс предусматривал, что Египет сможет удержать сектор Газа. При этом никому в Израиле – и, вероятнее всего, в США и в ООН – не приходило в голову, что, требуя оставить сектор Газа под своим контролем, египетские власти не включают его в состав своего государства и не предоставят гражданство его жителям, однако произошло именно так. Так возникла проблема, приведшая сотни тысяч арабских жителей сектора Газа на грань гуманитарной катастрофы и поныне остающаяся одной из наиболее тяжелых в палестино-израильском конфликте. Очевидно, что если бы контроль над Газой получили Израиль или Иордания, ситуация бы развивалась по куда более позитивному сценарию.

Узнав о том, что Израиль уступил в вопросе Газы, египтяне понадеялись, что смогут добиться и возвращения своего контроля над Беэр-Шевой, однако на это члены израильской делегации сказали решительное «нет». По просьбе Р. Банча, Генеральный секретарь ООН встретился с представителем Египта в ООН Махмудом Фаузи, а госсекретарь Д. Ачесон проинструктировал поверенного в делах США в Египте Джефферсона Паттерсона (Jefferson Patterson, 1891–1977) оказать давление на собеседников в

---

¹⁹ Цит. по: Saadia Touval, *The Peace Brokers: Mediators in the Arab-Israeli Conflict, 1948–1979* (Princeton: Princeton University Press, 1982), p. 63.

Каире²⁰. Дж. Паттерсон встретился с премьер-министром Египта Ибрагимом Абд эль-Хади-пашой (1896–1981), убеждая того не ставить подписание договора о перемирии с Израилем в зависимость от того, под чьим контролем окажется Беэр-Шева²¹. Египтяне сдались под давлением ровно так же, как за две недели до этого уступили израильтяне, что открыло путь к подписанию соглашения и возвращению домой «героев Фалуджи», получившему широкое освещение в египетских СМИ.

24 февраля 1949 года соглашение о прекращении огня между Израилем и Египтом было подписано. Оно стало первым документом подобного рода, за которым последовали и другие: соглашение Израиля с Ливаном было заключено 23 марта, с Иорданией – 3 апреля, с Сирией – 20 июля 1949 года.

После подписания соглашений о прекращении огня в израильском руководстве сложилось мнение, что они являются промежуточным шагом по направлению к заключению полноценных мирных договоров между Израилем и арабскими странами, которые могут быть подписаны в скором времени. Данная оценка основывалась, помимо всего прочего, на предположении, будто поражение в войне было для арабского мира столь сильной травмой, что это непременно приведет его

---

²⁰ См.: The Secretary of State to the Embassy in Egypt, February 21, 1949 // *Foreign Relations of the United States, 1949. Vol. VI. The Near East, South Asia, and Africa*, pp. 760–761.

²¹ См.: The Chargé in Egypt (Patterson) to the Secretary of State, February 22, 1949 // Там же, pp. 764–765.

лидеров, равно как и широкие слои общества, к выводу о том, что существование Государства Израиль является непреложным и свершившимся фактом. Иными словами, по мнению израильских руководителей, арабские лидеры не смогут не признать, что ход истории невозможно повернуть вспять, и если Израиль стал неотъемлемой частью политической карты Ближнего Востока, то им имеет смысл примириться с этим и извлечь максимальную пользу из сотрудничества с еврейским государством.

О настроениях того времени писал Иехошфат Гаркави (1921–1994), бывший членом израильской делегации на переговорах о прекращении огня, а впоследствии – начальником военной разведки; после демобилизации он стал одним из самых серьезных исследователей арабо-израильского конфликта. По словам Гаркави, «в 1949 году было распространено представление, что соглашения о прекращении огня – это промежуточный шаг, “временная мера”, как это было сформулировано в резолюции Совета Безопасности от 16 ноября 1948 года, в соответствии с которой были заключены эти соглашения, принятые, чтобы облегчить переход от существующего перемирия к постоянному миру в Палестине. Прекращение огня считалось переходным этапом, который не представляет собой окончание войны, а является лишь одним из звеньев цепи, ведущей к окончанию войны»²². В своем отчете Совету Безопасности

---

²² См.: Иехошфат Гаркави, «Соглашения о прекращении огня – взгляд назад» // «*Маарахот*» [«Битвы»], №294 (1984), стр. 2–5 [на иврите].

ООН Ральф Банч отметил уникальность этих соглашений, проявившуюся в том, что в момент их подписания не был оговорен срок прекращения их действия. Фактически, *действие соглашений могло продолжаться бессрочно* – вплоть до их замены полноценными мирными договорами между сторонами, которая могла наступить когда угодно: и через несколько недель, и спустя годы и десятилетия. И. Гаркави отмечал, что «парадоксальным образом, прекращение огня превратилось из моста на пути к миру в суррогат мира»²³. Генерал Игаль Аллон (1918–1980), командовавший Южным военным округом, выступал против заключения соглашения о прекращении огня, считая, что под угрозой возобновления военных действий египтяне неминуемо согласятся на заключение полноценного мирного договора²⁴, но его мнение не получило поддержки в израильском руководстве, уверенном, что можно действовать и в два этапа, поскольку второй неизбежно последует за первым.

Такое понимание переговоров, естественно, наложило свой отпечаток и на сами заключенные в их результате соглашения. В свете предположения, что скоро должны начаться переговоры о постоянном урегулировании конфликта, не представлялось особенно важным максимально детализировать соглашения о прекращении огня.

Более того, даже границы – особенно между Израилем и Сирией – не были обозначены в них с

---

²³ Там же.

²⁴ См.: Saadia Touval, *The Peace Brokers*, p. 62.

должной степенью детализации. Сам Давид Бен-Гурион при обсуждении и утверждении этих документов в Кнессете объяснил, что речь идет о соглашениях, носящих ограниченный и временный характер и лишенных политического или территориального значения. Более общие вопросы будут решены, по его словам, в ходе переговоров о постоянном урегулировании конфликта, которые должны начаться в ближайшем будущем. И в самом деле, в параграфе 4(3) соглашения о прекращении огня между Израилем и Египтом говорится:

«Стороны признают, что каждая из них может настаивать на своих не носящих военного характера правах, требованиях и интересах на территории Палестины, на которую распространяется действие настоящего соглашения, и что те права, требования и интересы, которые по взаимному соглашению исключены из переговоров о прекращении огня, будут, по желанию сторон, предметом дальнейшего урегулирования. Следует подчеркнуть, что целью настоящего соглашения не является установить, признать, усилить, ослабить или же отменить какие бы то ни было права, требования или интересы любой стороны в отношении владения, попечительства и иных интересов на территории Палестины, на которую распространяется данное соглашение. ... Положения настоящего соглашения были определены

исключительно исходя из военных соображений, и они сохраняют свою силу только на период перемирия»²⁵.

Параграф 5(2) соглашения о прекращении огня между Израилем и Египтом гласил: «Линия прекращения огня ни в коем отношении не рассматривается как политическая или территориальная граница и проводится без ущерба для прав, претензий и позиций какой-либо из сторон в том, что касается окончательного урегулирования палестинского вопроса»²⁶. При этом под контролем Израиля, в соответствии с Родосскими соглашениями, оказывалось около 78% территории подмандатной Палестины/Эрец-Исраэль в том виде, какой она имела после провозглашения независимости Иордании (тогда - Трансиордании) в 1946 году, и на все эти земли была сразу же распространена израильская юрисдикция.

С течением лет напряженность между Израилем и его соседями не ослабевала. Постепенно выяснилось, что в Израиле и арабских странах существуют различные, зачастую противоположные, мнения едва ли не по всем вопросам, связанным с соглашениями о прекращении огня. В Израиле всё больше понимали, что арабские

---

²⁵ Полный текст соглашения о прекращении огня между Израилем и Египтом, подписанного на острове Родос 24 февраля 1949 года, см. в хрестоматии *Государство Израиль: политика и общество в документах* (Иерусалимский университет: Международный институт им. Ротберга, 1992), стр. 25–32.

²⁶ Там же, стр. 27.

страны рассматривают эти соглашения не как этап на пути к мирному урегулированию, а как передышку, пусть и длительную, в боевых действиях, и, стало быть, эти соглашения сохранят свое значение на долгие годы. Это привело израильское руководство к переоценке заключенных на Родосе соглашений. Если во время их подписания и некоторое время спустя они представляли их как свод временных уложений, относящихся только к военным аспектам арабо-израильского конфликта, которые должны быть заменены полноценными мирными договорами, то уже в середине 1949 года некоторые израильские лидеры подчеркивали политический характер этих соглашений. В частности, новый подход отчетливо проявился в выступлении министра иностранных дел Моше Шарета на заседании секретариата и парламентской фракции Партии Труда в июле 1949 года:

«Мы подписали соглашения о прекращении огня со всеми граничащими с нами странами и тем самым достигли определенного, достаточно серьезного подтверждения нашего территориального статуса. Не будь этих соглашений, наш контроль над территориями, которые мы освободили и на которых укрепились, был бы основан лишь на одном – на балансе вооруженных сил. ... После подписания соглашений о прекращении огня наша территориальная целостность покоится не только на балансе вооруженных сил, но и в первую очередь на договоренностях, обязывающих наших противников уважать линии прекращения огня, предотвращающих

всякую возможность нападения с их стороны, если только они не захотят нарушить международные обязательства, которые они на себя приняли – не только перед нами, но и перед ООН и ее Советом Безопасности. ... Подписанные нами соглашения о прекращении огня представляют собой нечто гораздо большее, чем собственно договоры о прекращении огня. Фактически в них определены государственные границы Израиля, территория, над которой Израиль имеет не только военный контроль, но и полноценный государственный суверенитет»²⁷.

Эта позиция очевидно и непосредственно противоречила тому, что было в самом тексте соглашений о прекращении огня – в том числе и между Израилем и Египтом – написано, но практически она верно отражала реальное положение дел, сохраняющееся, как это ни удивительно, до сегодняшнего дня. Границы Государства Израиль, установленные 29 ноября 1947 года резолюцией №181 Генеральной Ассамблеи ООН (так называемая «голубая черта») фактически забыты, ни одна международная организация не требует от Израиля отступления к ним. Ни для Израиля, ни для Египта, ни для других стран сложившиеся после окончания войны 1948 года границы не были идеальными, не говоря уже о том, что они весьма

---

²⁷ Из выступления Моше Шарета на заседании секретариата и парламентской фракции Партии Труда 28 июля 1949 года [перевод с иврита].

в ограниченной мере отражали демографические реалии. Хотя в Родосских соглашениях декларируется, что они не устанавливают линии межгосударственных границ, в ретроспективе очевидно, что именно они как раз и определили международно-признанные границы Израиля. Так называемая «зеленая черта» – пограничная линия, существовавшая по состоянию на 4 июня 1967 года, то есть до начала Шестидневной войны, представляет собой не что иное, как один из параметров Родосских соглашений, первое из которых было подписано Израилем с Египтом.

Тем временем в Израиле наметилась еще одна тенденция – подчеркивать те пункты соглашений о прекращении огня, где говорилось о ненападении и мирных отношениях между сторонами, прежде всего параграфы 1 и 2(2) соглашения о прекращении огня между Израилем и Египтом, которые гласили:

«Параграф I. Стремясь способствовать возвращению к постоянному миру в Палестине, ... стороны подтверждают, что будут полностью соблюдать нижеследующие принципы на протяжении перемирия:

1. Требование Совета Безопасности ООН о неприменении военной силы в урегулировании палестинского вопроса отныне будет добросовестно соблюдаться обеими сторонами.

2. Никакие агрессивные действия с помощью вооруженных сил какой-либо из сторон на суше, на море и в воздухе не будут предприниматься, планироваться или провозглашаться в качестве угрозы по отношению к народу или вооруженным силам

другой стороны. При этом под термином «планироваться» в данном контексте не подразумевается обычное штабное планирование, практикуемое в военных организациях.

3. Право каждой из сторон на безопасность и свободу от угрозы нападения вооруженных сил другой стороны будет уважаться во всей полноте.

4. Установление перемирия между вооруженными силами обеих сторон рассматривается как необходимый шаг в направлении ликвидации вооруженного конфликта и восстановления мира в Палестине».

«Параграф II.

1. Во исполнение вышеназванных принципов и резолюций Совета Безопасности ООН от 4 и 16 ноября 1948 года, настоящим устанавливается всеобщее перемирие между вооруженными силами сторон на суше, на море и в воздухе.

2. Никакие подразделения сухопутных, морских, военно-воздушных или военизированных сил одной из сторон, включая и нерегулярные силы, не будут совершать каких-либо враждебных действий против вооруженных сил другой стороны или против гражданского населения на территории, контролируемой другой стороной, и не будут с какими бы то ни было целями выходить за пределы демаркационной линии перемирия, устанавливаемой Параграфом IV настоящего Соглашения, или пересекать ее ... и не будут где бы то ни было нарушать международную границу, а также проникать в воздушное пространство другой стороны или

пересекать его и заходить в прибрежные воды другой стороны в пределах трех миль от берега»²⁸.

Подчеркнем, что *хотя соглашения о прекращении огня не были полноценными мирными договорами между подписавшими их странами, и это ясно и недвусмысленно оговаривалось в текстах этих документов, они таковыми фактически стали*. В этом смысле не будет слишком гротескным сравнить Родосские соглашения 1949 года с соглашениями Осло, пусть их и разделяют сорок с лишним лет: последние тоже были определены как промежуточные, не устанавливающие никаких пограничных линий, но вот уже более двадцати лет Палестинская администрация существует с полномочиями и в границах, именно ими определенных.

На протяжении многих лет именно выработанные в ходе Родосских переговоров документы были единственными формально заключенными двусторонними соглашениями между Израилем и граничащими с ним странами. На египетском направлении они продержались в исторической перспективе сравнительно недолго, менее восьми лет, но за эти годы ситуация в обеих странах изменилась кардинальным образом, о чем еще будет сказано ниже.

С 27 апреля по 12 сентября 1949 года в Лозанне (Швейцария) проходила конференция, созванная для урегулирования арабо-израильских разногласий.

---

²⁸ Цитируется по тексту, приведенному в книге: *Государство Израиль: политика и общество в документах*, стр. 26.

Посредником между арабскими странами и Израилем на переговорах выступила Согласительная комиссия для Палестины в составе представителей Франции, Турции и США.

Забегая вперед, укажем, что обсуждения на Лозаннской конференции не привели ни к каким практически значимым результатам. Вместе с тем, важно понять как причины провала этого форума, так и обратить внимание на инициативы, выдвинутые в ходе его работы.

Одна из главных проблем, оставшихся после войны, начатой арабскими странами против Израиля в день провозглашения им своей независимости, – проблема палестинских беженцев, в особенности в секторе Газа. *В отличие от Израиля и Иордании, выразивших готовность и желание аннексировать все занятые ими в ходе войны 1948 года территории с предоставлением гражданства всем их жителям, Египет не хотел аннексировать оказавшуюся под его контролем Газу и отказывался предоставить сотням тысяч жителей этой территории гражданские права.* Именно власти Египта в наибольшей мере противодействовали стремлению к расселению и реабилитации беженцев, что загоняло проблему в тупик.

18 апреля 1949 года в ходе продолжительной встречи с американским представителем Марком Этриджем (Mark Ethridge, 1896–1981) Давид Бен-Гурион впервые выдвинул поистине революционный план, который в деталях представил на Лозаннской конференции 29 мая того же года Уолтер Эйтан; за несколько недель до этого, 3 мая, план обсуждался на заседании правительства Израиля и

был утвержден большинством голосов. *Коль скоро Египет отказывался аннексировать сектор Газа и предоставлять гражданство его жителям, это соглашался сделать Израиль!* Горькая ирония судьбы: в 2003–2005 годах Партия Труда активно поддерживала полный вывод израильских сил из сектора Газа, тогда как за полвека до этого правительство, в подавляющем большинстве из лидеров как раз этой партии сформированное, поддержало идею аннексии Газы, ее присоединение к Израилю и предоставление гражданства ее жителям. Однако уже на следующий день, 30 мая 1949 года, представитель Египта отверг это предложение²⁹.

На конференции в Лозанне Египет представлял один-единственный человек – Абдул Муним Мустафа, который в период с 19 апреля по 19 августа 1949 года провел ряд встреч с израильскими дипломатами и официальными лицами, которые как раз менялись: вместе и вместо Элияху Сассона во встречах участвовали Тувия Арази, Уолтер Эйтан и Реувен Шилоах. Несмотря на то, что детали этих переговоров были изучены и опубликованы историками международных отношений Итамаром Рабиновичем и Нейлом Капланом еще в начале 1990-х годов, они, к большому сожалению, остаются малоизвестными кому-либо, кроме узкого круга специалистов. Вместе с тем, детали этих бесед очень и очень многое позволяют понять адекватно и без иллюзий.

---

²⁹ См.: Neil Caplan, *The Lausanne Conference, 1949: A Case Study in Middle East Peacemaking* (Tel Aviv University: The Moshe Dayan Center for Middle Eastern and African Studies, 1993), pp. 61–63.

В ходе встречи, состоявшейся 2 июня 1949 года, египетский представитель сделал ряд важных заявлений.

Во-первых, он указал, что у арабских стран нет заинтересованности в подписании двусторонних мирных соглашений с Израилем, отметив, что в случае, если в Лозанне будет выработано то или иное итоговое коммюнике, то оно может быть утверждено Организацией Объединенных Наций и, таким образом, обрести обязывающий статус для всех вовлеченных в конфликт и переговоры сторон. *На протяжении нескольких последующих десятилетий Египет и другие арабские страны не были готовы вести прямые переговоры и заключать соглашения с Израилем.* Многолетние усилия Египта, имевшие своей целью избежать полноценного мирного урегулирования с Израилем, берут свое начало именно из обсуждений в Лозанне в 1949 году.

Во-вторых, Абдул Муним Мустафа настаивал на том, что территория Государства Израиль – в каких бы то ни было границах – не может быть по площади больше той, которая была ему выделена резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН №181. Полностью игнорировался тот факт, что подконтрольная Израилю территория выросла вследствие войны, которая была начата отнюдь не по его инициативе и с целью предотвратить само его возникновение, этой же самой резолюцией Генеральной Ассамблеи предусмотренное. Египетский представитель утверждал, что если Израиль хочет сохранить за собой занятые им районы Северной Галилеи, то он должен отказаться от пустыни Негев или, как минимум, большей ее части (Абдул Муним Мустафа конкретно апеллировал к

предложениям, содержавшимся в Отчете Ф. Бернадота). Очевидно, что корни крайне странного принципа «территории в обмен на любые соглашения», вне зависимости от того, как и почему эти территории были потеряны арабами, также сформировались уже к началу лета 1949 года³⁰.

В ходе встречи, состоявшийся 19 августа, Абдул Муним Мустафа выдвинул требование передачи Негева Палестинскому арабскому государству (которого, напомним, не существовало), призванному стать «буфером» и между Египтом и Израилем, и между Египтом и Иорданией³¹. Чрезвычайно важно, что палестинская проблема – и государственность – поднимались египетским представителем в совершенно инструментальном ключе, как шаг, в наибольшей мере соответствующий интересам самого Египта в его сложных взаимоотношениях с другими странами региона. По словам Абдула Мунима Мустафы, «Египет не хочет иметь общую границу с Израилем. Египет был бы рад, если бы Израиль вообще не возник, и делал всё, что в его силах, для достижения этой цели. Египет убежден, что Израиль, чужеродный по всем аспектам и характеристикам, но находящийся посреди Арабского мира, неизбежно будет создавать новые конфликты, сложности и

---

³⁰ См.: Itamar Rabinovich, *The Road Not Taken: Early Arab–Israeli Negotiations* (New York: Oxford University Press, 1991), pp. 178–179.

³¹ Там же, p. 182.

нестабильность»³². Никаких мечтаний о едином Ближнем Востоке, о Средиземноморском общем рынке и тому подобных интегративных процессов у египтян не было. *С самого начала израильтянам было сказано, что, несмотря на подписанные на Родосе соглашения, они и их страна воспринимаются Египтом как неизбежное зло, чужеродный элемент, от которого необходимо отгородиться как можно более широким буфером.*

Израиль выиграл Войну за независимость, но руководители Египта и других напавших на него стран воспринимали независимость еврейского государства лишь как ошибку, которую им не удалось предотвратить. В этих условиях борьба за мир, сколько бы изнурительной она ни была, никак не могла привести к успеху. Готовности признать Израиль и протянуть ему руку мира и сосуществования у арабских правителей не было вообще.

Таким образом, *король Фарук заложил основы курса, который на многие годы омрачал израильско-египетские отношения.* Египетские представители странным образом не хотели понимать, что их требования к Израилю не могут быть удовлетворены: что потеряв в боях Войны за независимость, в том числе и на египетском фронте, каждого сотого из своих граждан, Израиль будет крайне настороженно относиться к любым уступкам в отношении арабских стран, кто бы и когда бы таковых ни требовал. Тогда же сформировалась и политика в отношении сектора Газа, население которого было совершенно сознательно превращено в заложников

---

³² Там же, р. 183.

неурегулированности – и даже невозможности урегулирования, учитывая поднимавшиеся египтянами требования – конфликта.

В литературе и в средствах массовой информации нередко встречается вывод об очень негативной роли, сыгранной в истории двусторонних отношений Гамалем Абд эль-Насером. Слов нет, эта роль действительно была очень негативной, но политико-дипломатическое наследство, полученное им от короля Фарука, отнюдь не было оптимальной стартовой площадкой для развития многогранного сотрудничества, от которого уже в те годы выиграли бы и Египет, и Израиль.

ПЕРЕВОРОТ «СВОБОДНЫХ ОФИЦЕРОВ» И ПРИХОД К ВЛАСТИ МУХАММЕДА НАГИБА: ОСТОРОЖНЫЕ НАДЕЖДЫ НА МИР И ИХ КРАХ

На протяжении многих лет в Египте крепло недовольство нежеланием британцев предоставить стране подлинную независимость. Крах колониальной системы после окончания Второй мировой войны, успех борьбы народа Индии за обретение государственного суверенитета стали катализаторами усиления накала борьбы против британского правления в Египте.

15 октября 1951 года египетский парламент денонсировал договор, заключенный с Великобританией 26 августа 1936 года, как и двусторонние соглашения о Судане, который отныне объявлялся неотъемлемой частью Египта, а Фарук I получал титул «короля Египта и Судана». Это решение, однако, не смогло быть реализовано: власти Великобритании в ответ заявили, что, невзирая на позицию Египта, их войска останутся на территории Судана и в зоне Суэцкого канала, где они всё чаще становились объектами нападений со стороны местных партизан.

Акты насилия становились всё более ожесточенными: 25 января 1952 года в Исмаилии произошло вооруженное столкновение между египетской военной полицией и английскими военными. Днем спустя по Каиру прокатилась волна беспорядков, направленных в основном против иностранцев и их

собственности; в центре города было подожжено свыше семисот зданий; погибли 26 человек (день 26 января 1952 года получил, поэтому, название «черная суббота»). На протяжении последующих шести месяцев в Египте сохранялась напряженная обстановка.

В ночь с 22 на 23 июля 1952 года организация «Свободные офицеры» совершила государственный переворот и установила контроль над Каиром, практически не встретив сопротивления. Власть взял так называемый Совет революционного командования (СРК), а верховным главнокомандующим был провозглашен генерал Мухаммед Нагиб (1901–1984), с 1951 года возглавлявший сухопутные войска страны. Спустя полтора месяца, 7 сентября 1952 года, М. Нагиб занял пост премьер-министра. Еще до этого, 26 июля, по требованию «Свободных офицеров» король Фарук I, находившийся в Александрии, отрекся от престола в пользу своего семимесячного сына Ахмеда Фуада II, который был провозглашен королем Египта и Судана. Однако в тот же день и отрекшийся король, и наследник престола покинули страну; формально власть получил Регентский совет. Король Фарук I на принадлежавшей ему яхте уплыл в Италию, где прожил – вначале в Неаполе, а потом в Риме – до своей кончины в марте 1965 года. В 1958 году египетские власти лишили его гражданства, после чего князь Монако Ренье III предоставил таковое изгнанному королю. 18 июня 1953 года Египет был официально объявлен республикой; Ахмед Фуад II, которому не было и полутора лет, был низложен, а Мухаммед Нагиб провозглашен президентом страны.

Потомственный военный, Мухаммед Нагиб был значительно старше всех остальных членов Совета революционного командования и существенно отличался от них по своей биографии и мировоззрению. Он имел не только высшее военное, но и гражданское образование, получив в Каирском университете две степени магистра: в 1929 году – по экономике, а в 1931 году – в сфере частного права. Кроме арабского, он говорил по-английски и по-французски, а также изучал итальянский и немецкий. После окончания Штабного колледжа он побывал в европейских странах; годы спустя в своей книге он написал: «Никто из тех, кто посетил Францию и Англию, не может остаться равнодушным к достижениям соответствующих цивилизаций»³³. Патриот своей Родины, М. Нагиб мечтал о ее подлинной независимости от Великобритании, но при этом именно ее он видел в качестве модели (с адаптациями к местным условиям, конечно) и политического, и экономического устройства Египта. В этом состояло его коренное отличие от Гамалия Абд эль-Насера и его более молодых сподвижников, у которых никакого конкретного видения будущего Египта после свержения короля не было. Они хотели радикальных преобразований во имя светлого будущего, контуры которого представляли себе весьма расплывчато.

Представители как британских, так и американских военных были предупреждены «Свободными офицерами» о планируемом перевороте; помощнику американского

---

³³ Mohammed Naguib, *Egypt's Destiny: A Personal Statement* (London: Doubleday, 1955), pp. 80–81.

военного атташе в Каире Дэвиду Эвансу информацию еще 19 июля передал Али Сабри (1920–1991)³⁴, который впоследствии вел в Вашингтоне изнурительные и довольно безуспешные переговоры, имевшие целью получение Египтом военной помощи со стороны США. Как свидетельствовал М. Нагиб, в первые же часы после переворота госсекретарь США Дин Ачесон после консультаций с президентом Гарри Трумэном сделал заявление министру иностранных дел Великобритании Энтони Идену (Anthony Eden, 1897–1977) о том, что американская администрация возражает против какого бы то ни было иностранного вмешательства в дела Египта. После этого в Лондоне было принято решение игнорировать просьбы короля Фарука I о введении британских войск в Каир и обстреле английским флотом Александрии³⁵. И американцы, и англичане, несмотря на то, что их интересы в Египте были весьма разными, высоко ценили М. Нагиба как военного деятеля и считали, что смогут установить с возглавляемым им режимом конструктивные взаимоотношения. При этом и те, и другие явно не осознавали, насколько шаткими были позиции М. Нагиба среди «Свободных офицеров», главой которых он формально считался.

Опыт отношений американских представителей с военными Сирии, где в течение 1949 года произошло три государственных переворота, остро ставил вопрос о

---

³⁴ Jon B. Alterman, *Egypt and American Foreign Assistance, 1952–1956: Hopes Dashed* (New York: Palgrave Macmillan, 2002), p. 3.

³⁵ Mohammed Naguib, *Egypt's Destiny*, p. 116.

стабильности ближневосточных военных режимов. К тому же, как справедливо указывал М.Я. Пелипась, много лет посвятивший изучению политики США и Великобритании на Ближнем Востоке, «приходившие к власти генералы и полковники с большой неохотой декларировали свою приверженность демократическим ценностям и не торопились передавать власть гражданским правительствам, что шло вразрез со стратегическими задачами американской политики в плане защиты демократии, изложенными в “доктрине Трумэна”»³⁶. В отличие от М. Нагиба, более молодые лидеры «Свободных офицеров» относились к парламентской демократии без особых сантиментов. Уже 9 сентября 1952 года был издан указ о реорганизации политических партий, на основании которого часть из них была запрещена, а деятельность других ограничена. 17 января 1953 года Совет революционного командования распустил все политические партии и объявил о конфискации их имущества. В своей изданной в 1955 году книге М. Нагиб писал, что стремился к «постепенной демилитаризации правительства, созданию конституционной ассамблеи и проведению референдума, который подготовил бы египетский народ к свободным выборам в будущем»; эта впечатляющая программа, однако, так и не была реализована. Более того: пожалуй, именно она

---

³⁶ Михаил Пелипась, «Суэцкий кризис 1956 г.» // *Холодная война. 1945–1963. Историческая ретроспектива*, под ред. Н.И. Егоровой и А.О. Чубарьяна (Москва: Институт всеобщей истории РАН – «Олма-пресс», 2003), стр. 550.

предопределила падение самого М. Нагиба, видевшего политическую роль офицеров, свергших прогнивший королевский режим, как исключительно временную, как своего рода мостик от монархии к парламентской демократии. Однако никто из офицеров, сформировавших 23 июля 1952 года Совет революционного командования (изначально их было десять, но 15 августа того же года в него были включены еще четыре человека), не хотел отказываться от власти и «возвращаться в казармы»; члены этого Совета Г.А. Насер, А.Х. Амер, А. Садат и другие правили страной почти тридцать последующих лет!

После свержения короля Фарука I «Свободные офицеры» запретили все политические партии и организации, кроме «Братьев-мусульман». Но после того, как было опубликовано заявление «верховного наставника» Хасана Худайби (1891–1973) с призывом провести всеобщий референдум в стране по вопросу создания исламского государства в Египте, управляемого по законам шариата, «Свободные офицеры» начали против «Братьев-мусульман» решительную борьбу. В 1954 году два их руководителя – заместитель «верховного наставника» Абдель Кадер Ауда и командир вооруженных групп Ибрагим ат-Таиб – были обвинены в организации покушения на Г.А. Насера и публично повешены, а «верховный наставник» Хасан Худайби приговорен к пожизненному заключению.

Руководство «Братьев-мусульман» уповало на то, что ему удастся повести за собой широкие слои сельского населения, где позиции «Свободных офицеров» изначально были очень слабы. Рассчитывая, что

«Свободные офицеры» будут вынуждены с ними считаться, руководство «Братьев-мусульман» сначала потребовало участия в правительстве, а после отклонения этого требования заявило о своей претензии на создание особого комитета с правом проверки всех принимаемых в стране законов на предмет их совместимости с исламом. «Свободные офицеры» ответили категорическим отказом и сразу же приступили к осуществлению аграрной реформы, значительно ограничившей права крупных землевладельцев, что способствовало существенному росту популярности новой власти среди крестьян³⁷.

Во внешней политике «Свободные офицеры» рассуждали по принципу: «Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим». Уже 12 февраля 1953 года в Каире было подписано англо-египетское соглашение о предоставлении Судану права на самоопределение, что предусматривало вывод из этой страны не только английских, но и египетских войск. После этого в стране прошли выборы в парламент и было сформировано правительство переходного периода самоуправления, а 1 января 1956 года Судан был провозглашен независимым государством. Главной же задачей членов Совета революционного командования Египта был вывод из страны британских войск.

Сразу же после переворота с представителями Великобритании были начаты переговоры по этому

---

³⁷ Евгений Примаков, *Ближний Восток на сцене и за кулисами*, 2-е издание, переработанное и дополненное (Москва: «Российская газета», 2012), стр. 14–16.

вопросу, который обсуждался и с новым госсекретарем США Джоном Фостером Даллесом (John Foster Dulles, 1888–1959), в мае 1953 года совершившим турне по странам Ближнего и Среднего Востока. Американцы поддерживали требования нового руководства Египта, полагая, что после ухода британцев смогут включить эту важнейшую страну, находящуюся на стыке путей между Африкой и Евразией, в орбиту своего влияния. США даже начали осуществлять программу ограниченной финансовой помощи Египту. В Великобритании же, хотя часть депутатов парламента выступала за сохранение военного присутствия в Египте, консервативное правительство во главе с многоопытным Уинстоном Черчиллем, находившееся в то время у власти, взяло курс на заключение соглашения, которое давало бы возможность Лондону поэтапно вывести почти восьмидесятитысячный контингент войск, но закрепляло бы право использовать Суэцкую базу в случае «обострения международной напряженности», критерии которого британцы предполагали определять самостоятельно.

19 октября 1954 года в Каире было подписано соглашение, которым предусматривался вывод британских войск из Египта, в том числе из зоны Суэцкого канала, в течение двадцати месяцев. В случае агрессии против любой арабской страны, которая к моменту подписания соглашения являлась участницей договора о коллективной обороне государств – членов Лиги арабских государств, подписанного в Каире 13 апреля 1950 года, а также против Турции, британские войска могли вернуться на базу. Однако в тексте соглашения была сделана

оговорка, что это право не предусматривается в случае возникновения вооруженных конфликтов между Египтом и другими арабскими странами или военных действий между Египтом и Израилем³⁸, в которых, таким образом, Великобритания, по крайней мере с египетской территории, принимать участие не должна была. Вполне вероятно, что Г.А. Насер согласился на условия британцев, чтобы добиться их готовности вывести войска, не собираясь при этом подписанное соглашение соблюдать. Один из членов Совета революционного командования Египта Халед Мохи эд-Дин (1922–2018) свидетельствовал в своих воспоминаниях, что уже в начале 1954 года Г.А. Насер фактически не скрывал намерений воспрепятствовать, если понадобится, силой, возвращению британских войск на египетскую территорию³⁹. Трудно поверить, что в Лондоне были столь наивны, что об этом не догадывались, но, не имея другого выхода, предполагали, что военная мощь Великобритании позволит добиться своего, когда в этом будет потребность.

Из всего вышесказанного очевидно, что перед «Свободными офицерами» стояли многочисленные и очень сложные задачи, которые не имели к Израилю практически никакого отношения. *Ситуация, при которой между Египтом и Израилем были заключены соглашения о прекращении огня, но не мирный договор,*

---

³⁸ См.: J.A. Hail, *Britain's Foreign Policy in Egypt and Sudan, 1947–1956* (Reading: Ithaca Press, 1996), pp. 159–167.

³⁹ См.: Khaled Mohi El Din, *Memories of Revolution. Egypt 1952* (Cairo: The American University in Cairo Press, 1995), pp. 132–133.

сложилась еще до прихода «Свободных офицеров» к власти, и нет никаких документальных свидетельств того, что это положение их не устраивало.

Вместе с тем важно помнить, что до вступления в организацию «Свободные офицеры» будущие члены Совета революционного командования входили в другие партии и организации, отдельные из которых, как, в частности, *Миср аль-Фатат* [«Молодой Египет»], в 1948 году поддерживали участие в вооруженной борьбе против создававшегося Государства Израиль. Когда король Фарук еще не принял решение о направлении в Палестину регулярных сил, одним из первых в добровольческую армию вступил Мохаммед Камаль эд-Дин Хусейн, а Ануар Садат, Абд эль-Лятиф аль-Багдади и Хасан Ибрагим (все они входили в число четырнадцати членов Совета революционного командования) вошли в группу офицеров, которая по собственной инициативе установила контакт с командующим Арабской армией освобождения Фавзи аль-Каукджи (1890–1977) и предложила ему свои услуги⁴⁰. М. Нагиб, Г.А. Насер и другие лично участвовали в войне против Израиля в составе египетской армии.

После того, как 18 июня 1953 года Египет был провозглашен республикой, а ставший одновременно президентом и премьер-министром Мухаммед Нагиб ликвидировал Регентский совет и объявил о свержении королевской династии Мухаммеда Али, правившей

---

⁴⁰ См.: Татьяна Елистратова, *Революция 1952 года в Египте: идеология и внешняя политика* (Москва: Институт востоковедения РАН, 2007), стр. 75–76.

Египтом на протяжении 142 лет, верховным главнокомандующим стал один из основателей организации «Свободные офицеры» Абд эль-Хаким Амер (1919–1967), до переворота служивший в армии всего лишь в звании майора. Гамаль Абд эль-Насер занял пост министра внутренних дел и заместителя главы правительства, и эта конфигурация власти сохранялась более полугода. С середины апреля по середину ноября 1954 года страна управлялась дуумвиратом: М. Нагиб оставался президентом, но Г.А. Насер занял пост премьер-министра. 14 ноября 1954 года М. Нагиб был освобожден от всех занимаемых им должностей и посажен под домашний арест на вилле, с которой он был освобожден лишь в 1972 году, т.е. уже после смерти Г.А. Насера, последовательно сменившего его на постах председателя Совета революционного командования, премьер-министра и президента.

После прихода к власти в Египте «Свободных офицеров» ими были предприняты меры к тому, чтобы египетско-израильская граница оставалась спокойной. Новое египетское руководство не было заинтересовано в росте напряженности с Израилем⁴¹. Уже в 1953 году между руководителями Египта и Израиля начался обмен посланиями через посредников. М. Нагиб, как можно судить по позиции, изложенной в его книге, требовал от Израиля трех кардинальных уступок, на которые еврейское государство не видело причин и смысла идти.

---

⁴¹ Евгений Примаков, *Ближний Восток на сцене и за кулисами*, стр. 33.

Во-первых, оценив общее число арабских беженцев, покинувших Палестину в ходе войны 1948 года и находившихся в Ливане, Сирии, Иордании и Египте, в 886 тысяч человек, он настаивал на том, что в большинстве своем они должны получить право вернуться в свои дома, деревни и города⁴². В Израиле оправданно считали, что этот шаг приведет к кардинальному изменению демографического баланса, вследствие чего страна превратится из еврейского государства с пятнадцатипроцентным арабским меньшинством в двунациональное, а в следующем поколении, учитывая различия в показателях рождаемости, – преимущественно арабское.

Во-вторых, М. Нагиб требовал отказа Израиля от суверенитета над Южным Негевом, городом Эйлат и заливом на Красном море⁴³ – во имя установления сухопутной границы между Египтом и Иорданией. М. Нагиб, естественно, знал, что, согласно резолюции Генеральной Ассамблеи ООН №181 о разделе Палестины, территория пустыни Негев до берега Красного моря передавалась Израилю. Его позиция состояла, однако, в том, что коль скоро территория Израиля выросла в ходе Войны за независимость с четырнадцати до двадцати тысяч квадратных километров, то Египет может признать аннексию Израилем Северной Галилеи, которая по решению ООН в границы еврейского государства не входила, в обмен на отказ от территории Южного Негева. В Израиле, в свою очередь, считали, что поскольку именно

---

⁴² Mohammed Naguib, *Egypt's Destiny*, p. 228.

⁴³ Там же.

арабские страны и руководство арабов Палестины были инициаторами ведения боевых действий, то ни о каких территориальных уступках страны, в труднейших условиях в войне выстоявшей и победившей, речь идти не может.

В-третьих, Мухаммед Нагиб утверждал, что «если Израиль желает жить в мире со своими арабскими соседями, то он должен остановить неограниченную иммиграцию, подготавливающую будущую военную экспансию»⁴⁴. В Израиле же считали предоставление права всем евреям планеты на иммиграцию в новосозданное еврейское государство не чем-то, что «подготавливает будущую военную экспансию», а едва ли не главным смыслом и оправданием его существования, напоминая, что если бы такое государство было создано на десятилетие раньше, миллионы европейских евреев, безвинно уничтоженных нацистами, смогли бы спастись.

Хотя книга за авторством М. Нагиба была опубликована уже после его отставки, сказанному в ней можно доверять хотя бы потому, что очень похожий «список требований» доставил в Израиль 7 февраля 1953 года Ральф Банч, встретившийся с Давидом Бен-Гурионом, Моше Шаретом, Реувеном Шилоахом и Уолтером Эйтаном. Он сообщил своим израильским собеседникам о своей встрече в Каире с министром иностранных дел Махмудом Фаузи (Mahmoud Fawzi, 1900–1981), в которой участвовали также полковник Махмуд Риад, отвечавший за «израильское направление» в Генеральном штабе Египта, и бывший тогда министром

---

⁴⁴ Там же, стр. 229.

социальной политики опытный дипломат д-р Аббас Мустафа Амар (Abbas Mostafa Ammar), впоследствии работавший одним из заместителей генерального директора Международной организации труда. По словам Ральфа Банча, Махмуд Фаузи выделил три проблемы, требующие разрешения для урегулирования арабо-израильского конфликта:

(1) Палестинские беженцы – египетские руководители были готовы согласиться на то, что они будут расселены в арабских странах и интегрированы в их жизнь, а не получают право на возвращение в Палестину/Эрец-Исраэль, но при этом требовали от Израиля выплатить компенсации беженцам за всё оставленное ими имущество. При этом о компенсации за имущество, оставленное евреями, в 1948–1951 годах иммигрировавшими в Израиль из арабских стран, в том числе из Египта, речь не заходила вообще.

(2) Обеспечение территориальной непрерывности между Египтом и Иорданией, что было возможно лишь при условии отказа Израиля как минимум от части территории пустыни Негев.

(3) Обеспечение статуса Иерусалима как международного города, как это предусматривалось резолюцией №181 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 года. На это Р. Банч возразил, что данный подход противоречит позиции Иордании⁴⁵, на что

---

⁴⁵ О позиции Иордании по вопросу о Иерусалиме после окончания войны 1948 г. см.: Григорий Меламедов и Алек Д. Эпштейн, *Дипломатическая битва за Иерусалим. Закулисная*

египетский министр ответил, что эта тема не является наиболее принципиальной⁴⁶.

Заслуживает внимания тот факт, что, рассказывая послу США в Египте Джефферсону Каффри (Jefferson Caffery, 1886–1974) о своей встрече с Ральфом Банчем, Махмуд Фаузи указал, что Египет будет готов к мирному урегулированию с Израилем при соблюдении двух условий: расселение арабских беженцев и выплата достойных компенсаций их семьям; изменение границ в Южном Негеве, с тем, чтобы он был передан Египту⁴⁷. 7 февраля 1953 года посол Дж. Каффри цитировал в телеграмме в Госдепартамент свою состоявшуюся накануне беседу с министром М. Фаузи: «Он знает, что беженцы никогда не вернутся в Израиль в очень большом количестве, и что они должны быть расселены в арабских государствах. Он сказал: “Мы готовы взять столько, сколько сможем, если UNRWA [Ближневосточное агентство ООН по оказанию помощи палестинским

история (Москва: ИСАА МГУ – Институт Ближнего Востока – «Мосты культуры», 2008), стр. 184–194.

⁴⁶ См. Меморандум Р. Шилоаха Э. Сассону от 11 февраля 1953 г. // Государственный архив Израиля, Документы МИДа, фонд 2453/20; цит. по: Илан Асия, *Фокус конфликта. Борьба за Негев, 1947–1956* (Иерусалим: Институт им. И. Бен-Цви, 1994), стр. 124 [на иврите].

⁴⁷ Телеграмма посла Дж. Каффри в Госдепартамент от 10 февраля 1953 г. приводится в книге: *Foreign Relations of the United States, 1952–1954. Vol. IX. Part 1. The Near and Middle East* (Washington: Department of State, 1986), сноска 2 к документу 560, p. 1121.

беженцам и организации работ] сможет найти реализуемые проекты на Синае”»⁴⁸. На официальном уровне Египет такую позицию ни тогда, ни впоследствии не занимал, продолжая настаивать на праве палестинских беженцев на возвращение на территорию Государства Израиль. В ходе переговоров с западными дипломатами позиция египетских представителей была существенно более реалистичной.

Израильские руководители – и прежде всего, Давид Бен-Гурион (подход Моше Шарета был несколько более компромиссным⁴⁹) – относились к египетским инициативам весьма скептически, и на то было несколько взаимодополняющих причин. Требования об отдаче Египту Южного Негева, которые, в случае их удовлетворения, привели бы к потере Израилем доступа к Красному морю, противоречили не только резолюции №181 Генеральной Ассамблеи ООН, но и фундаментальным израильским интересам. В Израиле не видели никаких конкретных шагов со стороны Египта, направленных на признание еврейского государства и достижение мирного урегулирования с ним; предложения о прямых переговорах на высшем уровне, на чем настаивал Д. Бен-Гурион, египтяне отклоняли. При этом Суэцкий канал был полностью закрыт Египтом для израильского судоходства. В изученных документах не удалось обнаружить свидетельств того, что Ральф Банч

---

⁴⁸ Телеграмма посла Дж. Каффри в Госдепартамент от 7 февраля 1953 г. приводится там же, документ 560, р. 1121.

⁴⁹ См.: Илан Асия, *Фокус конфликта*, стр. 129–131.

или Джефферсон Каффри обращали внимание своих египетских собеседников на это нетерпимое положение или тем более требовали его изменения. Удивительным образом, даже в отправленной в те же самые дни в Вашингтон (с копиями в Париж и в Лондон) телеграмме посла США в Египте, целиком посвященной теме обеспечения свободы судоходства в Суэцком канале, тот факт, что израильские суда этого права лишены, вообще не упоминался⁵⁰.

Во многих книгах справедливо указывается, что переговоры с Израилем стоили жизни президенту Египта Ануару Садату, но к смещению Мухаммеда Нагиба «израильская проблематика» не имела никакого отношения, это была сугубо борьба за власть внутри Совета революционного командования. Не только в публицистической, но и в научной литературе часто переоценивается та роль, которую сложные отношения с Израилем играют в египетской политической жизни, поэтому нужно подчеркнуть: подобно тому, как Израиль никак не был причастен к совершенному «Свободными офицерами» перевороту, приведшему М. Нагиба к власти, так еврейское государство ничем и никак не способствовало его падению. Для Израиля, как и всего остального мира, приход к власти Г.А. Насера стал реальностью, к которой нужно было приспособливаться.

---

⁵⁰ Телеграмма посла Дж. Каффри в Госдепартамент от 11 февраля 1953 г. приводится в книге: *Foreign Relations of the United States, 1952–1954. Vol. IX. Part 1. The Near and Middle East*, документ 565, p. 1129.

Аналогичным образом, египетские руководители не оказали никакого влияния на решение Давида Бен-Гуриона уйти в отставку (как впоследствии оказалось, временную) в январе 1954 года. Занимавшиеся им посты были разделены: главой правительства Израиля стал Моше Шарет, сохранивший за собой пост министра иностранных дел, а министром обороны – Пинхас Лавон (урожденный Лубяникер, 1904–1976), прежде бывший генеральным секретарем Федерации профсоюзов и министром сельского хозяйства. Эти изменения в высших эшелонах власти обеих стран имели кардинальное влияние на динамику двусторонних отношений.

Во многих источниках, в т.ч. в книге Е.М. Примакова «Ближний Восток на сцене и за кулисами», утверждается, что, придя к власти, Г.А. Насер уполномочил работавшего в Париже Абд эль-Рахмана Садека вести тайные и деликатные контакты с Израилем: «Вначале Насер установил связь с Израильским комитетом мира, созданным в Париже. Получив позитивную реакцию из Тель-Авива, он решил перевести этот контакт на постоянную основу, назначив для его осуществления Абд эль-Рахмана Садека — атташе египетского посольства во Франции»⁵¹. Опуская то, что столицей Государства Израиль, где находились и находятся и Администрация главы правительства, и Министерство иностранных дел, является Иерусалим, заметим, что первое сообщение от А.Р. Садека поступило в Израиль еще 26 октября 1952

---

⁵¹ Евгений Примаков, *Ближний Восток на сцене и за кулисами*, стр. 33–34. В этой книге фамилия транскрибируется как Сабик.

года⁵², спустя три месяца после совершенного в Каире переворота и за два года до отставки М. Нагиба! Д. Бен-Гурион в тот же день сделал соответствующую запись в своем дневнике. Партнером А.Р. Садека по переговорам был Шмуэль Дибон (урожденный Шмуэль Залман Зеликсон, 1917–2003), в конце британского мандата возглавлявший арабский отдел разведывательной службы «Хаганы», в 1949 году возглавивший Ближневосточный департамент МИДа Израйля, а в 1952 году назначенный первым секретарем израильского посольства в Париже. Впоследствии Ш. Дибон последовательно занимал должности посла Израйля в Эфиопии, Бразилии и Турции. Учитывая, что в 1951 году в качестве руководителя Ближневосточного департамента МИДа он несколько раз встречался с членом египетской делегации в ООН Махмудом Азами, не приходится удивляться, что именно через него велись контакты с Абд эль-Рахманом Садеком, действовавшим с санкции Мухаммеда Нагиба и по его поручению. Другим партнером по переговорам с египетской стороны был Ахмед Абуд, один из руководителей компании по эксплуатации Суэцкого канала. А. Абуд сообщал Ш. Дибону о заинтересованности М. Нагиба в достижении урегулирования с Израилем.

1 февраля 1953 года Шмуэль Дибон доложил Реувену Шилоаху, к тому времени уже ушедшему в отставку с поста главы Службы внешней разведки «Моссад», но занимавшему пост главы Комитета руководителей спецслужб, о том, что, согласно сообщению А.Р. Садека,

---

⁵² См.: Илан Асия, *Фокус конфликта*, стр. 123.

хотя египетские власти будут продолжать придерживаться прежней риторики, на практике они не против сотрудничества с Израилем. Интерес египетской стороны вызывало возможное приобретение Израилем товаров египетского производства, прежде всего – изделий из хлопка. Ключевой же запрос египетских руководителей вызывал крайнее удивление: речь шла о том, чтобы Израиль употребил свое влияние на Администрацию США и американское общественное мнение, побудив их поддержать требование Египта о выводе из этой страны британского воинского контингента. Горькая правда состояла в том, что, учитывая крайне холодное отношение как Гарри Трумэна, так и сменившего его в январе 1953 года на посту президента Дуайта Эйзенхауэра к еврейскому государству и лично к Давиду Бен-Гуриону⁵³, реального влияния в Вашингтоне у израильских руководителей и дипломатов в то время не было, а американские еврейские организации отнюдь не видели своей главной задачей продвижение израильских интересов и не ждали распоряжений из Иерусалима; тем более не под влиянием Израиля американцы выстраивали свои отношения с Великобританией – государством для них несопоставимо более важным и значимым. Если в Каире считали по-другому, то это однозначно свидетельствовало о грандиозной переоценке египетскими

---

⁵³ Подробнее об этом см.: Алек Д. Эпштейн, *Ближайшие союзники? Подлинная история американо-израильских отношений* (Москва: Институт Ближнего Востока – «Мосты культуры», 2014), том I, стр. 97–150.

руководителями возможностей их израильских коллег. Не забудем, что в то время в Каире по линии Центрального разведывательного управления работал внук 26-го президента США Теодора Рузвельта, Кермит (Ким) Рузвельт (Kermit Roosevelt, 1916–2000), установивший весьма доверительные отношения с Г.А. Насером и имевший прямой выход на директора ЦРУ Алена Даллеса (1893–1969), родной брат которого, Джон Фостер Даллес, в январе 1953 года стал государственным секретарем США. Получая информацию напрямую как от многоопытного посла Джефферсона Каффри, для которого работа в Каире стала шестым посольским назначением (до этого он успел поработать в Сальвадоре, Колумбии, на Кубе, в Бразилии и во Франции), так и от Кермита Рузвельта, американским руководителям не было нужды выспрашивать «экспертное мнение» израильтян о новых руководителях, пришедших к власти в Египте вследствие переворота 1952 года. К тому же, если говорить начистоту, в самом израильском руководстве не сложилось единого мнения по данному вопросу: Моше Шарет, Реувен Шилоах и Элияху Сассон считали, что произошедший в Египте переворот дает надежду на достижение мирного урегулирования с этой страной, тогда как Давид Бен-Гурион и входившие в его «ближний круг» Моше Даян, Шимон Перес и Пинхас Лавон опасались, что пришедшие к власти в Каире военные будут склонны к шагам, угрожающим безопасности Израиля⁵⁴.

---

⁵⁴ См.: Hesi Carmel, “Reuven Shiloah – Master of the Covert Contact: The First Attempt to Organize a Summit Meeting between Moshe

В первой половине мая 1953 года А.Р. Садек передал Ш. Дибону адресованное ему, но по сути направлявшееся израильским руководителям, письмо, подписанное самим Г.А. Насером. Ш. Дибон перевел этот документ на иврит и переслал его Р. Шилоаху. Г.А. Насер декларировал, что у Египта нет агрессивных намерений в отношении Израиля, после чего вновь поднял вопрос о том, чтобы Израиль использовал свое влияние в США для поддержки египетских требований, направленных против Великобритании. Показательна приписка, которую сделал Ш. Дибон, передавая письмо Г.А. Насера Р. Шилоаху: «Гидеон и я считаем, что американцам не следует сообщать ничего»⁵⁵. Гидеон Рафаэль (урожденный Руффер, 1913–1999) как раз незадолго до этого вернулся в Иерусалим из США, где он на протяжении пяти лет входил в состав израильской делегации в ООН, получив назначение на пост советника министра иностранных дел по Ближнему Востоку и ООН. Впоследствии Г. Рафаэль был послом Израиля в Бельгии и Великобритании, постпредом в ООН, а в 1967–1972 годах занимал пост генерального директора Министерства иностранных дел.

Вопреки его образу в массовом сознании, в очень значительной мере сложившемуся под влиянием событий первой половины 1967 года, о чем, разумеется, будет

Sharett and Gamal Abdul Nasser”, in: Hesi Carmel (ed.), *Intelligence for Peace* (London: Frank Cass, 1999), pp. 51–52.

⁵⁵ Меморандум Ш. Дибона Р. Шилоаху от 12 мая 1953 г. // Государственный архив Израиля, Документы МИДа, фонд 2453/20; цит. по: Илан Асия, *Фокус конфликта*, стр. 125.

подробно сказано в одной из следующих глав настоящей книги, изначально Г.А. Насер отнюдь не был идеологом, стремившимся «сбросить Израиль в море». В 1948–1949 годах, будучи майором, а затем полковником египетской армии, Г.А. Насер конструктивно и человечно взаимодействовал с израильскими офицерами, в т.ч. с главным раввином Армии обороны Израиля Шломо Гореном (1918–1994); когда у Г.А. Насера родился сын, то Иерухам Коэн (1916–1991), бывший во время Войны за независимость адъютантом командующего Южным фронтом Игаля Аллона, а в начале 1960-х – послом Израиля в Либерии, отправил в Каир памятный подарок, в ответ на который через посредников получил благодарственную записку и набор сладостей из каирской кондитерской *Groppi Café*⁵⁶. По воспоминаниям Ури Авнери (урожденный Хельмут Остерман, 1923–2018), став главой государства, Г.А. Насер пригласил Й. Коэна посетить его в Каире, однако, прежде чем принять это приглашение, израильский офицер обратился за соответствующим разрешением. Согласно этому источнику, М. Шарет ответил: «Если Насер хочет вести диалог с Израилем, он должен обратиться в Министерство иностранных дел»⁵⁷; поездка, таким образом, не состоялась.

---

⁵⁶ Об этом он сам рассказал в книге воспоминаний: Йерухам Коэн, *Средь бела дня и в темноте* (Тель-Авив, 1969 [на иврите]).

⁵⁷ Uri Avnery, “Nasser and Me”, October 2, 2015, Интернет-портал <https://www.counterpunch.org/2015/10/02/nasser-and-me/>

В декабре 1953 года в беседе с британским министром труда Ричардом Кроссманом Г.А. Насер объявил, что у него нет желания уничтожить Израиль и что «идея выбросить евреев в море – пропаганда»⁵⁸. 20 августа 1954 года он сказал интервьюировавшему его корреспонденту *New York Times*, что «арабы не планируют нападать на Израиль»⁵⁹. В октябре 1954 года в ходе переговоров, которые вели в Париже Реувен Шилоах и Элияху Сассон с тогдашним военным атташе в посольстве Египта во Франции полковником Сарватом Окаша (Tharwat Okasha, 1921–2012)⁶⁰, очевидно действовавшим с санкции Г.А. Насера, было получено согласие на то, чтобы торговые суда под иностранными флагами шли в Израиль через Суэцкий канал⁶¹.

Не был Г.А. Насер и ярым сторонником ориентации на Советский Союз; по свидетельству сотрудника «Моссада» Хези Кармеля (1936–2007), «руководители ЦРУ считали Насера важным партнером в выстраивании

---

⁵⁸ Michael Sharnoff, *Nasser's Peace. Egypt's Response to the 1967 War with Israel* (New York: Transaction Publishers, 2017), p. 9.

⁵⁹ Цит. там же.

⁶⁰ Выбор переговорщика с египетской стороны представляется весьма интересным. Родившийся в аристократической семье Сарват Окаша знал несколько языков, любил и прекрасно разбирался в искусстве; позднее он защитил докторскую диссертацию в Сорбонне и на протяжении многих лет был министром культуры Египта.

⁶¹ См.: Hesi Carmel, "Reuven Shiloah – Master of the Covert Contact", p. 54.

антисоветской системы обороны, которую они создавали, двумя первыми компонентами которой были Ирак и Турция»⁶². Однако начиная с конца 1954 года курс Г.А. Насера как в отношении Израиля, так и в отношении места и роли Египта в противостоянии великих держав на Ближнем Востоке изменился, причем очень существенным образом.

Трудно выделить какую-то одну причину этих перемен; скорее, имеет смысл попытаться проанализировать комплекс факторов, последовательно, но достаточно быстро приведших к подобному развитию событий.

Как указывалось выше, участники переворота «Свободных офицеров» пользовались определенной поддержкой со стороны США. Для Г.А. Насера было крайне важно привлечь американцев к давлению на англичан, чтобы они вывели свои войска из Египта. Американцы были готовы поддержать эти требования, но в ответ настойчиво подталкивали новых руководителей Египта к переориентации их внешней политики на США. Г.А. Насер же стремился к обеспечению политической и военной независимости Египта как от Великобритании, так и от США или любой другой страны.

Представляется, что американцы сделали большую ошибку, обусловив экономическую и военную помощь Египту согласием этой страны на вступление в создававшийся ими совместно с британцами Ближневосточный военно-политический союз. 24 февраля

---

⁶² Там же, р. 53.

1955 года в Багдаде был подписан военный пакт между Ираком и Турцией, к которому 4 апреля присоединилась Великобритания, 23 сентября – Пакистан, а 3 ноября – Иран. Под предлогом «совместной обороны» Багдадский пакт фактически использовался Великобританией и США для создания на территориях стран-участниц военных баз, контроля над их экономическими ресурсами и вооруженными силами⁶³.

Руководители США, Британии и Турции пытались склонить Египет (равно как и Сирию) присоединиться к Багдадскому пакту, но безуспешно. Г.А.Насер не без оснований считал созданную в Багдаде Организацию центрального договора (англ. The Central Treaty Organization, CENTO) попыткой Великобритании и США продолжать контролировать государства Ближнего и Среднего Востока, пусть и ставшие де-юре независимыми – и потому он категорически не хотел принимать участие в этом проекте. Он стремился не к партнер–клиентским, а к партнерским отношениям с США и другими странами. Хотя в марте 1954 года Египет и СССР преобразовали свои дипломатические миссии в посольства (было подписано и торговое соглашение между двумя странами), еще нельзя было говорить ни о просоветской ориентации Египта, ни о вхождении этой страны в орбиту влияния СССР.

Непреклонное стремление Г.А.Насера к отстаиванию независимости Египта способствовало существенному укреплению его авторитета в странах,

---

⁶³ См.: Richard Jasse, “The Baghdad Pact: Cold War or Colonialism” // *Middle Eastern Studies*, vol. 27, no. 1 (1991), pp. 140–156.

которые, как и Египет, обрели государственный суверенитет в результате распада мировой колониальной системы. На прошедшей 18–24 апреля 1955 года в городе Бандунг в Индонезии конференции стран Азии и Африки Г.А. Насер, возглавлявший египетскую делегацию, выдвинулся, наряду с Д. Неру и Сукарно, на роль неформального лидера государств «третьего мира»⁶⁴.

У израильских руководителей было неоднозначное отношение к факту пребывания на территории Египта британских войск. Все годы Холокоста, несмотря на всю информацию, публиковавшуюся о злодеяниях нацистов, британские власти держали ворота Палестины/Эрец-Исраэль закрытыми для еврейской иммиграции. Целый ряд руководителей еврейской общины, включая Моше Шарета, в последние годы британского мандатного правления были арестованы и находились в заключении, многие сотни человек были высланы, десятки казнены или убиты при задержании. Никто не забыл и факт активного участия британских офицеров в составе Арабского легиона, воевавшего против Израиля в его Войне за независимость. Не забудем о том, что карты разведения войск, прилагавшиеся к иордано-израильскому соглашению, заключенному на острове Родос 3 апреля 1949 года, с израильской стороны подписал Моше Даян, а вот с иорданской – британский генерал

---

⁶⁴ См.: Анатолий Агарышев, *Насер* (Москва: «Молодая гвардия», 1979), стр. 111–112.

Джон Глабб (John Bagot Glubb, 1897–1986), который с 1937 по 1956 годы командовал Арабским легионом⁶⁵.

С другой стороны, Великобритания все же была предсказуемой страной, от которой невозможно было ждать внезапного нападения на Израиль, как на него напали, скажем, Египет и Сирия 6 октября 1973 года. Поэтому, при всех оговорках, в Израиле считали пребывание на территории Египта значительного британского воинского контингента фактором в целом положительным, полагая, что его наличие оказывает сдерживающее влияние, сковывая экспансионистские настроения египетского офицерского корпуса, многие представители которого хотели взять реванш за поражение в войне 1948 года; о понимании этих настроений неоднократно говорил и сам Д. Бен-Гурион⁶⁶. Поэтому заключение 19 октября 1954 года соглашения о выводе британского контингента из Египта в Израиле было воспринято с большой тревогой. Беспокоили руководителей еврейского государства и усилия представителей США и Великобритании по созданию военного союза с мусульманскими странами Ближнего и Среднего Востока, куда настойчиво зазывали вступить Египет, но куда никто не приглашал Израиль. При том,

---

⁶⁵ См.: Моше Даян, *Этапы пути. Автобиография*, стр. 88.

⁶⁶ См., например, выступление Д. Бен-Гуриона на заседании ЦК Партии Труда 15 декабря 1955 г., фрагмент которого цит.: Заки Шалом, *Давид Бен-Гурион, Государство Израиль и арабский мир, 1949–1956* (Сде-Бокер: Университет им. Д. Бен-Гуриона в Негеве, 1995), стр. 56 [на иврите].

что все просьбы о поставках Израилю американского оружия администрацией Д. Эйзенхауэра отклонялись.

Особое беспокойство высказывал Пинхас Лавон, работавший с января 1954 года на посту министра обороны; он даже предлагал, чтобы Израиль в одностороннем порядке вышел из подписанного на Родосе соглашения о прекращении боевых действий с Египтом. Он был готов отдать армии приказ о захвате сектора Газа, но ни Моше Шарет, ни Голда Меир (урожд. Мабович, 1898–1978), ни Залман Аран (урожд. Ааранович, 1899–1970), бывшие в то время наиболее влиятельными членами правительства, эти идеи не поддержали⁶⁷.

Изучая ретроспективно всю совокупность шагов, предпринятых в Израиле в 1954 году, уместно задаться вопросом о том, были ли они скоординированы между собой – и ответ будет, к сожалению, отрицательным. Подобная несогласованность действий привела к контрпродуктивным, а в отдельных случаях – трагическим, результатам.

Первым (и наименее известным даже специалистам) из шагов, которые уместно вспомнить в этой связи, было направление Гидеоном Рафаэлем в Женеву сына Элияху Сассона, Моше Сассона (1925–2006), с целью создания некоего центра по налаживанию контактов с деятелями египетской оппозиции, мечтавшими свергнуть режим Г.А. Насера. Среди тех, с кем встречался М. Сассон, были

---

⁶⁷ См.: *Моше Шарет – Второй глава правительства. Избранные документы*, под ред. Луизы Фишер (Иерусалим: Государственный архив Израиля, 2007), стр. 506 [на иврите].

руководитель европейского бюро старейшей в Египте (основана в 1924 году) и оппозиционной Г.А. Насеру национал-либеральной партии *Хизб аль-Вафд* [Партия делегации] Махмуд Абу эль-Фаттах и его брат Мухаммед, из Монте-Карло руководивший радиостанцией распущенной новым режимом партии, а также Али Махир, в разные периоды с 1936 по 1952 годы четырежды занимавший пост главы правительства Египта, в том числе и сразу после переворота «Свободных офицеров»⁶⁸. Однако надежды на то, что кто-то из этих людей придет на смену Г.А. Насеру, оказались тщетными.

Другим шагом, инициированным Министерством иностранных дел (хотя, насколько можно судить, по предложению командующего военной разведкой Биньямина Гибли, 1919–2008), стало направление израильского судна «Бат галим» [«Дочь волн»] в Суэцкий канал⁶⁹. В Константинопольской конвенции по Суэцкому каналу от 1888 года содержались четкие обязательства обеспечить свободу торгового судоходства, однако египетские власти не позволяли израильским судам проходить через канал. Подписание на Родосе соглашения о прекращении огня не изменило этого положения дел.

Израиль неоднократно жаловался в Совет Безопасности ООН, который 1 сентября 1951 года принял

---

⁶⁸ См.: Моше Сассон, «О мирных переговорах с соседями (личное видение)», стр. 110.

⁶⁹ См.: Эфраим Лапид, «Корабль “Бат галим” – тест, который не преуспел», портал *Israel Defense*, 28 сентября 2019 г. [на иврите], <https://www.israeldefense.co.il/he/node/40325>

резолюцию №95, в которой, «отмечая, что ... египетское правительство не последовало настоятельному призыву ... о том, чтобы оно прекратило свою практику препятствования прохождению через Суэцкий канал товаров, предназначенных для Израиля», заявил, что «подобная практика является злоупотреблением ... и не может быть оправдана...». Совет Безопасности отметил также, что «ограничения движения товаров в израильские порты через Суэцкий канал лишают страны, никогда не имевшие отношения к палестинскому конфликту, ценных материалов, необходимых для их экономического восстановления, и что эти ограничения вместе с санкциями, применяемыми Египтом в отношении некоторых судов, которые заходят в израильские порты, представляют собой неоправдываемое нарушение прав государств на мореплавание и свободную торговлю друг с другом, включая арабские государства и Израиль». Совет Безопасности ООН призывал Египет «отменить ограничения международного торгового судоходства и следования товаров любого назначения через Суэцкий канал и прекратить чинить какие бы то ни было препятствия такому судоходству»⁷⁰.

Египетские власти данную резолюцию Совета Безопасности откровенно проигнорировали. Хуже того: захватив в январе 1950 года острова Тиран и Санафир (лишь в 2017 году они были возвращены Саудовской Аравии), которые располагаются в устье Акабского

---

⁷⁰ Эта резолюция была принята восемью голосами при трех воздержавшихся (Индия, Китай, СССР); голосов против не было.

(Эйлатского) залива, египтяне блокировали и израильское судоходство в Эйлат через Тиранский пролив.

Идея направить корабль через Суэцкий канал, чтобы привлечь внимание международного сообщества к этой проблеме, зрела в израильском руководстве достаточно долго. Не то, чтобы присутствие в районе Суэцкого канала британских войск (а их базы находились там с 1882 года) чем бы то ни было помогало израильскому судоходству, но в Израиле считали, что их присутствие дает хоть какую-то надежду на разрешение этого конфликта, которой в противном случае не будет вообще. Именно поэтому, на фоне множасьихся свидетельств о скором подписании англо-египетского соглашения, правительство Израиля в августе 1954 года приняло решение действовать.

12 августа 1954 года израильской компанией «Дольфин» было приобретено судно, построенное в Голландии в 1932 году и плававшее под коста-риканским флагом. Судно получило новое название – «Бат галим». Было оговорено, что покупатели получают корабль в порту Массауа на Красном море (в 1952–1990 гг. этот город находился в составе Эфиопии, с тех пор – в Эритрее). 20 сентября 1954 года корабль вышел в путь со 165 тоннами грузов сутубо гражданского назначения на борту. Когда 28 сентября судно подошло к южному входу в Суэцкий канал, то было задержано, а находившиеся на нем десять членов команды арестованы; власти Египта обвинили израильских моряков в якобы совершенном ими убийстве двух египетских рыбаков. Хотя совместная Израильско-египетская комиссия по соблюдению условий перемирия, созданная для контроля за реализацией Родосского

соглашения (в нее входили по три офицера с каждой стороны и представитель UNTSO), оперативно установила, что эти обвинения абсолютно беспочвенны, задержанные не были освобождены. Напротив, 30 сентября члены экипажа корабля были отправлены в военную тюрьму в Каире, где их избивали и пытали, пока на следующий день они не были переведены в гражданскую тюрьму⁷¹.

В Израиле прикладывали большие усилия, чтобы добиться освобождения задержанных. 7 декабря 1954 года власти Египта объявили о намерении освободить экипаж корабля «Бат галим», но это произошло только 1 января 1955 года: десять моряков были привезены на египетско-израильскую границу недалеко от сектора Газа, которую они пересекли пешком⁷². Израиль требовал, чтобы египтяне освободили не только экипаж, но и корабль – и позволили ему продолжить путь, но добиться этого так и не удалось. Корабль «Бат галим» оставался на пирсе в городе Порт-Ибрагим в течение многих лет, пока не был потоплен египтянами в ходе войны в июне 1967 года. До подписания мирного договора между Израилем и Египтом (а это случилось только в 1979 году) Суэцкий канал оставался закрытым для израильского судоходства.

Страдания, безвинно перенесенные арестованными моряками в Египте, стали причиной серьезной критики в адрес правительства в Израиле. Лидер оппозиционной Партии Свободы Менахем Бегин (1913–1992) опубликовал

---

⁷¹ См.: Бенни Моррис, *Приграничные войны Израиля, 1949–1956* (Тель-Авив: «Ам овед», 1996), стр. 351 [на иврите].

⁷² *Моше Шарет – Второй глава правительства*, стр. 507–508.

30 декабря 1954 года в еженедельнике «*Ха'олам ха'зе*» [«Этот мир»] статью, в которой говорилось: «Фактом является то, что правительство не подготовило никакого ответа на арест корабля “Бат галим” в Суэцком канале, а без такого планирования ни одна операция, имеющая политический стратегический характер, не может быть успешной. В отсутствие плана действий при подобном развитии событий [а оно было ожидаемым] было бы лучше вообще не посылать “Бат галим” в Суэцкий канал. Это недопустимое легкомыслие и поиск приключений в самом негативном смысле этих слов».

Однако куда больший политический скандал вызвало другое авантюрное решение, принятое и реализованное в том же 1954 году. До сих пор нет полной ясности в вопросе о том, кто – начальник военной разведки Биньямин Гибли или министр обороны Пинхас Лавон – приняли его, но нет никаких сомнений в том, что глава правительства Моше Шарет операцию «Сюзанна» не санкционировал и о ней даже не был проинформирован.

В 1951 году офицер израильской военной разведки Авраам Дар (1925–2019), живший и работавший в Египте под вымышленным именем Джон Дарлинг, сумел организовать агентурную сеть, состоявшую из местных евреев. В начале 1954 года Аври Эльад (урожденный Зайденберг, 1925–1993) был направлен в Египет, чтобы превратить эту сеть в диверсионную. План, который разработали руководители военной разведки Биньямин Гибли и Мордехай Бенцур (1921–2003), состоял в том, чтобы устроить в Каире и Александрии серию взрывов в общественных местах, что, как они надеялись, должно

было дать понять западным державам насколько нестабильна обстановка в Египте — осознание этого должно было побудить Лондон пересмотреть решение о выводе войск из зоны Суэцкого канала.

Первое небольшое взрывное устройство взорвалось 2 июля 1954 года в почтовом отделении в Александрии, что вызвало пожар. 14 июля 1954 года были приведены в действие легковоспламеняющиеся бомбы в американских библиотеках в Каире и Александрии. 23 июля 1954 года Филипп Натанзон (1933–2004) был схвачен по пути в британский кинотеатр «Рио» в Александрии, где он должен был взорвать самодельную бомбу, которая взорвалась чуть раньше прямо в его руках. Ф. Натанзона отвезли в больницу, где, после оказания первой помощи, он был допрошен; его пытали, а в его квартире провели обыск. Вскоре были арестованы все тринадцать членов сети, в т.ч. израильский офицер Меир (Макс) Бинет (1917–1954), покончивший с собой в тюрьме (как и еще один арестованный, Йосеф Кармона).

11 декабря 1954 года начался судебный процесс, который египетские власти стремились сделать максимально публичным. В Израиле все обвинения в адрес арестованных были объявлены клеветническими; вместе с тем, Моше Шарет, проинформированный, наконец, в начале октября 1954 года (после сообщения об аресте группы, переданного радио Каира) об этой провалившейся операции военной разведки, 21 декабря 1954 года обратился с личным посланием к Г.А. Насеру с выражением надежды на то, что никому из подсудимых не

будет вынесен смертный приговор⁷³. Однако именно к казни через повешение были приговорены 27 января 1955 года врач-хирург Моше Марзук и инженер Шмуэль Азар; 31 января они были казнены. Остальные провели многие годы в тюрьме и на каторге и смогли прибыть в Израиль лишь в 1968 году, уже после Шестидневной войны.

К тому времени целым рядом посредников предпринимались попытки организовать личную встречу Насера и Шарета: это пытались сделать, в частности, посол Индии в Каире историк К.М. Паникар и ставший впоследствии премьер-министром Мальты Доминик Минтофф⁷⁴. В последние месяцы 1954 года в ходе контактов Р. Шилоаха и Э. Сассона с С. Окаша был согласован приезд в Каир на встречу с Г.А. Насером личного представителя главы правительства Израиля; М. Шарет выбрал таковым Игалия Ядина (1917–1984), в 1949–1952 гг. возглавлявшего Генеральный штаб израильской армии, в то время находившегося в Лондоне, где он работал над докторской диссертацией по археологии. Встреча планировалась на конец января 1955 года, однако после вынесенных судом в Каире приговоров М. Шарет отказался от нее, сказав: «Мы не будем вести переговоры в тени виселиц»⁷⁵. Последние надежды на политический диалог развеялись как дым.

---

⁷³ См.: *Моше Шарет – Второй глава правительства*, стр. 510.

⁷⁴ См.: Евгений Примаков, *Ближний Восток на сцене и за кулисами*, стр. 35–36.

⁷⁵ См.: Hesi Carmel, “Reuven Shiloah – Master of the Covert Contact”, pp. 54–56.

ОБОСТРЕНИЕ ИЗРАИЛЬСКО-ЕГИПЕТСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ И ПЕРВОЕ СОВЕТСКО- ЕГИПЕТСКОЕ ВОЕННОЕ СОГЛАШЕНИЕ

С самого окончания Войны за независимость существовала проблема, доставлявшая большое беспокойство десяткам тысяч израильтян – незаконное пересечение границ еврейского государства арабами из соседних стран. Вопреки тому, что принято думать, чем дальше, тем больше это были отнюдь не палестинские беженцы. Действительно, в 1948–1949 годах сотни тысяч палестинских арабов покинули места своего проживания и многие из них стремились вернуться. По решению израильского правительства жены и несовершеннолетние дети «арабских кормильцев, законным образом проживающих на территории Израиля», а также лица, чьи просьбы могли быть удовлетворены по гуманитарным соображениям, получили право на возвращение; в 1949–1956 годах так воссоединились со своими родственниками 35 тысяч человек. Однако чем дальше, тем больше границы Израиля переходили не те, кто хотел вернуться в места своего прежнего проживания. Всё больше было вылазок с целью грабежа и диверсий, порой сопровождавшихся человеческими жертвами.

Массовое проникновение в страну арабов из Иордании и Египта вызывало у израильтян, в особенности у жителей населенных пунктов, расположенных недалеко от линий прекращения огня, серьезное беспокойство.

Постепенно стало нарастать ощущение, что государство, созданное, прежде всего, с целью обеспечения безопасности еврейского народа и предоставления ему надежного убежища, не справляется с этой задачей. Тогдашний министр обороны Пинхас Лавон, выступая 15 апреля 1954 года перед соратниками по руководству Партией Труда, сравнил ситуацию, создавшуюся в Израиле, с самыми тяжелыми для евреев днями в диаспоре: «Если сегодня ребенок в киббуце боится вечером пройти от столовой до спальни, то еще три-четыре года такой жизни – а ведь такая жизнь может продолжаться годы – превратят нас в общество, живущее по законам гетто»⁷⁶.

Расследование инцидентов демонстрировало, что руководители стран, с которыми у Израиля наиболее протяженные границы – Египет и Иордания, – относились к этой проблеме весьма и весьма различно. Со временем росла убежденность в том, что власти Иордании были заинтересованы в прекращении или, как минимум, сильном сокращении количества нарушений границ Израиля. Меир Амит (урожденный Слуцкий, 1921–2009), который в то время командовал Южным военным округом, а в 1963–1968 годах возглавлял «Моссад», писал впоследствии: «Террористические акции совершались и со стороны иорданской границы, но не потому, что иорданцы их инициировали, а потому, что они были не в состоянии

---

⁷⁶ Цит. по: Заки Шалом, *Военно-политические дилеммы в первое десятилетие Израиля* (Раанана: Открытый университет Израиля, 2007), стр. 105 [на иврите].

контролировать действия террористов, которых зачастую засылали египтяне»⁷⁷.

В конце 1954 – начале 1955 годов наметились перемены в отношении израильских руководителей к массовым нарушениям границы, вызванные изменением характера действий проникавших в страну арабов. Число актов насилия, в которых были замешаны нарушители границ, росло, причем диверсии и грабежи устраивались не только в пограничных населенных пунктах, но и в глубине израильской территории. В израильских силовых структурах, внимательно анализировавших происходившее, крепла убежденность в том, что деятельность проникавших в страну боевиков не была спонтанной, а координировалась теми или иными военными структурами соседних стран. Генерал Меир Амит писал, что «если первые вылазки совершались арабскими беженцами, покинувшими свои дома в ходе Войны за независимость, то действия террористов в 1954–1955 годах были организованы египтянами. С помощью террора египтяне надеялись ослабить Израиль, не вступая в полномасштабную войну с ним»⁷⁸.

Израильское руководство считало, что арабские государства, с территории которых нарушители проникают в Израиль, несут полную ответственность за их действия и ее результаты. Вследствие террористических

---

⁷⁷ Меир Амит, «Синайская кампания – первый экзамен ЦАХАЛа как регулярной армии» // «*Маарахот*» [«Битвы»], №306 (1986), стр. 2 [на иврите].

⁷⁸ Там же.

актов и вызванных ими тяжелых чувств тревоги и неуверенности, которые испытывало еврейское население Израиля, в руководстве страны возобладало мнение о необходимости проведения ответных военных операций, получивших название «акций возмездия». Аргументация в пользу их проведения основывалась на том, что Израиль не в силах предотвратить проникновение боевиков исключительно защитными мерами, ибо для этого потребовалась бы полная мобилизация весьма ограниченных людских, финансовых и военных ресурсов. Это неминуемо привело бы к тому, что гражданская сфера оказалась парализована, а значительная часть израильтян превратилась в солдат, находящихся на службе большую часть времени. Израиль не мог пойти по этому пути, вследствие чего возобладала точка зрения, согласно которой нужно действовать таким образом, чтобы сами арабские государства принимали меры по прекращению – или хотя бы заметному сокращению – случаев нелегального проникновения арабов в Израиль⁷⁹.

Ставший в 1953 году начальником Генерального штаба Моше Даян, который, собственно, и инициировал проведение «операций возмездия», объяснял: «У наших военных не было возможности преследовать террористов за границей, проводить следствие и дознание в их странах, арестовывать и наказывать этих людей. Только армия и полиция их собственных стран с помощью имеющейся у них информации – до совершения акций и после них –

---

⁷⁹ См.: Заки Шалом, *Военно-политические дилеммы в первое десятилетие Израиля*, стр. 109–112.

способны выследить и арестовать нарушителей. И только когда это произойдет, когда нарушители понесут наказание, есть шанс, что они поймут: воровство, грабежи и убийства не приведут к желаемым результатам»⁸⁰.

Министр обороны Пинхас Лавон поддерживал позицию Моше Даяна, но бывший в 1954–1955 годах главой правительства Моше Шарет считал, что проведение «акций возмездия» лишит Израиль шанса на мирное урегулирование с арабскими странами, в которое он верил и над достижением которого неустанно (хотя и без особых достижений) работал. Вновь и вновь возвращаясь к обсуждению этой темы, на протяжении первого года своего пребывания в должности М. Шарет в значительной мере блокировал проведение «акций возмездия». Но 21 февраля 1955 года в связи с расследованием провала израильской диверсионной сети в Египте Пинхас Лавон ушел с поста министра обороны; его вновь занял Давид Бен-Гурион, который, полностью поддерживая Моше Даяна, себя подчиненным Моше Шарета не чувствовал.

Уже через неделю, 28 февраля 1955 года, отряды израильских десантников провели широкомасштабную операцию в секторе Газа. Формально эта операция была совершена в ответ на целый ряд актов насилия, в том числе проникновение на военный объект в городе Ришон-ле-Цион, сопровождавшееся кражей карт и документов, и

---

⁸⁰ Цит. выступление Моше Даяна перед офицерским корпусом «Военные действия в дни мира» // «Бе'махане» [«В лагере»], номера от 5 и 14 сентября 1955 г. [на иврите].

убийство велосипедиста в городе Реховот группой боевиков, проникших из сектора Газа; по сути же это во многом был «ответ» Г.А. Насеру на казнь Моше Марзука и Шмуэля Азара, потрясшую израильское общество. Моше Даян лаконично написал в своих воспоминаниях о том, что «армия отреагировала», ибо «у нас было много причин свести счеты с Египтом»⁸¹. Правительство предварительно обсуждало и эту операцию (получившую кодовое название «Черная стрела»), но при изменившейся политической конфигурации у Моше Шарета не было выхода, и он присоединился к мнению большинства; в своем дневнике он записал: «Я одобрил этот план. Проникновение террористов в Реховот, примерно за тридцать километров от границы с сектором Газа, потрясло общество; не ответить на это невозможно»⁸².

27 февраля 1955 года Давид Бен-Гурион и Моше Даян встретились с Моше Шаретом для обсуждения деталей планировавшейся операции, командовать которой должен был Ариэль Шарон (урожденный Шейнерман, 1928–2014) – будущий министр обороны и глава правительства Государства Израиль. Буквально накануне ему только исполнилось 27 лет, и жаль, что для руководства столь серьезной боевой операцией не был подобран более опытный офицер. Оценивая масштабы операции, М. Даян высказал мнение, что в ходе нее будут убиты «примерно десять» египетских военных; Д. Бен-

---

⁸¹ См.: Моше Даян, *Этапы пути. Автобиография*, стр. 142.

⁸² Цит. по: Заки Шалом, *Военно-политические дилеммы в первое десятилетие Израиля*, стр. 123.

Гурион указал, что цель операции – не солдаты и офицеры египетской армии, а военные объекты⁸³. И действительно, в приказе начальника Генштаба десантникам, выполнявшим операцию, говорилось, что следует «поражать солдат противника лишь в том случае, если они мешают выполнению операции». Цель операции была сформулирована ясно: «ответить на акты убийства и шпионажа, разрабатывающиеся в Газе и проводимые с находящихся на территории Газы военных баз». Задачи, которые были поставлены перед десантниками (в операции участвовали пять групп, каждая из которых имела своего командира), состояли в том, чтобы проникнуть на военную базу около Газы, разрушить ее, а также взорвать здание, обеспечивающее базу и близлежащие населенные пункты питьевой водой, и прилегающую железнодорожную станцию⁸⁴.

В ходе этой операции, начавшейся в половину седьмого вечера 28 февраля 1955 года и закончившейся под утро следующего дня, 1 марта, многое пошло не так, как было задумано: часть израильских солдат, имея в своем распоряжении неточную карту местности, была обнаружена и атакована; в связи с тем, что часть бойцов погибли или были ранены, группа, направленная для взрыва железнодорожной станции, получила приказ

---

⁸³ См.: Бенни Моррис, *Приграничные войны Израиля*, стр. 354.

⁸⁴ Данный документ приводится в книге: Ури Мильштейн, *История воздушно-десантных войск от Войны за независимость до Ливанской войны* (Тель-Авив, 1985), том I, стр. 288 [на иврите].

срочно прийти на помощь остальным, не успев выполнить возложенную на нее миссию. В ходе возвращения десантников на территорию Израиля (причем солдаты и офицеры несли на носилках своих погибших и раненых товарищей по оружию) они вновь подверглись атаке, что еще больше увеличило число жертв. Непосредственно в ходе операции египтяне потеряли четырнадцать человек убитыми и пятнадцать – ранеными; среди израильских десантников погибли восемь человек и тринадцать были ранены. Однако уже на подступах к израильской границе десантники увидела четыре приближающиеся машины с египетскими солдатами, которые были в авральном порядке вызваны в качестве подкрепления. Первая из этих машин подверглась массовой атаке, почти все находившиеся в ней были убиты или ранены; три другие машины развернулись и фактически в бое не участвовали. Так погибли еще 22 и были ранены тринадцать египетских солдат; с израильской стороны потерь на этом этапе операции не было. Всего было убито 37 египтян и более тридцать ранено; израильская армия потеряла восемь человек убитыми, тринадцать человек были ранены.

Моше Даян, находившийся всё время операции в кибуце Кфар-Газа, расположенном между городками Нетивот и Сдерот примерно в пяти километрах к востоку от сектора Газа, был шокирован числом погибших с обеих сторон: никогда прежде не случалось ничего подобного. По распоряжению Д. Бен-Гуриона, пресс-атташе израильской армии опубликовал сообщение, согласно которому пограничный патруль был атакован египетскими силами, скрывшимися после этого на

территории сектора Газа, но израильские десантники преследовали их до базы, возле которой и развернулся бой; эта информация не соответствовала действительности от начала и до конца⁸⁵. М. Шарет считал, что доверие со стороны руководителей иностранных государств – важнейшая стратегическая ценность Израиля, которую нельзя ставить под удар⁸⁶, но именно в период его пребывания на посту главы правительства публиковалась заведомо недостоверная информация и об операции «Сюзанна» (которая отрицалась в принципе), и об операции «Черная стрела» (которая подавалась не как инициированная акция, а как вынужденное ответное преследование нападавших), и он был не в силах на это повлиять. Сложно сказать, насколько египетские руководители того времени были в курсе внутренних противоречий в израильском руководстве, но не приходится сомневаться в том, что израильская информационная политика вызывала их возмущение.

Выше уже указывалось, что целью «операций возмездия» было продемонстрировать правителям арабских стран, что в их же интересах обеспечить спокойствие на их границах с Израилем, ибо вылазки, имевшие диверсионные, разведывательные и иные враждебные цели, не останутся безответными. В Израиле считали, что этот курс «сработал» в отношении Иордании,

---

⁸⁵ См.: Бенни Моррис, *Приграничные войны Израиля*, стр. 355.

⁸⁶ Об этом Моше Шарет писал в своем дневнике 1 марта 1955 г., задаваясь вопросом, не является ли операция в Газе его «самым большим провалом на посту главы правительства».

но он совершенно точно оказался контрпродуктивным в отношении Египта. Г.А. Насер был возмущен и подавлен, его желание вести политический диалог с Израилем, и без того не бывшее через край, исчезло в принципе. Насколько известно, за два с половиной года, прошедших после переворота 1952 года, Г.А. Насер ни разу не был в Газе, однако после операции «Черная стрела» он отправился туда лично, чтобы разобраться в произошедшем и принять меры, которые должны были исключить повторение подобных событий в будущем⁸⁷. Гибель столь большого количества солдат и офицеров египетской армии в то время, когда страна не вела боевых действий, была событием исключительным, нанесшим большой урон статусу Г.А. Насера, лишь за год до этого возглавившего Совет революционного командования и занявшего пост премьер-министра.

Видный израильский политический обозреватель-арабист Эхуд Яари отмечал: «Сразу после нападения на Газу по всему сектору прошли крупные демонстрации, что поставило под угрозу все достижения египтян по установлению там своей власти. В городе Газа египетская армия открыла огонь, были застрелены четыре демонстранта. Это произошло после того, как руководитель городской администрации был убит брошенным в него камнем. Были подожжены две машины ООН. В Дир эль-Балах демонстранты били стекла в здании полицейского управления и избивали на улицах египетских солдат. В Хан-Юнисе был сожжен

---

⁸⁷ См.: Бенни Моррис, *Приграничные войны Израиля*, стр. 357.

продовольственный склад, и произошли многие другие инциденты. Демонстранты требовали раздать оружие гражданскому населению и усилить охрану границы против израильских атак. Выкрикивались антиегипетские лозунги, в частности – против египетской армии»⁸⁸.

Г.А. Насер, который и сам жаждал отмщения, ни в коем случае не был готов мириться с подобным развитием событий. Сложно сказать, как бы он вёл себя при ином раскладе, но на его действия влияло общественное давление, значимость которого в Израиле всегда недооценивали, исходя из ошибочной точки зрения, что в стране, в которой нет свободных выборов, властям якобы безразлично, что думают о них граждане. Меры, принятые Г.А. Насером, были, если их обобщить, двухуровневыми.

На тактическом уровне существенным образом изменилось отношение к жителям сектора Газа, а точнее, к той роли, которую они могут играть в противостоянии с Израилем. Напомним, что сектор Газа был в то время территорией, контролировавшейся египетской армией, а его жители не имели гражданства. Вылазки, совершавшиеся палестинскими арабами из сектора Газа на территорию Израиля, были спорадическими и, за редкими исключениями, в них не были задействованы египетские военные. Эта ситуация изменилась.

12 апреля 1955 года палестинские арабы из сектора Газа группой были приглашены в Каир; их разместили в

---

⁸⁸ Эхуд Яари, *Египет и фидаины, 1953–1956* (Гиват-Хавива: Центр арабских и афро-азиатских исследований, 1975), стр. 19 [на иврите].

элегантном «Шепхерд-отеле»; их принял Г.А. Насер, начавший с того, что обнял каждого из них. В своем выступлении он отметил, что битва за Палестину начинается, и сами палестинские арабы пойдут в авангарде этого сражения. Египетское правительство, – заверил Г.А. Насер, – будет тренировать палестинских солдат и руководить операциями до тех пор, пока палестинцы не смогут этого делать сами; их снабдят оружием, деньгами и всем необходимым⁸⁹.

Для палестинцев начались серьезные тренировки под началом египетских офицеров. В скором времени семьсот человек были подготовлены настолько, что могли начинать массированные рейды в Израиль. Одиночные вылазки по принципу «стреляй и беги» остались в прошлом, борьба палестинцев теперь принимала другой характер, организованный и целенаправленный. Палестинские боевики стали называть себя *фидаинами* – жертвующими собой. Они нападали на израильские машины, атаковали здания, устраивали засады, подкладывали мины. На их ответственности было убийство многих израильских солдат и мирных жителей. Если в 1954 году вылазки боевиков из сектора Газа стали причиной гибели семи израильтян (еще 48 человек были ранены), то в 1955 году – 48 (при 144 раненых). В 1954 году было зафиксировано девять пограничных инцидентов, в 1955 году их число выросло более чем в пять раз, до 49⁹⁰.

---

⁸⁹ См.: Алек Д. Эпштейн, *Антитеррористический террор* (Москва: Институт Ближнего Востока, 2009), стр. 25.

⁹⁰ См.: Бенни Моррис, *Приграничные войны Израиля*, стр. 361.

После проведения операции «Черная стрела» напряженность на израильско-египетской границе резко возросла. М. Шарет был несомненно прав, утверждая, что это ухудшение ситуации является прямым или косвенным следствием операции в Газе: «Я выразил свое личное мнение, что бесчинства вдоль всей границы, в особенности установка мин и обстрел постов, которые собрали и продолжают собирать свой кровавый урожай, – это прямое следствие операции в Газе. Это либо обдуманная месть, либо неизбежный результат напряжения, создавшегося в ходе операции»⁹¹. Израильская армия в ответ на эти акции египтян и обученных ими *фидаинов* устраивала рейды в сектор Газа (ни один из которых, впрочем, не был столь кровопролитным, как операция «Черная стрела»), но, как видно из приведенных выше данных, ситуация продолжала ухудшаться.

М. Шарет выражал глубокие сомнения в общей пользе политики возмездия для обеспечения безопасности страны, считая, что она приносит Израилю больше проблем, нежели пользы, особенно в сфере международных отношений. Даже если он был в этом прав, однако проблема состояла в том, что он не мог предложить никакой альтернативной программы действий. Будучи ключевой фигурой в сфере внешней политики еврейской общины Палестины/Эрец-Исраэль еще с 1933 года (именно тогда, после убийства Хаима Арлозорова, он возглавил Политический департамент

---

⁹¹ Цит. по: Заки Шалом, *Военно-политические дилеммы в первое десятилетие Израиля*, стр. 124.

Еврейского агентства), и стоя во главе МИДа с момента создания Государства Израиль, он не мог похвастаться никакими достижениями на египетском направлении, кроме заключенного на Родосе соглашения о прекращении огня, которое Египет постоянно нарушал. Египетские власти заявляли, что заключенное на Родосе соглашение касалось прекращения ведения боевых действий регулярными армиями – и не более того⁹². Египет не поддерживал с Израилем ни дипломатических, ни торгово-экономических, ни научных или культурных связей; фирмы, открыто торговавшие с Израилем, подвергались в Египте и других арабских странах бойкоту; израильские суда не могли проходить ни через Суэцкий канал, ни через Тиранский пролив; ни в чем не повинных моряков с корабля «Бат галим» арестовали и пытали, а двое евреев, по вине которых в Египте не погиб ни один человек, были повешены; из сектора Газа на территорию Израиля совершали вылазки отряды боевиков, которых тренировали и вооружали офицеры египетской армии.

Всё это привело Давида Бен-Гуриона к пониманию того, что Родосские договоренности себя изжили. Еще в июле 1949 года по его инициативе Секретариат Партии Труда принял решение, выражавшее заинтересованность Израиля в аннексии сектора Газа⁹³, но на Лозаннской

---

⁹² См.: Michael B. Oren, “Escalation to Suez: The Egypt–Israel Border War, 1949–1956” // *Journal of Contemporary History*, 24 (1989), pp. 347–373.

⁹³ См.: Заки Шалом, *Военно-политические дилеммы в первое десятилетие Израиля*, стр. 99–100.

конференции такого рода договоренности достигнуты не были, и тема сошла с повестки дня. В 1955 году Давид Бен-Гурион вернулся к этому вопросу вновь, честно признав, что никакими точечными операциями проблему вооруженных нападений и диверсий не решить. Министр обороны (а главой правительства до 3 ноября 1955 года оставался Моше Шарет) поставил на голосование в правительстве план по захвату сектора Газа израильской армией, аргументировав его следующим образом:

«Наше сионистское мировоззрение, и, на мой взгляд, другого просто не существует, должно опираться на нашу правоту и нашу силу; не на один из этих компонентов, а на оба сразу. В споре между нами и Египтом правота стопроцентно на нашей стороне. Они не соблюдают соглашение о прекращении огня, ... а нет односторонних договоров. ... Если Египет не соблюдает соглашение, то оно недействительно. Египет находится в секторе Газа вследствие соглашения о прекращении огня. Египту нечего там делать. Он начал захватническую войну. Но мы согласились подписать соглашение, и три державы дали нам гарантии соблюдения установленных границ. Но эти границы существуют только вследствие соглашения о прекращении огня, и если египтяне не соблюдают его, оно ни к чему не обязывает и нас, ... и это наше дело – отстаивать наши права. И если мы не будем воевать за них, то проиграем»⁹⁴.

---

⁹⁴ Протокол заседания правительства Израиля от 29 марта 1955 г., стр. 72 [на иврите] // Государственный архив, Иерусалим.

И Леви Эшколь (урожденный Школьник, 1895–1969), и Голда Меир, которые впоследствии стояли во главе правительства Израиля, поддержали позицию Давида Бен-Гуриона, но Моше Шарету и здесь удалось добиться отсрочки принятия решения на неделю, на протяжении которой он активно убеждал министров проголосовать против предложения, которое считал безрассудным. Эта кабинетная дипломатия оказалась успешной: в ходе голосования на заседании правительства 3 апреля 1955 года четверо министров поддержали инициативу Д. Бен-Гуриона, девять проголосовали против, а двое воздержались⁹⁵. На следующем заседании правительства Д. Бен-Гурион поставил вопрос о денонсации Израилем Родосского соглашения с Египтом: «Соглашение о прекращении огня с Египтом не работает, египтяне систематически нарушают и игнорируют его, в том числе и после принятия соответствующего решения Советом Безопасности ООН»⁹⁶. М. Шарет спросил, какое решение он имеет в виду, и Д. Бен-Гурион напомнил о резолюции о Суэцком канале, которая, как указывалось в предыдущей главе, была принята 1 сентября 1951 года.

---

⁹⁵ Часть протокола заседания правительства Израиля от 3 апреля 1955 г., касающаяся обсуждения этого вопроса (п. 313 общей повестки дня), до сих пор, к сожалению, не рассекречена. Итоги голосования, со ссылкой на дневниковую запись М. Шарета, приведены в книге: Бенни Моррис, *Приграничные войны Израиля*, стр. 360.

⁹⁶ Протокол заседания правительства Израиля от 4 апреля 1955 г., стр. 13 [на иврите] // Государственный архив, Иерусалим.

Министр транспорта Йосеф Сапир (1902–1972) спросил у Д. Бен-Гуриона, каковы будут практические последствия решения, если его предложение будет принято,⁹⁷ – и здесь министр обороны попал в цугцванг, ибо главное практическое предложение, за которое он выступал – захват Газы, – было отклонено правительством на предшествующем заседании. Об этом говорила и Г. Меир: напомнив о своей поддержке отклоненного предложения, она указала на необходимость ясного понимания, за что именно членам правительства предлагается проголосовать в этот раз, «дабы избежать неясности»⁹⁸. Министр полиции Бехор-Шалом Шитрит (1895–1967) предположил, что если таковое решение правительством Израиля будет принято, то оно вызовет серьезное беспокойство в Организации Объединенных Наций, которая инициирует переговоры о возобновлении режима прекращения огня, оказав давление на Египет с целью прекратить враждебные вылазки в Израиль с его территории, т.е. декларация об отмене соглашения, наоборот, в конечном итоге, будет способствовать его возобновлению и укреплению⁹⁹. Другие члены кабинета, включая М. Шарета, напротив, считали, что это решение лишь приведет к обвинениям в адрес Израиля, ничем и никак не улучшив то положение, в котором находилась страна. Большинство министров склонить на свою сторону Давиду Бен-Гуриону так и не удалось.

---

⁹⁷ Там же, стр. 15.

⁹⁸ Там же, стр. 19.

⁹⁹ Там же, стр. 20.

Это голосование стало началом конца эпохи дуумвирата; с этого момента Д. Бен-Гурион перестал быть лояльным членом правительства М. Шарета, поставив своей целью возвращение на высший пост, чтобы иметь возможность действовать так, как он считал наиболее правильным для защиты государственных интересов. Д. Бен-Гуриону было чуждо мировоззрение, согласно которому Израиль должен вести себя максимально сдержанно, надеясь на то, что таковой курс постепенно позволит ему завоевать доверие арабских стран, которые со временем придут к пониманию целесообразности установления мирных добрососедских отношений с еврейским государством. Будучи убежденным в том, что арабские страны, и прежде всего – руководители Египта, более всего стремятся к реваншу за поражение в войне 1948 года, а отнюдь не к добрососедским отношениям, он видел свою основную задачу в том, чтобы израильское общество и особенно армия были к такому развитию событий подготовлены в наилучшей мере¹⁰⁰. Когда сменивший Биньямина Гибли на посту начальника военной разведки Иехошфат Гаркави доложил, что действиями *фидаинов* руководит начальник египетской разведки в секторе Газа Мустафа Хафез, у Д. Бен-Гуриона не дрогнула рука отдать распоряжение о его физической ликвидации (он был убит 11 июля 1956 года)¹⁰¹.

---

¹⁰⁰ См.: Заки Шалом, *Давид Бен-Гурион, Государство Израиль и арабский мир, 1949–1956*, стр. 233–244.

¹⁰¹ См.: Алек Д. Эпштейн, *Антитеррористический террор*, стр. 31–36.

Иницируя вылазки *фидаинов*, Г.А. Насер вместе с тем отлично понимал, что они не дадут ему тех гарантий неуязвимости и военного превосходства, к которым он стремился. Поэтому особое значение имели его решения, принятые *на стратегическом уровне*. Эти решения, как представляется, могли быть и принципиально другими, но американские дипломаты и сотрудники спецслужб продемонстрировали тотальное непонимание тех политико-психологических процессов, которые переживал Г.А. Насер. В 1955 году, уже год будучи полновластным руководителем большой страны, это был во многом иной человек, чем тот офицер, входивший в группу путчистов, каким они его знали в первой половине 1952 года. Американцы могли сохранить Г.А. Насера в орбите своего влияния, если бы были готовы выстраивать с ним пусть и не паритетные (все же возможности и международный статус США и Египта несопоставимы), но патрон–клиентские взаимоотношения, как они выстраивали их с Израилем. Однако американцы считали, что Г.А. Насер, боровшийся против Великобритании и Израиля, в любом случае никуда из орбиты их влияния не денется, даже если они будут по сути игнорировать просьбы и обращения, поступающие из Каира. Эта оценка ситуации была в корне ошибочной.

Как совершенно справедливо указывал Е.М. Примаков, «главным для Насера на том этапе было стремление решить две проблемы: закупить оружие и получить помощь в строительстве Высотной Асуанской плотины. Обе эти проблемы расценивались Каиром как жизненно важные. Первая возникла во многом из

начавшейся активной конфронтации с Израилем. Что касается строительства Асуанской плотины, то с ее возведением “Свободные офицеры” связывали решение не только экономических задач, хотя они были чрезвычайно важны, – прекращение губительных разливов Нила, увеличение на одну треть культивируемой сельскохозяйственной территории. С Асуанской плотинной тесно связывалась и проблема укрепления новой власти, которая на тот период еще не была полностью стабильной. И по этим двум жизненно важным для Египта проблемам – закупке оружия и строительству Асуанской плотины – Соединенные Штаты сказали “нет”. Отказ принять ряд требований, которые, по словам Насера, означали фактическое установление контроля над финансами, бюджетом и экономикой Египта, повлек за собой аннулирование в июле 1956 года предложений со стороны американского и английского правительств и Международного банка реконструкции и развития предоставить соответственно 55, 15 и 200 миллионов долларов США в виде займов на сооружение плотины на Ниле. После того, как Запад захлопнул перед Египтом все двери, Насер обратился к Советскому Союзу сначала с просьбой о продаже оружия, а затем о сотрудничестве в строительстве Асуанской плотины»¹⁰². О том, что Чехословакия готова поставить Египту запрашиваемое им оружие, объявил сам Г.А. Насер 27 сентября 1955 года¹⁰³.

---

¹⁰² Евгений Примаков, *Ближний Восток на сцене и за кулисами*, стр. 43.

¹⁰³ См.: Анатолий Агарышев, *Насер*, стр. 118.

Насколько можно судить, объявление об этом Г.А. Насер сделал лишь после того, как его надежды на мезальянс с американцами рухнули окончательно. Если бы не эти надежды, сложно понять, зачем Г.А. Насер 9 июня 1955 года информировал посла США в Каире Генри Байроуда (Henry A. Byroade, 1913–1993) о согласии Советского Союза предоставить Египту запрашиваемое им оружие. Работавший послом США в шести разных странах Генри Байроуд известен как профессиональный дипломат, но в молодые годы он был кадровым военным, дослужившимся до звания бригадного генерала, а потому в вопросах, касавшихся оружия, разбирался хорошо. Охарактеризовав в своей телеграмме в Госдепартамент позицию Г.А. Насера по данному вопросу как «глупую», Г. Байроуд, вместе с тем, честно признал как то, что не смог переубедить президента Египта, так и то, что не был готов гарантировать ему, что США согласятся пополнить египетские арсеналы – и это несмотря на то, что в ходе беседы Г.А. Насер сказал, что «хочет, чтобы Ближний Восток был избавлен от коммунизма», что «мотивы русских несомненно опасны Ближнему Востоку в долгосрочной перспективе», и что он «искренне стремится быть другом Америки»¹⁰⁴. Г.А. Насер давал США ясную возможность лишить его повода упасть в объятия Москвы, но они ее упустили.

---

¹⁰⁴ Телеграмма посла Г. Байроуда в Госдепартамент от 9 июня 1955 г. приводится в книге: *Foreign Relations of the United States, 1955–1957. Vol. XIV. Arab–Israeli Dispute, 1955* (Washington: Department of State, 1989), документ 123, pp. 237–240.

В 1954–1955 годах группа дипломатов, возглавляемая Эвелином Шукбургом (Evelyn Shuckburgh, 1909–1994), позднее бывшим постпредом Великобритании в НАТО и послом в Италии, и Фрэнсисом Генри Расселом (Francis Henry Russell, 1904–1989), позднее бывшим послом США в Новой Зеландии, Гане и Тунисе, начала разработку плана, получившего название «Альфа». Согласно этому плану, «Израиль должен будет уступить Египту и Иордании два небольших территориальных сегмента треугольной формы на юге Негева, расположенные на границах Израиля с Египтом и с Иорданией соответственно, верхние точки которых сходятся вместе на линии нынешней или предлагаемой дороги на Эйлат. Это должно быть сделано с целью создать сухопутное сообщение между Египтом и остальным арабским миром. За данным участком будет установлено международное наблюдение»¹⁰⁵. Никаких встречных территориальных уступок со стороны Египта при этом не предусматривалось. В этом – получении контроля над хотя бы частью территории Негева, которую он стремился максимально увеличить, – состоял интерес Г.А. Насера, это требование он неоднократно высказывал своим американским и британским собеседникам¹⁰⁶. Г.А. Насеру был нужен Негев, а не мир с Израилем.

---

¹⁰⁵ Этот документ, согласованный представителями США и Великобритании в ходе переговоров в Лондоне 10 марта 1955 г., цит. по: *Foreign Relations of the United States. 1955–1957. Vol. XIV. Arab-Israeli Dispute, 1955*, p. 102.

¹⁰⁶ См.: Илан Асия, *Фокус конфликта*, стр. 155–167.

Во многих публикациях утверждается, что шансы на мирное урегулирование между Израилем и Египтом были разрушены операцией «Черная стрела». В Израиле левоориентированные историки и публицисты цитируют мнение Моше Шарета о том, что еврейское государство должно стремиться в первую очередь к урегулированию конфликта с арабскими странами, а военные операции против египтян в Газе разрушали – и разрушили – надежду на достижение мира. Российская исследовательница Т.А. Елистратова назвала главу своей книги, посвященную египетско-израильским отношениям в первые два года после совершенного в июле 1952 года переворота, «Изначальная тактика миролюбия “Свободных офицеров”»¹⁰⁷. Нет сомнений в том, что операция «Черная стрела» и последовавшие за ней действия никак не способствовали желанию Г.А. Насера и других египетских руководителей добиваться мирного урегулирования с Израилем. Однако представляется важным спросить, а было ли у них до этого такое желание? В конце концов, к 28 февраля 1955 года «Свободные офицеры» находились у власти уже два с половиной года! Вышел ли за это время Египет из арабского бойкота Израиля? Открыл ли для израильского судоходства Суэцкий канал? Перестал ли блокировать Тиранский пролив? Предложил ли открытие границ для туризма? Согласились ли М. Нагиб и Г.А. Насер хотя бы на одну личную встречу с Д. Бен-Гурионом или М. Шаретом?

---

¹⁰⁷ См.: Татьяна Елистратова, *Революция 1952 года в Египте*, стр. 65–80.

В конце концов, сама Т.А. Елистратова напоминает о том, что «в феврале 1955 года в США был направлен личный представитель Насера майор Х. Тухами с целью добиться заключения соглашения о военных поставках, однако американская администрация, сознавая, что запрошенное Насером оружие предназначено уже не для борьбы с внутренними антиправительственными силами, а для наращивания военного потенциала, удовлетворить просьбу Египта отказалась»¹⁰⁸. Совершенно очевидно, что Хасан Тухами (1924–2009) был делегирован в Вашингтон до операции «Черная стрела», случившейся в ночь с 28 февраля на 1 марта 1955 года, и без всякой связи с ней.

Не только М. Шарет, но и многие исследователи на протяжении нескольких десятилетий не были в курсе деталей советско-египетских контактов, вследствие чего их анализ ситуации, кочующий из книжки в книжку на разных языках, в корне неверен. В одних публикациях утверждается, будто Г.А. Насер впервые сделал запрос о поставках советского оружия в ходе визита в Каир главного редактора «Правды» и председателя Комиссии по международным делам Совета Национальностей Верховного Совета СССР Д.Т. Шепилова, состоявшегося с 21 по 29 июля 1955 года¹⁰⁹ (с 1 июля 1956 года он был

---

¹⁰⁸ Там же, стр. 104.

¹⁰⁹ Это утверждается, в частности, в книге его внука: Дмитрий Косырев, *Советский Кеннеди. Загадка по имени Дмитрий Шепилов* (Москва: Бослен, 2017), стр. 304–309. В опубликованной уже после смерти автора книге воспоминаний самого Д.Т. Шепилова *Непримкнувший* (Москва: «Вагриус»,

министром иностранных дел СССР); в других – что это произошло раньше, в ходе беседы с главой Госсовета КНР Чжоу Эньлаем (1898–1976) во время упоминавшейся в предыдущей главе конференции в Бандунге в апреле 1955 года; в третьих – что еще раньше, после обнародования 12 января 1955 года факта подписания военного пакта между Турцией и Ираком¹¹⁰. Особняком стоит тезис, выдвинутый египетским автором Море́зом Махмудом эль-Хуссини, согласно которому инициатива военных поставок Египту принадлежала Советскому Союзу, представители которого сделали подобное предложение Г.А. Насеру, – а не наоборот¹¹¹. Израильский исследователь Рами Гинат в своей докторской диссертации, посвященной советско-египетским отношениям в первые десять лет после Второй мировой войны и защищенной в 1991 году в Лондонской школе экономики и политических наук, поддерживает мнение М. эль-Хуссини¹¹². Рассекреченные к настоящему времени документы неопровержимо свидетельствуют, что *ни одно* из этих утверждений не соответствует действительности: к Советскому Союзу Г.А. Насер по этому поводу обратился еще в июне 1954 года!

2001) его встреча с Г.А. Насером в 1955 г. не упоминается вообще.

¹¹⁰ См.: Uri Ra'anan, *The USSR Arms the Third World* (Cambridge, MA: MIT Press, 1969), pp. 62–68.

¹¹¹ См.: Mohrez Mahmoud El Hussini, *Soviet–Egyptian Relations, 1945–1985* (London: Macmillan, 1987), pp. 55–64.

¹¹² Эта диссертация опубликована, см.: Rami Ginat, *The Soviet Union and Egypt, 1945–1955* (London: Frank Cass, 1993), p. 206.

Из записи беседы посла СССР в Египте Д.С. Солода (1908–1988) с Г.А. Насером, состоявшейся 15 июня 1954 года, известно, что Г.А. Насер обратился с просьбой о поставках оружия уже тогда, то есть за восемь с половиной месяцев до рейда израильской армии в сектор Газа, когда никакой угрозы египетским силам со стороны Израиля не было! Инициатива исходила именно от Г.А. Насера; советский посол, не ожидавший ничего подобного, просто не знал, что ответить. Д.С. Солод заметил жаловавшемуся на чинимые ему Западом препятствия Г.А. Насеру, что «Египет мог бы сам выпускать оружие, развивая свою соответствующую промышленность», но

«без всякого перехода он спросил меня, как бы отнеслось в принципе Советское правительство к предложению египетского правительства закупить оружие в Советском Союзе. На мой ответ, что мне об этом ничего не известно, Насер попросил спросить Советское правительство об этом. ... На мой вопрос, является ли его обращение официальной просьбой египетского правительства, он ответил утвердительно. Я пообещал ему довести до сведения МИД СССР о его просьбе»¹¹³.

Уже 8 июля 1954 года Д.С. Солод известил премьер-министра Египта о том, что ответ на его запрос не будет отрицательным:

---

¹¹³ Запись беседы посла СССР в Египте Д.С. Солода с премьер-министром Египта Г.А. Насером от 15 июня 1954 г. опубликована в антологии *Ближневосточный конфликт. 1947–1967* (Москва: Международный фонд «Демократия», 2003), том I, стр. 210–211.

«Посетил Насера и сообщил ему о том, что просьба египетского правительства, изложенная Насером при встрече с ним 15 июня относительно приобретения оружия, была мною доведена до сведения Советского правительства. В настоящее время я могу сообщить ему, что Советское правительство было бы готово рассмотреть конкретные предложения египетского правительства по этому вопросу. Насер ... попросил передать благодарность Советскому правительству»¹¹⁴.

Так начался процесс, детали которого представители Египта и Советского Союза держали в тайне до конца сентября 1955 года, но тот факт, что о событиях не было объявлено *urbi et orbi*, отнюдь не означает, что они не происходили. Формально советско-египетское соглашение о поставках оружия было заключено через Чехословакию, как, кстати, и аналогичное соглашение о снабжении Советским Союзом вооружениями и боеприпасами Израиля в 1948 году. Посол Д.С. Солод не проговорился нигде и никому, и глава ФБР Джон Эдвард Гувер (1895–1972) смог сообщить об этом соглашении госсекретарю Д.Ф. Даллесу лишь 19 сентября 1955 года! Глава ФБР посоветовал Госдепартаменту угрожать Египту «максимально серьезной публичной реакцией США», и такой курс действий, к сожалению, и был выбран¹¹⁵.

---

¹¹⁴ Запись беседы Д.С. Солода с Г.А. Насером от 8 июля 1954 г. опубликована там же, стр. 214–216.

¹¹⁵ Телеграмма Дж. Гувера госсекретарю от 19 сентября 1955 г. приводится в книге: *Foreign Relations of the United States, 1955–1957. Vol. XIV. Arab–Israeli Dispute, 1955*, документ 284, р. 481.

Так сложилось, что на 20 сентября была назначена встреча в Нью-Йорке в гостинице «Вальдорф Астория» госсекретаря Д.Ф. Даллеса с министром иностранных дел СССР В.М. Молотовым (1890–1986), в ходе которой руководитель американской дипломатии выразил мнение, что соглашение о поставках оружия из Чехословакии в Египет неприемлемо, ибо кардинально меняет весь баланс сил на Ближнем Востоке и, тем самым, неминуемо спровоцирует гонку вооружений в регионе. Интересно, что В.М. Молотов и не думал отвечать, что это соглашение нужно обсуждать не с ним, а с представителями Чехословакии, которых он, если судить по подготовленному американской стороной меморандуму, даже не упомянул. Указав, что речь, якобы, идет о сугубо коммерческом соглашении, В.М. Молотов не дал своим собеседникам никаких надежд на то, что оно может быть пересмотрено¹¹⁶. 21 сентября Генри Байроуд доложил в Госдепартамент, что «египетское военное соглашение с Россией к настоящему времени представляет собой свершившийся факт»; Чехословакия в телеграмме посла даже не упоминалась¹¹⁷. 23 сентября специальный помощник госсекретаря США по делам разведки У. Парк Армстронг-мл. (W. Park Armstrong Jr.) представил отчет о том, какое именно оружие и когда будет поставлено Египту Советским Союзом¹¹⁸.

---

¹¹⁶ См. там же, документ 286, р. 483.

¹¹⁷ Телеграмма посла Г. Байроуда в Госдепартамент от 21 сентября 1955 г. приводится там же, документ 290, pp. 492–493.

¹¹⁸ Его докладную записку см. там же, документ 301, pp. 507–508.

Буквально накануне заявления Г.А. Насера, 26 сентября 1955 года, тогдашний руководитель его канцелярии Али Сабри (в 1960-е годы он был премьер-министром и вице-президентом страны) попросил о встрече с послом Д.С. Солодом, сообщив: «Насер просил информировать Советское правительство о том, что в связи с расширением распространения слухов о предстоящих поставках советского оружия Египту американцы и англичане усилили свое давление на египетское правительство». За день до этого в Каир вновь прибыл Кермит Рузвельт, по словам А. Сабри, угрожавший Г.А. Насеру, что если Египет начнет приобретать оружие в СССР, то военно-морской флот США в Средиземном море блокирует порт Александрию. По свидетельству А. Сабри, К. Рузвельт также угрожал разрывом дипломатических отношений США с Египтом и – более того – даже побуждением Израиля начать военные действия против Египта! (Излишне упоминать, что с руководителями Израиля эта угроза не согласовывалась и даже не обсуждалась; в воспоминаниях и дневниках за сентябрь 1955 года израильских государственных деятелей того времени нет ни слова об этой американской инициативе). Посол Д.С. Солод, не потеряв ни самообладания, ни способности к трезвому анализу ситуации, в ответ «высказал сомнение в возможности осуществления вышеприведенных угроз США в отношении Египта»¹¹⁹.

---

¹¹⁹ Запись беседы посла СССР в Египте Д.С. Солода с директором кабинета премьер-министра Египта А. Сабри от 26 сентября 1955 г. опубликована там же, стр. 337–340.

История не имеет сослагательного наклонения, а потому невозможно сказать, как бы повел себя Г.А. Насер, если бы услышал от К. Рузвельта не угрозы, а заверения в дружбе, поддержке и извинения в связи с тем, что США на протяжении более чем трех лет после совершенного «Свободными офицерами» переворота не оказывали новому режиму никакой действенной помощи; не исключено, что египетский руководитель, которого многие считали антикоммунистически настроенным¹²⁰, сделал бы выбор в пользу более многовекторной и менее просоветской внешней политики. Однако Кермит Рузвельт и тогдашний посол США в Каире Генри Байроуд выбрали в общении с Г.А. Насером самый неправильный стиль, какой только можно было выбрать: они назидательно читали ему лекции о международном положении и угрожали всевозможными санкциями, если он не будет действовать так, как они указывали. Г.А. Насер стремился усилить свою армию и отказывался присоединяться к Багдадскому пакту как раз для того, чтобы никто не мог разговаривать с ним подобным образом. При этом колоссальность угроз американцев резко контрастировала с тем, что стояли они на глиняных ногах: когда спустя двое суток после встречи с К. Рузвельтом Г.А. Насер объявил о том, что Египет покупает оружие у Чехословакии, ни одна из них не была приведена в исполнение.

Автор изданной в СССР апологетической биографии египетского лидера рассказывает, как, узнав поздно вечером 28 февраля 1955 года от Али Сабри о том, что

---

¹²⁰ См.: Rami Ginat, *The Soviet Union and Egypt, 1945–1955*, p. 173.

«израильские войска атаковали сектор Газа», «Насер не мог скрыть своего удивления. За два с лишним года после революции на израильской границе не было никаких крупных инцидентов»¹²¹. Несмотря на это, Г.А. Насер вел переговоры о поставках Египту современного оружия и с Соединенными Штатами, и с Советским Союзом, и с другими странами. Из всех стран Ближнего Востока и Северной Африки, в то время плохими отношения Египта были только с Израилем и Ираком, но с Ираком у Египта нет общей границы, между этими двумя странами находятся Израиль и Иордания. Совершенно очевидно, поэтому, что оружие было нужно Г.А. Насеру как «аргумент» в отношениях именно с Израилем. Сказанное не означает, что он уже в середине 1954 года принял решение о «втором раунде» войны против Израиля – не исключено, что оружие было нужно ему как элемент шантажа, чтобы, угрожая войной, заставить еврейское государство пойти на уступки. Ясно одно: к чему Г.А. Насер точно не готовился, так это к миру.

Как бы ни было велико желание добиться мирного урегулирования, его никому нельзя навязать, и горький опыт «команды Осло» в 1990-е – начале 2000-х годов – яркое тому свидетельство. *Никаких проявлений «тактики миролюбия» в отношении Израиля у «Свободных офицеров», в целом, и конкретно у Г.А. Насера, увы, не было. Придя к власти, они получили в наследство от прежнего режима состояние «ни мира, ни войны», и это состояние их в целом вполне устраивало. Израиль и*

---

¹²¹ Анатолий Агарышев, *Насер*, стр. 108.

Египет могли не скатиться к войне между собой в 1956 году, но шансов на мирное урегулирование между двумя странами в то время не было.

Египетско-чехословацкая сделка о поставке советских вооружений вызвала в Израиле серьезные опасения, ибо она кардинально меняла баланс сил между Израилем и Египтом. Она послужила веским – и даже решающим – поводом, кроме действий *фидаинов* и закрытия Египтом Суэцкого канала и Тиранского пролива для израильского судоходства, для подготовки Израиля к войне между двумя странами. Надежд на мир больше не было, на повестке дня был уже другой вопрос: удастся ли избежать войны? Американцы, только что угрожавшие Г.А. Насеру тем, что Израиль нападет на Египет, стали активно работать над тем, чтобы этого не случилось.

В Израиле знали о том, что Египет получал весьма значительные арсеналы оружия (в том числе тяжелые танки) от Великобритании, но информация о том, что египетскую армию будет вооружать и Советский Союз, повергла руководство страны в шоковое состояние. Бывший в то время генеральным директором Министерства обороны Шимон Перес (урожденный Перский, 1923–2016) был немедленно делегирован в Париж со списком продукции военного назначения, которую Израиль был срочно заинтересован купить¹²².

---

¹²² Подробнее о переговорах, которые вел во Франции в 1954–1956 гг. Шимон Перес, см.: Михаэль Бар-Зохар, *Феникс. Шимон Перес – политическая биография* (Тель-Авив: «Едиот ахронот», 2006), стр. 153–191 и далее [на иврите].

В октябре 1955 года были подписаны соглашения о военном сотрудничестве и взаимопомощи между Египтом и Сирией, с одной стороны, и Египтом и Саудовской Аравией, с другой. Западные державы видели в этом шаги, сделанные в противовес Багдадскому пакту, в Израиле же задавались вопросом о том, не готовится ли новый акт совместной агрессии арабских стран против еврейского государства. Спустя полгода, в апреле 1956 года, аналогичное соглашение было заключено между Египтом и Йеменом.

И Давид Бен-Гурион, и Моше Даян считали, что займет определенное время, пока египтяне получат основную часть современного советского оружия и научатся обращаться с ним. Они считали более чем вероятным нападение египетской армии на Израиль после, но не до этого, из чего выходило, что у Израиля есть время, чтобы подготовиться к такому развитию событий¹²³. Кроме того, считалось крайне маловероятным, что египтяне начнут войну до тех пор, пока британские войска окончательно не покинут Египет (операция по их эвакуации закончилась 13 июня 1956 года).

В вопросе о том, *сколько именно времени* есть у Израиля до того, как он станет беззащитным перед угрозой нападения со стороны Египта, единства мнений не было. В Израиле в очередной раз царила политическая междоусобица: хотя выборы в Кнессет третьего созыва прошли 26 июля 1955 года, процесс формирования правительства затянулся на три с лишним месяца, до 3

---

¹²³ См.: Моше Даян, *Этапы пути. Автобиография*, стр. 156.

ноября. Моше Шарет всё это время оставался премьер-министром, хотя всем, включая его самого, было ясно, что на высший пост возвращается Давид Бен-Гурион. Спустя неделю после формирования нового правительства, 10 ноября 1955 года, Моше Даян подал премьер-министру докладную записку, в пункте (б)2 которой выразил мнение о желательности «раннего столкновения с египетским режимом, стремящимся к войне на уничтожение Израиля, чтобы добиться смены режима или изменения его политического курса». Пункт (в) этого документа содержал конкретные указания на предлагавшиеся меры: кроме жесткой реакции на каждую акцию *фидаинов* и на каждый обстрел израильской территории египетскими войсками, начальник Генерального штаба выступил за захват сектора Газа и района Шарм-аш-Шейха, чтобы обеспечить свободу судоходства в порт Эйлат¹²⁴. Важно отметить, что ставший после выборов лидером оппозиции глава Партии Свободы Менахем Бегин активно поддерживал превентивный израильский удар по Египту, поэтому в случае его проведения правительству была бы обеспечена весьма широкая парламентская поддержка, хотя Моше Шарет, вновь занявший пост министра иностранных дел, ожидаемо выступал против.

Эту военную операцию, получившую кодовое наименование «Омер», М. Даян хотел начать и завершить как можно скорее; Д. Бен-Гуриону он сказал, что армия будет готова к ней к концу декабря¹²⁵. В ходе встречи с

---

¹²⁴ Эта докладная записка приводится там же, стр. 162–163.

¹²⁵ Там же, стр. 165.

главой правительства, состоявшейся 17 ноября 1955 года, начальник Генерального штаба сказал, что у Израиля есть лишь 5–6 месяцев до неминуемого нападения со стороны Египта¹²⁶. 18 ноября М. Даян определил цели операции: установление контроля над проливами, ведущими в Эйлат; установление границы между Израилем и Египтом примерно там, где она проходила в период британского мандата (это предусматривало захват Газы, но не Шарм-аш-Шейха); противодействие англо-американскому плану по отчуждению от территории Израиля Негева или какой-либо его части; нанесение шокового удара по египетской армии и особенно ее военно-воздушным силам. При этом было отмечено, что не планируется штурмовать Суэцкий канал и вести какие-либо боевые действия к западу от него¹²⁷. Из этого напрямую вытекало, что военные действия могли распространиться на всю территорию Синайского полуострова, но в планы М. Даяна в любом случае не входило нанесение удара по Каиру, Александрии и другим городам в глубине территории Египта.

Может показаться странным, что Давид Бен-Гурион, сам предлагавший на заседаниях правительства 29 марта, 3 и 4 апреля 1955 года и объявить о денонсации соглашения, заключенного с Египтом на Родосе, и захватить сектор Газа, в декабре того же года вначале попросил Моше Даяна повременить с реализацией операции «Омер», отложив ее на конец января 1956 года, а затем и вовсе отдал распоряжение ее отменить.

---

¹²⁶ Там же, стр. 166.

¹²⁷ Там же, стр. 168.

М. Даян был разочарован, но 16 декабря 1955 года глава правительства подробно объяснил ему, что нападение на Египет чревато вмешательством в войну Великобритании против Израиля, с одной стороны, и риском санкций, к которым будут готовы присоединиться многие страны, включая Советский Союз и Соединенные Штаты, с другой. Египет, проиграв войну, будет готовиться к реваншу, но в условиях санкций и эмбарго на поставки оружия, в которых Израиль неминуемо окажется, он как раз, учитывая неразвитость в то время его военно-промышленного комплекса, подготовиться к «третьему раунду» должным образом не сможет. Д. Бен-Гурион также обращал внимание своего главнокомандующего на то, что война неминуемо будет сопровождаться жертвами и разрушениями, которые отбросят экономику страны на пять – семь лет назад¹²⁸. М. Даяну не нужно было напоминать, что израильская экономика только-только вставала на ноги после Войны за независимость и абсорбции большого числа новых иммигрантов, за три года удвоивших население страны. Всё это звучало как будто очень убедительно, но одно оставалось неясным: какие из этих аргументов нельзя было повторить за восемь месяцев до этого, когда Д. Бен-Гурион убеждал М. Шарета сделать то, что в ноябре 1955 года его самого убеждал сделать М. Даян?! Нет, Д. Бен-Гурион не пересмотрел свои взгляды. Но ситуация менялась, и у него были веские причины считать, что вскоре Израиль сможет начать войну на куда более выгодных условиях.

---

¹²⁸ Там же, стр. 174–175.

ПОСРЕДНИЧЕСКИЕ МИССИИ Р. АНДЕРСОНА И Д. ХАММАРШЁЛЬДА И ПРЕДОТВРАЩЕННАЯ ИЗРАИЛЬСКО-ЕГИПЕТСКАЯ ВОЙНА

Понять, по каким причинам Давид Бен-Гурион отложил, а затем и вовсе отменил проведение операции «Омер», а, называя вещи своими именами, – вторую израильско-египетскую войну, невозможно ни сквозь призму анализа исключительно двусторонних отношений, ни даже в контексте сложной внутривосточной ситуации в Израиле. Несомненно, что как во внутриегипетской (изначально в континууме сложных отношений между М. Нагибом и Г.А. Насером, а затем – между Г.А. Насером и А.Х. Амаром), так и во внутриизраильской политике (прежде всего, хотя не только, в связи с разногласиями между Д. Бен-Гурионом и М. Шаретом) фактор «радения о национальной безопасности» и готовности «бросить все силы на борьбу с врагом» играл весьма значимую роль: в обеих странах ведущие государственные деятели соревновались между собой, одновременно завоевывая симпатии новых сторонников. Однако главную роль в том, что в конце 1955 года между Египтом и Израилем не началась война, сыграла, сама об этом не ведая, Франция.

Слишком часто в различных публикациях ведется речь о политическом курсе некоего обобщенного Запада на Ближнем Востоке – в реальности, однако, курса такого нет, и верно будет сказать, что его никогда и не было. Не

было его и в середине 1950-х, причем если вначале, пусть и на сравнительно недолгое время, сложился альянс между США и Великобританией (в который отнюдь не входила Франция), то во второй половине 1956 года, напротив, сложился британо-французский альянс, которому открыто противостоял Вашингтон. Израиль при этом находился по одну сторону баррикад с Францией – вначале против Великобритании, а затем вместе с ней.

В отдельных публикациях приходится встречать утверждения, будто француско-израильский альянс сложился потому, что во Франции в те годы вначале один, а затем другой политик еврейского происхождения возглавляли правительство. Действительно, с 8 января по 28 июня 1953 года премьер-министром страны был Рене Мейер (René Mayer, 1895–1972), а с 19 июня 1954 по 23 февраля 1955 года – Пьер Мендес-Франс (Pierre Mendès France, 1907–1982), однако нет никаких свидетельств об их сколько-нибудь особом отношении к Государству Израиль. Главный же аргумент против подобных предположений заключается в том, что ключевой поворот во француско-израильских отношениях случился в 1955 году уже после отставки П. Мендес-Франса; «медовый месяц» в отношениях между двумя странами продлился три года, когда во главе правительства Франции последовательно стояли Эдгар Фор (Edgar Faure, 1908–1988), Ги Молле (Guy Mollet, 1905–1975), Морис Бурж-Монури (Maurice Bourgès-Maunoury, 1914–1993) и Феликс Гайяр д'Эме (Félix Gaillard d'Aimé, 1919–1970), а президентом Республики был Рене Коти (René Coty, 1882–1962) – никто из них не имел еврейских корней. Причины сближения между двумя

странами лежали сугубо в политико-практической, а отнюдь не национально-эмоциональной плоскости.

В то время, когда как американская, так и британская дипломатия прикладывали значительные усилия к созданию военно-политического союза, известного как Багдадский пакт, а также к включению в его состав Египта, французы смотрели на первое с отчужденным недоумением, а на второе – с очевидным неприятием. Профессионалы из МИД Франции, фиксируя на Ближнем Востоке переворот за переворотом, не верили в стабильность арабских режимов и тем более – в стабильность их внешнеполитического курса, поэтому превращение этих стран в «кирпичики», из которых можно выстроить надежную стену региональной безопасности, казалось им иллюзией, причем отнюдь не безопасной. Вместе с тем, не желая ссориться с американцами и опасаясь вызвать их раздражение, французы, что называется, держали свое мнение при себе. Абба Эвен (1915–2002), бывший в 1950–1959 годах одновременно послом Израиля в США и постпредом в ООН, вспоминал о своей встрече с находившимся с визитом в США Пьером Мендес-Франсом, состоявшейся в начале декабря 1954 года, в ходе которой премьер-министр Франции раскритиковал obsessive стремление госсекретаря Д.Ф. Даллеса к строительству военных блоков с мусульманскими странами и его веру в то, что западные модели будут работать и на Ближнем Востоке¹²⁹. Однако

---

¹²⁹ См.: Абба Эвен, *Страницы жизни* (Тель-Авив: «Сифрият Маарив», 1978), стр. 181 [на иврите].

когда информация об этой беседе и высказанных на ней мнениях была опубликована в израильской прессе, возмущенный П. Мендес-Франс устроил по телефону разнос послу Израиля во Франции Якову Цуру (1906–1990), утверждая, что детали переговоров должны были остаться строго конфиденциальными¹³⁰. Обнародованная в израильской прессе информация соответствовала действительности, но и французская сторона, и МИД Израиля опубликовали «решительные опровержения».

В ночь на 1 ноября 1954 года отряды повстанцев атаковали ряд французских объектов в Алжире; так началась многолетняя кровопролитная война. Потрясением стало массовое убийство 120 мирных жителей, включая женщин и детей, совершенное алжирскими повстанцами 20 августа 1955 года в городе Филиппвиль (сейчас – Скикда). Французские власти рассматривали Алжир как интегральную часть своей страны и были намерены сохранить его в качестве таковой. Они были убеждены в том, что повстанцы пользуются поддержкой Г.А. Насера, что определяло их отношение к египетскому лидеру. *Израиль и Францию сближали не национальные сентименты и не память о Холокосте и Сопротивлении, как утверждают авторы, переоценивающие роль моральных факторов в политике; их сближало чувство общего врага, которым был египетский режим. Враг моего врага – мой друг.*

---

¹³⁰ См.: Ицхак Бар-Он, *Зонтик для дождливого дня: военное сотрудничество между Францией и Израилем в 1948–1956 гг.* (Израиль: издатель Эфи Мельцер, 2010), стр. 120 [на иврите].

Боевые действия, которые велись в Корее, Индокитае и Алжире, наглядно продемонстрировали, что даже такие державы, как США и Франция, могут годами вести боевые действия, в которых им отнюдь не гарантирован успех. Эти войны существенно повлияли на формирование стратегического мышления Д. Бен-Гуриона, пришедшего к выводу, что именно такого развития событий необходимо избежать. Израиль был в то время бедной страной с очень ограниченными материальными, военными и людскими ресурсами и ни в коем случае не мог позволить себе вести войну, которая бы затянулась на годы. Как следствие, задача была не в том, чтобы *в конечном итоге* выиграть войну, а в том, чтобы добиться этого максимально быстро, за считанные дни, максимум – недели. Для этого Израилю нужно было иметь существенное превосходство в сфере оснащенности вооружениями, как количественное, так и качественное. Кроме того, представлялось крайне желательным, чтобы Израиль не был одинок в этой войне; поддержка хотя бы одной державы, имевшей право вето в Совете Безопасности ООН, в сложившихся после Второй мировой войны геополитических реалиях имела важнейшее значение. В дополнение к этим двум факторам, нужно упомянуть и третий. В Израиле существовал достаточно широкий консенсус относительно того, что любая выигранная у арабов война лишь на то или иное количество лет отодвигает войну следующую, тогда как поражение станет концом еврейского государства как такового. Именно поэтому *важнейшей задачей стало создание условий, которые бы сделали военную победу над Израилем невозможной в принципе.*

Таким образом, Д. Бен-Гурион фактически отложил вторую израильско-египетскую войну до того момента, когда на каждом из этих трех направлений удастся добиться существенного улучшения ситуации, чтобы война была короткой, целиком велась на территории противника и закончилась его поражением. У Д. Бен-Гуриона не было никаких сущностных разногласий с М. Даяном о том, что *Израиль должен начать войну против Египта до того, как армия Г.А. Насера получит и освоит советское оружие*. Как говорил он сам,

«Я видел в чехословацко-египетской сделке серьезную угрозу нашей безопасности. Мы прилагали отчаянные усилия для того, чтобы достать минимум оружия, и добиться других гарантий нашей безопасности. Вторую задачу мы совсем не смогли выполнить; о выполнении первой я представил Кнессету отчет 15 октября 1956 года. Я отметил тогда, что, хотя «мы не беззащитны, как в начале года, но до сих пор один Египет, а не следует забывать и о соседних странах, обладает по сравнению с нами громадным преимуществом в вооружении и на море, и в воздухе, и на суше. Он имеет советские эсминцы и подводные лодки, реактивные самолеты и бомбардировщики, качество и количество которых сильно превосходит все, что есть у нас»¹³¹.

При этом Д. Бен-Гурион считал, что сам Израиль должен быть существенно лучше готов к войне, и поскольку Франция соглашалась оказать в этом

---

¹³¹ Выступление Д. Бен-Гуриона на пленарном заседании Кнессета 5 марта 1957 г. [на иврите].

всевозможное содействие, то было целесообразно воспользоваться этим по максимуму. Хотя детали францужско-израильского военного сотрудничества сохранялись в тайне и не публиковались, МИД Франции последовательно выступал против него. Там доминировало мнение о том, что Франции нужно не злить Г.А. Насера, а стараться договориться с ним, предложив поставки оружия не Израилу, а, наоборот, Египту – в обмен на прекращение как поддержки алжирских повстанцев, так и антифранцузского радиовещания на волнах каирского радио¹³². Не будет преувеличением сказать, что с начала восстания в Алжире и до середины 1956 года французские дипломаты вели в отношении Г.А. Насера и возглавляемой им страны одну политику, тогда как французские военные – другую, и смены правительств, происходившие в то время в Париже каждые несколько месяцев, ясности и стабильности не способствовали. Складывалась парадоксальная ситуация: руководители МИДа Израйля, реагируя на настрой своих французских коллег, порой выступали против укрепления военного сотрудничества с Францией, вследствие чего Министерство обороны Израйля стало ведомством со своей собственной внешней политикой, а военный атташе в Париже зачастую действовал вразрез с позицией посла.

Не исключено, что даже возглавлявший Генштаб М. Даян не осознавал, насколько далеко простирались устремления Д. Бен-Гуриона, который не посвящал в них

---

¹³² См.: Ицхак Бар-Он, *Зонтик для дождливого дня: военное сотрудничество между Францией и Израилем*, стр. 126–127.

никого, кроме самого узкого круга лиц (в который М. Даян осенью 1955 года еще не входил). Об этих устремлениях ничего не знало большинство членов израильского кабинета министров, который – насколько позволяют судить рассекреченные к настоящему времени протоколы – в полном составе тему эту за все годы, что его возглавлял Д. Бен-Гурион, не обсуждал ни разу. Тем более эта тема никогда в те годы не поднималась на пленарном заседании Кнессета. Д. Бен-Гурион принял решение о том, что Израиль должен обрести свой ядерный щит, который только и сможет стать надежной гарантией обеспечения безопасности страны. Еще в 1952 году в Израиле была создана Комиссия по атомной энергии, которую возглавил профессор химии Эрнст Давид Бергман (1903–1975). Перед ним и его коллегами была поставлена задача превращения Израиля в полноправного члена клуба ядерных держав. *Война против Египта была превращена в звено в реализации именно этого плана.*

Ни у Израиля, ни у какой-либо из арабских стран в первой половине 1950-х годов не было своего военно-промышленного комплекса; все вовлеченные в конфликт стороны зависели от поставок оружия из-за рубежа. Бригадный генерал Ицхак Бар-Он (1921–2013), в 1960–1965 годах служивший военным атташе при посольстве Израиля во Франции, на основании бесед со своими предшественниками утверждал, что уже начиная с сентября 1950 года, когда в Париже с рабочим визитом побывал тогдашний заместитель начальника (а впоследствии – начальник) Генерального штаба Мордехай Маклеф, французы были готовы продавать в Израиль

военную технику собственного производства. Они рекламировали продукцию предприятий своего военно-промышленного комплекса всем израильским представителям, с которыми встречались; особенно активен был исключительно произраильски настроенный Пьер Жильбер (Pierre-Eugene Gilbert, 1910–1982), в апреле 1953 года занявший пост посла Франции в Израиле¹³³.

Однако в Израиле не торопились принимать это предложение, и на то были три основные причины, дополнявшие одна другую. Во-первых, американское и британское оружие, в отличие от французского, было известно по сражениям Второй мировой войны, в его качестве не было сомнений. Во-вторых, в Израиле жило немало ветеранов этой войны, с этим оружием знакомых, то есть, в отличие от французской боевой техники, которую нужно было изучать «с нуля», его можно было сравнительно быстро освоить. В-третьих, существовали планы развития собственного израильского военно-промышленного комплекса, призванного гарантировать независимость страны в деле обеспечения ее безопасности. Однако к 1955 году стало ясно, что руководители США и Великобритании не намерены способствовать существенному пополнению израильских арсеналов (и это несмотря на продолжавшиеся поставки британского оружия Египту), поэтому какими бы знаниями ни обладали те или иные ветераны, воспользоваться ими не получится. Стало ясно и то, что развитие собственного

---

¹³³ См.: Ицхак Бар-Он, *Зонтик для дождливого дня: военное сотрудничество между Францией и Израилем*, стр. 72.

танкостроения и самолетостроения до того момента, как этим оружием будут оснащены войска, займет многие годы, которых как раз в распоряжении Израиля не было. В этих условиях французские предложения стали восприниматься как спасительные, и генеральный директор Министерства обороны Израиля Шимон Перес в ускоренном порядке стал учить французский язык, чтобы общаться со своими собеседниками в Париже, куда он стал летать всё чаще и чаще, без переводчика.

Наиболее чуткими к обращениям Ш. Переса и других израильских представителей были Пьер Кёниг (Marie-Pierre Kœnig, 1898–1970), командовавший в годы Второй мировой войны войсками Сопротивления и арестовавший маршала Петена, а в июне–августе 1954 года и вновь в феврале–октябре 1955 года бывший министром обороны, и его соратник генерал Жорж Катру (Georges Catroux, 1877–1969). С их согласия начиная с февраля 1955 года Франция продавала Израилю – зачастую, в кредит – самые современные самолеты, танки, пушки и радиолокационное оборудование.

Ш. Перес встречался не только с теми, кто занимал определенные посты в правительстве, но и с достаточно широким кругом общественных и политических деятелей; крайне важное знакомство с Ги Молле произошло, когда он еще был депутатом от оппозиции – но уже тогда обещал, что в случае своего прихода к власти, будет поддерживать Израиль. Во второй половине января 1956 года израильская разведка получила более полные сведения о масштабах согласованных поставок советского оружия в Египет, согласно которым эта страна должна

была получить 530 единиц бронетанковой техники (230 танков, 200 бронетранспортеров, 100 самоходных орудий), около 500 стволов артиллерии и 200 истребителей, бомбардировщиков и транспортных самолетов, а также эсминцы, торпедные катера и подводные лодки¹³⁴. Эти данные шокировали даже М. Даяна¹³⁵, и Ш. Перес был срочно делегирован на встречу с Г. Молле, к тому времени ставшим премьер-министром. «Эскалация напряженности делала войну неизбежной, тем более, что данные нашей разведки показывали: египтяне разрабатывают планы масштабного вторжения», – вспоминал Ш. Перес. В переданном через него письме «Бен-Гурион попросил Францию оказать чрезвычайную помощь, давая понять, что без поддержки Молле выживание Израиля окажется под вопросом». Напомнив израильскому гостю об их разговоре, детали которого и Ш. Перес, разумеется, не забыл, Г. Молле ответил согласием на обращенную к нему просьбу¹³⁶.

Ни Израиль, ни Франция по официальным каналам не информировали американцев о том, насколько интенсивным стало военно-политическое сотрудничество

---

¹³⁴ Эти данные приводит Хаим Герцог, в 1948–1950 и 1959–1962 годах возглавлявший Управление военной разведки Израиля, в своей книге *Арабо-израильские войны* (Лондон: Нина Карсов, 1986 [1982]), том 1, стр. 171.

¹³⁵ См.: Моше Даян, *Этапы пути. Автобиография*, стр. 176.

¹³⁶ См.: Шимон Перес, *Робким мечтам здесь не место. О смелости, воображении и становлении современного Израиля* (Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2020 [2017]), глава 2.

между ними (оно распространялось на многие сферы, включая взаимодействие разведслужб и обмен информацией между ними). Однако и в Белом доме, и в Госдепартаменте прекрасно понимали, что Египет и Израиль на полном ходу движутся к войне. Именно тогда американцы впервые прибегли к тактике «челночной дипломатии» между Каиром и Иерусалимом, призванной существенно снизить напряженность между двумя странами.

В целом, Д. Бен-Гурион был горячим сторонником израильско-египетского урегулирования, о чем, например, свидетельствует его дневниковая запись от 12 февраля 1951 года, т.е. за пять месяцев до убийства короля Иордании Абдаллы. Сравнивая целесообразность заключения Израилем мирного договора с Египтом или с Иорданией, Д. Бен-Гурион привел целый ряд аргументов в пользу первого варианта. Во-первых, он указал, что, в отличие от Египта, Иордания представляет собой искусственное государственное образование, созданное Великобританией и существующее во многом благодаря ее поддержке; с потрясающей прозорливостью Д. Бен-Гурион указал, что король этой страны может расстаться с жизнью в любой момент. Во-вторых, учитывая требования Иордании (в одной из предыдущих глав уже говорилось о желании Абдаллы получить контроль над сектором Газа), договор с ней крайне затруднит и, как минимум, существенно отсрочит возможность заключения соглашения с Египтом. (Власти Египта же ни на какие территории, занятые Иорданией, не претендовали). В-третьих, учитывая роль Египта в арабо-мусульманском мире, соглашение с этой

страной проложит путь к политическому и экономическому сближению Израиля и с другими странами региона. В-четвертых, Д. Бен-Гурион надеялся (к сожалению, ошибочно), что две страны не имеют друг к другу ни территориальных, ни каких бы то ни было иных претензий, касающихся отношений между ними¹³⁷.

9 января 1956 года Д. Эйзенхауэр направил личные послания Д. Бен-Гуриону и Г.А. Насеру, в которых сообщал, что направляет на Ближний Восток своего эмиссара; выбор президента пал на бывшего заместителя министра обороны США Роберта Андерсона (Robert Bernard Anderson, 1910–1989)¹³⁸. 11 января Д. Эйзенхауэр и Д.Ф. Даллес встретились с Р. Андерсоном и детально проинструктировали его. Учитывая, что Г.А. Насер отказывался лично встречаться с израильскими руководителями, перед Р. Андерсоном была поставлена цель провести опосредованные израильско-египетские переговоры на высшем уровне. Р. Андерсон выслушивал Д. Бен-Гуриона и М. Шарета (как свидетельствуют документы, одна встреча прошла без участия министра иностранных дел, а на всех остальных он присутствовал, причем однажды всё это проходило непосредственно в его доме), записывал то, что они считали важным донести до египетского лидера, после чего летел на переговоры в Каир, где беседовал с Г.А. Насером; иногда присутствовали

---

¹³⁷ Цит. по: Шауль Зейтуни, *Сдерживание и мир. Усилия Израиля добиться политического урегулирования* (Тель-Авив: «Чериквер», 2000), стр. 175 [на иврите].

¹³⁸ См.: Илан Асия, *Фокус конфликта*, стр. 207.

также Закария Мохи эд-Дин (1918–2012), бывший в то время министром внутренних дел, и Али Сабри. На встречах в Израиле и в Египте Р.Андерсона обычно сопровождали послы США в этих странах.

Р.Андерсон прежде всего встретился 19, 21 и 22 января 1956 года с Г.А.Насером, а 23-го прибыл в Израиль, где находился до 25 января, после чего вновь направился в Каир. (Интересно, что в это же самое время тот же маршрут – вначале в Каир, затем в Иерусалим, куда он прибыл на один день 24 января 1956 года – проделал генсек ООН Даг Хаммаршёльд¹³⁹). 31 января он вернулся в Иерусалим, где провел продолжительные переговоры с Д. Бен-Гурионом и М. Шаретом, после чего в начале февраля вылетел в США. Спустя месяц он вернулся в Каир, 4 и 5 марта беседовал с Г.А. Насером, а 9 марта прибыл в Израиль и встретился с Д. Бен-Гурионом и М. Шаретом; во встрече также участвовали советник главы правительства Израйля по внешней политике Яаков Герцог (1921–1972), впоследствии бывший руководителем администрации премьер-министров Леви Эшколя и Голды Меир, и Тедди Колек (1911–2007), занимавший этот же пост в 1952–1964 годах, а позднее на протяжении почти тридцати лет бывший мэром Иерусалима. Эта встреча оказалась последней – после нее Р.Андерсон вылетел в США и больше на Ближний Восток не вернулся¹⁴⁰.

---

¹³⁹ См.: Давид Бен-Гурион, *Обновленное Государство Израиль* (Тель-Авив: «Ам овед», 1969), том I, стр. 496 [на иврите].

¹⁴⁰ Подробности переговоров см.: David Ben-Gurion, *My Talks With Arab Leaders* (Jerusalem: Keter Books, 1972), pp. 274–325.

Нужно сказать, что этот формат переговоров – через посредника – не нравился Давиду Бен-Гуриону, который однажды прямо сказал Роберту Андерсону: «Многие наверняка скажут: “Господи, когда речь идет о мире, какое значение имеют несколько квадратных километров?!” Мы понимаем их значимость, и Насер тоже их понимает. Если мы встретимся и сядем вместе, то сможем понять друг друга. В вопросах, определяющих наше будущее и само наше существование, боюсь, что человек со стороны, даже самый лучший и благородный, не сможет увидеть их так, как их видим мы»¹⁴¹. В случае, если Г.А. Насер по каким-либо причинам не хотел встречаться лично с ним, Д. Бен-Гурион был готов, чтобы на переговоры отправился М. Шарет. Израильтяне предлагали для переговоров любое удобное противоположной стороне место, вплоть до корабля в водах Средиземного моря. Однако Г.А. Насер отказался от встречи с кем-либо из израильтян, объяснив Р. Андерсону, что в 1951 году это стоило жизни королю Иордании Абдалле, и он опасается повторить его судьбу. При этом президента США интересовала не столько динамика отношений между Египтом и Израилем, сколько вопрос о том, в какой мере Г.А. Насер связывает свое политическое будущее с Кремлем. Интересами Израиля Дуайт Эйзенхауэр вполне был готов поступиться, если это могло помочь разорвать связи Египта с СССР¹⁴².

---

¹⁴¹ Цит. по записи этой встречи, хранящейся в Архиве Д. Бен-Гуриона [на иврите]; см.: Заки Шалом, *Военно-политические дилеммы в первое десятилетие Израиля*, стр. 175.

¹⁴² См.: Илан Асия, *Фокус конфликта*, стр. 206.

В этом, собственно говоря, с самого начала была серьезная проблема. Для американской администрации, и особенно для госсекретаря Д.Ф. Даллеса, приоритетной задачей было склонить Г.А. Насера присоединиться к Багдадскому пакту; если можно было добиться этого, расплатившись уступками, к которым можно было принудить Израиль – то и замечательно. Возможности американской финансовой помощи Египту для сооружения Асуанской плотины, как и приобретение Соединенными Штатами продукции египетской легкой промышленности также рассматривались как предметы торга. Никак нельзя признать случайным тот факт, что Р. Андерсон был делегирован в Египет после того, как Г.А. Насер объявил о начале военно-политического сотрудничества с Советским Союзом. Если американскую администрацию беспокоили именно проблемы египетско-израильских отношений, что мешало делегировать такого эмиссара раньше, например после того, как стало понятно, что Египет не выполняет резолюцию Совета Безопасности ООН №95 от 1 сентября 1951 года об обеспечении свободы израильского судоходства в Суэцком канале и Тиранском проливе? Однако между этой резолюцией и делегированием Роберта Андерсона на Ближний Восток прошло почти четыре с половиной года, и совершенно очевидно, что настоящей причиной его миссии было стремление американцев добиться от Египта не согласия на мир с Израилем, а разрыва с Советским Союзом. На встрече с Р. Андерсоном в Белом доме в присутствии президента Д. Эйзенхауэра госсекретарь США Д.Ф. Даллес, описывая изменившиеся реалии, прямо говорил: «Растет

понимание того, что поддержка Израиля может стать слишком дорогой для жизненно важных национальных интересов Соединенных Штатов. Отныне Израилю придется играть роль доброго соседа для арабов, а не стремиться к самообороне с помощью своей собственной силы и иностранной поддержки. Если израильтяне не осознали этого, они обречены»¹⁴³. В конечном итоге, американцы не добились тогда ни одной из своих целей, но важно понимать, что было для них главным, а что второстепенным, и с какой легкостью они готовы были «разменять» израильские интересы на те, которые были более важны для них в их собственном диалоге с Египтом.

Для Г.А. Насера это во многом был звездный час. После всех угроз, которые он в сентябре 1955 года слышал от Г. Байроуда и К. Рузвельта, спустя три с небольшим месяца личный эмиссар президента Д. Эйзенхауэра учтиво выспрашивал его, на каких условиях он будет готов сделать что бы то ни было. Это был, как представляется, крайне важный урок, который Г.А. Насер усвоил вполне: как бы пугающе ни звучали американские угрозы, их можно игнорировать – и за это не последует никаких санкций. Более того: Г.А. Насер верно понимал, что всё то время, пока он ведет переговоры с Р. Андерсоном, американцы, стремясь продемонстрировать равноудаленность и непредвзятость, не будут поставлять новое оружие в

---

¹⁴³ Протокол их встречи, написанный лично Д.Ф. Даллесом, опубликован в антологии *Foreign Relations of the United States. 1955–1957. Vol. XV. Arab-Israeli Dispute, January 1 – July 26, 1956* (Washington, 1989), документ 14, pp. 20–22.

Израиль (несмотря на многочисленные просьбы об этом израильского правительства¹⁴⁴) – Египет же продолжит пополнять свои арсеналы продукцией советского военно-промышленного комплекса. Г.А. Насер понимал, что сам факт ведения переговоров был существенным фактором, улучшавшим положение его страны. В Израиле столь же хорошо понимали обратное: чем больше проходит времени, тем в менее благоприятном положении находится еврейское государство¹⁴⁵.

В беседах с Р.Андерсоном Г.А. Насер выдвигал Израилю два основных требования. Во-первых, он настаивал на том, что палестинские арабы, покинувшие в 1948 году места своего проживания, должны получить либо право на возвращение, либо существенную денежную компенсацию. При этом Г.А. Насер настаивал на том, что этот выбор должны делать сами арабские беженцы, а выплату компенсаций тем, кто не захочет возвращаться, должно взять на себя Государство Израиль. Во-вторых, он продолжал утверждать, что Израиль оказался ножом, вонзенным в арабский мир, который в результате оказался разделенным надвое. Решить эту проблему Г.А. Насер считал возможным исключительно путем передачи Египту контроля над Негевом. Он настаивал, что передача значительной территории Негева под арабский суверенитет должна создать в широких слоях арабского общества впечатление существенного «исправления

---

¹⁴⁴ 16 января 1956 г. М. Шарет отправил очередное обращение по этому вопросу Д.Ф. Даллесу; см. там же, документ 19, pp. 26–27.

¹⁴⁵ См.: Saadia Touval, *The Peace Brokers*, pp. 131–132.

несправедливости»¹⁴⁶, по сути связанной с самим фактом создания Государства Израиль. Касательно же вопроса Иерусалима, Г.А. Насер отметил, что сложившаяся в 1948 году ситуация фактического раздела города между Израилем и Иорданией предпочтительнее реализации решения Генеральной Ассамблеи ООН о придании городу «международного» статуса¹⁴⁷.

Д. Бен-Гурион решительно отвергал требования Г.А. Насера. Его аргументация сводилась к тому, что проблема беженцев стала следствием войны, в которой арабские страны, включая Египет, напали на Израиль, поэтому именно они должны нести за нее ответственность. Пограничные линии же, установленные Родосскими соглашениями, были в 1949 году согласованы с официальными представителями Египта, а потому нет причин их пересматривать¹⁴⁸.

Р. Андерсон говорил своим иерусалимским собеседникам, что Г.А. Насер заинтересован не в войне, а в мирном урегулировании с Израилем – но на его условиях. Как было сказано выше, эти условия отвергались израильскими руководителями, но главное, что в ходе «челночной дипломатии» Р. Андерсона стало ясно, что

---

¹⁴⁶ Телеграмма Р. Андерсона в Госдепартамент США из Каира от 22 января 1956 г. // *Foreign Relations of the United States. 1955–1957. Vol. XV. Arab-Israeli Dispute*, документ 27, pp. 47–50.

¹⁴⁷ Телеграмма Р. Андерсона в Госдепартамент США из Каира от 21 января 1956 г. опубликована там же, документ 26, п. 17, р. 46.

¹⁴⁸ См.: Заки Шалом, *Военно-политические дилеммы в первое десятилетие Израиля*, стр. 171–173.

президент Египта говорил не о мире, а лишь о прекращении перестрелок и враждебных вылазок *фидаинов* и фактическом восстановлении положения, которое должно было существовать согласно Родосскому соглашению между двумя странами – и не больше. *Г.А. Насер был готов к возобновлению ситуации прекращения огня, за что, однако, требовал от Израиля цену существенно большую, чем предусматривалось Родосским соглашением – и при этом не считал нужным идти ни на какие уступки со своей стороны.* М. Шарет обратил внимание Р. Андерсона на подстрекательскую антиизраильскую пропаганду, ежедневно ведущуюся на волнах каирского радио, указав, что таковая опровергает заверения в том, что Египет не готовится и не стремится к войне с Израилем. Американский посредник согласился с этим замечанием министра иностранных дел Израиля, обратив на это внимание президента Египта, который, впрочем, и в этом вопросе не дал никаких конкретных обещаний¹⁴⁹. В ряде публикаций отмечается, что переговоры, которые вел Р. Андерсон, ни к чему не привели и ничего не изменили. Они действительно ни к чему не привели – но изменили очень и очень многое.

Формат посреднической миссии, инициированной президентом США, давал надежду на то, что Египет изменит свой враждебный антиизраильский курс, и шаг за шагом стороны будут продвигаться если не к миру, то хотя бы к деэскалации. Не только детали переговоров, но и сам факт нахождения в Израиле американского

---

¹⁴⁹ Там же, стр. 172.

эmissара не публиковался, общество находилось в полном неведении. Однако руководители страны сделали горькие выводы. *Провал переговоров Р.Андерсона показал, что если даже личный эmissар Д.Эйзенхауэра, несколько раз побывавший в Каире, уехал, что называется, «не солоно хлебавши», то, значит, на урегулирование израильско-египетского конфликта дипломатическим путем надежд нет никаких.*

Г.А.Насер стремился к лидерству в арабском мире, не без оснований опасаясь, что переговоры и урегулирование с Израилем превратят его в парию. Когда искавший выход из тупика Р.Андерсон предложил Г.А.Насеру согласиться хотя бы на ведение переговоров, где бы его партнером был представитель не Израиля, а той или иной международной еврейской организации с американским паспортом, президент Египта отклонил и эту идею, ответив: *«He would still be a Jew»* [*«Он по-прежнему будет евреем»*]¹⁵⁰. Поэтому именно тот факт, что переговоры, которые вел Р.Андерсон, ни к чему не привели, в корне изменил динамику двусторонних отношений. *Вопрос отныне заключался не в том, будет ли между Египтом и Израилем новая война, а лишь в том, когда и как именно она начнется.*

О том, что он сделал именно такие выводы, Д.Бен-Гурион прямо сказал Р.Андерсону 9 марта 1956 года, напомнив ему о том оружии, которое Египет получал из Советского Союза:

---

¹⁵⁰ См.: Илан Асия, *Фокус конфликта*, стр. 209.

«Мы находимся в ситуации, которая для нас является выбором между жизнью и смертью. Если египетская армия вторгнется в нашу страну и разгромит нашу армию, это будет означать конец существования нашего народа. ... У нас нет возможности предотвратить поставки бомбардировщиков, которые могут долететь и атаковать нас за десять минут. Значительная часть нашего населения сосредоточена в Тель-Авиве и в Хайфе, и они могут пасть жертвами бомбардировок с воздуха с самолетов, развивающих скорость 900 километров в час. ... Когда в распоряжении египетского диктатора будут силы – или ему будет казаться, что они у него есть – достаточные для того, чтобы уничтожить нас, очень трудно предположить, что он устоит перед искушением начать против нас войну».

Отсюда Давид Бен-Гурион делал вывод о том, что укрепление боеспособности израильской армии является задачей жизненно и экстренно важной. «Если США продолжают политику эмбарго на поставки оружия в Израиль в то время, когда Египет получает оружие от Великобритании и СССР, ... то в течение полугода наша страна может быть уничтожена. Для нас обладание сдерживающей силой – это вопрос выживания»¹⁵¹.

---

¹⁵¹ Цит. по записи этой встречи, хранящейся в Архиве МИДа Израиля [на иврите]; см.: Моше Сассон, «О мирных переговорах с соседями», стр. 123. Описание этой беседы в телеграмме Р. Андерсона Д.Ф. Даллесу выдержано в более сдержанной тональности; см.: *Foreign Relations of the United States. 1955–1957. Vol. XV. Arab-Israeli Dispute*, документ 181, pp. 333–336.

Американцы, однако, по-прежнему тянули время, «выражая понимание» израильского беспокойства, но не обещая ничего конкретного. По свидетельству М. Даяна, узнав 3 апреля 1956 года об очередном бессодержательном ответе, полученном Аббой Эвеном от Д.Ф. Даллеса, возмущенный Д. Бен-Гурион охарактеризовал поведение госсекретаря как «низменный обман»¹⁵². Получив 11 апреля 1956 года через американского посла Эдуарда Лоусона (Edward Burnett Lawson, 1895–1962) послание президента Д. Эйзенхауэра с новым призывом к сдержанности после убийства *фидаинами* троих израильтян, Д. Бен-Гурион обратился к нему с резким личным посланием, в котором, в частности, говорилось:

«Правительство Израиля и я в полной мере осознаем искренность Вашего заявления из Белого дома о том, что Соединенные Штаты будут противостоять любой агрессии в этом регионе. Однако я был бы менее откровенен по отношению к Вам и не выполнил свой долг перед своим народом, если бы не сказал, что – при всем его дружеском тоне – это заявление не ослабляет нашу острую обеспокоенность по поводу безопасности Израиля. В настоящее время Египет совершенствует свою военную машину, получая большие арсеналы советского оружия, действуя сообща с Сирией и Саудовской Аравией в твердой решимости добиваться уничтожения Израиля. С другой стороны, Израилю отказывают в возможности получения необходимого оружия для самообороны в результате эмбарго,

---

¹⁵² См.: Моше Даян, *Этапы пути. Автобиография*, стр. 185.

поддерживаемого правительством США. Устав ООН, о котором говорится в заявлении Белого дома, существовал и в 1948 году. Тем не менее, ни один член ООН не пришел на помощь Израилю, когда, провозгласив суверенитет, он подвергся вторжению армий Египта, Сирии, Ирака, Ливана и Иордании.

Ваше осуждение актов враждебности и войны вызывает глубокое эхо в наших сердцах. Позвольте мне, однако, еще раз со всей откровенностью сказать, что нам кажется парадоксальным, что эта декларация не сопровождается положительным откликом на нашу заявку на приобретение оружия в целях самообороны. В нынешней ситуации это единственный эффективный способ сдержать египетскую агрессию и, тем самым, спасти регион и мир от ужасов войны на Ближнем Востоке. Отказ полковника Насера сотрудничать с Вашим личным эмиссаром, с одной стороны, и степень его военной подготовки, с другой, к сожалению, полностью подтверждают нашу оценку его мотивов при заключении соглашений о вооружениях с Чехословакией в сентябре прошлого года. В этих обстоятельствах отсутствие ответа со стороны правительства Соединенных Штатов на наш призыв к незамедлительным действиям является источником серьезного разочарования для моего правительства и моего народа»¹⁵³.

---

¹⁵³ Цит. по телеграмме Эдуарда Лоусона в Государственный департамент; см.: *Foreign Relations of the United States. 1955–1957. Vol. XV. Arab-Israeli Dispute*, документ 272, pp. 520–521.

Однако американцы поставлять оружие в Израиль отказались; единственным следствием этого обращения стало лишь снятие американцами возражений на продажу оружия Израилю *другими* странами – 14 апреля Д. Бен-Гурион сообщил М. Даяну о полученной от Д.Ф. Даллеса телеграмме об этом¹⁵⁴. Как верно отметил В.П. Румянцев, в администрации Д. Эйзенхауэра не было практически ни одной значимой фигуры, через которую Израиль мог бы пытаться осуществлять влияние на внешнюю политику США. Израиль считался тогдашним американским руководством «помехой» в реализации стратегических замыслов ведущих стран НАТО на Ближнем и Среднем Востоке¹⁵⁵. Однажды Д.Ф. Даллес в конфиденциальной беседе с британскими коллегами сравнил Израиль с «камнем на наших шеях»¹⁵⁶. Американцы знали, что Израиль продолжал наращивать военное сотрудничество с Францией, остававшейся единственной страной, которая вела себя как союзник еврейского государства, но, насколько можно судить, детали этого сотрудничества ни одна из сторон Вашингтону полностью не раскрывала.

---

¹⁵⁴ Моше Даян, *Этапы пути. Автобиография*, стр. 188.

¹⁵⁵ См.: Владимир Румянцев, «Длинный путь к непростому партнерству: формирование американо-израильских отношений» // *От мечты – к ее реализации. Формирование израильской государственности: политика, право и международные отношения*, под ред. А.Д. Эпштейна (Иерусалим – Москва – Ереван, 2018), стр. 177–230.

¹⁵⁶ Цит. по: Avi Shlaim, *The Iron Wall. Israel and Arab World* (London: Allen Lane, 2001), p. 204.

Еще 28 марта Ш. Перес докладывал Д. Бен-Гуриону и М. Даяну о том, что удалось договориться о покупке во Франции 72 самолетов Mystere IVA (из коих 12 поступали немедленно, а остальные позднее), 12 самолетов Mystere II, ста танков, в т.ч. 40 американских танков Sherman, торпедных катеров и т.д.¹⁵⁷ При этом во Франции существовали острые разногласия между Министерством обороны, которое возглавлял Морис Бурж-Монури, и Министерством иностранных дел, во главе которого стоял Кристиан Пино (Christian Pineau, 1904—1995). М. Бурж-Монури считал Г.А. Насера равно опасным и для полутора миллионов французов в Алжире, и для полутора миллионов евреев-израильтян, воспринимая израильское противостояние режиму Г.А. Насера как служащее интересам Франции. Напротив, дипломатическое же ведомство считало, что с Г.А. Насером необходимо договориться, а поставки оружия Израилю только разрушают шансы на это.

Операция «Омер» была первым, но не последним примером предотвращенной войны между Израилем и Египтом. *В апреле 1956 года опасность войны между двумя странами вновь стала вполне реальной, и проблема была – пусть и временно – решена только после личного вмешательства генерального секретаря ООН Д. Хаммаршёльда.* К сожалению, не только детали этих переговоров, но и сам факт их проведения почти не упоминается в наши дни в публикациях, посвященных периоду, предшествовавшему Суэцкому кризису.

---

¹⁵⁷ Моше Даян, *Этапы пути. Автобиография*, стр. 183.

В то время, пока продолжалась посредническая миссия Роберта Андерсона, на границе было спокойно, египтяне сдерживали акции *фидаинов*, и от их рук в Израиле на протяжении более чем двух месяцев не погиб ни один человек. Однако 2 апреля группа боевиков-*фидаинов* совершила вылазку из сектора Газа в Израиль, в результате которой один израильский гражданин погиб, а второй был ранен. 4 апреля группа из четырнадцати солдат израильской армии, патрулировавшая границу с сектором Газа, подверглась нападению; огонь велся из трех точек, трое военнослужащих погибли¹⁵⁸. 5 апреля на границе двух стран происходили артиллерийские обстрелы; с египетской стороны 4 человека погибли, еще 9 были ранены. Начиная с трех часов дня, египтяне начали обстрел четырех киббуцев, находившихся наиболее близко к границе: Нирим, Кисуфим, Эй-н-Ха'шлоша и Нахаль-Оз; поздно вечером Моше Даян с группой офицеров посетили все четыре этих населенных пункта, чтобы на месте разработать стратегию их защиты¹⁵⁹. В четверть пятого вечера в тот же день израильские силы начали интенсивный артиллерийский обстрел города Газа, приведший к значительным человеческим жертвам: погибли 62 человека (среди которых было четверо египетских солдат, а остальные – гражданские лица: палестинские арабы и египтяне), 107 были ранены (среди них было семь египетских солдат)¹⁶⁰. Моше Шарет, узнав о

---

¹⁵⁸ См.: Бенни Моррис, *Приграничные войны Израиля*, стр. 398.

¹⁵⁹ См.: Моше Даян, *Этапы пути. Автобиография*, стр. 185.

¹⁶⁰ См.: Бенни Моррис, *Приграничные войны Израиля*, стр. 399.

произошедшем, не находил себе места. По указанию Давида Бен-Гуриона, 6 апреля Моше Даян издал распоряжение, запрещающее артиллерийские обстрелы заведомо гражданских объектов¹⁶¹. Однако было уже слишком поздно.

Египетские власти были шокированы произошедшим в не меньшей мере, чем операцией «Черная стрела» 28 февраля 1955 года. Ничего подобного они явно не ожидали; 5 апреля 1956 года Г.А. Насер имел продолжительную беседу с американским послом Г. Байроудом, в ходе которой он не высказал никаких конкретных опасений в связи с возможным обострением ситуации на израильско-египетской границе; не высказал таких опасений и Г. Байроуд¹⁶². Однако спустя трое суток ситуация виделась американскому послу уже совершенно в ином свете, свидетельством чего служит телеграмма, направленная им в Госдепартамент, в которой он предостерегал о возможности скорой войны: «Я был проинформирован источником [посол не назвал его имя и должность] о том, что израильтяне укрепляют свои позиции к востоку от сектора Газа, а египтяне перемещают танки на передовые позиции на Синае. ... Источник

---

¹⁶¹ См. книгу, написанную тогдашним начальником канцелярии главы Генерального штаба: Мордехай Бар-Он, *Врата Газы: Военная и внешняя политика Государства Израиль в 1955–1957 гг.* (Тель-Авив: «Ам овед», 1992), стр. 145 [на иврите].

¹⁶² См. отчет об их встрече, направленный Г. Байроудом в Госдепартамент: *Foreign Relations of the United States. 1955–1957. Vol. XV. Arab-Israeli Dispute*, документ 252, pp. 483–487.

добавил, что “следующие двенадцать часов прояснят ситуацию”. Я считаю наиболее вероятным, что, если израильские войска повторят свою тактику силового возмездия, египетские силы, в свою очередь, также отомстят силой, и тогда полномасштабная война будет неизбежна»¹⁶³. Однако американский посол проглядел главное, и о том, что в реальности происходило в те дни, в его телеграмме нет ни слова. Г.А. Насер нашел другой ответ, который был асимметричным и жестоким – и о чем он рассказал Г. Байроуду лишь вечером 9 апреля: «Насер ответил, что после израильского обстрела гражданского населения в Газе он принял решение отомстить тем сопоставимым по эффективности оружием, которое имеет в своем распоряжении. Он послал боевиков в Израиль. Им было поручено убить шестьдесят и ранить сто человек, по числу жертв среди гражданского населения в Газе в результате обстрелов Израиля»¹⁶⁴.

На самом деле еще 6 апреля более сотни натренированных *фидаинов* были привезены на грузовиках на границу сектора Газа с Израилем и выпущены группами по 4–7 человек на разных ее участках, экипированные автоматами и ручными гранатами. Их единственной целью было убивать, сея смерть и разрушение: в последующие дни, до 11 апреля 1956 года включительно, они убили 11 и ранили 49

---

¹⁶³ Телеграмма Г. Байроуда в Госдепартамент от 8 апреля 1956 г. опубликована там же, документ 257, pp. 494–495.

¹⁶⁴ Телеграмма Г. Байроуда в Госдепартамент от 9 апреля 1956 г. опубликована там же, документ 260, pp. 498–500.

израильтян, а также нанесли большой ущерб объектам гражданской инфраструктуры, в одном месте взорвав мост, в другом – подорвав железнодорожное полотно. Самые трагические события произошли в сельскохозяйственном общинном поселке Шафрир менее чем в двадцати километрах от Тель-Авива, где были убиты пятеро детей и учительница, находившиеся на учебной экскурсии. В общей сложности шестнадцать палестинских боевиков были убиты, пятеро захвачены в плен, остальным удалось вернуться в сектор Газа или перейти границу с Иорданией и выйти на связь с представителями египетской разведки там (такой сценарий отступления предусматривался инструкциями, которые *фидаины* получили перед началом акции)¹⁶⁵.

М. Даян представил Д. Бен-Гуриону несколько альтернативных планов проведения ответной военной операции, для обсуждения которых на 13 апреля было назначено внеплановое заседание правительства, в ходе которого М. Шарет оказался единственным из министров, кто однозначно выступал против начала масштабных боевых действий; остальные или поддерживали подобную инициативу, или были готовы доверить Д. Бен-Гуриону право принятия окончательного решения. Был объявлен срочный призыв резервистов. Д. Бен-Гурион был настроен весьма решительно, проводя совещания, в которых участвовали начальник Генштаба, командующий ВВС и глава военной разведки¹⁶⁶.

---

¹⁶⁵ См.: Бенни Моррис, *Приграничные войны Израиля*, стр. 401.

¹⁶⁶ См.: Мордехай Бар-Он, *Врата Газы*, стр. 146–148.

Опасаясь начала новой войны между Израилем и Египтом, о своем срочном прибытии в регион объявил тогдашний генеральный секретарь ООН Даг Хаммаршёльд (Dag Hammarskjöld, 1905–1961). Дуайт Эйзенхауэр обратился к Давиду Бен-Гуриону и Гамалю Абд эль-Насеру с личными посланиями, прося их проявить сдержанность и не предпринимать никаких необратимых шагов до тех пор, пока они не встретятся с генеральным секретарем ООН¹⁶⁷. По свидетельству посла США в Израиле, Д. Бен-Гурион «был очень разочарован посланием президента. Он не мог поверить, что президент полностью осознает ситуацию, в которой всё население ежедневно подвергается террору. ... Он сказал, что хотел бы знать, что мы думаем, что его народ должен делать, и что делали бы граждане США, если бы они подвергались атакам из соседних стран со стороны террористов и мародеров, посланных правительством соседнего государства – ведь нет сомнений, что *фидаинов* заслал Насер. ... Он спросил меня: “Вы ожидаете, что мы смиримся с этим?” Право на самооборону является первейшим правом людей!»¹⁶⁸.

Однако Д. Бен-Гурион опасался игнорировать просьбу президента США, и войска, готовые к началу военных действий, вновь получили приказ подождать.

---

¹⁶⁷ См. телеграммы, направленные Д.Ф. Даллесом Э. Лоусону и Г. Байроуду для передачи Д. Бен-Гуриону и Г.А. Насеру в антологии *Foreign Relations of the United States. 1955–1957. Vol. XV. Arab-Israeli Dispute*, документы 263–264, pp. 502–504.

¹⁶⁸ См. телеграмму, направленную Э. Лоусоном в Госдепартамент 10 апреля 1956 г. // Там же, документ 271, pp. 516–519.

Д. Хаммаршёльд вначале прибыл в Каир, где 11 апреля 1956 года встретился с Г.А. Насером. Утром 12 апреля генеральный секретарь ООН известил министра иностранных дел Израиля о том, что Г.А. Насер согласен на восстановление режима прекращения огня. М. Шарет не скрывал возмущение, ответив Генсеку ООН: «Ваше сообщение, включающее ответ полковника Насера, дошло до меня, когда поступили сообщения о возобновлении подлых нападениях в глубине нашей территории, совершаемых египетскими бандами убийц, которые бросали ручные гранаты в мирные жилища, обстреляли школу и синагогу. ... На сегодняшний день было зафиксировано восемь кровавых нападениях: четверо детей убиты, пятнадцать человек ранены. Совершенно бесполезны и ложны заверения полковника Насера. Его отвратительное поведение требует немедленного осуждения от имени ООН»¹⁶⁹.

Однако никакого осуждения не последовало. М. Даян свидетельствовал о резкости, с которой Д. Хаммаршёльд вел переговоры с Д. Бен-Гурионом, утверждая, что убийства, совершенные в поселке Шафрир, произошли до того, как он получил заверения президента Египта, а потому ситуацию нужно рассматривать «с чистого листа»; глубоко оскорбленный тоном одного из посланий Д. Хаммаршёльда, Д. Бен-Гурион вернул его отправителю¹⁷⁰. Однако ничего не помогло: американцы

---

¹⁶⁹ Этот ответ был в тот же день переправлен Э. Лоусоном в Госдепартамент // Там же, документ 274, р. 523.

¹⁷⁰ Моше Даян, *Этапы пути. Автобиография*, стр. 188.

однозначно поддерживали позицию Д. Хаммаршёльда, и 16 апреля Д. Бен-Гурион объявил, что Израиль соглашается на восстановление режима прекращения огня начиная с 18 апреля в шесть часов вечера. *Как и Р. Андерсону, Д. Хаммаршёльду не удалось привести стороны к миру, но он и не ставил перед собой подобной задачи, а вот предотвратить израильско-египетскую войну, которая могла начаться с высокой степенью вероятности, генеральный секретарь ООН сумел.*

Вопреки израильским надеждам, Великобритания вывела свои войска из Египта точно в срок, предусмотренный соглашением 1954 года. 18 июня 1956 года Г.А. Насер поднял египетский флаг над последним зданием в Порт-Саиде, освобожденным англичанами. На празднование окончания вывода британских войск был приглашен Д.Т. Шепилов, возглавивший к тому времени МИД СССР. Советско-египетское партнерство крепло, о чем свидетельствует протокол беседы Д.Т. Шепилова с военным министром Египта А.Х. Амером:

«Военный министр выразил сердечную благодарность советскому правительству за оказанную помощь в оснащении египетской армии нашим оружием, качество которого, а также размеры и темпы поставок превзошли все их ожидания. ... Военный министр выразил также благодарность советскому правительству за помощь в переподготовке египетских военных специалистов. ... Амер добавил, что хотел бы посетить Москву, ... чтобы получить дружеские советы и позаимствовать опыт по строительству и подготовке армии. Тов. Шепилов ответил Амеру, что мы будем

рады показать ему наши академии, технику, познакомить с методом боевой подготовки войск и оказать другую возможную помощь, которую он сочтет для себя полезной. Тов. Шепилов добавил, что в любое время и на любой срок, один или с группой генералов и офицеров, официально или неофициально военный министр может приехать в Москву, где будет по-братски принят»¹⁷¹.

Ситуация, в которой находился Израиль, ухудшалась на глазах, и египтяне прекрасно понимали это. А.Х. Амер сказал Д.Т. Шепилову: «В настоящее время израильская армия утратила свое преимущество над египетской почти по всем линиям: численности, оснащению, подготовке и общей боеспособности. В дальнейшем по мере освоения нового оружия преимущество египетской армии над израильской будет увеличиваться с каждым днем»¹⁷². В Израиле вполне осознавали эту опасность — и прикладывали все силы к тому, чтобы не допустить подобного развития событий.

23 июня на референдуме в Египте была утверждена новая конституция, дававшая Г.А. Насеру, официально избранному президентом, фактически ничем не ограниченные полномочия. Однако не менее важные события происходили в то время в городке Вемар в 29 километрах к северо-востоку от Парижа, хотя в те дни об

---

¹⁷¹ Запись беседы Д.Т. Шепилова с А.Х. Амером от 19 июня 1956 г. опубликована в антологии *Ближневосточный конфликт. 1947–1967*, том I, стр. 433–436.

¹⁷² Там же, стр. 434.

этом знал крайне узкий круг лиц. Именно в Вемаре 23–25 июня 1956 года проходили важнейшие переговоры между руководителями армий Франции и Израиля, для участия в которых из Тель-Авива прибыли начальник Генштаба М. Даян, глава военной разведки И. Харкави и генеральный директор Министерства обороны Ш. Перес. Переговоры были настолько засекреченными, что о них ничего не знал даже посол Израиля в Париже Я. Цур¹⁷³. По необъяснимым причинам, об этих переговорах и поныне нет никаких упоминаний в российских публикациях, посвященных периоду, предшествующему Суэцкому кризису. В диссертации, посвященной политике Франции в связи с этим кризисом, утверждается, что «французские политики сразу после национализации Суэцкого канала были готовы пойти на военное решение Суэцкой проблемы при широкой поддержке общественного мнения Четвертой республики»¹⁷⁴. Правда, однако, состоит в том, что *французские и израильские военные пришли к взаимопониманию и согласию в отношении проведения силовой операции против Египта более чем за месяц до того, как Г.А.Насер объявил о национализации Суэцкого канала*. Уже там, в Вемаре, М. Даян сказал: «Особенность настоящего

---

¹⁷³ См.: Ицхак Бар-Он, *Зонтик для дождливого дня: военное сотрудничество между Францией и Израилем*, стр. 273–275.

¹⁷⁴ Ольга Ковтун, «Политика Франции в связи с Суэцким кризисом 1956 г.». Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук (Томск: Томский государственный университет, 2011), стр. 17.

момента – стремление Насера уничтожить европейское влияние на Ближнем Востоке. У нас нет общего конфликта с арабским миром. Основная цель – падение Насера. В отношении действий против создания советской базы в Египте, мы не считаем это только своей проблемой – это международная проблема. В нашей деятельности против Насера мы будем готовы действовать сообща с вами, если вы будете готовы действовать сообща с нами»¹⁷⁵. Французы приняли предложение, и уже тогда были согласованы поставки для нужд израильской армии дополнительно 200 танков, 72 самолетов и т.д.

За два месяца до этого, 23 апреля, выступая в программе армейской радиостанции, Моше Даян говорил о том, что у Израиля нет соглашения, аналогичного соглашению Египта с Чехословакией, и все попытки заключить таковое с американцами и с англичанами оказались безуспешными¹⁷⁶. Договоренности, достигнутые в Вемаре, как раз и стали противовесом советско-египетскому соглашению. В отличие от Г.А. Насера, израильские руководители не кичились этим, выступая на площадях, но у них были веские основания рассчитывать на то, что не только военный, но и политико-дипломатический баланс сил в регионе восстанавливается. Последовавшие вскоре события продемонстрировали, насколько сильно Г.А. Насер переоценивал свои возможности. Регион стоял на пороге крупнейшего кризиса, сразу же обретшего общемировое значение.

---

¹⁷⁵ Моше Даян, *Этапы пути. Автобиография*, стр. 205.

¹⁷⁶ Там же, стр. 189.

СУЭЦКИЙ КРИЗИС И ПУТЬ КО ВТОРОЙ ИЗРАИЛЬСКО-ЕГИПЕТСКОЙ ВОЙНЕ

---

26 июля 1956 года Г.А. Насер выступал на митинге в Александрии; каирское радио транслировало его речь, посвященную четвертой годовщине свержения короля Фарука, в прямом эфире. По свидетельству Е.М. Примакова, «во время своего выступления Насер произнес несколько раз подряд кодовое слово, по которому заранее подготовленные группы взяли под свой контроль все офисы Компании Суэцкого канала – в Порт-Саиде, Суэце, Исмаилии. “В этот момент, когда я обращаюсь к вам, – сказал Г.А. Насер, – Компания Суэцкого канала от имени египетского народа уже национализирована”»¹⁷⁷. Г.А. Насер заявил, что пришло время «провозгласить египетскую “Декларацию независимости от империализма”». В Лондоне это сочли ударом в спину; ситуация изменилась, и кардинально.

Британская экономика в значительной степени зависела от поставок нефти, осуществляемых через морской путь, связывавший Средиземное и Красное моря. В 1955 году из 39,8 миллионов тонн нефти, поставляемой Великобритании с Ближнего и Среднего Востока, 23,3 миллиона тонн транспортировалось через Суэцкий канал, а из всех судов, пользовавшихся каналом, каждое третье

---

¹⁷⁷ Евгений Примаков, *Ближний Восток на сцене и за кулисами*, стр. 47.

проходило под британским флагом¹⁷⁸. Информация о выступлении Г.А. Насера была сразу же передана премьер-министру Великобритании Энтони Идену (Anthony Eden, 1897–1977). 27 июля состоялось заседание кабинета министров, на котором были обсуждены последствия национализации Суэцкого канала, а также определена стратегия действий. «Устранение Насера и создание в Египте режима, менее враждебного Западу, являются наиболее важными нашими целями», – отметил Э. Иден¹⁷⁹. Он имел огромный внешнеполитический опыт, ибо трижды – в 1935–1938, 1940–1945 и 1951–1955 годах – занимал пост министра иностранных дел.

Позицию Лондона сразу же поддержали в Париже. Тогдашний посол США во Франции Кларенс Д. Диллон (Clarence D. Dillon, 1909–2003) – позднее он был заместителем госсекретаря, а в 1961–1965 гг. – министром финансов США – в тот же день сообщил в Госдепартамент, что министр иностранных дел Франции К. Пино сравнил действия Г.А. Насера с захватом А. Гитлером Рейнской области в 1936 году и выразил непреклонную решимость своего правительства «не дать Насеру возможности уйти с добычей». В противном случае, считал глава французской дипломатии, у арабских стран появится соблазн уже в

---

¹⁷⁸ См.: Владимир Румянцев, *Ближневосточная политика США и Великобритании в 1956–1960 гг.* (Томск: Издательство Томского университета, 2010), стр. 21–22.

¹⁷⁹ См.: Peter L. Hanh, *The United States, Great Britain, and Egypt, 1945–1956. The Strategy and Diplomacy in the Early Cold War* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1991), p. 213.

«ближайшие три месяца национализировать нефтепроводы на Ближнем Востоке» и тогда Европа «будет полностью зависеть от доброй воли арабских правительств. Подобная ситуация явно недопустима»¹⁸⁰.

Французское правительство поручило своему посольству в Вашингтоне запросить у Координационного комитета по вооружениям на Ближнем Востоке (Near East Arms Coordinating Committee), созданного в соответствии с Тройственной декларацией США, Великобритании и Франции от 25 мая 1950 года, одобрения немедленной отправки Францией еще 24 самолетов Mystere IV в Израиль. Скрывать достигнутые в Вемаре договоренности больше не было особого смысла. Власти Франции также обратились к правительству Канады, убеждая их согласиться на немедленную продажу Израилю американских реактивных истребителей F-86¹⁸¹. Французы давно жаждали, чтобы по режиму Г.А. Насера был нанесен сокрушительный удар, и это в очень значительной мере мотивировало их поставлять оружие в Израиль, но сложилась принципиально новая ситуация, потенциал которой в Париже оценили сразу: власти Великобритании переставали быть противниками этого курса. Соответственно, *нужно было максимально подготовить Израиль, чтобы ему было чем воевать,*

---

¹⁸⁰ Телеграмма из посольства США во Франции в Госдепартамент от 27 июля 1956 г. опубликована в антологии *Foreign Relations of the United States, 1955–1957. Volume XVI. Suez Crisis* (Washington, 1990), документ 4, pp. 7–9.

¹⁸¹ Эта информация содержится в той же телеграмме.

когда Париж и Лондон договорятся о том, как начать войну. Израильские руководители не доверяли Великобритании – и наоборот, но в Париже верили, что смогут сгладить противоречия и выстроить нужные мосты.

Израильский историк Моти Голани справедливо указал, что в ходе боевых действий, начавшихся 29 октября 1956 года, три её участницы-союзницы – Великобритания, Франция и Израиль – вели, по сути, три разных войны, стремясь к достижению весьма разных целей, лишь в очень ограниченной мере доверяя друг другу¹⁸². Первая задача французов состояла в том, чтобы убедить англичан согласиться на то, чтобы ключевую роль в войне за возвращение контроля над Суэцким каналом сыграл Израиль, к контролю над этим каналом совершенно не причастный и на него не претендовавший. Вторая задача французов состояла в том, чтобы обеспечить Израиль оружием, которого было бы достаточно для его сокрушительной военной победы – и хотя победа эта была нужна французам в не меньшей мере, чем израильтянам, за поставки танков, самолетов и иных вооружений Париж рассчитывал получить – и получал – немалые суммы.

В Каире понимали, что за Суэцкий канал Британия будет готова воевать, но также понимали, что воевать при этом будет Израиль, о чем свидетельствовали оценки и прогнозы, высказанные министру иностранных дел СССР

---

¹⁸² См.: Motti Golani, “The Sinai War, 1956: Three Partners, Three Wars”, in David Tal (ed.), *The 1956 War. Collusion and Rivalry in the Middle East* (London: Frank Cass, 2001), pp. 169–193.

Д.Т. Шепилову послом Египта в Москве Мохаммедом Авадом аль-Куни уже 27 июля 1956 года. По его словам, «Англия, поддерживаемая США, ... может пойти очень далеко. ... Англия не может совершить какого-либо прямого акта агрессии, но может сделать это через Израиль. ... Англичанам нет необходимости идти на прямое использование своих вооруженных сил, поскольку имеется Израиль. Когда Израиль предпримет действия со своей стороны, то англичане присоединятся к нему»¹⁸³.

Всё так и произошло; посол ошибся в том, что предвидел поддержку действий Великобритании со стороны США, которая оказана не была, и не задумался о том, что на стороне Великобритании выступит Франция, которая как раз активнее всего к войне подталкивала. «Франция явилась ключевым организатором военной операции против Египта, поскольку именно французскому руководству удалось объединить усилия Великобритании и Израиля, несмотря на некоторые разногласия между ними, и предпринять военное давление на Египет с целью принудить египетского президента Г.А. Насера вернуть Суэцкий канал под международное управление»¹⁸⁴. Но осознание того, что западные державы будут с Египтом воевать, рискуя при этом жизнями прежде всего не своих солдат и офицеров, а израильских, было верным.

---

¹⁸³ Запись беседы посла М.А. аль-Куни с Д.Т. Шепиловым опубликована в антологии *Ближневосточный конфликт. 1947–1967*, том I, стр. 458–462; цитируемый фрагмент на стр. 459.

¹⁸⁴ Ольга Ковтун, «Политика Франции в связи с Суэцким кризисом 1956 г.», стр. 17.

Уже 27 июля представители Министерства обороны Франции сообщили находившемуся в Париже Шимону Пересу о том, что на следующий день назначено проведение срочных консультаций в Лондоне между Э. Иденом и К. Пино в отношении шагов, которые следует предпринять в связи с заявлением Насера в отношении Суэцкого канала¹⁸⁵; Ш. Перес телеграфировал об этом Д. Бен-Гуриону, который передал эту информацию М. Даяну¹⁸⁶. Сразу же было решено, что в этих консультациях будут участвовать и военные эксперты, из чего было понятно, что возможность начала боевых действий рассматривалась как весьма вероятная. Французские военные обратились к своим израильским коллегам с просьбой предоставить всю имевшуюся у них информацию, касающуюся сухопутных, морских и военно-воздушных сил Египта. М. Даян хотел использовать сложившуюся ситуацию для укрепления статуса военного атташе, постоянно работавшего в Париже, пытаясь оговорить передачу запрошенных французами материалов именно через него, однако Ш. Перес настоял на своем и уже утром следующего дня передал срочно присланные из

---

¹⁸⁵ См.: Ицхак Бар-Он, *Зонтик для дождливого дня: военное сотрудничество между Францией и Израилем*, стр. 315.

¹⁸⁶ См.: Моше Даян, *Этапы пути. Автобиография*, стр. 218. М. Даян не называет конкретные имена израильтян, с которыми французы поделились этой информацией. Известно, что кроме Ш. Переса, во встрече участвовал Йосеф Нахмиас (1912–2008), бывший в 1954–1957 гг. постоянным представителем Министерства обороны Израиля в Париже.

Израиля данные министру обороны Франции Морису Бурж-Монури¹⁸⁷. Не упоминая имени Ш. Переса, М. Даян цитировал в своей книге присланную тем 27 июля 1956 года из Парижа телеграмму: «Французы с улыбкой заметили, что Израилю стоит быть готовым внести свой вклад [в военную операцию], если к нему поступит просьба об этом»¹⁸⁸. М. Даян не упомянул, что ответил на это Ш. Перес, поскольку сам Ш. Перес в присланной им в Израиль телеграмме не написал об этом. Как рассказал он впоследствии своему будущему биографу, М. Бурж-Монури спросил, сколько времени займет у израильской (!) армии занять Синайский полуостров и выйти к Суэцкому каналу. Ш. Перес ответил, что, согласно существовавшим в Генеральном штабе израильской армии оценкам, это должно занять от пяти до семи дней. Французский министр спросил, планирует ли Израиль подобную операцию – и когда, на что Ш. Перес ответил уклончиво, указав, что «Израиль никогда не смирится с блокадой Эйлата». После чего прозвучал прямой вопрос: «Если Франция начнет войну против Египта, будет ли готов Израиль присоединиться к ней?». Не имея на этот счет никаких инструкций, без того, чтобы этот вопрос обсуждался в правительстве или Кнессете, Ш. Перес на свой страх и риск сразу же ответил: «Да»¹⁸⁹.

---

¹⁸⁷ См.: Ицхак Бар-Он, *Зонтик для дождливого дня: военное сотрудничество между Францией и Израилем*, стр. 318–320.

¹⁸⁸ См.: Моше Даян, *Этапы пути. Автобиография*, стр. 218.

¹⁸⁹ Свидетельство Ш. Переса цит. по: Михаэль Бар-Зохар, *Феникс. Шимон Перес – политическая биография*, стр. 195.

Израиль, как указывалось в предыдущих главах, готовился к войне, обосновывая это тем, что Египет не соблюдает Родосское соглашение. Выступая 19 июня 1956 года в Кнессете, Давид Бен-Гурион заявил:

«Это правительство декларировало, что оно готово, как и ранее, в полном объеме соблюдать дух и букву Соглашения о прекращении огня, но подобная обязанность возлагается и на вторую сторону. Договор, который будет нарушен второй стороной, не будет обязывать и нас. Когда недавно в Израиль прибыл генеральный секретарь ООН, мы демонстрировали именно такой подход: мы безусловно принимаем прекращение огня, но, конечно, на основе взаимности. ... Мы хотим, чтобы на границе было спокойно, чтобы наши населенные пункты были в безопасности, чтобы не было стрельбы и не было случаев незаконного пересечения границы. ... Первый пункт Соглашения о прекращении огня нарушается Египтом все годы [после его подписания]: он нарушается, когда они угрожают нам войной, когда провозглашают, что находятся с нами в состоянии войны. Они объявили нам блокаду и не пропускают наши суда. Соглашение, как мы подчеркнули, – цельный документ. Мы готовы полностью выполнять его, если так же будет вести себя и вторая сторона, а если нет – то нет и Соглашения. ... Я хочу объявить здесь, что такова будет наша политика и в будущем»¹⁹⁰.

---

¹⁹⁰ Цит. по: Давид Бен-Гурион, *Обновленное Государство Израиль*, том I, стр. 515–516 [на иврите].

Существование в военно-политическом руководстве Израиля относительного консенсуса в отношении того, что действия Египта не могут оставаться без ответа, не означало наличие такого же консенсуса в отношении того, *какой именно* ответ должен быть дан. М. Даян выступал – и руководил подготовкой соответствующих планов – за масштабные бомбардировки в глубине египетской территории, которые могли привести к многочисленным жертвам; некоторые военные специалисты оценивали их в тысячи. Д. Бен-Гурион, в свою очередь, был сторонником проведения куда более ограниченных военных операций, при этом считая возможным и верным их неоднократное повторение до тех пор, пока не будет достигнут желаемый политический результат¹⁹¹. В отличие от М. Даяна, Д. Бен-Гурион скептически относился к возможности решения проблем «одним ударом», будучи уверенным, что за «первым раундом» арабо-израильской войны (так он называл события 1948–1949 годов) неминуемо последует второй, а за вторым – третий и т.д., ибо руководители арабских стран не смирились с самим фактом существования еврейского государства – и будут стремиться уничтожить его *всякий раз*, как им будет казаться, что у них есть такая возможность. М. Даян верил, что можно добиться ясной и решительной победы над Египтом, Д. Бен-Гурион же считал, что никакая победа не приведет к прекращению войн «раз и навсегда».

---

¹⁹¹ См.: Том Сегев, *Государство любой ценой. История жизни Давида Бен-Гуриона* (Иерусалим: «Кетер», 2018), стр. 545 [на иврите].

Представляется, что этот принципиальный спор был следствием различий биографий Д. Бен-Гуриона и М. Даяна, и дело было не в том, что глава правительства был на тридцать лет старше главнокомандующего армией. М. Даян родился в 1915 году в Дгании – первом киббуце, созданном еврейскими переселенцами в Палестине/Эрец-Исраэль (за пять лет до его появления на свет). Вся история Дгании – и вся история жизни самого М. Даяна – представляла собой цепочку сплошных побед. Дгания стала именоваться «матерью киббуцев»; ко дню провозглашения государственной независимости Израиля их общее число достигло 176, к середине 1950-х – выросло до 214, в них жили почти семьдесят тысяч человек (в сравнении с группой из всего десяти мужчин и двух женщин, основавших Дганию!). В период арабских волнений 1936–1939 годов М. Даян служил в еврейских отрядах самообороны и был арестован британскими властями, после чего больше года провел в тюрьме города Акко – но уже спустя менее чем десять лет он стал командующим Иерусалимским фронтом в победной для Израиля Войне за независимость, а еще через пять лет возглавил Генштаб армии. Д. Бен-Гурион, в свою очередь, 24 августа 1956 года отметил пятидесятилетие эмиграции из Плоньска, где он родился и провел первые двадцать лет своей жизни; многочисленная еврейская община этого города, находящегося в шестидесяти километрах от Варшавы, постоянно страдала от антисемитизма и была почти полностью уничтожена в годы Холокоста. Жизнь М. Даяна проходила среди героических свершений; жизнь Д. Бен-Гуриона – среди неустанной борьбы за выживание.

27 июля Э. Иден направил обстоятельное письмо Д. Эйзенхауэру, полностью посвященное кризису вокруг Суэцкого канала; Израиль в нем ни разу не упоминался¹⁹². Вопреки египетским опасениям, президент США просил Э. Идена «проявить выдержку», призывая разрешить конфликт дипломатическими средствами. Д. Бен-Гурион не верил, что Э. Иден, которого он считал излишне осторожным политиком, решится действовать против Египта без поддержки США. В отличие от египетского посла в Москве, Д. Бен-Гурион верно предположил, что американцы поддержку британцам не окажут («Нет никаких шансов, что этот прохвост Даллес поддержит столь дерзкий выпад против арабов и русских», – говорил он, по свидетельству М. Даяна¹⁹³, о госсекретаре), но решительность премьер-министра Соединенного королевства, как показали последующие события, он недооценил. Как бы то ни было, началась бурная дипломатическая деятельность, в которой израильские официальные лица принимали весьма ограниченное участие, и это несмотря на то, что уже 27 июля египетский посол в Париже однозначно сказал министру иностранных дел Франции К. Пино, что после национализации никакие израильские суда не смогут проходить через Суэцкий канал¹⁹⁴. 30 июля Абба Эвен на

---

¹⁹² Послание Э. Идена Д. Эйзенхауэру от 27 июля 1956 г. опубликовано в антологии *Foreign Relations of the United States, 1955–1957. Volume XVI. Suez Crisis*, документ 5, pp. 9–11.

¹⁹³ См.: Моше Даян, *Этапы пути. Автобиография*, стр. 220.

¹⁹⁴ См: Christian Pineau, 1956. *Suez* (Paris: Laffont, 1976), p. 79.

встрече в Госдепартаменте озвучил предложение израильского правительства о прорытии альтернативного Суэцкому морского канала, который проходил бы по территории Израиля и связывал Красное и Средиземное моря через Акабский залив, а также о строительстве нефтепровода из Эйлата к Средиземному морю¹⁹⁵, но эти идеи никто не стал рассматривать всерьез.

2 августа США опубликовали совместное с Англией и Францией заявление с предложением созвать конференцию представителей 24 стран, пользовавшихся Суэцким каналом, чтобы выработать план передачи управления им некоему международному органу. Таковая конференция действительно открылась в Лондоне 16 августа и продлилась до 23 августа; в ее работе участвовали делегаты от 22 стран, включая СССР, – и разумеется, ни к какому согласию они не пришли. В Лондоне же как раз возникло редкое внутривнутриполитическое согласие. Глава консерваторов и премьер-министр страны Э. Иден сделал заявление в Палате общин, в котором резко осудил национализацию Компании Суэцкого канала. Лидер Лейбористской партии Х. Гейтскелл был «глубоко потрясен своевольным и абсолютно не имеющим оправдания шагом египетского правительства», заявив 2 августа, что «Насер стремится создать Арабскую империю от Атлантики до Персидского залива...». Лидер

---

¹⁹⁵ Протокол встречи А. Эвена и Р. Шилоаха с сотрудниками Госдепартамента Дж. Алленом и С. Блэкистоном, прошедшей 30 июля 1956 г., см. в антологии *Foreign Relations of the United States, 1955–1957. Volume XVI. Suez Crisis*, док. 29, pp. 50–53.

Либеральной партии К. Дэвис описал национализацию канала как «прискорбный акт». Отсутствие оппозиции по данному вопросу в парламенте дало существенную свободу маневра Э. Идену, который «усматривал в Г.А. Насере угрозу политике Великобритании в регионе Ближнего и Среднего Востока, полагая, что если действовать быстро и решительно, то его свержение и замена режимом, менее враждебным Западу, не будет трудной задачей»¹⁹⁶.

Англичане и французы уже в первую декаду августа начали подготовку к войне, начав переброску войск и вооружений на британскую базу на Кипре; 7 августа французы известили Израиль, что у них нет свободных военных судов для обеспечения согласованных поставок оружия, ибо они нужны им самим для доставки военной техники на Кипр¹⁹⁷. За неимением выхода, после этого танки прибывали в Израиль на обычных транспортных судах. С июля по октябрь 1956 года в Израиль прибыло значительное количество оружия из Франции, и естественно, что множество людей участвовало в связанных с этим мероприятиях – и невозможно было надеяться, что ни один из них не поделится информацией об этом. Дабы никто из журналистов не счел правильным раструбить миру о военно-политической сенсации (а все эти поставки проходили в тайне, как от египтян, так и от американцев), Давид Бен-Гурион пригласил на встречу

---

¹⁹⁶ Елена Хахалкина, «Суэцкий кризис 1956 г. – поворотный момент британской внешней политики?» // *Вестник Томского государственного университета*, №404 (2016), стр. 159.

¹⁹⁷ См.: Моше Даян, *Этапы пути. Автобиография*, стр. 220.

редакторов всех выходивших в стране газет и лично рассказал им о заключенном с Францией соглашении, указав, что эта информация не может быть опубликована¹⁹⁸; военной цензуре были даны соответствующие распоряжения. Ни в одной израильской газете о том, что арсеналы израильской армии существенно увеличивались от недели к неделе, не публиковалось никакой информации – до тех пор, пока сам Давид Бен-Гурион 15 октября 1956 года не рассказал об этом с трибуны Кнессета¹⁹⁹.

Информация о совместном плане Британии и Франции по захвату Суэцкого канала поступила в Израиль от военного атташе в Париже 1 сентября 1956 года. Тогда же стало известно, что командовать этой операцией, получившей кодовое название «Мушкетер», будет британский генерал сэр Чарльз Кейтли (Charles Keightley, 1901–1974), а его заместителем будет французский адмирал Пьер Бажо (Pierre Barjot, 1899–1960). По свидетельству М. Даяна, согласно полученной тогда телеграмме, Израиль будет приглашен присоединиться к боевым действиям на седьмой день с момента начала войны²⁰⁰. Если М. Даяна не подвела память, то возможно одно из двух: или военный атташе Израиля в Париже получил – и передал – недостоверную информацию, или вскоре планы кардинально изменились.

---

¹⁹⁸ См.: Давид Бен-Гурион, *Обновленное Государство Израиль*, том I, стр. 517.

¹⁹⁹ См. там же, стр. 518–524.

²⁰⁰ См.: Моше Даян, *Этапы пути. Автобиография*, стр. 223.

Д. Бен-Гурион в первой половине сентября 1956 года испытывал серьезнейшие колебания: в 1954–1955 годах он сам неоднократно предлагал членам правительства утвердить проведение той или иной инициированной Израилем военной операции против Египта, а вернувшись на пост премьер-министра, раз за разом оказывался в ситуации, когда сдерживал пыл М. Даяна и А. Шарона, предложения которых по проведению «акций возмездия» на территории Египта (включая сектор Газа), Иордании и Сирии проходили теперь через двойное сито: часть их сразу же отвергал лично Д. Бен-Гурион, а часть отклонялась на заседаниях правительства. Вот как вспоминал об этом Рафаэль Эйтан (1929–2004), тогда бывший молодым офицером, а в 1978 году ставший начальником Генерального штаба израильской армии: «“Операции возмездия” на египетской границе должны были убедить египтян, что им придется заплатить дорогую цену за бесконечные проникновения в Израиль, нападения террористов на мирное население не только с разрешения египетских властей, но по их прямой инициативе. ... Мы находились в постоянном напряжении. Много операций, запланированных и разработанных нами, было в последний миг отменено указанием свыше»²⁰¹. В качестве министра обороны Д. Бен-Гурион регулярно встречался с молодыми офицерами, за самых храбрых из которых он чувствовал отеческую гордость, но другие члены правительства вели себя и думали иначе.

---

²⁰¹ См.: Рафаэль Эйтан при участии Дова Гольдштейна, *Повесть солдата*, пер. с ивр. Е. Бауха (Израиль: «Яир», 1987), стр. 75, 78.

10 сентября 1956 года госсекретарь США Д.Ф. Даллес выдвинул план создания международной Ассоциации пользователей Суэцким каналом. 19–21 сентября в Лондоне собралась вторая международная конференция, которая большинством голосов одобрила этот план; формально Ассоциация была создана четырнадцатью странами в октябре²⁰². Эти решения, однако, не имели большого практического значения, ибо среди участников сентябрьского форума не было представителей Египта; поддерживая Г.А. Насера, Советский Союз также эту конференцию бойкотировал.

18 сентября Шимон Перес вновь отбыл в Париж. Беседуя с ним утром того же дня, Моше Даян отметил три важных момента, на которые просил обратить внимание. Во-первых, инициатива по привлечению Израиля к военной операции против Египта должна исходить от Франции, которая должна пригласить уполномоченную израильскую делегацию на ведение официальных переговоров. Во-вторых, крайне важно удостовериться, что ни при каком развитии конфликта не возникнет опасность вооруженного столкновения между Великобританией, связанной союзническими обязательствами с Иорданией, и Израилем. В-третьих, если начнется война, в результате которой изменятся границы в регионе, Израиль должен и после окончания боев сохранить под своим контролем Абу-Агейлу, Рафиях и Шарм аш-Шейх, чтобы обеспечить свободу судоходства в Тиранском проливе²⁰³.

---

²⁰² См.: Михаил Пелипась, «Суэцкий кризис 1956 г.», стр. 564.

²⁰³ См.: Моше Даян, *Этапы пути. Автобиография*, стр. 228.

В Израиле серьезно опасались, что в случае нападения на Египет власти Иордании откроют второй фронт; рассматривался и вариант вступления армии Ирака на территорию Иордании и ее беспрепятственного продвижения до израильских границ. Возможная необходимость защищать восточную границу страны одновременно с ведением боев на юго-западных рубежах очень беспокоила и Д. Бен-Гуриона, и М. Даяна. К счастью для Израиля, эти опасения не сбылись; когда война против Египта началась, ни Иордания, ни Ирак не начали боевые действия против еврейского государства.

Дипломатия продолжалась, как будто приготовления к войне уже не шли полным ходом почти два месяца. 23 сентября Великобритания и Франция обратились в Совет Безопасности ООН с просьбой обсудить «ситуацию, возникшую в результате односторонних действий египетского правительства», которое, в свою очередь, попросило обсудить «направленные против Египта действия некоторых держав, особенно Франции и Великобритании, которые составляют угрозу международному миру и являются серьезным нарушением Устава ООН»²⁰⁴. Заместитель министра иностранных дел СССР В.А. Зорин вызвал 24 сентября исполняющего обязанности израильского посла и передал ему устное заявление советского правительства, в котором прямо говорилось именно о совместной деятельности Парижа и Иерусалима по подготовке к войне: «Обращает на себя внимание тот факт, что в израильской печати 9 сентября

---

²⁰⁴ См.: Михаил Пелипась, «Суэцкий кризис 1956 г.», стр. 565.

появилось сообщение о заявлении французского посла в Израиле Жильбера о том, что Израиль будет выступать против Египта на стороне Запада, причем израильское правительство не выступило с опровержением такого провокационного заявления»²⁰⁵. 27 сентября посол СССР в Египте Е.Д. Киселев (1908–1963) передал министру иностранных дел этой страны М. Фаузи содержание этого заявления²⁰⁶. Днем ранее, 26 сентября, посол СССР в Израиле А.Н. Абрамов был принят министром иностранных дел Израиля Голдой Меир. Они провели между собой обстоятельный и очень непростой разговор, отчитываясь о котором А.Н. Абрамов не без оснований указал: «Следует отметить, что Меир обошла молчанием наше обвинение Израиля в намерении воевать на стороне Запада против Египта»²⁰⁷.

И на то, разумеется, были веские причины, в которые Голда Меир советского посла посвящать не стала. В те самые дни она готовилась к поездке в Париж во главе израильской делегации, в которую входили также министр транспорта, генерал в отставке Моше Кармель (урожденный Залицкий, 1911–2003), а также начальник Генерального штаба армии Моше Даян и генеральный

---

²⁰⁵ Запись беседы В.А. Зорина и А. Шлуша и сделанное устное заявление правительства СССР опубликованы в антологии *Ближневосточный конфликт. 1947–1967*, том I, стр. 500–502.

²⁰⁶ Сделанная советским послом запись беседы М. Фаузи и Е.Д. Киселева опубликована там же, стр. 507–509.

²⁰⁷ Сделанная советским послом запись беседы Г. Меир и А.Н. Абрамова опубликована там же, стр. 502–504.

директор Министерства обороны Шимон Перес. В Париж они прибыли уже 29 сентября. На встрече с ними накануне вылета Д. Бен-Гурион сформулировал те условия, которые были наиболее желательными для Израиля для вступления в войну. Израиль не будет начинать войну один и без причины, но будет готов к вступлению в нее одновременно с Францией – или с совместными силами Франции и Британии. Д. Бен-Гурион заранее остановился и на желаемых результатах этой войны: для обеспечения свободы судоходства в Эйлат Израиль хотел бы сохранить контроль над восточным берегом Красного моря и добиться демилитаризации Синайского полуострова²⁰⁸.

В израильском правительстве не было единства мнений в отношении целесообразности ведения войны против Египта; министр образования и культуры З. Аран считал это чрезмерно опасной и рискованной авантюрой. Однако Д. Бен-Гурион полагал, что избежать войны с Г.А. Насером, который постоянно угрожал уничтожить Израиль, все равно не удастся, а коли так, то предпочтительнее действовать не в одиночку, а при поддержке западной державы, являвшейся постоянным членом Совета Безопасности ООН, ведь второго подобного шанса может и не представиться²⁰⁹. В прежние времена наиболее активным противником идеи войны с Египтом был М. Шарет, но 19 июня 1956 года он был выведен из правительства, а его место во главе МИДа заняла Г. Меир.

---

²⁰⁸ Моше Даян, *Этапы пути. Автобиография*, стр. 231–232.

²⁰⁹ См.: Motti Golani, *Israel in Search of War: The Sinai Campaign 1955–1956* (Brighton: Sussex Academic Press, 1998), pp. 77–79.

По ее свидетельству, о том, что Израиль начинает войну против Египта, М. Шарет ничего не знал вплоть до дня начала боевых действий²¹⁰.

Переговоры, в которых участвовали министры иностранных дел Франции и Израиля К. Пино и Г. Меир, начались утром 30 сентября; проходили они в замке Сен-Жермен и в Париже в частном доме на Монпарнасе. Д. Бен-Гурион доверял Г. Меир и назначил ее руководителем делегации, однако это едва ли был очень удачный выбор, ибо она не знала не только французский язык, но и никого из сидевших за столом французских государственных и военных деятелей; все они были хорошо знакомы с к тому времени свободно говорившим по-французски Ш. Пересом, к которому Г. Меир как раз относилась настороженно, в глубине души считая его самонадеянным выскочкой²¹¹. Уже тогда К. Пино сообщил, что французские руководители настроены на военное решение; операция против Египта должна быть начата не позднее середины октября. К. Пино обосновал этот выбор даты как погодными условиями в Средиземном море, так и предстоявшими 6 ноября 1956 года президентскими выборами в США. Французский министр указал, что Д. Эйзенхауэр не поддерживает начало войны против Г.А. Насера, но едва ли выступит на стороне СССР и против действий стран Запада – Франции и Британии – в те самые

---

²¹⁰ Голда Меир, *Моя жизнь* (Чимкент: «Аурика», 1997 [пер. с изд. на иврите 1976 г.]), стр. 361.

²¹¹ См.: Мирон Медзини, *Голда. Политическая биография* (Тель-Авив: «Едиот ахронот», 2008), стр. 292–295 [на иврите].

дни, когда на кону будет стоять его собственное политическое будущее²¹². К. Пино сразу же обозначил, что для Франции крайне важно, чтобы в боевых действиях приняли участие и англичане, и что он будет до последнего убеждать своего британского коллегу С. Ллойда согласиться на совместную операцию. Французский министр не скрыл, что в Лондоне еще не принято окончательное решение о начале боевых действий, ибо в Министерстве иностранных дел надеются на то, что возникший кризис, так или иначе, удастся разрешить мирным путем. Горячим сторонником вовлечения в операцию британских сил был и начальник французского Генштаба Поль Эли (Paul Henri Romuald Ély, 1897–1975), который в противном случае не был готов гарантировать победу.

Интересно, какими словами описала эту поездку в своих воспоминаниях Голда Меир. Из ее слов следует, что никаких сомнений в том, что обсуждать предполагалось именно и сугубо планы грядущей войны, ни у кого не было: «Французы предложили нам оружие и стали готовить секретные планы объединенного англо-французского штурма Суэцкого канала. В сентябре они попросили Бен-Гуриона послать во Францию делегацию для переговоров. ... Бен-Гурион попросил меня как министра иностранных дел присоединиться к делегации. ... Тех, кто знал об этом, не считая уезжавших, можно было пересчитать по пальцам одной руки. ... Целью переговоров было уточнить детали военной помощи, которую нам

---

²¹² Моше Даян, *Этапы пути. Автобиография*, стр. 233.

обещали французы, особенно в защите нашего воздушного пространства»²¹³. О своей встрече с главой правительства Франции Ги Молле, состоявшейся, как сейчас принято говорить, «на полях» переговоров, Голда Меир в своих воспоминаниях не упомянула вообще. Д. Бен-Гурион передал Г. Меир письмо с инструкциями из тринадцати пунктов, целый ряд которых касался третьих стран: необходимости быть уверенным в том, что Британия не совершит никаких враждебных действий в отношении Израиля; гарантий ненападения Израиля на Иорданию, если эта страна не нападет первой; важности информирования США о израильско-французских планах; потребности прояснить, какова будет позиция Франции, если Израиль подвергнется нападению со стороны СССР и т.д.²¹⁴ Ясно, что на все эти вопросы французы ответить не могли, и это разочаровало Г. Меир, которая, как свидетельствует ее биограф, вернулась в Израиль с ощущением, что переговоры ни к чему конкретному не привели²¹⁵. Ш. Перес и М. Даян убеждали Д. Бен-Гуриона в том, что министр иностранных дел неоправданно пессимистична и недостаточно чутка к тому, что имеется в виду «между строк». Пожалуй, именно столь различные трактовки происходившего в замке Сен-Жермен побудили

---

²¹³ Голда Меир, *Моя жизнь*, стр. 359–360.

²¹⁴ Этот документ приводится целиком в книге: Ицхак Бар-Он, *Зонтик для дождливого дня: военное сотрудничество между Францией и Израилем*, стр. 412–413.

²¹⁵ См.: Мирон Медзини, *Голда. Политическая биография*, стр. 294.

Д. Бен-Гуриона на решающий раунд переговоров, прошедший спустя менее чем месяц в Севре, полететь самому. Изначально глава правительства взвешивал возможность делегировать и туда Голду Меир, которая, как, кстати, и Леви Эшколь, продолжала относиться к обсуждаемой инициативе с изрядной долей скептицизма. Опасаясь того, что осторожность и сомнения Голды Меир торпедируют их усилия, Моше Даян и Шимон Перес, уверенные в том, что Израиль находится перед уникальной возможностью, которая никогда больше не повторится, убедили Давида Бен-Гуриона лично возглавить израильскую делегацию²¹⁶.

При этом отношение самой Г. Меир к Г.А. Насеру и необходимости защищать Израиль от его притязаний не отличалось от взглядов Д. Бен-Гуриона. По ее словам, после того, как «в июле он сделал свой знаменитый жест – национализировал Суэцкий канал, ... только одно оставалось Насеру совершить, чтобы управляемый им Египет был признан главной мусульманской державой: уничтожить нас. В остальном мире национализация канала с тревогой обсуждалась как политическая проблема для великих держав, нас же в Израиле больше беспокоил рост военной мощи Египта и Сирии, подписавших договор об объединении верховного командования. Не оставалось сомнений, что война неизбежна, что египтяне снова обольстились мечтой о победе над Израилем»²¹⁷.

---

²¹⁶ См. там же, стр. 296.

²¹⁷ Голда Меир, *Моя жизнь*, стр. 358–359.

Вопросы собственно военного планирования с французской стороны с М. Даяном и Ш. Пересом обсуждали Поль Эли и его куда более настроенный воевать заместитель Морис Шалль (Maurice Challe, 1905–1979)²¹⁸. Обсуждали они даже возможность взятия Каира, причем, как ни удивительно, М. Даян обращал внимание своих французских собеседников на то, что такое развитие событий вызовет тяжелейшие политические трудности, которых желательно избежать. Впрочем, М. Даян указал, что если захват Суэцкого канала и Александрии не приведут к падению режима Г.А. Насера, то захват Каира может стать необходимым²¹⁹. При этом французы хотели, чтобы к власти в Египте пришел другой, более прозападный лидер, чтобы их войска были из этой страны как можно скорее выведены. Для более углубленного обсуждения военных вопросов Морис Шалль прибыл в Израиль, где находился со 2 по 4 октября; утром 3 октября его принял Д. Бен-Гурион²²⁰. Когда с израильскими коллегами всё было обсуждено и согласовано, 14 октября 1956 года именно М. Шалль прибыл в Лондон убеждать Э. Идена принять участие в войне против Египта. Заинтересованный услышанным, 16 октября Энтони Иден

---

²¹⁸ Позднее, в апреле 1961 г., М. Шалль стал одним из лидеров вооруженного мятежа французских военных, находившихся в Алжире, против курса президента Ш. де Голля, направленного на предоставление независимости этой стране.

²¹⁹ Моше Даян, *Этапы пути. Автобиография*, стр. 238.

²²⁰ См.: Ицхак Бар-Он, *Зонтик для дождливого дня: военное сотрудничество между Францией и Израилем*, стр. 438–456.

вместе с весьма скептически настроенным министром иностранных дел Селвином Ллойдом (Selwyn Lloyd, 1904–1978) прибыли для уточнения деталей в Париж.

Эти поездки были предприняты после того, как с 5 по 13 октября 1956 года вопрос о Суэцком канале обсуждался в Совете Безопасности ООН, где создалась тупиковая ситуация: постпред СССР заблокировал англо-французскую резолюцию, призывавшую к введению режима международного контроля над каналом и прилегавшей к нему зоной, тогда как эти две страны наложили вето на резолюцию, в которой предлагалось мирное решение при сохранении за Египтом единоличного управления Суэцким каналом²²¹. При этом К. Пино считал, что советская помощь Египту ограничится дипломатической поддержкой и поставками оружия, но не более того – в отличие от Франции и Британии, свои войска СССР на Ближний Восток не пошлет²²²; этот прогноз главы французского МИДа оказался верен.

А вот египтяне, на удивление, оценивали ситуацию фатально неверно. 16 октября, когда приготовления к войне во Франции, Британии и Израиле вышли на финишную прямую, египетский посол в Москве М. Аль-Куни говорил, что «благодаря большой помощи Советского Союза, Суэцкий кризис уже в очень значительной степени разрешен. Самый опасный момент

---

²²¹ См.: Евгений Примаков, *Ближний Восток на сцене и за кулисами*, стр. 48.

²²² Моше Даян, *Этапы пути. Автобиография*, стр. 234.

кризиса позади. ... Западные державы осознают теперь провал проводившейся ими политики насилия и угроз»²²³.

За считанные дни до начала войны египтяне вели себя так, словно им вообще ничего не угрожает. 21 октября два израильских военных автомобиля подорвались на бомбах, заложенных неподалеку от египетской границы возле кибуца Кциот; в результате этих терактов трое солдат погибли, а 27 были ранены, из них пятеро – тяжело. Сложно сказать, отказались ли бы израильские руководители от соучастия в войне, если бы на границе в это время царили тишина и спокойствие, но тот факт, что египтяне продолжали акты террора и агрессии весьма помогал Д. Бен-Гуриону убеждать колеблющихся.

Для Давида Бен-Гуриона война с Египтом имела значение, существенно выходящее за рамки собственно двусторонних отношений. Британцы и французы хотели свергнуть режим Г.А. Насера – Д. Бен-Гурион хотел того же, но видел в этом лишь *часть* стоявшей на повестке дня задачи. В дневниковых записях за 17, 19 и 22 октября 1956 года глава правительства изложил свое стратегическое видение «обновленного Ближнего Востока», которым, насколько можно судить, тогда же поделился и с послом Франции в Израиле Пьером Жильбером. Д. Бен-Гурион предлагал ликвидировать Иорданию как государство, передав т.н. Западный берег Иордана (Иудею, Самарию и Иорданскую долину) – Израилю, а Восточный берег, то

---

²²³ Запись беседы М. Аль-Куни с заместителем министра иностранных дел СССР В.С. Семеновым от 16 октября 1956 г. // *Ближневосточный конфликт. 1947–1967*, том I, стр. 524–528.

есть всю нынешнюю территорию Иордании в границах после Шестидневной войны, – Ираку, *при условии согласия этой страны полностью взять на себя процесс расселения и натурализации палестинских беженцев и их потомков*; Д. Бен-Гурион предполагал, что американцы выделяют финансирование на этот проект. Полностью осознавая трудности, связанные с контролем над густонаселенным сектором Газа, он считал, что у Израиля нет иного выхода, кроме как взять на себя ответственность за происходящее там. Он также предлагал сократить территорию Ливана, чтобы эта страна стала более монолитным христианским государством (единственным таковым на почти полностью мусульманском Ближнем Востоке), передав часть территории Ливана – и Сирии – Израилю²²⁴. Сегодняшним израильским «левым» сложно представить, что глава Партии Труда еще в 1956 году видел Иудею, Самарию, Иорданскую долину, Голаны и Газу частью Израиля, но историческая правда именно такова.

Дипломатическая борьба не ограничивалась проблемой Суэцкого канала; 25 октября представитель Франции подал заявление на имя Генерального секретаря ООН, содержащее протест в связи с военной помощью египетского правительства алжирским повстанцам. Это, однако, уже не имело никакого значения – к вечеру 24 октября 1956 года детали, касавшиеся начала и ведения войны против Египта, были полностью согласованы. В тот

---

²²⁴ См.: Том Сегев, *Государство любой ценой. История жизни Давида Бен-Гуриона*, стр. 547.

вечер в предместье Парижа поселке Севр закончилось совещание между руководителями Великобритании, Франции и Израиля (туда прибыл и лично Д. Бен-Гурион), начавшееся 22 октября. По непонятным причинам, исследователи, анализирующие этот период, упускают из внимания тот факт, что *в ходе этого совещания был разработан третий план войны, принципиально отличавшийся от обсуждавшихся прежде*: если 1 сентября речь шла о вступлении Израиля в войну на седьмой день после ее начала, а в ходе переговоров 30–31 сентября говорилось об одновременном начале войны Израилем и французами (а в случае их согласия, и англичанами), то, согласно Севрскому протоколу, Израиль должен был *в одиночку* начать боевые действия вечером 29 октября, после чего на следующий день Британия и Франция должны были потребовать от Израиля и Египта прекратить боевые действия, а когда стороны отвергнут их ультиматум (для Израиля – фиктивный, для Египта – настоящий), то 31 октября вступить в войну, якобы – для защиты Суэцкого канала и свободы судоходства в нем²²⁵.

Эта идея пришла в голову французам как средство убедить британцев принять участие в операции, в которой они участвовать желанием не горели. Британцы боялись, что совместная военная операция с Израилем против

---

²²⁵ См.: Avi Shlaim, “The Protocol of Sevres, 1956: Anatomy of A War Plot”, in David Tal (ed.), *The 1956 War. Collusion and Rivalry in the Middle East* (London: Frank Cass, 2001), pp. 119–143. Подписанный в Севре договор приводится целиком в приложении к этой статье, цит. п. 2 и п. 3 этого документа.

крупнейшей страны арабского мира всерьез и надолго их отношения с этим миром подорвет, разрушив все приложенные ими усилия по формированию Багдадского пакта. Во второй половине 1951 года, когда стало ясно, что Каир игнорирует резолюцию Совета Безопасности ООН №95 об обеспечении свободы израильского судоходства в Суэцком канале, Д. Бен-Гурион поручил Р. Шилоаху и Э. Эйлату попытаться проработать с британцами идею совместной операции по захвату Синайского полуострова вплоть до Суэцкого канала, но эти планы в Лондоне никто не был готов обсуждать²²⁶. Однако в этот раз французы повернули дело по-иному, напомнив британцам, что, в соответствии с подписанным ими с Египтом соглашением, они имеют право оккупировать зону Суэцкого канала, если военные действия угрожают свободе судоходства в нем. Французы убеждали британцев, что они могут вступить в войну и достичь своей цели – восстановление контроля над Суэцким каналом – как будто бы придя Египту на помощь, защищая его от израильской агрессии.

Надо сказать, что когда французы изложили этот план своим израильским собеседникам, те, по совершенно понятным причинам, отнюдь не пришли от него в восторг²²⁷, но и не отвергли с порога – что дало парижским наследникам Макиавелли надежду на то, что они своего добьются. Так и случилось.

---

²²⁶ См.: Шауль Зейтуни, *Сдерживание и мир. Усилия Израйля добиться политического урегулирования*, стр. 185–187.

²²⁷ Моше Даян, *Этапы пути. Автобиография*, стр. 235–236.

Однако израильские представители запросили за эту услугу максимально возможную цену — помощь в обретении еврейским государством собственного ядерного потенциала. По всей видимости, Ш. Перес завел разговор об этом еще в ходе своей продолжительной встречи с министром обороны Франции Морисом Бурж-Монури в его загородном доме 23 сентября 1956 года; это предположение основывается, в частности, на протоколе его встречи с Д. Бен-Гурионом утром 25 сентября, начинающемся с того, что «Шимон вернулся ночью из Франции ... и доложил о трех основных темах», последняя из которых, однако, была настолько секретной, что даже не была включена в протокол встречи министра обороны, генерального директора этого ведомства, начальника Генштаба и главы его канцелярии (никто другой не присутствовал)²²⁸. По свидетельству Ш. Переса, «В Севре, когда всё, по сути, закончилось, я сказал Бен-Гуриону: “Есть одно незавершенное дело — вопрос о ядерном потенциале. Разрешите мне, прежде чем Вы согласитесь на их предложения, закончить с этим”. И я вернулся в комнату, в которой находились Ги Моле и Кристиан Пино, и сказал им: “Друзья, хотя это непосредственно не относится к переговорам, мы берем на себя огромный риск, и я прошу вашего согласия [на сотрудничество между странами в сфере ядерных технологий]”. И они согласились. Я попросил не только реактор, но и

---

²²⁸ См.: Ицхак Бар-Он, *Зонтик для дождливого дня: военное сотрудничество между Францией и Израилем*, стр. 407.

обогащенный уран, и другие вещи. После чего вернулся к Бен-Гуриону и сказал ему, что вопрос согласован»²²⁹.

В личном дневнике Давид Бен-Гурион справедливо задавался вопросом: «А если Насер не падет?»²³⁰. Несколько удивительным образом, если судить по опубликованным свидетельствам о переговорах в Севре, их участники этот очевидный вопрос не поднимали вообще. Д. Бен-Гуриона также очень беспокоил вопрос о том, каковы будут израильские людские потери в ходе войны; М. Даян в некотором роде успокоил главу правительства, пообещав, что число погибших не превысит двухсот пятидесяти. Чуть позднее один из присутствовавших при этом офицеров, Шломо Газит (впоследствии он дослужился до генеральских погон и должности главы военной разведки), поинтересовался, на чем именно основывал глава Генштаба эту оценку. Ответ М. Даяна был честным, но обескураживающим: «Вы сами слышали, как обеспокоен Д. Бен-Гурион возможными потерями, и насколько он не уверен в способности нашей армии одержать сокрушительную победу в войне. У меня не было никакого иного выхода, кроме как попытаться успокоить его». М. Даян добавил, что если израильская армия окажется разгромленной, то ситуация будет столь катастрофичной, что точная численность погибших

---

²²⁹ Цит. по: Заки Шалом, *Военно-политические дилеммы в первое десятилетие Израиля*, стр. 227.

²³⁰ Дневниковая запись от 3 октября 1956 г.; цит. по: Том Сегев, *Государство любой ценой. История жизни Давида Бен-Гуриона*, стр. 548.

значения иметь уже не будет, а если победит – то «победителей не судят»²³¹. Оценка, данная М. Даяном, хоть и не базировалась ни на каком конкретном оперативно-тактическом анализе, оказалась, однако, абсолютно точной: в войне погибли 172 израильских солдата и офицера, еще трое пропали без вести, один был взят в плен; еще 817 человек получили ранения различной степени тяжести. Таким образом, численность погибших в войне оказалась ниже, чем общее число погибших в дорожно-транспортных происшествиях в Израиле в 1956 году.

Заключенное в Севре Соглашение предусматривало, что Израиль должен начать полномасштабные военные действия вечером 29 октября 1956 года с задачей достичь Суэцкого канала на следующий день. После этого Великобритания и Франция должны были обратиться к Израилю и Египту с требованием прекратить огонь и отвести свои войска на десять миль от Суэцкого канала. От Египта требовалось также согласиться на временную оккупацию англо-французскими войсками главных сооружений канала. Это положение было включено для того, чтобы полностью исключить принятие Египтом ультиматума западных стран. Согласно третьей статье Соглашения, после того, как Египет отклонит обращение Франции и Великобритании, на рассвете 31 октября войска этих стран начнут против него военные действия. Во внимание принимались и внешнеполитические обстоятельства: США были заняты выборами президента

---

²³¹ Цит. там же.

(все понимали, что Дуайт Эйзенхауэр уверенно шел на переизбрание, но любой электоральный процесс в демократической стране оставляет место непредвиденным обстоятельствам), а Советский Союз был втянут в венгерские события, где 23 октября произошло восстание против социалистического режима, для подавления которого в страну был введен крупный воинский контингент. По решению участников Севрской встречи, Вашингтон не был извещен о принятых решениях; естественно, не сообщили о них и в Москву.

28 октября решение о начале боевых действий было одобрено членами правительства Израйля; двое министров от социалистической партии МАПАМ Исраэль Барзилай и Мордехай Бентов голосовали против, но согласились с решением большинства и не вышли из правительственной коалиции²³². Формально большинство членов правительства, вероятно, могли проголосовать так же, как и И. Барзилай и М. Бентов, но практически невозможно представить, к чему бы это привело. Д. Бен-Гурион, а также Г. Меир, Ш. Перес, М. Даян и другие участвовавшие в переговорах с французами и британцами официальные представители взяли на себя от имени Израйля недвусмысленные обязательства, отказ от которых очевидно имел бы крайне негативные последствия – как внешнеполитические, так и военные, учитывая ту роль, которую играла Франция в укреплении израильского оборонного потенциала. Призыв

---

²³² См. рассекреченный дополнительный протокол заседания правительства Израйля от 28 октября 1956 г., стр. 41 [на иврите].

резервистов был в самом разгаре, его уже было практически невозможно остановить. Показательно свидетельство Рафаэля Эйтана: «В субботу, 27 октября 1956 года, за два дня до начала боевых действий нас ввели в курс дела. ... На стенах оперативного отдела полка развесили листы аэрофотосъемки – участок от израильско-египетской границы до перевала Митле в шестидесяти километрах от Суэцкого канала. Я обдумывал направления прорыва в самых общих чертах. ... В субботу вечером батальон получил приказ: приготовиться к десанту»²³³. Обратим внимание, что это происходило накануне заседания правительства, когда политическое решение еще не было принято! Оно уже, однако, не могло быть другим. Понимая это, и дабы исключить возможность случайного «мятежа» на заседании правительства, Д. Бен-Гурион заранее встретился для обсуждения этой темы один на один с каждым из ключевых министров, ответив на их вопросы и обсудив с ними их опасения²³⁴. Сразу же после заседания правительства Давид Бен-Гурион известил о принятом решении лидера парламентской оппозиции Менахема Бегина, который обещал главе правительства свою полную поддержку²³⁵.

---

²³³ См.: Рафаэль Эйтан, *Повесть солдата*, стр. 89.

²³⁴ К сожалению, эти встречи не протоколировались, и их содержание нам известно лишь в самых общих чертах.

²³⁵ См.: Ави Шилон, *Бегин* (Тель-Авив: «Ам овед», 2007), стр. 188 [на иврите].

Египтяне же пребывали в состоянии удивительного спокойствия, и московские товарищи отнюдь не пытались их из этого состояния вывести. Подобно тому, как, если судить по рассекреченным протоколам, заместитель министра иностранных дел В.С. Семенов 16 октября не ставил под сомнение спокойствие посла М. Аль-Куни, так и посол СССР в Каире Е.Д. Киселев даже утром 29 октября – то есть за считанные часы до начала боевых действий! – без комментариев выслушал вот такой анализ ситуации, сделанный главой секретариата Г.А. Насера Али Сабри: «Для того, чтобы прекратить внутренний кризис, Бен-Гурион решил, видимо, отвлечь внимание народа от прежних ошибок объявлением чрезвычайного положения и мобилизацией. ... Сабри высказал убеждение, что и сейчас, несмотря на все эти крики и мобилизацию, Израиль не готов для серьезной войны, да к тому же нет и непосредственного повода или зацепки. ... В целом Сабри расценивает все это, как очередной маневр, а не как реальную угрозу»²³⁶. Нет ни одного документа о каком бы то ни было предупреждении, которое бы поступило в Каир из Москвы или из Вашингтона. *Начало второй израильско-египетской войны стало полным провалом разведок обеих крупнейших мировых держав, став неожиданностью и для Советского Союза, и для Соединенных Штатов.* Лишь за несколько часов до нападения Израиля на Египет, 29 октября 1956 года,

---

²³⁶ Запись беседы посла Е.Д. Киселева с А. Сабри от 29 октября 1956 г. опубликована в антологии *Ближневосточный конфликт. 1947–1967*, том I, стр. 535–537.

Д.Ф. Даллес получил телеграмму посла США во Франции Д. Дугласа о том, что рост активности британских военных на базе на Кипре и передислокация двух соединений кораблей ВМФ Франции в район Восточного Средиземноморья свидетельствуют о подготовке к началу войны. О том, что утром того же дня на израильский военный аэродром совершили посадку грузовые самолеты французских военно-воздушных сил, не знали ни в Вашингтоне, ни в Москве, хотя загружены эти самолеты были оружием и оборудованием, предназначенным для высаживавшихся на Синайском полуострове израильских десантников. «Французский майор провел меня по самолетам, – вспоминал Рафаэль Эйтан. – Безоткатные орудия, джипы, 120-миллиметровые минометы, продукты, вода, боеприпасы, горючее – всё было готово для нас»²³⁷. Через считанные часы всё это уже использовалось.

---

²³⁷ См.: Рафаэль Эйтан, *Повесть солдата*, стр. 90.

ИЗРАИЛЬ В МЯСОРУБКЕ СВЕРХДЕРЖАВ: СИНАЙСКАЯ ВОЙНА ЗА СУЭЦКИЙ КАНАЛ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

В ночь с 24 на 25 октября 1956 года в Израиле началась мобилизация резервистов; она проводилась тайно и сопровождалась кампанией дезинформации, нацеленной на то, чтобы создать впечатление готовящейся военной акции против Иордании. Днем 29 октября четыре легких израильских самолета, совершая заходы на четырехметровой высоте, разрезали крыльями и винтами все воздушные линии телефонной связи в Синае, частично нарушив связь между египетскими подразделениями. В пять часов вечера на восточном входе в ущелье перевала Митла, в 156 милях от израильской границы и в 45 милях от Суэцкого канала, был высажен израильский десант; в нем участвовал батальон из 395 парашютистов под командованием подполковника Рафаэля Эйтана (1929–2004). Четыре роты парашютистов летели в шестнадцати самолетах «Дакота» в сопровождении десяти истребителей «Метеор»²³⁹. Тайная мобилизация резервистов и кампания дезинформации достигли своей цели: к моменту начала операции, которой руководили

---

²³⁹ Здесь и далее ход войны описывается по книгам: Хаим Герцог, *Арабо-израильские войны*, том 1, стр. 175–213; Моше Даян, «Дневник Синайской кампании» // *Арабо-израильские войны. 1956, 1967* (Москва: ЭКСМО, 2003), стр. 17–218.

Моше Даян и командующий Южным военным округом генерал Асаф Симхони (1922–1956), египетские войска в Синае не только не были готовы к отражению наступления израильской армии, но и не собирались к этому готовиться. «Судя по сегодняшней информации, полученной нашим военным атташе в штабе египетской армии, египтяне пока спокойно оценивают обстановку и не предполагают начала большой войны со стороны Израиля», – докладывал в Москву 30 октября, *уже после начала войны*, посол Е.Д. Киселев²⁴⁰.

Более того: еще 28 октября произошло событие, которое Моше Даян справедливо охарактеризовал как «наполовину выигранная война». До 1989 года информация о произошедшем не публиковалась ни в одной стране мира, вследствие чего во всех без исключения книгах, посвященных Суэцко-Синайской войне, изданных ранее, оно не упоминается вообще – и, к сожалению, не упоминается и в подавляющем большинстве книг, опубликованных позднее. Важно отметить, что к 1989 году ни Давида Бен-Гуриона, ни Моше Даяна давно уже не было в живых, а в своих подробных и обстоятельных мемуарах ни один из них этот важнейший сюжет не упомянул вообще. Источниками информации стали летчик эскадрильи ночной авиации и один из радистов израильской Военной разведки: эти люди успешно *реализовали* план операции, согласно

---

²⁴⁰ Телеграмма посла СССР в Египте Е.Д. Киселева в МИД СССР, посланная 30 октября 1956 г., опубликована в антологии *Ближневосточный конфликт. 1947–1967*, том I, стр. 539–540.

полученным ими указаниям, но они не принимали решения о ее проведении – и их никто не информировал о том, кто и почему соответствующее решение принял. Важно, поэтому, оговорить, что мы не знаем, кто, как именно и на каком этапе принял и санкционировал это решение; никаких следов обсуждений этой темы правительством Израиля в рассекреченных протоколах его заседаний за соответствующий период нет. Нет также никаких данных о том, обсуждалась ли эта операция – заранее, в день ее проведения или после ее окончания – с представителями стран, бывших тогда союзницами Израиля: Франции и Великобритании. Наиболее логичной выглядит версия о том, что проведение этой операции обсуждалось Моше Даяном с Давидом Бен-Гурионом (крайне сложно предположить, чтобы столь важный и рискованный шаг был предпринят без получения его санкции), но никто другой – ни в израильском правительстве, ни тем более в других странах – в суть вопроса посвящен не был – ни тогда, когда операция планировалась и готовилась, ни тогда, когда она была успешно проведена.

Это довольно длинное предупреждение совершенно необходимо, учитывая, о какой операции идет речь: Израиль сознательно уничтожил самолет, на борту которого находились шестнадцать высших офицеров египетской армии, возвращавшихся из Дамаска в Каир²⁴¹. Ничего подобного в израильско-египетском конфликте –

---

²⁴¹ См.: Йосеф Аргаман, *Теневая война* (Тель-Авив: Издательство Министерства обороны Израиля, 2007), стр. 44–51 [на иврите].

или в конфликте Израиля с какой бы то ни было другой страной – никогда прежде не происходило. Вопреки тому, что утверждается в отдельных публикациях, происшедшее едва ли можно охарактеризовать как акт государственного терроризма, ибо целью террора является *устрашение* политических противников путем физического насилия: сам акт насилия не является самодостаточным событием, а служит задаче изменения морально-политической *атмосферы* в той среде, против представителей которой этот акт был направлен. Учитывая это, организаторы терактов, как правило, публично берут на себя ответственность за них (пусть нередко и от имени полуфиктивных структур), выдвигая различные требования, в случае удовлетворения которых обещая акты насилия прекратить. В данном же случае целью было совсем не устрашение и отнюдь не изменение атмосферы: спустя сутки должна была начаться война против Египта – и уничтожение командного состава армии противника должно было дать Израилю существенное преимущество. Это была превентивная военная операция *par excellence*, которую уместно сравнить с бомбардировкой израильскими ВВС египетских военных аэродромов 5 июня 1967 года, в день начала третьей израильско-египетской войны: в обоих случаях египетская армия вступала в войну, уже понеся существенные потери, которые в обоих случаях оказались роковыми.

В 1956 году потери, впрочем, должны были стать еще большими: основной целью операции был лично главнокомандующий египетской армией фельдмаршал Абд эль-Хаким Амер, возглавлявший делегацию высших

офицеров, которая находилась в сбитом самолете. Согласно полученным израильской Военной разведкой по радиоперехвату данным (а каналы связи египетской армии внимательно прослушивались израильскими радистами), 28 октября вся делегация, во главе с ним, должна была вернуться в Каир на военно-транспортном самолете Ил-14; в этом полете самолет было решено сбить. Бывший тогда капитаном израильских ВВС (позднее он дослужился до полковника) основатель эскадрильи ночной авиации «Аталеф» Йоаш Цидон (1926–2015) был в авральном порядке на вертолете доставлен в штаб ВВС в городе Рамла, где получил указание срочно подготовить истребитель *Gloster Meteor NF-13* (интересно, что этот британский самолет находился в 1950-е годы на вооружении как израильской, так и египетской армии) для осуществления этой миссии. В то время лишь один из трех самолетов *Gloster Meteor*, входивших в авиапарк израильских ВВС, был пригоден для ночных полетов и оборудован радаром. Самолет этот находился на базе ВВС в Рамат-Давид, куда Й. Цидона доставил тот же вертолет, которым он прилетел в Рамлу. Вместе со штурманом Эльяшивом Брошем Йоаш Цидон тем же вечером вылетел для выполнения полученного боевого задания.

Египетский самолет летел из Дамаска в Каир, находясь на существенном отдалении от израильских территориальных вод. Над Средиземным морем, вблизи кипрского берега, Э. Брош сообщил о визуальном контакте с целью, однако командующий ВВС генерал Дан Толковский по радиосвязи потребовал абсолютно точной идентификации самолета, что потребовало опасного

сближения с ним до расстояния нескольких десятков метров; Й. Цидон доложил, что видит через иллюминаторы офицеров в египетской военной форме, после чего получил указание открыть огонь. Одна из четырех пушек, установленных у *Gloster Meteor NF-13* на крыльях, не сработала, стрельба из трех пушек нарушила центровку истребителя в воздухе; Ил-14 получил повреждения двигателя, но продолжил полет. Однако после второго залпа египетский самолет взорвался и начал падать вниз²⁴².

Израильский самолет также потерял управляемость, восстановить которую пилот с огромным трудом смог лишь на очень низкой высоте. «Метеору» едва удалось дотянуть до израильской авиабазы Хацор, поскольку расход топлива превысил запланированный для данной операции. Командиром авиабазы Хацор был тогда Эзер Вейцман (1924–2005), впоследствии бывший и министром обороны Израиля, и президентом страны; именно он первым приветствовал Йоаша Цидона (после демобилизации тоже занимавшегося общественно-политической деятельностью и в 1988 году избранного депутатом Кнессета), вернувшегося после успешного выполнения порученной ему миссии.

Египетский самолет упал в акваторию Средиземного моря недалеко от Кипра; все, находившиеся на его борту, погибли. Уже к моменту возвращения Й. Цидона в штаб

---

²⁴² См. воспоминания израильского летчика: Йоаш Цидон, *Днем, ночью и в тумане* (Тель-Авив: Библиотека «Маарив», 1995), стр. 223–227 [на иврите].

ВВС в городе Рамла Военная разведка сообщила, что А.Х. Амера на борту сбитого воздушного судна не было: по какой-то причине фельдмаршал изменил свои планы и остался в Сирии, чтобы позже вылететь другим самолетом. Узнав об этом, Й. Цидон сразу же предложил повторить операцию: «Если есть время, заправьте самолет – и мы вылетим снова»²⁴³. Несмотря на крайнюю усталость после тяжелейшего и очень опасного полета, Э. Брош также был готов вылететь вновь с целью перехвата и уничтожения второго самолета, на котором должен был лететь А.Х. Амер. Однако Моше Даян ответил: «Мы взвешивали [эту возможность], но пришли к выводу, что это станет слишком ясно [что оба египетских самолета были сбиты Израилем], и может выдать источники нашей разведки. Мы решили не трогать его [Амера]. Да и так – когда уничтожен египетский Генштаб, война наполовину выиграна»²⁴⁴.

«Наполовину выигранная война» все же войной выигранной и завершенной не является, а боевые действия с участием израильских сухопутных сил начались только на следующий день. Для понимания их специфики необходимо представлять себе географические особенности того региона, где они происходили. Северное ребро Синайского треугольника – его средиземноморское побережье – тянется на 134 мили, западное ребро – берега Суэцкого канала и Суэцкого залива – тянется на 311 миль, восточное ребро – вдоль Акабского/Эйлатского залива –

---

²⁴³ Цит. по: Йосеф Аргаман, *Теневая война*, стр. 50.

²⁴⁴ Там же, стр. 50–51.

длиной в 155 миль. Южная половина полуострова отличается наиболее резкими формами топографии пустынь – крутые, зубчатые горные хребты и засыпанные сыпучим песком долины без капли воды, зелени и проезжих дорог. На Синае нет ни рек, ни лесов.

Вплоть до 1953 года египетское военное присутствие в Синае носило чисто оборонительный характер. Там был дислоцирован только один усиленный батальон, главной задачей которого была борьба с контрабандой наркотиков. Положение резко изменилось, когда были проложены дороги для движения военного транспорта. На Синае были сооружены военно-воздушные базы, что приблизило ВВС Египта к потенциальным объектам удара. На основных магистралях в стратегически важных местах для обеспечения эффективной системы снабжения были построены военные базы с обширными складами.

Накануне кампании в октябре 1956 года египетские вооруженные силы в Синае состояли из двух пехотных дивизий; первая была дислоцирована в районе Газы – Рафияха, вторая – в районе Эль-Ариша – Абу-Агейлы. Базировавшаяся в Бир-Гафгафе бронетанковая бригада курсировала по центральной магистрали Синая. Пехотная бригада удерживала высоты к западу от перевала Митла, около порта Суэц. Другие важные секторы центра и юга Синайского полуострова патрулировались легкими моторизованными пограничными войсками, располагавшими бронированными джипами и бронетранспортерами.

Днем 30 октября над Синаем происходили многочисленные воздушные бои, в ходе которых

израильская авиация доказала свое превосходство. Активность египетской авиации после этого резко снизилась. Утром того же дня израильские части, наступавшие из района Ницаны, овладели стратегически важным перекрестком Аль-Кусейма, что к вечеру позволило им по труднопроходимому ущелью Дайка выйти в тыл египетских войск, дислоцированных в районе Абу-Агейлы и блокировавших дорогу Ницана – Исмаилия. Здесь развернулось сражение, в результате которого египетская пехотная бригада, занимавшая хорошо укрепленные позиции на возвышенностях Ум-Катаф и Ум-Шейхан, оказалась в окружении; победа была достигнута благодаря смелому маневру бронетанковой бригады, которой командовал полковник (впоследствии – бригадный генерал) Ури Бен-Ари (1925–2009). К половине одиннадцатого вечера 30 октября десантники под командованием полковника (впоследствии – генерала) Ариэля Шарона, проделавшие впечатляющий марш-бросок, заставший египтян врасплох, соединились с батальоном Рафаэля Эйтана и закрепились в семидесяти километрах от Суэцкого канала.

Утром 31 октября израильская авиация обнаружила египетскую механизированную колонну, шедшую на помощь окруженным из района Исмаилии, и подвергла ее обстрелу, после чего эта колонна, потеряв около девяноста машин, повернула назад. Часть израильских подразделений 30–31 октября продвинулась с боями к западу и юго-западу. К полудню 31 октября боевая группа майора (впоследствии – генерала армии) Мордехая (Моты) Гура (1930–1995) вышла на перевал Митла, где она

попала под тяжелый концентрированный огонь с двух сторон, но решила продвигаться дальше на запад, полагая, что сопротивление египтян будет минимальным. Однако через несколько минут завязался яростный бой, в котором погибли тридцать восемь израильских парашютистов и сто двадцать было ранено; египтяне потеряли около двухсот человек, а выжившие отступили на западный берег Суэцкого канала.

В ночь с 31 октября на 1 ноября израильские части, находившиеся под общим командованием генерала Хаима Ласкова (1919–1982), атаковали сильно укрепленные оборонительные линии египтян в Рафияхе (которые до этого подверглись обстрелу с французских военных кораблей). Взятие Рафияха открыло бронетанковой бригаде полковника (впоследствии – генерала армии) Хаима Бар-Лева (урожд. Броцлавский, 1924–1994) путь в северный Синай, и к исходу 1 ноября она дошла с боями до Эль-Ариша. Египетские войска, находившиеся в секторе Газа, были блокированы. Предпринятая 1 ноября попытка взять штурмом Ум-Катаф и Ум-Шейхан в окрестностях Абу-Агейлы не удалась, многие солдаты и офицеры израильской армии погибли, в том числе командир бригады полковник Шмуэль Галинка (1927–1956), однако в ночь на 2 ноября египетские части оставили эти позиции, бросив всё тяжелое вооружение.

Завершив взятие укреплений системы Абу-Агейла/Ум-Катаф, израильтяне захватили костяк египетских линий обороны в Синае, проложили надежный путь к израильским силам у перевала Митла и на центральном направлении и отрезали египетский

гарнизон сектора Газа. Оставалось ликвидировать египетские силы на северо-западе, в районе Рафиаха и в секторе Газа, а затем – открыть Тиранский пролив на южной оконечности Синай. Все это нужно было сделать в обусловленные политическими соображениями сжатые сроки в связи с давлением Советского Союза, Соединенных Штатов и ООН и в связи с англо-французским планом атаки в зоне канала.

30 октября Великобритания и Франция, как было предусмотрено Севрским соглашением, предъявили Израилю и Египту ультиматум, требуя, чтобы в целях обеспечения безопасности Суэцкого канала вооруженные силы обеих воюющих сторон не подходили к нему ближе, чем на десять миль. В тот же день по инициативе США ситуация на Ближнем Востоке была вынесена на обсуждение Совета Безопасности ООН, где, впрочем, Великобритания и Франция ожидаемо заблокировали принятие резолюции, требовавшей немедленно остановить боевые действия. Однако скорость и настойчивость, с которой американцы выступили против них, стали для британцев и французов неприятным сюрпризом. Когда правительство Египта, которому фактически был адресован ультиматум, отказалось вывести свои войска из зоны Суэцкого канала, британская и французская авиация начали 31 октября бомбить аэродромы и другие военные объекты страны. То, что английские и французские самолеты бомбили египетские военно-воздушные базы, предоставило израильским ВВС возможность беспрепятственно летать над Синаем. В полдень 1 ноября египетский гарнизон в Синае получил

приказ отступить на западный берег Суэцкого канала. Преследуя противника, израильские части 2–3 ноября вышли на подступы к Исмаилии и Кантаре. По условиям англо-французского ультиматума продвижение израильской армии в западном направлении было остановлено в десяти милях от Суэцкого канала.

2 ноября подразделения израильской армии вели бои в секторе Газа. К полудню через посредничество представителя комиссии ООН по перемирию египетский губернатор Газы капитулировал и убедил части египетского гарнизона города сложить оружие. Так город был спасен от излишнего кровопролития; после полудня в секторе уже была сформирована израильская военная администрация. С завершением этой операции главной задачей израильской армии стал захват укрепленной зоны Шарм-аш-Шейха и всего восточного побережья Тиранского пролива. Решение этой задачи было поручено пехотной бригаде под командованием полковника (впоследствии — генерала) А. Иоффе (1913–1983), находившейся близ Эйлата, и бригаде А. Шарона. В Ат-Туре высадился парашютный десант. Бригада А. Иоффе за трое суток, со 2 по 5 ноября, прошла около четырехсот километров вдоль побережья Эйлатского залива по почти полному бездорожью и 5 ноября взяла штурмом Шарм-аш-Шейх. Бригада А. Шарона, двигавшаяся вдоль побережья Суэцкого залива, достигла южной оконечности полуострова несколько часов спустя. С захватом Шарм-аш-Шейха военные действия на Синае завершились.

6 ноября 1956 года начальник Главного разведывательного управления С.М. Штеменко (1907–

1976) докладывал министру обороны СССР Г.К. Жукову (1896–1974): «На Суэцком, Исмаильском и Приморском направлениях главные силы израильских войск находились в 10–15 км от Суэцкого канала, ведя разведку отдельными разведывательными группами. Против этих групп действовали египетские отряды прикрытия. Отряд израильских войск ... занял населенный пункт Шарм-аш-Шейх и продвигается в южном направлении по западному побережью залива Акаба. Остатки египетских войск, действовавших в районе Газы, по-видимому, прекратили сопротивление. По сведениям, полученным из Тель-Авива, израильское командование считает, что оно выполнило в основном задачу по овладению Синайским полуостровом»²⁴⁵. Так оно на самом деле и было.

А вот военная операция англо-французских сил пошла совсем не так, как ожидалось. В первые дни ее проведения французы и британцы ограничились воздушными налетами на военные и гражданские объекты. Из строя была выведена радиостанция «Голос арабов» в Каире, разрушено здание телеграфа в Александрии. Таким густонаселенным городам, как Суэц, Исмаилия и особенно Порт-Саид был причинен значительный ущерб. В Суэцком заливе британский крейсер потопил египетский фрегат. Движение по Суэцкому каналу было прервано. Е.В. Хахалкина справедливо указала, что «для Лондона и Парижа затяжная военная кампания была нежелательна с самого

---

²⁴⁵ Докладная записка С. Штеменко опубликована в антологии *Ближневосточный конфликт. 1947–1967*, том I, стр. 552–554.

начала планирования операции против Египта. С политической точки зрения имела шансы на успех быстрая военная операция, которая бы не оставила времени для дипломатических маневров поддерживающих Египет стран»²⁴⁶. Однако корабли Великобритании и Франции с десантом на борту вышли с морских баз соответственно на Мальте и в Алжире лишь 1 ноября, вследствие чего десант был высажен в районе Порт-Саида и Порт-Фуада лишь 5 ноября, спустя неделю после начала боевых действий – и спустя три дня после того, как чрезвычайная сессия Генеральной Ассамблеи ООН потребовала прекратить военные действия, вывести с территории Египта иностранные войска и открыть Суэцкий канал. К 7 ноября совместные силы британцев и французов взяли под контроль как сам город Порт-Саид, так и северную часть Суэцкого канала, но сильнейшее давление со стороны США, СССР и ООН вынудило прекратить операцию «Мушкетер», хотя ее цели достигнуты не были. Как справедливо указывал Хаим Герцог, «нет сомнения в том, что результаты кампании были бы совершенно иными, если бы британский премьер Энтони Иден прислушался к советам генерала Чарльза Кейтли и генерал-лейтенанта Хью Стоквелла. Оба они советовали высадить десант 1 ноября, как и планировалось ранее. Это бы изменило ход событий и позволило избежать многих политических осложнений»²⁴⁷.

---

²⁴⁶ Елена Хахалкина, «Суэцкий кризис 1956 г. – поворотный момент британской внешней политики?», стр. 160.

²⁴⁷ Хаим Герцог, *Арабо-израильские войны*, том 1, стр. 210.

Вероятно, Э. Иден шел по пути, опробованному во Второй мировой войне, когда западные союзники открыли второй фронт высадкой 156 тысяч солдат на побережье Нормандии лишь 6 июня 1944 года, спустя год и пять месяцев после поражения немецко-фашистских захватчиков под Сталинградом и девять с половиной месяцев после их разгрома на Курской дуге. Осенью 1956 года Э. Иден хотел, чтобы западные союзники вступили в войну уже после того, как израильские силы сокрушат египетскую армию. Но история такой возможности им не предоставила, и желание снизить потери обернулось полным фиаско.

В то время как Англия и Франция не смогли ни вернуть под свой контроль Суэцкий канал, ни добиться свержения режима Г.А. Насера, ни убедить кого-либо в том, что они участвуют в войне с целью защитить Египет и Суэцкий канал (не только Египет, но также Иордания, Сирия и Саудовская Аравия даже разорвали с ними дипломатические отношения), Израиль имел немало причин быть довольным достигнутым его армией результатом. Как показали события последующих месяцев, защитить победные итоги войны оказалось существенно сложнее, чем их добиться.

Размышления о провале британско-французской Суэцкой кампании – при безусловном успехе израильской операции – заставляют задать крайне важный в контексте настоящего повествования вопрос. В целом понятно, почему Советский Союз, на который к тому времени постепенно переориентировался Г.А. Насер, оказал подвергшемуся нападению Египту полную

дипломатическую поддержку. Куда как менее понятно, почему это же с максимальным рвением стали делать Д. Эйзенхауэр и Д.Ф. Даллес: как бы равнодушно они ни относились к Израилю, по сути, под их руководством американская дипломатия бросила все свои силы на борьбу с ближайшими союзниками США, их недавними союзниками по антигитлеровской коалиции: Францией и Великобританией.

Абба Эвен поведал в книге воспоминаний о словах госсекретаря США, сказанных спустя двое суток после начала войны, 31 октября 1956 года. «Нет человека, который был бы счастливее меня, если бы режим Насера рухнул. С весны у меня не было причин испытывать к нему ничего, кроме ненависти. Но, несмотря на это, сможем ли мы смириться с хорошим концом, если путь к нему будет сопровождаться нарушением Устава ООН?»²⁴⁸. Сам же Д.Ф. Даллес дал на это отрицательный ответ, призывая своего израильского коллегу согласиться с ним: «Не думаете ли Вы, что у нас должен быть один подход к тому, что совершают наши недруги, и другой – к тому, что делают наши друзья?!» А. Эвен не попал в заготовленную Д.Ф. Даллесом ловушку, прямо ответив ему: «Да, господин госсекретарь, именно так я и думаю. В этом состоит суть дружбы»²⁴⁹. О Д.Ф. Даллесе можно сказать многое, но охарактеризовать его как мечтателя-моралиста никому еще в голову не приходило. Вопрос, поэтому, состоит в том, почему, мечтая, чтобы режим Насера рухнул,

---

²⁴⁸ См.: Абба Эвен, *Страницы жизни*, стр. 208.

²⁴⁹ Там же.

Д.Ф. Даллес – и президент, в администрации которого он работал, – *сделали всё, что было в их силах, чтобы этого не случилось*. Несколько удивительным образом, этот вопрос не стал предметом рассмотрения исследователей, которые подробно документировали, проекты каких резолюций американцы внесли в Совет Безопасности и на Генеральную Ассамблею ООН, что они говорили и писали в Лондон, Париж, Иерусалим, Каир и Москву, но не то, *почему* они всё это делали именно таким образом. Понятно, что описать действия, имея доступ к богатой документальной базе, проще, чем задаваться вопросами о *мотивациях*, на которые в документах не всегда возможно найти однозначные ответы, но искать их совершенно необходимо, ибо именно в них – ключ к пониманию всей внешней политики США, и отнюдь не только в отношении Египта и Израиля; так сложилось, что на этой авансцене важнейшие ее положения обкатывались впервые.

Никому из тех, кто серьезно изучает внешнюю политику США, не приходит в голову мысль о том, будто страна, воевавшая в Корее и во Вьетнаме, в Панаме и в Гренаде, в Ираке и Афганистане, не говоря уже о создании секретных тюрем на территории ряда иностранных государств, более всего руководствуется в своих действиях Уставом ООН. Выдвигаются, поэтому, две основные причины подобных действий Д. Эйзенхауэра и Д.Ф. Даллеса. Согласно первой точке зрения, американцы испугались военного вмешательства со стороны СССР на стороне Египта, что, учитывая вовлеченность в боевые действия Великобритании и Франции, грозило перерасти в мировую ядерную войну. Согласно второй точке зрения,

американцы беспокоились, что окончание войны под советским давлением или вследствие кулуарных договоренностей Великобритании, Франции и СССР поставит под угрозу статус США как сверхдержавы, причем не только в регионе Ближнего Востока.

Изучение происходивших исторических событий свидетельствует о том, что угроза советского военного вмешательства была впервые озвучена лишь 5 ноября, т.е. спустя неделю после начала войны, когда весь Синайский полуостров *уже* был занят силами израильской армии. Начало войны застало советских руководителей врасплох, они не знали, что и как будет происходить – и что они могут сделать; в любом случае, в те дни им было куда важнее подавить гражданский протест в Венгрии и не допустить выхода этой страны из Организации Варшавского договора. Как отмечали в своей фундаментальной монографии А.А. Фурсенко и Т. Нафтали, «после нападения Израиля Каир ожидал услышать мнение Хрущева, но тот молчал»²⁵⁰. Е.Д. Киселев встретился с Али Сабри, который просил о помощи; вопрос, заданный главе администрации президента Египта советским послом, свидетельствует о том, насколько сама возможность такого развития ситуации воспринималась как чрезвычайно опасная: «Исходя из того, что ситуация может спровоцировать третью мировую войну, какую именно поддержку, в

---

²⁵⁰ Александр Фурсенко и Тимоти Нафтали, *«Холодная война» Хрущева* [2006], пер. с англ. (Москва: РОССПЭН, 2018), стр. 140.

практическом смысле, имеет в виду Насер?»²⁵¹ Президент Египта повторил просьбу о «поддержке наших войск с воздуха» в письме в Кремль; он хотел, чтобы советские военно-воздушные силы приняли участие в операции на стороне Египта. Он посоветовал послать в Египет советских летчиков-добровольцев на самолетах МиГ с египетскими знаками различия²⁵². Это обращение было проигнорировано. Г.А. Насер добился выполнения аналогичной своей просьбы лишь тринадцать лет спустя, о чем будет подробно рассказано в девятой главе настоящей монографии. В отношении Египта Хрущев не предпринимал никаких действий, ибо его «сдерживал реальный страх, что советское вторжение в Египет может выйти из-под контроля. Советский Союз не мог себе позволить рисковать войной на два фронта»²⁵³.

Так сложилось, что когда началась вторая израильско-египетская война, в Москве находился президент Сирии Шукри аль-Куатли (1891–1967), который обратился к советским руководителям с просьбой помочь Египту «силами великой Красной армии, сокрушившей Гитлера»; эта просьба была отклонена. Как верно указал Лоран Рукер, опубликованное советским правительством 31 октября заявление не содержало никаких конкретных требований и угроз, которые могли бы побудить Израиль, Великобританию и Францию прекратить следовать

---

²⁵¹ Цит. там же.

²⁵² Цит. там же, стр. 141.

²⁵³ Там же, стр. 145.

Севрским договоренностям²⁵⁴. После переговоров с президентом Сирии Н.С. Хрущев покинул Москву: 1 ноября он прилетел на польско-советскую границу для встречи с Владиславом Гомулкой, затем направился в Бухарест для переговоров с руководителями Румынии и Чехословакии, оттуда – в Софию для обсуждения венгерского кризиса с Тодором Живковым, после чего 3 ноября побывал у Иосипа Броза Тито в Югославии. Президиум ЦК КПСС собирался в его отсутствие, но не обсуждал ничего, кроме Венгрии. «Москва предоставила египтян самим себе и занялась ими только после того, как началось наступление на Будапешт»²⁵⁵, – отметили А.А. Фурсенко и Т. Нафтали, добавляя: «Наверняка неизвестно, почему через неделю после начала ближневосточной войны Хрущев наконец-то захотел действовать решительно в интересах своего египетского союзника»²⁵⁶. Что «неизвестно наверняка» этим наиболее компетентным в изучении внешней политики СССР того времени специалистам, то неизвестно и нам, но важно обратить внимание, что целую неделю, до 5 ноября 1956 года, когда прозвучало заявление Н.А. Булганина о том, что «советское правительство полно решимости пойти на применение силы, чтобы сокрушить агрессоров и

---

²⁵⁴ См.: Laurent Rucker, “The Soviet Union and the Suez Crisis”, in David Tal (ed.), *The 1956 War. Collusion and Rivalry in the Middle East* (London: Frank Cass, 2001), p. 79.

²⁵⁵ Александр Фурсенко и Тимоти Нафтали, «Холодная война» Хрущева, стр. 146.

²⁵⁶ Там же, стр. 147.

восстановить мир на Ближнем Востоке», Москва, по факту, никаких действий не предпринимала.

Таким образом, очевидно, что первая точка зрения противоречит документам и материалам, отчетливо свидетельствующим к тому же, что советские угрозы, впервые высказанные 5 ноября, почти все в западных столицах сочли фактором психологического давления, коим они, говоря начистоту, и были. Того же мнения придерживался Давид Бен-Гурион, на заседании правительства Израиля 8 мая сказавший, что Кремль ведет «войну нервов» и «блефует», пусть даже «за этим блефом стоят многочисленные дивизии»²⁵⁷. В направленном в Иерусалим послании Н.А. Булганина утверждалось, будто «правительство Израиля ... сеет такую ненависть к Государству Израиль среди народов Востока, ... которая поставит под вопрос само существование Израиля как государства». Советское правительство также извещало о том, что посол в Тель-Авиве А.Н. Абрамов покидает Израиль и немедленно выезжает в Москву²⁵⁸. Д. Бен-Гурион был возмущен посланием Н.А. Булганина, охарактеризовав его словами, которые не использовал в отношении какого бы то ни было советского документа, кажется, больше никогда: «Мое чувство было, что это послание могло быть написано Гитлером, нацистом, – но

---

²⁵⁷ Протокол заседания правительства Израиля от 8 ноября 1956 г., стр. 8 [на иврите] // Государственный архив, Иерусалим.

²⁵⁸ Текст послания был опубликован в газете *Известия* 6 ноября 1956 г.

мы обязаны ответить уважительно»²⁵⁹. В ответе, подготовленном Я. Герцогом и отправленном за подписью Д. Бен-Гуриона, упоминались рейды *фидаинов*, подготовка египетской армии к наступательной войне, экономическая блокада Египтом Израиля, а действия, предпринятые еврейским государством, были охарактеризованы как акт необходимой самообороны. Указав, что Израиль готов к началу немедленных переговоров о мире с Египтом без каких-либо предварительных условий, Д. Бен-Гурион подчеркнул: «Наша внешняя политика диктуется нашими основополагающими потребностями и нашим стремлением к миру, и никто извне не определяет и не будет определять ее. Как суверенное государство мы сами определяем свой путь»²⁶⁰.

В Израиле опасались не столько военного вмешательства со стороны СССР, сколько различных асимметричных ответов, начиная с возможности разрыва Москвой дипломатических отношений с Израилем и заканчивая репрессиями в отношении еврейского населения СССР и полного запрета эмиграции из стран Восточной Европы в Израиль (эмиграция напрямую из СССР была практически запрещена и так, но евреи - уроженцы Польши, в том числе и жившие в СССР, могли

---

²⁵⁹ Протокол заседания правительства Израиля от 8 ноября 1956 г., стр. 2.

²⁶⁰ Давид Бен-Гурион полностью привел свой ответ Н.А. Булганину в книге *Обновленное Государство Израиль*, том I, стр. 533–534.

через эту страну добраться до еврейского государства)²⁶¹. Эти опасения не сбылись, но об этом беспокоились всерьез; возможность прямого вступления советских вооруженных сил в конфликт была оценена как весьма маловероятная. Как свидетельствовал тогдашний министр иностранных дел Д.Т. Шепилов, хотя послов Великобритании, Франции и Израиля он к себе вызвал ночью, у советского руководства «было твердое решение не доводить дело до военного конфликта»²⁶².

Вторая точка зрения действительности соответствует – Великобритания и Франция не были готовы к разрыву своих отношений с СССР, а потому искали формат выхода из войны, который бы, так или иначе, удовлетворил Москву, – но исчерпывающего объяснения все же не дает.

Французский историк Лоран Рукер верно отметил, что с самого начала инициативу в борьбе за прекращение боевых действий и возвращение ситуации к статус-кво, существовавшему до их начала, взяли на себя США, а не СССР, руководители которого до 5 ноября ограничивались заявлениями, не оказывавшими реального влияния на ход событий²⁶³. Повсеместно повторяющееся утверждение о

---

²⁶¹ См.: Йосеф Хеллер, *Израиль и Холодная война: от Войны за независимость до Шестидневной войны* (Сде-Бокер: Университет им. Д. Бен-Гуриона, 2010), стр. 123 [на иврите].

²⁶² Цит. по: Алексей Васильев, *Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму* (Москва: «Наука», 1993), стр. 40–41.

²⁶³ См.: Laurent Rucker, “The Soviet Union and the Suez Crisis”, pp. 79–80.

боязни американцев впасть в зависимость от советских военных или дипломатических шагов неверно потому, что таковые шаги не предпринимались. Представляется необходимым, поэтому, выдвинуть третью гипотезу: *Д. Эйзенхауэр и Д.Ф. Даллес были возмущены не столько тем, что именно совершили англичане, французы и израильтяне, сколько тем, что это было сделано без предварительного согласования с Вашингтоном.* Резкие действия, с самого начала войны предпринятые американской администрацией против трех отнюдь не враждебных США стран – в защиту государства, постепенно как раз становившегося по отношению к США откровенно враждебным, имели своей целью не столько защитить Египет или лично президента Г.А. Насера, сколько продемонстрировать «граду и миру», что никакая Западная страна, пусть она даже является ядерной державой и постоянным членом Совета Безопасности ООН, не может делать где бы то ни было что бы то ни было, если это не было заранее согласовано с Вашингтоном и не получило его одобрения. Американцы были более всего возмущены тем, что их проигнорировали и даже не проинформировали о достигнутых лидерами трех стран в Севре договоренностях. Американцев, по сути, обманули. По воспоминаниям Аббы Эвена, 27 октября Д.Ф. Даллес вызвал его в Госдепартамент, попросив объяснить данные о массовом призыве резервистов в Израиле и о концентрации войск на границе; А. Эвен «утешил» госсекретаря тем, что районы, расположенные

на карте, которую он демонстрировал, находятся ближе к иорданской, чем к египетской границе²⁶⁴. За день до этого госсекретарь передал А. Эвену личное послание Д. Эйзенхауэра Д. Бен-Гуриону, в котором к Израилю была обращена настоятельная просьба не совершать никаких шагов, которые могут поставить под удар сложившийся в регионе статус-кво. Президент США не получил на это обращение никакого ответа, а 29 октября, когда А. Эвена принимал заместитель госсекретаря по Ближнему Востоку Уильям Раунтри, зашел Д.Ф. Даллес, зачитавший полученную им информацию об израильской военной операции, проводимой на территории Египта с участием беспрецедентно большого количества солдат и офицеров²⁶⁵. Д. Эйзенхауэр находился в это время в самолете на пути в Майами, где должен был пройти его очередной предвыборный митинг. Американские руководители не без оснований почувствовали себя обманутыми – и их главной задачей стало добиться того, чтобы такое случилось в первый и последний раз, чтобы никому больше не хотелось вести двойные игры с США, ибо себе дороже выйдет.

Ни в Иерусалиме, ни в Лондоне, ни в Париже не ожидали, что их главными оппонентами, защищающими режим Г.А. Насера, станут американцы. Война во многом пошла неудачно, ибо руководители Франции и Великобритании полагали, что их вето в Совете Безопасности ООН закроет тему – и это даст нужное для

---

²⁶⁴ См.: Абба Эвен, *Страницы жизни*, стр. 198.

²⁶⁵ Там же, стр. 199.

обеспечения военной победы время; вынесение американцами этого вопроса на обсуждение Генеральной Ассамблеи спутало эти планы. Война против Египта в 1956 году стала полигоном, на котором США провели демонстрацию того, что во всем Западном мире державой являются они и только они. Египту – а потенциально и любой другой стране, которая могла подвергнуться нападению извне, – был преподнесен урок: гарантировать безопасность и территориальную целостность могут только США. Советский Союз мог угрожать, заявлять, требовать, но он не мог принудить Великобританию, Францию и Израиль прекратить боевые действия против Египта, а затем вывести с его территории свои войска; американцы смогли добиться и первого, и второго. Стратегия, которая впоследствии была реализована сотрудниками администрации Джимми Картера, заставившими Израиль подписать соглашения с Египтом на американских условиях, была впервые опробована как раз в ходе войны 1956 года и после нее. И в 1957, и в 1979 годах американцы заставили Израиль вернуть Египту весь Синайский полуостров до последнего сантиметра. В обоих случаях они делали это не ради Египта, а ради демонстрации политических возможностей и непререкаемого геополитического статуса самих США.

В ходе переговоров в Севре Д. Бен-Гурион изложил весьма обстоятельный план переустройства Ближнего Востока после падения режима Г.А. Насера (заслуживает внимания тот факт, что он, в частности, уже в октябре 1956 года, т.е. почти за одиннадцать лет до Шестидневной войны, выступил за аннексию Израилем всей территории

Иудеи, Самарии и Иорданской долины, тогда находившихся под контролем Иордании)²⁶⁶, но как действовать, если этот режим *не падет*, никто из инициаторов тройственного нападения представления не имел. Буквально накануне начала войны, 28 октября 1956 года, на заседании правительства Д. Бен-Гурион прямо сказал министрам: «Цель – уничтожить режим Насера»²⁶⁷. Интересно отметить, что глава правительства Израиля с самого начала вообще не считал этот вопрос сферой ответственности Израиля: «Две европейские державы берут на себя уничтожение Насера, они в состоянии сделать это, а мы не будем в этом участвовать. Было предложение, чтобы мы участвовали в этом, но мы отказались»²⁶⁸. Министр юстиции Пинхас Розен (урожденный Феликс Розенблит, 1887–1978) переспросил: «Почему Вы говорите, что мы не будем соучастниками уничтожения Насера?» На это Д. Бен-Гурион ответил: «Потому что это они [Великобритания и Франция] сделают сами, войну против Насера на другом берегу [Суэцкого] канала будут вести они, мы не будем вовлечены в это. ... Нас не будет там, это факт, это договорено»²⁶⁹.

«Есть проблема с двумя сверхдержавами, Америкой и Советским Союзом, и [в этой связи] я ничего не могу

---

²⁶⁶ См.: Ицхак Бар-Он, *Зонтик для дождливого дня: военное сотрудничество между Францией и Израилем*, стр. 488–489.

²⁶⁷ Рассекреченный дополнительный протокол заседания правительства Израиля от 28 октября 1956 г., стр. 4.

²⁶⁸ Там же, стр. 6–7.

²⁶⁹ Там же, стр. 7.

сказать о них, – говорил Д. Бен-Гурион накануне начала войны. – Я могу только сказать, какова оценка ситуации французами, и с ними согласны англичане, и это звучит логично. Америка находится за шесть дней до выборов, и она не будет вмешиваться в операцию, которую ведут две ее союзницы... А если американцы не вмешаются, то не вмешается и Россия»²⁷⁰. Д. Бен-Гурион оговорился, что он «это не гарантирует», но именно на этих предпосылках основывались его действия. Предпосылки же оказались в корне неверными, что стало неприятным сюрпризом и для Лондона, и для Парижа, и для Иерусалима.

Пять месяцев, последовавших за окончанием боевых действий, стали для Израиля периодом, который можно охарактеризовать как дипломатическую войну на истощение. Д. Бен-Гурион и других израильских руководителей еще до начала войны беспокоило возможное давление извне с требованием вернуть территории, которые будут заняты силами армии, но при этом возможность того, что это давление будет иметь место тогда, когда режим Г.А. Насера останется у власти, не рассматривалась вообще. Таким образом, *несмотря на то, что израильская армия полностью и в заранее определенные сроки выполнила задачи, которые были поставлены перед ней политическим руководством страны, страна оказалась в принципиально иной ситуации, чем предполагалось.*

Абба Эвен, бывший в то время послом Израиля в США и – по совместительству – постпредом в ООН,

---

²⁷⁰ Там же, стр. 8.

свидетельствовал о том, что Д. Эйзенхауэр «выразил разочарование в правительстве Израиля. Он сказал, что до этого дня он искренне верил, что глава правительства Д. Бен-Гурион выступает против инициирования войны, но теперь эта вера разрушена»²⁷¹. С этого момента – а в Белом доме он оставался еще более четырех лет, до 20 января 1961 года – Д. Эйзенхауэр, и прежде не принадлежавший к числу преданных друзей еврейского государства, относился к Израилю с враждебным недоверием. Проблемы возникли и с европейскими союзниками, которые стали отказываться от своих обязательств по отношению к Израилю. Накануне начала войны Голда Меир говорила: «Франции я готова верить до конца, в отношении Англии – наш фактически долг относиться к ним с подозрительностью, но она не может предать нас без того, чтобы она предала и французов»²⁷². Это предположение оказалось неверным: от Израиля можно было дистанцироваться и не предавая Францию. Постпред Британии в ООН категорически отрицал, будто его страна и Франция действуют согласованно с Израилем, обвинив Израиль в том, что когда его войска перешли границу с Египтом, они безусловно нарушили режим, предусмотренный соглашением о прекращении огня²⁷³. Израиль оказался в ситуации, которой более всего стремился избежать, – государства-агрессора, действия

---

²⁷¹ См.: Абба Эвен, *Страницы жизни*, стр. 199.

²⁷² Рассекреченный дополнительный протокол заседания правительства Израиля от 28 октября 1956 г., стр. 36.

²⁷³ См.: Абба Эвен, *Страницы жизни*, стр. 203.

которого осуждают все, и при этом не мог сказать миру правду о Севрских договоренностях.

По инициативе США впервые в истории ООН была созвана Первая чрезвычайная сессия ее Генеральной Ассамблеи, которая работала с 1 по 10 ноября 1956 года и приняла целый ряд резолюций. Сам факт ее созыва шокировал израильских руководителей, которые были уверены, что право вето, которым располагали в Совете Безопасности Великобритания и Франция, лишало ООН возможности играть сколько-нибудь значимую роль в происходящих событиях. В реальности же, напротив, заседания Генеральной Ассамблеи ООН и переговоры в ее кулуарах обрели большое значение, а угроза генсека ООН Дага Хаммаршёльда уйти в отставку, если Великобритания и Франция, игнорируя призывы ООН, будут продолжать боевые действия, оказала немалое влияние на то, что эти страны таковые действия прекратили.

По инициативе министра иностранных дел Канады Лестера Пирсона (Lester B. Pearson, 1897–1972), в ночь с 4 на 5 ноября 1956 года Генеральная Ассамблея приняла резолюцию №1000 (ES-1) о создании чрезвычайных сил ООН и их вводе в Египет, чтобы они стали буфером между сторонами, гарантируя невозможность нападения ни Израиля на Египет, ни Египта на Израиль. Эту инициативу очень многие восприняли с осторожным скепсисом: против нее не голосовала ни одна страна, но и Израиль, и Франция, и Британия, и Египет воздержались – как и Советский Союз и его сателлиты, а также

Австралия, Новая Зеландия и ЮАР²⁷⁴. Уже после принятия этого решения советская сторона пыталась дезавуировать его; 5 ноября 1956 года Д.Т. Шепилов телеграфировал постпреду СССР при ООН А.А. Соболеву: «Мы считаем, что принятие Генеральной Ассамблеей канадского проекта резолюции противоречит Уставу ООН, который предусматривает, что решение об использовании воздушных, морских или сухопутных сил государств-членов ООН может исходить только от Совета Безопасности»²⁷⁵. Никаких последствий эти шаги не имели, принятое решение устояло.

С момента принятия резолюции о создании чрезвычайных сил ООН и их вводе в Египет давление США на Израиль резко усилилось. Д. Эйзенхауэр требовал от Израиля полностью вывести войска к границе, определенной соглашениями о прекращении огня, без каких-либо предварительных условий. Изначальная позиция, изложенная в личном послании Д. Бен-Гуриона президенту США, состояла в том, что боевые действия Израиль прекратил – и теперь Египет должен согласиться на начало прямых переговоров о мире²⁷⁶. Д. Бен-Гурион рассматривал занятые израильской армией территории как своего рода залог, возвращение которого должно

---

²⁷⁴ См.: Абба Эвен, *Страницы жизни*, стр. 215.

²⁷⁵ Телеграмма Д.Т. Шепилова А.А. Соболеву от 5 ноября 1956 г. // *Ближневосточный конфликт. 1947–1967*, том I, стр. 551–552.

²⁷⁶ Давид Бен-Гурион полностью привел свое послание Д. Эйзенхауэру от 8 ноября 1956 г. в книге *Обновленное Государство Израиль*, том I, стр. 534.

способствовать установлению мира между двумя странами. Он верил, что желание вернуть Синайский полуостров побудит руководителей Египта отказаться от продолжения политики ненависти и вражды в отношении Израиля. Спустя двадцать лет, когда Синай был давно занят Израилем во второй раз, так и произошло, но в 1956–1957 годах американцы делали почти всё, что было в их силах, чтобы Египет ничем и никак не должен был «платить» (хотя почему мир – это плата Египта Израилю, а не наоборот?) за возвращение под его контроль *всех* потерянных им в ходе второй израильско-египетской войны территорий. Это касалось не только Синайского полуострова, бывшего частью суверенной территории Египта, но и сектора Газа, который был занят Египтом в ходе войны 1948 года вопреки резолюции ООН о разделе Палестины, и на который он так и не распространил свой суверенитет.

Учитывая крайне сложное положение, в котором оказался Израиль на международной арене, с одной стороны, и определенное недоверие, которое испытывал Д. Бен-Гурион к дипломатам, подобранным и назначенным М. Шаретом, бывшим не сторонником, а противником того военно-политического курса, которым Израиль шел во второй половине 1956 года, глава правительства принял решение делегировать в США министра иностранных дел²⁷⁷. Голда Меир оставалась в этой командировке целых четыре месяца – самый

---

²⁷⁷ См.: Мирон Медзини, *Голда. Политическая биография*, стр. 304.

длительный срок отсутствия в стране кого-либо из членов правительства за всю историю Израиля, курсируя из Вашингтона в Нью-Йорк и обратно. В то время послом Израиля в США и в ООН (по совместительству) был Абба Эвен (спустя десять лет, в 1966 году, именно он сменил Голду Меир на посту министра иностранных дел); его отнюдь не радовало нахождение рядом с ним его формально непосредственной начальницы, о дипломатических талантах которой он был не самого высокого мнения, после отставки М. Шарета привыкнув обсуждать возникавшие вопросы напрямую с Д. Бен-Гурионом. А. Эвен считал, что присутствие Г. Меир подрывает его статус в глазах как иностранных дипломатов, так и американских государственных служащих и конгрессменов, с которыми он привык общаться напрямую; хуже того, порой он считал распоряжения Г. Меир неверными – и отказывался их выполнять²⁷⁸. Тот факт, что в столь критическое время в столь важном месте Израиль говорил двумя не просто разными, а очень отличавшимися друг от друга содержательно голосами отнюдь не способствовал успеху и без того крайне трудного дела.

Изначальная позиция Голды Меир была твердой и ясной: Израиль выиграл войну отнюдь не для того, чтобы отказаться от плодов победы. «Нет никакой возможности вернуться к прежнему статус-кво, – говорила она. – Мы не можем позволить египетской армии вновь занять Синай и

---

²⁷⁸ См. там же, стр. 311–312, со ссылкой на свидетельство Гидеона Рафаэля.

создать заново военные базы, восстановив военную мощь, которая всё время угрожала нам. Мы не можем позволить возвращение египтян в сектор Газа, чтобы они вновь задействовали против нас *фидайнов*. Мы не можем позволить им вновь контролировать острова, находящиеся на пути в Эйлатский залив – мы заняли их, чтобы гарантировать свободу судоходства в Эйлат – важнейший для нас порт, южные ворота нашей страны»²⁷⁹.

На Израиль тогда давили со всех сторон, особенно госсекретарь Д.Ф. Даллес; к сожалению, А. Эвен выстроил куда более тесные отношения с ним, чем с министром иностранных дел собственной страны, позицию которой он считал излишне максималистской и заведомо нереализуемой. Вместо того, чтобы повторять то же самое, что говорила Голда Меир, Абба Эвен согласился с Джоном Фостером Даллесом в том, что Израиль должен отступить со всех занятых им в ходе войны территорий – в обмен на получение гарантий свободы судоходства в Тиранском проливе (и только там, о свободе израильского судоходства в Суэцком канале, чего требовала резолюция Совета Безопасности ООН, принятая еще в 1951 году, американцы даже не вели разговор). Давиду Бен-Гуриону стоило бы прибыть на переговоры в Вашингтон самому, однако он этого не сделал; своими телефонными и письменными обращениями Абба Эвен сумел убедить его, что Израиль вынужден пойти на масштабные уступки. При этом сложилась крайне негативная динамика: каждое согласие Израиля на ту или иную уступку приводило к

---

²⁷⁹ Цит. там же, стр. 304.

выдвижению всё новых и новых требований. А. Эвен убеждал Д. Бен-Гуриона в вынужденной необходимости подчиниться и им, после чего глава правительства давал соответствующие инструкции министру иностранных дел, которая нехотя и с болью в сердце им подчинялась. Однако масштабы вероломства «великих держав» по отношению к Израилю верно не оценили ни Д. Бен-Гурион, ни Г. Меир, ни А. Эвен. За четыре послевоенных месяца израильская дипломатия проиграла многое из того, что израильская армия выиграла за неделю боевых действий.

В феврале 1957 года Голда Меир договорилась с госсекретарем Д.Ф. Даллесом о том, что Израиль объявит о согласии на вывод войск со всех занятых в 1956 году территорий, но египетские солдаты не вернутся в Газу, где будут дислоцированы исключительно войска ООН. Однако американцы обманули министра иностранных дел Израиля, сразу после выступления которой постпред США в ООН Генри Кэбот Лодж (1902–1985) заявил, что данный вопрос «еще предстоит решить в рамках соглашения о перемирии»²⁸⁰; египтяне вернулись в Газу как только оттуда ушли израильтяне. Это произошло вопреки обязательствам, которые давали не только американцы, но и французы. По свидетельству тогдашнего посла Израиля в Париже Якова Цура, перед отбытием министра иностранных дел Кристиана Пино в Нью-Йорк 5 января 1957 года «мне было категорически обещано в МИД Франции, что французы потребуют гарантий свободы

---

²⁸⁰ См.: Голда Меир, *Моя жизнь*, стр. 372–373.

судоходства для британских, французских и израильских судов в Суэцком канале, выступят против любой атаки на израильские суда в районе Шарм-аш-Шейха и предотвратят возвращение египтян в Газу и возвращение египетского военного правления на Синае»²⁸¹. Ничего этого французы не добились, хотя 2 февраля 1956 года постпред этой страны в ООН был единственным, кто голосовал вместе с израильским коллегой против резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, требовавшей безусловного немедленного вывода всех израильских войск со всех занятых в ходе войны территорий²⁸².

15 ноября 1956 года в Египет прибыл первый контингент чрезвычайных сил ООН, а к 23 декабря завершилась эвакуация из этой страны английских и французских войск, после чего Г.А. Насер издал декрет об аннулировании англо-египетского соглашения 1954 года о зоне Суэцкого канала. Вывод израильских войск из Синая и Газы завершился к 8 марта 1957 года²⁸³; администрация, созданная Израилем в секторе Газа, во главе которой стоял генерал Мати Пелед (1923–1995), была распущена. *Уход со всех занятых в войне 1956 года территорий не приблизил мирное урегулирование между Израилем и Египтом, возможность которого была упущена.*

---

²⁸¹ См.: Яков Цур, «Как Израиль заставили отступить с Синая в 1957 году» [1971] // *Министерство иностранных дел. Пятьдесят первых лет*, под ред. М. Ягера, Й. Говрина и А. Одеда (Иерусалим: «Кетер», 2002), том 1, стр. 82 [на иврите].

²⁸² Там же, стр. 83.

²⁸³ См. Моше Даян, *Этапы пути. Автобиография*, стр. 335–342.

НИ БИТВ, НИ ПЕРЕГОВОРОВ: ДЕСЯТЬ ЛЕТ МЕЖДУ СИНАЙСКОЙ И ШЕСТИДНЕВНОЙ ВОЙНАМИ

---

11 марта 1957 года Г.А. Насер назначил генерала Мухаммеда Абд эль-Латифа губернатором Газы. Сразу после того, как об этом стало известно, к Г.А. Насеру прибыл посол США в Каире Раймонд Хэйр (Raymond Arthur Hare, 1901–1994), настаивавший на отмене этого назначения, так как оно может вызвать возобновление боевых действий со стороны Израиля. Г.А. Насер, однако, заявил, что «нет никакой разницы между назначением губернатора Каира и губернатора Газы», ибо «в соответствии с условиями перемирия территория Газы находится под полным суверенитетом Египта с полным административным подчинением Египту». Тогда посол обратился с просьбой не посылать губернатора в Газу, оставив назначение как бы на бумаге. Г.А. Насер ответил, что об этом не может быть и речи. На следующий день он отдал губернатору распоряжение выехать в Газу, а египетским вооруженным силам и полицейским частям вступить на территорию Газы. Более того: им «был дан приказ, в случае сопротивления со стороны войск ООН этому продвижению, пробивать себе дорогу силой». «Мы исходили при этом также из того, – сообщал Г.А. Насер советскому послу в Каире, – что при создавшейся обстановке войска ООН, полностью зависимые в снабжении бензином, водой и съестными припасами от

Египта, не смогли бы предпринять ничего существенного против реализации решения египетского правительства «взять администрацию Газы полностью в свои руки»²⁸⁴.

Может сложиться впечатление, что война, в которой погибли 172 солдата и офицера еврейского государства, а еще трое пропали без вести, не дала Израилю ничего. Это впечатление не соответствует действительности. Во-первых, только после этой войны Израиль обрел свободу судоходства в Тиранском проливе, что открыло порт Эйлат для международной торговли. Начиная со 2 января 1957 года, когда Абба Эвен подал Д.Ф. Даллесу меморандум о значимости данного вопроса для обеспечения согласия Израиля на вывод им своих войск из района Шарм-аш-Шейха²⁸⁵, тема эта оставалась на повестке дня, и проблема была снята на десять последующих лет. Во-вторых, полностью прекратились рейды *фидаинов* из сектора Газа, на границах которого установилось пусть и напряженное, но спокойствие. *Хотя Израилю не удалось удержать в своих руках ни район Шарм-аш-Шейха, ни сектор Газа, ни какие-либо другие из занятых его армией территорий, ситуация в сфере обеспечения безопасности улучшилась достаточно существенно.*

В целом, факт этот – достаточно удивительный, ибо ни малейших изменений ни в отношении Г.А. Насера к Израилю, ни в отношении израильских руководителей к президенту Египта не произошло. Г.А. Насер всё с той же

---

²⁸⁴ Беседа Е.Д. Киселева с Г.А. Насером от 31 марта 1957 г. // *Ближневосточный конфликт. 1947–1967*, том II, стр. 47–55.

²⁸⁵ См.: Абба Эвен, *Страницы жизни*, стр. 226.

регулярностью грозил уничтожить Израиль (так, в апреле 1958 года Голда Меир обращала внимание советского посла на то, что представитель Египта выступил на сессии Генеральной Ассамблеи ООН с проектом выселения израильтян в страны их происхождения и заселения территории еврейского государства арабами²⁸⁶), армия которого всё так же готовилась к противостоянию с ним.

Никакого стремления к снижению напряженности с Израилем и к установлению добрососедских отношений с ним египетские руководители не демонстрировали, однако и к войне меж собой две страны в следующие десять лет не скатились, хотя обе они очень опасались этого. Достаточно сказать, что уже в начале апреля 1957 года, то есть спустя менее чем месяц после завершения вывода израильских войск из Синаи и Газы, Г.А. Насер обратился в Москву с просьбой «срочно информировать его о имеющихся у советских органов разведки данных относительно наличия агрессивных планов Франции и Израиля против Египта». По совместной рекомендации министра обороны СССР Г.К. Жукова и министра иностранных дел СССР А.А. Громыко послу СССР в Египте были даны следующие указания: «Посетите Али Сабри и сообщите ему для Насера, что по имеющимся у нас данным французский военный флот действительно выходил 26 марта из порта Тулона в направлении Алжира. ... Однако этот флот не проследовал в восточном

---

²⁸⁶ Запись беседы посла СССР в Израиле М.Ф. Бодрова с министром иностранных дел Г. Меир от 9 апреля 1958 г. // *Ближневосточный конфликт. 1947–1967*, том II, стр. 181–183.

направлении, а остался в районе Алжира и отрабатывал задачи боевой подготовки. ... Израильская армия в настоящее время находится в состоянии повышенной боевой готовности, и бронетанковые войска получили приказ о пополнении боеприпасов и запасов продовольствия, однако концентрации большого количества войск на границах с Египтом не отмечается. Скажите Али Сабри, если наши органы будут располагать сведениями, указывающими на то, что против Египта готовится военная агрессия, то они незамедлительно будут доведены до сведения президента»²⁸⁷. Однако на протяжении десяти последующих лет доводить до его сведения в этой связи было нечего. В августе 1958 года Г.А. Насер заявил американскому и советскому эмиссарам, что «если Израиль осмелится напасть на Иорданию под любым предлогом, то ОАР выступит против Израиля»²⁸⁸; глава ЦРУ Аллен Даллес также считал весьма вероятным израильское нападение на Иорданию, о чем говорил на совещании у президента Д. Эйзенхауэра 14 июля 1958 года²⁸⁹ – однако Израиль не напал на эту страну ни тогда,

---

²⁸⁷ Записка Г.К. Жукова и А.А. Громыко в ЦК КПСС от 6 апреля 1957 г. // *Ближневосточный конфликт*, том II, стр. 55–56.

²⁸⁸ Запись беседы временного поверенного в делах СССР в ОАР П.И. Герасимова с Г.А. Насером от 10 августа 1958 г. // *Ближневосточный конфликт. 1947–1967*, том II, стр. 233–237.

²⁸⁹ См.: Memorandum of a Conference With the President, White House, Washington, July 14, 1958 // *Foreign Relations of the United States, 1958–1960. Volume XI. Lebanon and Jordan* (Washington: Department of State, 1992), документ 124, pp. 211–215.

ни впоследствии. *Между Египтом и Израилем сформировались отношения, основанные на балансе взаимного сдерживания, при этом каждая из сторон все последующие десять лет ежедневно и ежечасно стремилась изменить этот баланс в свою сторону.*

И не только они. 5 января 1957 года президент США представил Конгрессу доклад о принципах и перспективах политики на Ближнем Востоке, получивший название «доктрины Эйзенхауэра», которая давала президенту право использовать вооруженные силы для «защиты стран Ближнего Востока от коммунистической угрозы». На основе этой доктрины США уже в июле 1958 года ввели свои войска в Ливан. Хотя вводу американских войск предшествовало соответствующее обращение президента Ливана Камиля Шамуна, очевидно, что речь шла о поддержке одних политических сил против других во *внутреннем* противостоянии; оппоненты Камиля Шамуна отнюдь не были коммунистами и никак не угрожали США. Они, однако, получали оружие из Египта и Сирии, находившихся тогда в процессе объединения, вследствие чего ливанское правительство 21 мая 1958 года направило жалобу на вмешательство Объединенной Арабской Республики во внутренние дела Ливана в Лигу арабских государств, а спустя сутки – и в Совет Безопасности ООН²⁹⁰. Следует указать, что 13 октября 1957 года в Сирию были направлены египетские войска – официально, с

---

²⁹⁰ См. справку Отдела стран Ближнего Востока МИД СССР от 14 июня 1958 г. // *Ближневосточный конфликт. 1947–1967*, том II, стр. 206–209.

целью защиты этой страны от турецкой угрозы, а 18 ноября 1957 года Палата депутатов Сирии и Национальное собрание Египта приняли решение об объединении двух стран в единое государство. 1 февраля 1958 года в результате переговоров президента Египта Г.А. Насера и президента Сирии Шукри Куатли провозглашено новое государство – Объединенная Арабская Республика (ОАР). 21 февраля в Египте и Сирии прошли референдумы, одобдившие образование ОАР, президентом которой стал Г.А. Насер. В Израиле за всем происходящим следили с огромными опасениями, ни во что, однако, толком не вмешиваясь. В марте 1958 года к ОАР на федеративной основе примкнул Йемен, куда вскоре был направлен задержавшийся там на долгие годы контингент египетских войск. Мусульманская община Ливана с воодушевлением встретила новость об объединении Египта и Сирии. Как верно указал В.П. Румянцев, «помня о том, что в свое время Ливан являлся частью Сирии, К. Шамун стал опасаться активизации интеграционной политики Г.А. Насера, которая, как считал ливанский президент, могла углубить поляризацию ливанского общества и привести к падению существовавшего в Бейруте режима»²⁹¹. Г.А. Насер в самом деле рассчитывал на то, что, в случае успеха боровшихся против К. Шамуна повстанцев, в ОАР войдет и Ливан. Посол ОАР в Москве М. Аль-Куни 13 июня 1958 года в разговоре с заведующим отделом стран Ближнего и Среднего Востока МИД СССР

---

²⁹¹ См.: Владимир Румянцев, *Ближневосточная политика США и Великобритании в 1956–1960 гг.*, стр. 165.

Г.Т. Зайцевым указал, что ОАР предполагает осуществить слияние Ливана, Ирака и Иордании с ОАР в течение ближайших трех лет, и для этого необходимо, чтобы антиправительственные силы в Ливане одержали победу. Посол М. Аль-Куни «выразил уверенность, что это будет осуществлено»²⁹². Прогноз этот оказался неверным: ни через три года, ни когда-либо позднее в Объединенную Арабскую Республику не вошла *ни одна из этих трех стран*. Американское участие во внутриливанском конфликте, предотвратившее развитие событий по такому сценарию, было для Израиля огромным благом, произошедшим почти без его участия. Израильский посол в Вашингтоне Абба Эвен и ставший незадолго до этого его заместителем Яков Герцог несколько раз в неделю встречались с Д.Ф. Даллесом, обсуждая, какие меры США могут принять, чтобы помешать победе повстанцев в Ливане и не допустить присоединения Ливана к ОАР, и даже агитировали конгрессменов поддержать отправку американских войск в Ливан²⁹³, но, очевидно, что все решения американцы принимали сами, исходя из своих собственных интересов. К счастью для Израиля, Ливан в 1957 году стал единственной арабской страной, не входившей в Багдадский пакт, присоединившейся к «доктрине Эйзенхауэра», а К. Шамун непосредственно

---

²⁹² См. запись беседы заведующего отделом стран Ближнего Востока МИД СССР Г.Т. Зайцева с послом ОАР в СССР М. аль-Куни от 13 июня 1958 г. // *Ближневосточный конфликт. 1947–1967*, том II, стр. 204–206.

²⁹³ См.: Абба Эвен, *Страницы жизни*, стр. 250.

обратился к США с просьбой о военной поддержке. Если бы таковая просьба не поступила, большой вопрос, вмешались ли бы американцы с целью защитить Ливан от насеровской интервенции; факт, что ни Сирию, ни Йемен они от таковой защищать не стали.

Американцы были несомненно разочарованы тем, как египтяне «отблагодарили» их за помощь в критические дни конца октября – начала ноября 1956 года, но следствием этого разочарования не становилось такое сближение с Израилем, к которому стремились его руководители. Г.А. Насер считал крайне важным не допустить попадания его страны в зону американского господства, будучи категорическим противником как вступления в Багдадский пакт, так и организации на территории Египта американских военных баз. Израиль же, напротив, был готов к укреплению военно-политических связей с США, но эта готовность не была взаимной: в конце 1957 года Д. Бен-Гурион обратился к США с просьбой о приеме Израиля в НАТО, но получил отказ. Сложившийся статус-кво американцев в общем и целом устраивал, и они не стремились его менять.

Устраивал он и Советский Союз. В ходе встречи с советским послом в Израиле М.Ф. Бодровым Д. Бен-Гурион, среди прочего, прямо спросил о том, может ли Советский Союз проявить инициативу, чтобы состоялась встреча между ним и Насером «для переговоров по урегулированию арабо-израильских отношений в любом месте, в любое время, которое будет признано подходящим. Эта встреча могла бы состояться в Москве

или в Женеве или в любом ином месте». Д. Бен-Гурион указал, что «готов к этому немедленно»²⁹⁴. Первый замминистра иностранных дел В.В. Кузнецов доложил об этом предложении главы правительства Израиля в ЦК КПСС, добавив: «МИД СССР считает целесообразным оставить вопросы Бен-Гуриона без ответа»²⁹⁵; 31 июля в телеграмме послу М.Ф. Бодрову эта формулировка и была процитирована²⁹⁶. Мы не знаем, кто и почему принял такое решение, лишившее Москву возможности играть центральную посредническую роль между сторонами, – и были ли египтяне извещены об этой израильской инициативе, не получившей в итоге никакого развития.

Хотя все десять лет до следующей войны с Израилем у власти в Египте оставалась одна и та же команда государственных деятелей (Г.А. Насер, А.Х. Амер, А. Сабри и другие), в политической сфере эта страна пережила ряд потрясений. В марте 1958 года была принята временная Конституция ОАР, объявившая панарабизм официальной идеологией государства. Согласно этой Конституции, Г.А. Насер стал президентом ОАР, главой объединенного

---

²⁹⁴ Запись беседы посла СССР в Израиле М.Ф. Бодрова с Д. Бен-Гурионом от 17 июля 1958 г. // *Ближневосточный конфликт. 1947–1967*, том II, стр. 215–217.

²⁹⁵ Записка первого заместителя министра иностранных дел СССР В.В. Кузнецова в ЦК КПСС от 29 июля 1958 г. // *Ближневосточный конфликт. 1947–1967*, том II, стр. 223.

²⁹⁶ Телеграмма МИД СССР послу СССР в Израиле М.Ф. Бодрову от 31 июля 1958 г. // *Ближневосточный конфликт. 1947–1967*, том II, стр. 229.

правительства и верховным главнокомандующим «Южного района» (Египта) и «Северного района» (Сирии); непосредственно в Дамаск в качестве высшего руководителя был делегирован А.Х. Амер, которому Г.А. Насер по такому случаю присвоил звание фельдмаршала. Тогда же, в целях борьбы с оппозицией, был издан декрет о роспуске всех партий – как в Египте, так и в Сирии. Однако после переворота, организованного группой офицеров сирийской армии, 28 сентября 1961 года Сирия объявила о выходе из ОАР; А.Х. Амер был арестован и выслан в Каир. Г.А. Насер всячески пытался лишить новые сирийские власти легитимности и спустя месяц даже объявил о разрыве дипломатических отношений с Турцией из-за признания Стамбулом нового сирийского правительства после выхода Сирии из ОАР, однако эти усилия ни к чему не привели. Кризисное положение сложилось и в Египте, вследствие чего 7 ноября 1961 года Г.А. Насер распустил Национальное собрание. Хотя до самой кончины Г.А. Насера Египет продолжал называться Объединенной Арабской Республикой, ОАР распалась спустя три с половиной года после ее основания – и более никогда не была воссоздана.

Драматичные события произошли в 1963 году. После того, как в ходе переворотов 8 февраля в Ираке, а 8 марта в Сирии к власти в этих странах вернулась партия БААС, были предприняты попытки возродить единое государство в составе Египта, Сирии и Ирака. В опубликованном 17 апреля 1963 года проекте конституции этого государства среди его целей декларировались «революция во имя освобождения Палестины» и «военный союз, который

сможет освободить арабскую родину от сионистской опасности». 6 мая 1963 года Д. Бен-Гурион посвятил этой теме свое выступление в Кнессете, напомнив о том, что СССР и Чехословакия продолжают поставлять Египту оружие, а советские офицеры – тренировать и обучать офицеров египетских²⁹⁷. Так оно и было: среди тех, кто учился в 1963–1965 гг. в Военной академии имени М.В. Фрунзе в Москве, был и ставший в 1981 году президентом Египта Хосни Мубарак. 13 мая 1963 года Кнессет принял воззвание к мировым державам и общественному мнению, обращая внимание на то, что планы объединенного арабского государства во главе с Г.А. Насером угрожают самому существованию Израиля. К счастью для Израиля, арабские лидеры переругались меж собой еще до того, как успели провести референдумы во всех трех странах (они были назначены на 27 сентября 1963 года) и последующие выборы Г.А. Насера главой единой Объединенной Арабской Республики. Проект возрождения ОАР оказался мертворожденным.

Несмотря на распад ОАР, Г.А. Насер не отказался от идеологии панарабизма. В январе 1964 года в Каире впервые прошел саммит Лиги арабских государств (ЛАГ), на котором «в пику» Израилю и Иордании была основана Организация освобождения Палестины. В сентябре 1964 года на саммите ЛАГ в Александрии была достигнута договоренность о создании объединенной арабской армии; эта армия, впрочем, так и осталась лишь на бумаге.

---

²⁹⁷ См.: Давид Бен-Гурион, *Обновленное Государство Израиль*, том II, стр. 725–726.

В октябре того же года в Каире прошла Вторая конференция глав государств неприсоединившихся стран.

При этом, как точно отмечал Е.М. Примаков, Г.А. Насер «оставался не просто враждебным, а безжалостным противником “Братьев-мусульман”. Это проявилось, например, в его отношении к идеологическому вождю “братства” Сайеду Кутубу, который неоднократно приговаривался к тюремному заключению. Но когда выяснилось, что он продолжает атаковать насеровский “секуляризм”, его светское, а не исламское руководство страной, сравнивая положение в насеровском Египте с *джахилией* (“невежество” – так арабы называют доисламский период в своей истории), он был вновь арестован, приговорен к смертной казни и в 1966 году казнен. Насера разделяло с исламистами не простое соперничество. Это не было противостоянием двух односторонних сил, борющихся за власть. Дело в том, что Насер сознательно отвергал использование ислама в качестве инструмента управления»²⁹⁸.

Суэцкий канал оставался закрытым для израильского судоходства, и в Израиле время от времени звучали призывы (в частности, из уст Моше Даяна, 29 января 1958 года завершившего работу на посту начальника Генерального штаба, но продолжавшего активно выступать по военным вопросам) к проведению новой военной операции против Египта с целью решения этой проблемы. Как указывалось выше, Д. Бен-Гурион и в

---

²⁹⁸ Евгений Примаков, *Ближний Восток на сцене и за кулисами*, стр. 15–16.

декабре 1955 года, и в апреле 1956 года отклонял такого рода предложения М. Даяна, считая, что Израиль не может начать войну, не имея международной поддержки. Опыт Суэцко-Синайской кампании показал, насколько критически важной является поддержка со стороны руководства США. Но ни Дуайт Эйзенхауэр, ни последовательно пришедшие ему на смену Джон Кеннеди и Линдон Джонсон ни в коей мере не были готовы одобрить израильскую военную операцию против Египта.

Закрытие для израильского судоходства Суэцкого канала было фактом неприятным, но – после открытия Тиранского пролива – не критичным. За десять лет относительного спокойствия после войны 1956 года Израиль существенно модернизировал и расширил порт в Эйлате. В 1957 году в этот порт, не считая нефтеналивных танкеров, прибыли 30 кораблей торгового флота, в 1958 году – 35, в 1959 году – 42, в 1960 году – 56, в 1961 году – 76, в 1962 году – 93, в 1963 году – 59, в 1964 году – 57, в 1965 году – 54, в 1966 году – 51 корабль²⁹⁹. Был построен новый порт на Средиземном море в Ашдоде, сооружена асфальтированная магистраль из Беэр-Шевы в Эйлат, основан ряд новых городов. Кроме того, по территории Израиля был проложен нефтепровод из Красного моря в Средиземное. В апреле 1957 года была проложена его первая часть, из Эйлата до Беэр-Шевы, а в августе 1958 года – вторая, от Беэр-Шевы до Хайфы, где находятся

---

²⁹⁹ Данные приводятся в книге: Давид Бен-Гурион, *Обновленное Государство Израиль*, том I, стр. 557.

нефтеперерабатывающие заводы. В окрестностях Ашдода была построена крупнейшая в Израиле электростанция.

Развитием экономики – и ее переориентацией на социалистические рельсы – занимался в те годы и Египет. В 1957 году в стране была проведена национализация английских и французских, а в 1960–1961 годах – бельгийских и итальянских банков и страховых обществ, а затем – промышленных, торговых, транспортных и других компаний. В 1960–1962 годах в собственность государства перешли крупнейшие банки страны – Национальный банк Египта и Банк Миср, все страховые компании, 142 крупнейшие промышленные компании (полностью или частично); была введена монополия государства на экспорт хлопка и весь импорт, оптовую торговлю и крупные универмаги. В 1960 году, после заключения соглашения между Египтом и Суданом, при активной поддержке и многосторонней помощи Советского Союза были начаты работы по сооружению Асуанской плотины. В 1964 году русло Нила было перекрыто, плотина создала искусственное водохранилище шириной десять и длиной пятьсот километров; в октябре того же года вступила в строй первая очередь Асуанской ГЭС. В 1960 году в Египте началось телевизионное вещание.

Из сказанного, однако, не следует, что Израиль и Египет занимались в эти годы исключительно вопросами мирного строительства – напротив, каждая из стран интенсивно готовилась к третьей войне, хотя никто не знал, когда она начнется. Ш.Перес сформулировал три условия, при каждом из которых Израиль будет готов начать превентивную войну против Египта: (а) если для

израильского судоходства будет вновь заблокирован Тиранский пролив, ведущий в порт Эйлат; (б) если Египет захватит Иорданию; и (в) если концентрация войск в приграничных районах будет столь значительна, что создаст ясную и ощутимую угрозу близящегося нападения на Израиль³⁰⁰. Египет никогда не захватывал Иорданию и до мая 1967 года не ограничивал свободу израильского судоходства в Тиранском проливе. Однако угрожающая концентрация египетских войск на Синае чуть не привела к войне. Это случилось после операции, проведенной израильскими силами против сирийцев 31 января 1960 года. Сирия входила тогда в ОАР, и Г.А. Насер сосредоточил на Синайском полуострове около пятисот танков и пятидесяти тысяч солдат. 23 февраля 1960 года в Израиле была объявлена мобилизация резервистов³⁰¹.

Не ограничиваясь сугубо военной реакцией, израильское правительство обратилось к правительствам США, Англии, Франции и СССР с призывом удержать Египет от развязывания войны. Пригласив к себе 26 февраля 1960 года советского посла М.Ф. Бодрова, Голда Меир указала: «Из поступивших сообщений за последние сутки Израилю стало известно о количестве войск ОАР, сосредоточивающихся на границе с Израилем, и правительство Израиля пришло к выводу, что Насер

---

³⁰⁰ Цит. по: Мордехай Бар-Он, «Безопасность Израиля между Синайской войной и Шестидневной войной» // *Второе десятилетие*, под ред. Ц. Цамерета и Х. Яблонка (Иерусалим: Институт им. И. Бен-Цви, 2000), стр. 345 [на иврите].

³⁰¹ См. там же, стр. 347–348.

намеревается провести серьезные военные мероприятия против Израиля. Израилю точно известно, какие части войск ОАР и в каком количестве концентрируются на израильско-египетской и израильско-сирийской границах». Голда Меир добавила: «Зная о том, что предпринимает Насер против Израиля, израильское правительство не сидит сложа руки и со своей стороны вынуждено было сделать соответствующие распоряжения по линии командования, чтобы оградить себя от каких-либо неожиданностей со стороны ОАР. Израильское правительство уверено в том, что если Насер решится напасть на Израиль, то он получит сокрушительный удар». Г. Меир при этом указала, что «израильское правительство стоит на позициях мира, не хочет войны и поэтому просит Советское правительство ... сделать все возможное, чтобы предотвратить военный конфликт между Израилем и ОАР»³⁰². Неизвестно, действительно ли Г.А. Насер готовился напасть на Израиль, но его войска были возвращены из Синая вглубь территории страны.

Разведывательные службы как Израиля, так и Египта вели неустанную деятельность друг против друга. Получившими наибольшую известность израильскими агентами в Египте в описываемый период были Шалтиэль Бен-Яир, Джек Леон Томас и Вольфганг Лотц (Зеев Гур-Арье). Первые двое работали в одно и то же время, третий начал свою деятельность позднее и продержался чуть

---

³⁰² Запись беседы посла СССР в Израиле М.Ф. Бодрова с министром иностранных дел Г. Меир от 26 февраля 1960 г. // *Ближневосточный конфликт. 1947–1967*, том II, стр. 302–303.

дольше. Ш. Бен-Яир так и не был раскрыт, тогда как Д.Л. Томас и В. Лотц (З. Гур-Арье) были разоблачены. Ш. Бен-Яир и В. Лотц (З. Гур-Арье) вернулись в Израиль: первый – по завершении своей миссии, второй – после нескольких лет в египетской тюрьме; Д.Л. Томас был приговорен к смертной казни и повешен.

Ветеран еврейской подпольной организации ЛЕХИ Шалтиэль Бен-Яир, родившийся в еврейской семье в Ливане, был крайне проблемным человеком; достаточно сказать, что в июне 1952 года он участвовал в покушении на жизнь министра транспорта Давида Цви Пинкаса (1895–1952), вся «вина» которого состояла в том, что, будучи верующим иудеем, он боролся за прекращение движения общественного транспорта по субботам и в дни иудейских праздников. Ни сам Д.Ц. Пинкас, ни кто-либо из членов его семьи не пострадал, но дому был нанесен значительный ущерб. По обвинению в организации покушения на жизнь министра были задержаны Шалтиэль Бен-Яир и еще один бывший член ЛЕХИ, Амос Кейнан (урожденный Левин, 1927–2009), но оба они были оправданы судом за недостаточностью улик. Спустя более чем полвека супруга А. Кейнана, ставшего известным писателем, киносценаристом, художником и скульптором, сообщила, что оба оправданных активиста действительно совершили этот неудавшийся, к счастью, теракт³⁰³. Необходимо добавить, что Израиль – цивилизованное

---

³⁰³ См.: Нурит Герц, *По личному выбору: четыре главы из жизни Амоса Кейнана* (Тель-Авив: «Ам овед», 2008), часть третья [на иврите].

правовое государство, это событие было из ряда вон выходящим. Несмотря на это, по всей видимости, по протекции Ицхака Шамира (урожденный Езерницкий, 1915–2012), в 1940-е годы входившего в руководство ЛЕХИ, а в то время бывшего одним из руководителей Службы внешней разведки, Ш. Бен-Яир был принят на работу в «Моссад»; в Египте он служил в составе британской армии в годы Второй мировой войны, а затем нелегально работал с 1958 по 1962 годы.

Ш. Бен-Яир находился в Египте под именем Франсуа Ренанкура – якобы эксперта по животноводству из Бельгии; он тщательно скрывал не только знание иврита, но и арабского. Он ежемесячно бывал в Париже, где, по всей видимости, получал инструкции от Ицхака Шамира, в те годы бывшего резидентом «Моссада» в Париже (там он работал под вымышленной фамилией Барзилай). По свидетельству Д. Равива и Й. Мелмана, «в Египте Бен-Яир был одним из самых дерзких израильских агентов. Его главным достоинством было то, что по природе он был “одиноким волком” и представлял собой резидентуру в составе одного человека. В его задачу входила разведка египетских аэродромов и других военных объектов»³⁰⁴. Это была очень опасная миссия, но он сумел не вызвать подозрений, которые бы поставили под угрозу его работу и жизнь, и спустя четыре года благополучно возвратился в Израиль, откуда, впрочем, вскоре эмигрировал в Канаду.

---

³⁰⁴ См.: Ден Равив и Йосси Мелман, *История разведывательных служб Израиля* (Москва: «Международные отношения», 2000), стр. 175–176 [пер. с англ.].

Выросший в Каире уроженец Египта Джек Леон Томас (урожденный Товмасян) не имел еврейских корней; это был армянин, владевший не только арабским, но и тремя европейскими языками, живший и пытавшийся построить бизнес в Германии; к Г.А. Насеру он при этом относился исключительно враждебно. Он был завербован «Моссадом» в 1958 году, но сам он думал, что работал на одну из стран НАТО. На конспиративной квартире в Кёльне незнакомые ему специалисты обучили его основам шпионского искусства: фотографированию документов, проявлению фотопленки, маскировке негативов в тюбиках зубной пасты, корешках книг или коробках от ботинок, способам тайнописи, зашифровке сообщений и передаче их через тайники. Д.Л. Томас вернулся в Египет, откуда он периодически выезжал в Европу для встреч со своими кураторами; он передавал им военную информацию, а взамен получал деньги и новые задания. В конце концов Д.Л. Томасу раскрыли, что он работает на израильскую разведку, но это несколько его не беспокоило. Он неуклонно расширял свою агентурную сеть; в числе его информаторов был один из друзей детства, Мухаммед Ахмед Хасан, ставший артиллерийским офицером египетской армии. Разведгруппа, которую постепенно удалось создать Д.Л. Томасу, обзавелась собственной оперативной техникой: фотоаппаратами, чемоданом с двойным дном, электробритвой с тайником для хранения документов, зажигалкой с тайником для хранения фотопленки и небольшой радиостанцией, замаскированной в ванной комнате в его доме.

В мае 1960 года Д.Л. Томас попытался завербовать египетского офицера, христианина коптского происхождения Адива Хана Карлоса, который немедленно информировал об этом своих командиров. Египетская контрразведка стала следить за Д.Л. Томасом и его агентурной сетью, и 6 января 1961 года он был арестован вместе с другими агентами. На суде он храбро заявил: «Я не предатель. Я никогда не считал себя египтянином. Армяне в Египте составляют меньшинство, подвергающееся дискриминации»³⁰⁵. Военный трибунал приговорил Д.Л. Томаса и двоих его сообщников, в т.ч. М.А. Хасана, к смертной казни, и они были повешены 20 декабря 1962 года.

Вольфганг Лотц, о деятельности которого был в 2007 году снят фильм «Шпион в шампанском», родился 21 января 1921 года в немецком городе Мангейм³⁰⁶. Он был выходцем из творческой семьи: его отец Ганс, немец по происхождению, был директором театра, а его мать Елена, еврейка, была в этом театре актрисой. В дальнейшей судьбе В. Лотца немалую роль сыграло его театральное воспитание, благодаря которому он смог втереться в доверие к высшим военным чинам Египта. Когда в 1933 году к власти в Германии пришел Адольф Гитлер, Ганс Лотц вступил в нацистскую партию. Елена не могла принять такой выбор мужа и, забрав с собой сына,

---

³⁰⁵ Цит. там же, стр. 178.

³⁰⁶ История В. Лотца излагается в основном по его книге воспоминаний, см.: Wolfgang Lotz, *The Champagne Spy – Israel's Master Spy Tells his Story* (London: Vallentine Mitchell, 1972).

эмигрировала в Палестину/Эрец-Исраэль. Там мальчик взял себе еврейское имя Зеев Гур-Арье. Он учился в сельскохозяйственной школе в молодежной деревне Бен-Шемен (она существует и поныне), параллельно занимаясь верховой ездой; в те же годы там же учился и Шимон Перес, единственный израильтянин, в разные годы бывший и премьер-министром, и президентом страны. В семье В. Лотц выучил немецкий, после иммиграции – иврит, арабский и английский. В 1937 году, в возрасте шестнадцати лет, В. Лотц присоединился к организации еврейской самообороны *Хагана*, которая поручила ему охрану единственного автобуса, возившего детей из близлежащих еврейских районов в школу в Бен-Шемен. С началом Второй мировой войны он вступил в британскую армию, где служил в качестве военного переводчика в тылу танковой армии «Африка» фельдмаршала Эрвина Роммеля, а в 1948–1949 годах в звании лейтенанта принимал участие в Войне за независимость Израиля. В 1956 году он уже в звании майора командовал ротой, которая участвовала в боях на Синайском полуострове. К работе в Военной разведке В. Лотц был привлечен уже после этого.

В отличие от Д.Л. Томаса, на момент вербовки жившего в Германии, В. Лотцу была придумана легенда, согласно которой он является бывшим нацистом, который во время войны служил в гитлеровской армии в Северной Африке, а потом более десяти лет занимался разведением скаковых лошадей в Австралии. В Германию он был направлен на год уже израильской Военной разведкой. Происхождение отца позволило В. Лотцу получить

официальные документы – необходимости в фальшивых не было. В декабре 1960 года В. Лотц прибыл в Геную, откуда в январе 1961 года, через считанные дни после ареста Д.Л. Томаса, перебрался в Египет. Щедрое финансирование из Израиля позволило ему снять ранчо, заняться разведением лошадей и открыть школу верховой езды, которая быстро набрала популярность среди египетских полицейских и военных. Компанейский и харизматичный, В. Лотц часто устраивал у себя приемы, на которых присутствовали офицеры, в неформальной обстановке не склонные держать язык за зубами. С помощью миниатюрного радиопередатчика В. Лотц передавал своим кураторам в Израиль подробные сообщения. Деятельность Вольфганга Лотца и его новой супруги Вальтрауд Марты Нойман (Waltraud Martha Neumann) приносила значительные результаты (частично о ней будет рассказано далее); среди прочего, именно они сумели добыть сверхсекретную информацию о проекте создания системы электронного контроля за полетами египетских ракет.

В 1963 году ответственность за работу с В. Лотцем перешла от Военной разведки к «Моссаду». В 1964 году В. Лотц сумел открыть ипподром прямо на территории военной базы в Абассии, а затем еще один – в дельте Нила, рядом с полигоном, где испытывались ракеты класса «земля-воздух». В. Лотц и его супруга успешно работали вплоть до 22 февраля 1965 года, когда они были арестованы ворвавшимися в их квартиру сотрудниками египетской контрразведки. По всей видимости, радиопередатчик В. Лотца был запеленгован советской

военной разведкой. «Моссаду» удалось направить в Египет немецкого адвоката для защиты В. Лотца и его жены. Адвокат утверждал, что лично видел В. Лотца в компании немецких офицеров. «Поскольку я никогда не служил в немецкой армии, – вспоминал позже В. Лотц, – я сразу понял, кто послал этого адвоката». В. Лотц признался в работе на «Моссад», но до последнего повторял, что он – немец, польстившийся на значительное вознаграждение со стороны израильской разведки. Прокурор утверждал, что он – израильтянин, скрывающий этот факт; В. Лотц же настаивал, что лишь однажды побывал в Израиле как турист в начале 1963 года, и эта поездка не продлилась и недели. Его пытали, но он и под пытками повторял то же самое – и, по всей видимости, это спасло ему жизнь. Вольфганг Лотц и его супруга были признаны виновными в шпионаже в пользу Израиля; 21 августа 1965 года он был приговорен к пожизненному заключению и каторжным работам, она – к трем годам лишения свободы. Однако в ходе войны в июне 1967 года в Израиле оказались тысячи египетских военнопленных, что позволило вести переговоры об обмене с выгодных позиций и добиться освобождения, в том числе, и Вольфганга Лотца с супругой. Как и Ш. Бен-Яир, после возвращения в Израиль В. Лотц не нашел себя в обычной жизни и после смерти Вальтрауд Марты Нойман (ее не стало в 1973 году) эмигрировал; умер он в Мюнхене 13 мая 1993 года, но был похоронен в Израиле с воинскими почестями.

Как справедливо указывали Д. Равив и Й. Мелман, «наиболее дерзкие операции арабов были зеркальным отражением действий Израиля. Арабские агенты учились

выдавать себя за евреев и направлялись в Израиль под видом иммигрантов, которые в потоке новых переселенцев не привлекали особого внимания»³⁰⁷. В своей книге они упоминают двух египетских агентов, причем первый из них, как и Д.Л. Томас, был по национальности армянином, только работавшим, что называется, «в обратном направлении»: против Израиля.

Родившийся в 1939 году Кобрук Яковян в декабре 1961 года под именем Ицхака Кошука въехал в Израиль из Бразилии. Не заподозрив ничего предосудительного, израильское консульство в Рио-де-Жанейро приняло его за настоящего еврея, стремящегося к возвращению на историческую родину, и выдало ему визу, дававшую право на иммиграцию и получение гражданства. На самом деле он был египетским шпионом, завербованным, когда он находился в каирской тюрьме за малозначительное правонарушение. Чтобы замаскировать его под еврея, ему даже сделали обрезание (кстати, именно его отсутствие спасло от виселицы В. Лотца). В Израиле он некоторое время работал в *киббуце* под Ашкелоном, а в ноябре 1962 года был призван в армию. Он стремился попасть в танковые части, но 19 декабря 1963 года был арестован израильской Общей службой безопасности, осужден, провел несколько лет в тюрьме, после чего 29 марта 1966 года был выслан в Египет (вместе с двумя другими египтянами он был обменян на трех израильтян)³⁰⁸.

---

³⁰⁷ Ден Равив и Йосси Мелман, *История разведывательных служб Израиля*, стр. 192.

³⁰⁸ О его дальнейшей судьбе никаких сведений найти не удалось.

Другой египетский агент, Рефаат Али Сулейман эль-Гамаль (1927–1982), живший и работавший в Израиле с 1956 года под именем Жака Битона, покинул страну свободно спустя семнадцать лет; он также подвергся обрезанию и выдавал себя за еврея. По легенде, составленной в Главном разведывательном управлении Египта, он родился в 1919 году от отца - французского еврея и матери-итальянки. Еще в Александрии он вошел в доверие к молодым сионистским активистам, среди которых была Марсель Ниньо (1929–2019), входившая в сеть, организованную Авраамом Даром (о ней говорилось в конце второй главы настоящей книги). С отроческих лет прекрасно владея как английским, так и французским языками (он к тому же успел пожить в Англии, США, Канаде и Германии), он открыл туристическое агентство в центре Тель-Авива на улице Бреннера, под прикрытием которого и действовал³⁰⁹.

В Египте и в Израиле публикуется противоположная информация об этом человеке. В Египте о нем вышла книга и был снят телесериал, в которых рассказывалось, как он втерся в доверие к высшим руководителям Израиля, что, якобы, позволило ему на протяжении многих лет снабжать египетскую разведку ценнейшими сведениями. В Израиле, напротив, утверждается, что этот человек будто бы был разоблачен и арестован почти сразу же по прибытию в страну, и во всем признался в ходе жесткого допроса, который вел Йосеф Хармелин, после

---

³⁰⁹ См.: Йосси Мелман и Эйтан Хабер, *Шпионы* (Тель-Авив: «Едиот ахронот», 2002), стр. 67–83 [на иврите].

чего был поставлен перед ультиматумом: или отправиться на долгие годы в тюрьму за шпионаж – или работать как двойной агент³¹⁰. В израильских публикациях утверждается, что Рефаат Али Сулейман эль-Гамаль сразу же согласился работать на Израиль, и что на протяжении многих лет через него египтянам передавались то достоверные, то заведомо ложные сведения³¹¹ (в частности, о том, что в июне 1967 года война начнется сухопутной, а не авиационной атакой³¹²). Не исключено, что, несмотря на регулярные допросы и жесткий контроль, под которым он находился, ему удавалось вести свою собственную игру, обманывая своих «кураторов» и в Египте, и в Израиле (его куратором в Общей службе безопасности был Шломо Голанд, а затем – глава ее арабского отдела Мордехай Шарон, урожденный Шнайдер, 1926–2017). Как бы то ни было, из Израиля он вернулся в Египет, а оттуда эмигрировал в ФРГ, где и умер от рака легких в городе Дармштадт за несколько месяцев

---

³¹⁰ Йосеф Хармелин (1922–1994) служил в Общей службе безопасности Израиля с 1949 года; он – единственный за всю историю Израиля, кто дважды назначался ее руководителем: в 1964 году – на десять лет, и повторно в 1986 году – на два года.

³¹¹ См.: Йосси Мелман, «“Ятед” – одна из наиболее успешных обманных операций в истории израильской разведки» // *Ха’арец* [«Страна»], 31 марта 2011 г. [на иврите].

³¹² См.: Йосси Мелман, «Двойной агент, сумевший дезинформировать Египет в 1967-м» // Приложение к газете *Маарив*, 24 июля 2014 г. [на иврите].

до начала Первой Ливанской войны; похоронен он был в Египте.

Еще одним делом, занимавшим в первой половине 1960-х годов разведки как Израиля, так и Египта, было дело Мордехая Лока, детали которого на русском языке, насколько можно судить, не публиковались никогда³¹³. М. Лок иммигрировал в Израиль из Марокко в 1949 году, служил в Армии обороны Израиля, жил в Петах-Тикве, был женат и имел четверых детей. Он имел существенные проблемы с законом, и к 1961 году уже был пять раз осужден по различным статьям Уголовного кодекса. Однако именно 1961 год стал переломным в его жизни: он пересек границу сектора Газа, который тогда находился под властью Египта. Он был арестован и на протяжении нескольких месяцев находился в заключении: египетские власти подозревали, что перед ними – агент израильской Военной разведки. М. Лок, однако, таковым не был, и когда египтяне убедились в этом, то определили его диктором Каирского радио на языке иврит; эта станция вещала насеровскую пропаганду на Израиль.

Египетская разведка, однако, сочла, что израильский гражданин может быть использован эффективнее; он прошел курс специальной подготовки, после чего был направлен в Неаполь, откуда должен был вернуться в

---

³¹³ Наиболее свежая и обстоятельная публикация материалов этого дела на иврите – Ярон Друкман, «Человек в чемодане: возвращаясь к шпионской истории, которую невозможно себе представить» // Приложение к газете *Едиот ахронот* [«Последние известия»], 17 ноября 2019 г. [на иврите].

Израиль, но уже с агентурными поручениями. Что-то в поведении М. Лока показалось его кураторам подозрительным (вероятнее всего, они заподозрили в нем двойного агента), и в ходе встречи в Риме 17 ноября 1964 года он был задержан и под угрозой приставленного к нему пистолета насильно посажен в автомобиль и привезен в здание египетского посольства в Италии. Там ему дали чай, в который было щедро подмешано снотворное, после чего уснувший М. Лок был погружен в ящик. 18 ноября 1964 года этот ящик был доставлен в римский аэропорт для отправки в Каир как не подлежащий досмотру «дипломатический груз». В аэропорту один из грузчиков услышал из ящика сдавленные крики по-итальянски *Salvatemi! Aiutatemi!* [«Помогите мне! Спасите меня!»]. Двое египтян, сдававших ящик в багаж, успели схватить его и отнести обратно в фургон, который и доставил груз в аэропорт. Автомобиль успел покинуть территорию аэровокзала, но был остановлен на трассе кордоном итальянских полицейских, задержавших и машину, и двух ее египетских пассажиров. Несмотря на протесты египтян, заявлявших о том, что данный «дипломатический» груз неприкосновенен, в полицейском участке ящик был вскрыт – и в нем был обнаружен крепко связанный М. Лок, на голову которого был надет шлем; небольшие вентиляционные отверстия позволяли ему дышать.

В полиции М. Лок заявил, что он, якобы, – гражданин Марокко по имени Йосеф Дахан, прибывший в Рим из Неаполя, чтобы встретиться с египтянами для переговоров, касавшихся ведения бизнеса, но в кафе ему

подмешали снотворное, усыпили и положили в ящик. Позднее он изменил свою легенду, но итальянцы выяснили правду – и приняли решение вернуть его в Израиль, где информация о его задержании в столь экзотических обстоятельствах уже была опубликована.

24 ноября 1964 года итальянские власти экстрадировали Мордехая Лока в Израиль, а на следующий день он предстал перед мировым судьей в Тель-Авиве, который санкционировал его арест; М. Лок обвинялся по ряду статей Уголовного кодекса, основной из которых была передача врагу информации, наносящей урон интересам государственной безопасности. В свою защиту М. Лок утверждал, что бежал из Израиля из-за семейного конфликта и преследований со стороны полиции, и что он совершенно не имел намерений ставить под угрозу безопасность государства. Он также утверждал, что информация, которую он передал египетским спецслужбам, была или недостоверной, или не имевшей никакой реальной ценности. 10 сентября 1965 года окружной суд, однако, признал его виновным в совершении инкриминируемых преступлений и приговорил к тринадцати годам лишения свободы. М. Лок подал апелляцию на чрезмерную строгость приговора в Верховный суд, который 26 апреля 1966 года частично удовлетворил ее, сократив назначенный ему срок наказания до десяти лет лишения свободы. После освобождения из тюрьмы Мордехай Лок открыл ресторан на старом автовокзале в Южном Тель-Авиве; умер он в 2006 году. Двоих египетских «дипломатов», перевозивших его в ящике и задержанных полицией, итальянские власти

объявили персонами нон-грата; об их дальнейшей судьбе ничего не сообщалось.

До наибольшей остроты противостояние Израиля и Египта дошло в те годы, как ни парадоксально, на далекой земле Йемена, с которым ни одна из двух стран не имеет общих границ. 26 сентября 1962 года в Северном Йемене был совершен переворот, вдохновленный революцией «Свободных офицеров» в Египте за десятилетие до этого; по египетскому примеру, захватившая власть группа людей провозгласила себя Советом революционного командования. 29 сентября Египет признал новый режим, на следующий день Г.А. Насер заявил о решимости предоставить Йеменской Арабской Республике всемерную поддержку и направил несколько тысяч солдат на помощь новому режиму; военно-техническую помощь ЙАР оказывал и Советский Союз. Однако не только многие племена в самом Йемене, но и короли Саудовской Аравии и Иордании, опасавшиеся угрозы подобного развития событий у себя, поддержали короля-имама Мухаммада аль-Бадра (1926–1996), вследствие чего в стране началась кровопролитная гражданская война, продлившаяся восемь лет. И британская разведка, и «Моссад» оказались втянуты в нее не потому, что им был сколько-нибудь важен и дорог имам Йемена, а потому, что они стремились предотвратить создание Г.А. Насером своего форпоста на Аравийском полуострове. Израиль поставлял оружие йеменским «монархистам», причем оплачивала эти поставки Саудовская Аравия, а обучали йеменских солдат этим оружием пользоваться британские инструкторы. В 1964–1966 годах крупнейшие военно-транспортные

самолеты, которыми располагал в то время Израиль, совершили около двадцати вылетов в Йемен, поставив «монархистам» десятки тонн оружия и боеприпасов³¹⁴. В Израиле рассуждали, что нахождение десятков тысяч египетских солдат и офицеров в Йемене снижает шанс на то, что Г.А. Насер и А.Х. Амер нападут на Израиль, а потому продолжение гражданской войны на юге Аравийского полуострова как можно дольше было признано соответствующим израильским стратегическим интересам: «Пусть лучше воюют против имама Северного Йемена, чем против нас».

И «битва разведок», и война в Йемене были, если так можно выразиться, «побочными» аренами противостояния двух стран в это «мирное» десятилетие. Главное же состояло в том, что *каждая из сторон прикладывала значительные, хотя и асимметричные, усилия к тому, чтобы кардинально изменить баланс сил в свою пользу*. Израиль при поддержке Франции развивал свой атомный проект, который в конце 1960 года перестал быть тайной для США. И хотя в ходе встречи с Дж. Кеннеди в мае 1961 года Д. Бен-Гурион доказывал, что речь идет о сугубо гражданской инициативе по мирному использованию атомной энергии, это изначально не соответствовало действительности. 26 июня 1963 года Д. Бен-Гурион ушел в отставку с постов главы правительства и министра обороны, а 22 ноября того же

---

³¹⁴ См.: Йосси Мелман и Ден Равив, *Теневые войны: «Моссад» и разведывательное сообщество* (Тель-Авив: «Едиот ахронот», 2012), стр. 140 [на иврите].

года был убит Дж. Кеннеди, активно – и в целом безуспешно – стремившийся добиться улучшения американо-египетских отношений³¹⁵. Диалог между их преемниками, Леви Эшколем и Линдоном Джонсоном, был куда более честным и продуктивным. В высшем военно-политическом руководстве Израиля у атомного проекта были не только сторонники, но и противники, утверждавшие, что Г.А. Насер не смирится с тем, что Израиль будет единственной ядерной державой на Ближнем Востоке и иницирует, поэтому, аналогичный проект, что станет крайне опасным; звучали даже прогнозы, согласно которым СССР с целью «поддержания баланса» передаст атомное оружие Египту. Все эти опасения оказались неверными, Египет ядерной державой не стал до сих пор, а единственной страной на Ближнем Востоке, обладающей ядерным оружием и средствами его доставки, вот уже более полувека остается Израиль.

В Египте, в свою очередь, активно велись работы по созданию баллистических ракет, которые можно было бы оснастить боеголовками с химическим и биологическим оружием; трудились над этим почти исключительно ученые из ФРГ. В июле 1962 года стало известно, что Египет осуществил подряд четыре запуска ракет «Аз-Зафир» и «Аль-Кахир» с дальностью полета 250 и 450 километров. «Моссаду» удалось составить подробный список западногерманских ученых и фирм, связанных с

---

³¹⁵ Владимир Румянцев, *«Новый фронтир» администрации Дж.Ф. Кеннеди на Ближнем и Среднем Востоке* (Томск: Издательство Томского университета, 2015), стр. 101–150.

египетской ракетной программой, однако непубличные обращения израильских официальных представителей к своим коллегам в Бонне с призывами пресечь эту деятельность успеха не имели. Руководители «Моссада» Иссер Харель (Гальперин, 1912–2003) и Ицхак Шамир начали операцию, получившую кодовое название «Дамоклов меч», имевшую своей целью побудить немецких специалистов-ракетчиков покинуть Египет³¹⁶. Вольфгангу Лотцу удалось составить практически полный список немецких ученых, работавших над ракетной программой Египта; были собраны также данные об их родственниках. Именно он направил отдельным ученым и инженерам, которым в «Моссаде» было решено уделить особое внимание, несколько анонимных писем с угрозами и требованием прекратить работу по ракетной программе. Этим людям посылались не только «рекомендательные письма», призывавшие их прекратить вести ту работу, которую они вели; несколько инженеров погибли при вскрытии полученных по почте посылок со взрывчаткой, несколько человек пропали без вести.

Сложно предположить, что подобное развитие событий Г.А. Насер вообще мог предвидеть, но израильские спецслужбы оказались раздираемы тяжелейшим внутренним конфликтом: в «Моссаде» считали, что египетская ракетная программа несет в себе очевидную и серьезнейшую угрозу безопасности

---

³¹⁶ См.: Roger Howard, *Operation Damocles: Israel's Secret War against Hitler's Scientists, 1951–1967* (New York: Pegasus Books, 2013).

еврейского государства, тогда как в Военной разведке полагали, что Г.А. Насер больше блефует, чем добился чего бы то ни было реального – и займет годы и годы, пока его ракетная программа будет реализована. Глава Военной разведки Меир Амит (урожденный Слуцкий, 1921–2009) убеждал Давида Бен-Гуриона, что меры, предпринимаемые Иссером Харелем чрезмерны, а в случае возможного провала (а как раз 2 марта 1963 года задействованные в операции сотрудник «Моссада» Йосеф Бен-Галь и его информатор Отто Йоклик были арестованы в Швейцарии) внешнеполитический урон для Израиля будет огромным. Глава правительства проинструктировал главу «Моссада» умерить пыл, в ответ на что возмущенный И. Харель в конце марта подал рапорт об отставке. К его огромному удивлению и разочарованию, Д. Бен-Гурион не только принял его отставку, но и назначил на его место М. Амита (первые девять месяцев он даже совмещал – и это единственный подобный пример в израильской истории – посты главы Военной разведки и «Моссада»). Для Иссера Хареля тема эта была столь важной, что, вопреки своей привычке к соблюдению абсолютной секретности обо всём, что делалось спецслужбами под его руководством, спустя два десятилетия он написал об этом книгу, которая и поныне является важнейшим историческим источником³¹⁷. Как бы то ни было, хотя не будет большим преувеличением сказать, что именно Г.А. Насер положил конец

---

³¹⁷ См.: Иссер Харель, *Кризис: немецкие ученые, 1962–1963 гг.* (Тель-Авив: «Маарив», 1982) [на иврите].

пятнадцатилетней эпохе руководства «Моссадом» Иссером Харелем, давление Службы внешней разведки Израиля принесло свои плоды: к концу 1963 года подавляющее большинство немецких специалистов покинуло Египет, власти которого, в результате, были вынуждены фактически свернуть свою ракетную программу. В ходе Шестидневной войны ни одна ракета по Израилю с территории Египта так и не была выпущена.

Спустя два с половиной года после своей отставки с поста главы «Моссада» Иссер Харель получил новое назначение, оказавшее существенное влияние на ход израильско-египетских отношений: бывший тогда главой правительства Леви Эшколь пригласил его советником по вопросам разведки. И. Харель занимал этот пост всего девять месяцев – с сентября 1965 по 28 июня 1966 года – но за этот период ему удалось торпедировать инициативу, которая, возможно, могла бы привести к некоторому ослаблению напряженности между Израилем и Египтом.

В начале 1966 года в Париже состоялась встреча генерала Меира Амита с египетским генералом Махмудом Халилом, под началом которого, в частности, и велись работы по созданию баллистических ракет. М. Амит прямо сказал своему собеседнику, что заинтересован прибыть в Каир для встречи с фельдмаршалом А.Х. Амером; цель этой встречи он определил как «снижение напряженности между двумя странами, которое позволило бы исключить сползание к войне, в которой не заинтересована ни одна сторона». М. Амит также предложил собеседнику своего рода «пакетную сделку»: Израиль призовет мировое еврейство инвестировать в египетскую экономику, а

Египет, в свою очередь, отменит экономический бойкот Израиля и разрешит проход израильских судов через Суэцкий канал³¹⁸. Меир Амит предложил Леви Эшколю, чтобы в поездке в Каир его сопровождал Цви Динштейн (1926–2012) – экономист, бывший тогда заместителем министра обороны, в ведении которого находились вопросы, касающиеся военного бюджета (пост министра, по примеру Д. Бен-Гуриона, занимал, наряду с должностью главы правительства, сам Л. Эшколь). Однако И. Харель убеждал премьер-министра, что египтяне готовят ловушку наивному главе «Моссада»; он утверждал, что М. Амит и Ц. Динштейн по прибытии в Каир будут арестованы, подвергнуты пыткам, в ходе которых могут выдать самые судьбоносные секреты, касающиеся израильских разведывательных служб и атомного проекта³¹⁹. Напуганный подобными перспективами Л. Эшколь запретил М. Амиту готовить поездку в Каир. М. Амит был очень разочарован и считал, что И. Харель торпедировал его усилия из личной мести за то, что он согласился сменить его на посту главы «Моссада», однако он не считал для себя возможным не подчиниться решению главы правительства. Не прошло и полутора лет, как случилось именно то, чего М. Амит как раз стремился избежать: началось сползание к войне, в которой, в принципе, не были заинтересованы ни Израиль, ни Египет.

---

³¹⁸ См.: Йосси Мелман и Ден Равив, *Теневые войны: «Моссад» и разведывательное сообщество*, стр. 148.

³¹⁹ См. там же.

ПРОИГРАННЫЙ ГАМБИТ Г.А. НАСЕРА: ТРЕТЬЯ ИЗРАИЛЬСКО-ЕГИПЕТСКАЯ ВОЙНА, ЕЕ ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Июньская война 1967 года, именуемая в западной и израильской историографии Шестидневной, кардинально изменила расстановку сил на Ближнем Востоке. Об этой войне опубликованы десятки книг и многие сотни научных статей, в том числе и автором данной монографии³²⁰, доступных заинтересованному читателю. Хотя эта война по факту началась с нападения израильских военно-воздушных сил на египетские аэродромы, она отнюдь не была двусторонней: боевые действия велись и на иорданском, и на сирийском фронтах, в результате чего оба эти государства лишились значительных территорий – соответственно, Западного берега реки Иордан, включая Восточный Иерусалим, и Голанских высот. Огромно было влияние этой войны и на палестинских арабов, ибо впервые все территории, на которых, согласно резолюции №181 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 года, должно было быть создано их национальное государство, находились под контролем одной-единственной страны – Израиля, а не трех (Израиля, Иордании и Египта), как это было с 1949 по

---

³²⁰ См.: Алек Д. Эпштейн и Михаил Урицкий, «Шестидневная война и современная политическая динамика на Ближнем Востоке» // *Восток*, №2 (2003), стр. 72–84.

5 июня 1967 года. Эта война, в ходе которой Советский Союз почти на четверть века разорвал с Израилем дипломатические отношения, оказала огромное влияние на всю геополитику великих держав на Ближнем Востоке. Но как бы ни были важны все эти темы, они неизбежно остаются за рамками настоящей книги, ограниченной проблематикой двусторонних отношений между Государством Израиль и Арабской Республикой Египет.

Напомним, однако, что в то время Египет так не назывался, сохраняя «титул» Объединенной Арабской Республики – и, в значительной мере, именно в этом были корни проблемы. Хотя Сирия вышла из ОАР после переворота, произошедшего в Дамаске 28 сентября 1961 года, когда правивший там насеровский наместник Абд эль-Хаким Амер (1919–1967) был вначале арестован, а затем выслан обратно в Каир, а обсуждавшийся весной 1963 года проект объединения в единое государство Египта, Сирии и Ирака так и не был реализован, до самой кончины Г.А. Насера – и короткое время после этого – Египет продолжал именоваться Объединенной Арабской Республикой, соответствующим образом определяя свой внешнеполитический курс. Важно подчеркнуть, что *третья война между Египтом и Израилем стала результатом процессов, которые ни египетским, ни израильским интересам отнюдь не соответствовали.* Ни премьер-министр Израиля Леви Эшколь (урожденный Школьник, 1895–1969), ни президент Египта Гамаль Абд эль-Насер (1918–1970) не были заинтересованы в войне, боевыми действиями в которой они, однако, оказались вынуждены руководить с разной степенью успеха.

Весной 1967 года представители израильского генералитета неоднократно угрожали Сирии рейдами возмездия, если та не прекратит поддержку диверсионных вылазок палестинских террористических групп со своей территории, и даже провели один из них. 7 апреля 1967 года военно-воздушные силы Израиля уничтожили в сирийском воздушном пространстве шесть военных самолетов МиГ; при этом, насколько известно, планы подобного рода операции не обсуждались ни в правительстве Израиля, ни в его президиуме (т.н. военно-политическом кабинете) и не утверждались им – армейское командование в значительной мере действовало самостоятельно, исходя из собственных оперативно-тактических оценок³²¹. 10 мая начальник Генштаба Армии обороны Израиля Ицхак Рабин (1922–1995) заявил, что если провокации не прекратятся, израильские войска атакуют Дамаск и свергнут президента Сирии Нуреддина эль-Атасси (1929–1992); сверг его, однако, не Израиль, а собственный министр обороны Хафез Асад, правда, три с половиной года спустя, в ноябре 1970 года, после чего он на протяжении двадцати двух лет находился в заключении в военной тюрьме. 12 мая руководитель Военной разведки генерал Аарон Ярив (урожденный Рабинович, 1920–1994) на брифинге для журналистов высказался в угрожающем ключе: «Если Сирия продолжит свой саботаж в отношении Израиля, она

---

³²¹ См.: Ami Gluska, *The Israeli Military and the Origins of the 1967 War* (London: Routledge, 2007), pp. 100–103.

тем самым спровоцирует против себя военные действия, целью которых будет свержение правящего режима»³²².

В арабском мире и в Москве эти действия и высказывания сочли свидетельством плана израильской атаки на Дамаск с целью смены правящего режима в этой стране – и сделали из этого весьма конкретные выводы. Эти выводы, однако, были поспешными и, скорее, ошибочными, сделанными вследствие неверного понимания сложных отношений внутри израильского военно-политического руководства. И Леви Эшколь, бывший тогда главой правительства и министром обороны, и Голда Меир, в то время – генеральный секретарь правящей Партии Труда (после смерти Л. Эшколя в 1969 году именно она стала во главе правительства), и президент страны Залман Шазар были сторонниками сдержанности, все они стремились избежать войны. Генералы могли делать более или менее воинственные заявления, они могли инициировать те или иные ограниченные военные операции на суше и в воздухе, они могли считать не имевшего военного опыта Л. Эшколя человеком, лишь по недоразумению занимавшим пост министра обороны, но решение о том, начинать ли войну, в любом случае не было их прерогативой – а в правительстве Израиля в первой половине мая 1967 года сторонников превентивного начала боевых действий на каком бы то ни было фронте (против Сирии, против Египта или любой другой страны)

---

³²² См.: Shimon Shamir, “The Origins of the 1967 War” // *The Middle East Record* – 1967, ed. by D. Dishon (Jerusalem 1971), pp. 183–204.

не было. Более того: когда 15 мая 1967 года Ицхак Рабин попросил Леви Эшколя утвердить чрезвычайный призыв резервистов, то этот запрос был отклонен³²³.

Враждебное отношение со стороны арабских стран, ни одна из которых в то время официально не признавала элементарное право Израиля на существование, беспокоило всех, но в политическом руководстве доминировала точка зрения, согласно которой это положение терпимо до тех пор, пока оно не превращалось в реальную угрозу. Израиль не стремился к войне с Сирией и не искал повода для нее, несмотря на то, что напряженность в отношениях между этими двумя странами нарастала на протяжении трех предшествовавших лет. В дополнение к «старым» конфликтам, касавшимся демилитаризованных территорий и проблемы судоходства по озеру Кинерет и ловли рыбы в нём, не урегулированным со времени Войны за независимость, осенью 1964 года добавился и новый конфликт, значительно поднявший уровень напряженности между двумя странами. На сей раз дело касалось отвода Сирией вод реки Иордан, что грозило Израилю, тогда еще не построившему современные опреснительные заводы, катастрофической нехваткой питьевой воды. Кроме того, осуществлявшаяся при поддержке властей Сирии «народная» вооруженная борьба партизанских палестинских сил, проводивших диверсионные операции на территории Израиля,

---

³²³ См.: Йоси Гольдштейн, *Эшколь. Биография* (Иерусалим: «Кетер», 2003), стр. 539 [на иврите].

пользуясь помощью сирийской армии и ее разведывательных служб, провоцировала израильских военных на ответные операции, которые порой шли отнюдь не так, как задумывалось.

Как бы там ни было, *израильско-египетские отношения оказались заложниками проблем во взаимоотношениях между другими странами*, а именно Израилем, Сирией и Советским Союзом. *Война началась тогда, когда между двумя странами уже более десяти лет поддерживался взаимоприемлемый уровень статус-кво*: отсутствовали дипломатические отношения, торговые, экономические и культурные связи, но не было и инцидентов на границах. Иными словами, *мира между Египтом и Израилем не было де-юре, но он, так или иначе, поддерживался де-факто*. Полезно сравнить положение дел в 1990-е и 2000-е годы с тем, которое существовало в 1957–1967 годах, чтобы понять, сколь, увы, немного на самом деле изменил подписанный в Кемп-Дэвиде мирный договор.

Несмотря на то, что Гамаль Абд эль-Насер не единожды объяснял сирийцам, что он не будет ввязываться в войну с Израилем, пока не будет к ней полностью готов, «из-за каждого сирийского трактора, атакованного израильской армией», он все-таки предпринял некоторые демонстративные шаги, которые имели целью, главным образом, укрепить его престиж в глазах руководителей других арабских стран и их жителей – но которые, пусть даже он и совсем не обязательно хотел этого, имели катастрофические последствия. Г.А. Насер несомненно был египетским патриотом – но столь же

несомненны были его панарабские устремления. Идея сплочения всех арабских народов была важна и близка ему, он видел себя человеком, который может и должен способствовать ее реализации. Нельзя сказать, что Г.А. Насера пугала сама идея войны с Израилем и нельзя сказать, что он к ней совсем не готовился – но нельзя сказать и то, что таковая война соответствовала его желаниям и устремлениям. Скажем прямо: *если бы Г.А. Насер был движим египетскими и только египетскими интересами, никому бы не удалось заставить его ввязаться в войну с Израилем*, смысл которой был для Египта совершенно не очевиден. К июню 1967 года Г.А. Насер стоял во главе Египта уже более тринадцати лет, и не совсем ясно, с чего и почему ему вдруг потребовалось нападать на Израиль, от чего он воздерживался на всем протяжении пребывания у власти.

Если бы, скажем, Г.А. Насер на самом деле так хотел помочь палестинским арабам обрести свое государство, то он мог хотя бы передать им власть в секторе Газа, который с 1948 года находился под египетским контролем – но на этот шаг египетские власти так и не пошли. *К войне против Израиля Г.А. Насера подталкивал панарабский вектор его политики, который интересам собственно Египта в данном случае очевидно противоречил*. В этом смысле можно сравнить действия египетских руководителей, готовых ввязаться в войну ради защиты – не так важно, подлинной или мнимой – своих сирийских союзников с тем, как Советский Союз согласился направить свои войска на помощь как бы дружественному

режиму в Афганистане: как для Египта, так и для СССР эта «братская помощь» обернулась очень большими бедами.

В ноябре 1966 года Египет подписал пакт о военном сотрудничестве и взаимопомощи с Сирией. Показательно, однако, отношение к этому высших египетских руководителей. Анализируя встречу главы МИДа СССР А.А. Громыко и его заместителя В.В. Семенова с Ануаром Садатом, бывшим тогда председателем Национального собрания ОАР, прошедшую 13 мая 1967 года в Москве, Р.Д. Дауров справедливо указал: «Из ответа Садата складывалось впечатление, что, во-первых, Египет не горел желанием воевать против Израиля и предпочел бы преподать урок Тель-Авиву руками сирийцев, а, во-вторых, не все так гладко было в сирийско-египетских отношениях»³²⁴. Прочитируем слова А. Садата по протоколу этой встречи: «Сирийцы любят выступать с резкими заявлениями в адрес Израиля, однако ... тот, кто действительно хочет уничтожить Израиль, должен меньше говорить и больше делать. ... Мы готовы предоставить Сирии самолеты и летчиков, но *наши самолеты не могут действовать против Израиля с территории ОАР*»³²⁵.

Так, однако, рассуждали в египетском руководстве не все. В ходе встречи с советским послом Д.П. Пожидаевым

---

³²⁴ Рамазан Дауров, *Долгая Шестидневная война: победы и поражения СССР на Ближнем Востоке* (Москва: Институт востоковедения РАН, 2009), стр. 38.

³²⁵ Запись беседы А.А. Громыко с А. Садатом, 13 мая 1967 г. // *Ближневосточный конфликт. 1947–1967*, том II, стр. 551–552.

(1913–1989) 16 мая 1967 года военный министр Шамс эд-Дин Бадран, обсуждая возможность нападения израильской армии на Сирию, отметил: «Если это произойдет, то ОАР немедленно выступит в защиту Сирии»³²⁶. Спустя менее чем неделю, 22 мая, уже лично Г.А. Насер сказал послу Д.П. Пожидаеву: «Израиль и его покровители, очевидно, считают, что ОАР завязла в Йемене и не может оказать Сирии эффективную помощь. ОАР должна доказать беспомощность такого расчета»³²⁷. Повторим это вновь: *третья война между Израилем и Египтом вспыхнула тогда, когда у сторон не было никаких территориальных или иных значимых претензий друг к другу, когда обе они на протяжении более чем десяти лет жили в атмосфере относительного взаимного спокойствия. Резкая и драматичная эскалация ситуации на израильско-египетской границе по инициативе Египта во второй половине мая 1967 года произошла по причинам, двусторонних отношений практически не касавшимся!*

Это крайне важно понимать тем, кто выдвигает всевозможные аргументы относительно того, почему между Израилем и Египтом не может вспыхнуть новая война в связи с тем, что после возвращения Синая этим странам, дескать, нечего больше делить. *Нужно помнить, что однажды – в марте 1957 года – Синай уже был Израилем Египту возвращен, сложилась та же*

---

³²⁶ Евгений Примаков, *Ближний Восток на сцене и за кулисами*, стр. 115.

³²⁷ Там же, стр. 119–120.

ситуация отсутствия территориальных претензий, однако резкое обострение отношений в мае 1967 года и последующую войну она не предотвратила.

Советские стратеги искали способ удержать Израиль от активных действий по отношению к дружественному Москве режиму в Сирии; угроза открытия второго фронта на юге казалась руководителям в Москве и в Дамаске надежным способом удержания израильтян от начала боевых действий на севере. События, однако, имели свою динамику, постепенно выйдя из-под чьего-либо контроля.

Крайне важную – и весьма провокативную – роль сыграл на этом этапе А.Х. Амер; Г.А. Насеру было очень непросто сдерживать его военный энтузиазм. Олег Гриневский (1930–2019), в 1978–1987 годах заведовавший в МИД СССР Отделом Ближнего Востока, рассказал в своей книге о словах А.А. Громыко, сказанных на совещании сотрудников четырнадцать лет спустя после описываемых событий: «В середине мая [1967 года] два египетских МиГа совершили разведывательный полет над Димоной. К удивлению Насера, они вернулись домой целы и невредимы, хотя реактор находился под особой защитой американских ракет *Hawk*. Прошло чуть больше недели, и они снова пролетели над Димоной, и опять израильская ПВО бездействовала». Эти полеты имели место 17 и 26 мая; египетские самолеты находились в израильском небе считанные минуты. «После этого маршал Амер – человек решительный и даже агрессивный, отдал приказ бомбить Димону и другие важные объекты на территории Израйля.

Но Насер по нашей просьбе отменил этот приказ»³²⁸. В книге О.А. Гриневского не указано, как именно была высказана эта «просьба»; израильские исследователи И. Гинор и Г. Ремез считают, что министр иностранных дел СССР «ясно имел в виду письмо Косыгина от 26 мая»³²⁹, но в изданном двухтомнике документов по Ближнему Востоку из Архива внешней политики РФ этот документ не приводится. В телеграмме, направленной А.А. Громыко 28 мая советским послам во всех социалистических странах, упоминается телеграмма А.Н. Косыгина Леви Эшколю от 26 мая, в которой «было сделано твердое предупреждение насчет опасных последствий, к которым может привести попытка начать военные действия», говорится о письмах, направленных руководителям США, Великобритании и Франции Линдону Джонсону, Гарольду Вильсону и Шарлю де Голлю³³⁰, но об обращении к Г.А. Насеру в этом документе не упоминается вообще. Сказанное не означает, что такого обращения не было – но если и было, нет уверенности в том, что именно его имел в виду А.А. Громыко.

---

³²⁸ Олег Гриневский, *Сценарий для третьей мировой войны* (Москва: ОЛМА-пресс, 2002), стр. 108.

³²⁹ См.: Isabella Ginor and Gideon Remez, *Foxbats over Dimona: The Soviets' Nuclear Gamble in the Six-Day War* (New Haven: Yale University Press, 2007), p. 123. Эти исследователи считают, что пролетавшие над Димоной самолеты МиГ-25 (а не МиГ-21) пилотировались советскими, а не египетскими летчиками.

³³⁰ Телеграмма А.А. Громыко от 28 мая 1967 г. воспроизведена в книге: *Ближневосточный конфликт*, том II, стр. 568–569.

16 мая Г.А.Насер в рамках обещанной Сирии «помощи солидарности» направил египетские войска на восток Синайского полуострова. 18 мая египетский президент официально обратился к Генеральному секретарю ООН У Тану с требованием вывести контингент международных войск (общая численность которого составляла к тому времени 3 400 человек) с Синайского полуострова. В письме, направленном У Тану, правительство ОАР указало, что район, в котором были дислоцированы чрезвычайные вооруженные силы ООН, является частью египетской территории, и поэтому «законное требование ОАР об эвакуации этих войск не может быть предметом дискуссий». ОАР «не желает больше, чтобы на ее территории находились иностранные войска»³³¹.

Эти события должны стать уроком для всех, кто считает, будто безопасность той или иной страны, в частности, Израйля, может быть гарантирована размещением «голубых касок»: как показали события второй половины мая 1967 года, контингент сил ООН готов по первому требованию покинуть регион Ближнего Востока даже тогда, когда задача предотвращения войны стоит наиболее остро, причем никто в ООН не понес за это никакой ответственности.

Уже 20–21 мая войска ООН покинули Синайский полуостров, который сразу же был занят египетскими

---

³³¹ Цит. по: Запись беседы посла СССР в ОАР Д.П. Пожидаева с первым вице-президентом ОАР А. Амером, 19 мая 1967 г. // *Ближневосточный конфликт*, том II, стр. 557.

войсками. В тот же день Г.А.Насер и первый вице-президент фельдмаршал А.Х. Амер (в 1954–1962 годах он был военным министром страны) посетили передовые позиции египетских войск на Синае; президент выступил перед ними с речью, носившей весьма воинственный характер, заявив, что воды Тиранского пролива являются египетскими территориальными водами. На следующий день из Каира был отдан приказ закрыть пролив для прохождения в порт Эйлат на Красном море как израильских судов, так и судов всех других стран. Сразу после этого министр иностранных дел Израиля Абба Эвен последовательно посетил Францию, Великобританию и Соединенные Штаты с тем, чтобы требовать исполнения обязательств по защите свободы израильского судоходства, которые были даны за десять лет до этого³³². Перед тем, как Израиль согласился оставить Шарм-аш-Шейх, в начале 1957 года госсекретарь США Джон Фостер Даллес заверил правительство Израиля в том, что, по мнению американской администрации, Тиранский пролив является жизненно необходимой для Израиля водной артерией. Помня об этом, дипломатические круги Израиля были уверены в том, что если и не все Объединенные Нации, то как минимум США и их союзники будут гарантировать Израилю свободный проход судов к Эйлату. Увы, все попытки израильской дипломатии организовать международную «регату

---

³³² Изложение хода переговоров см.: Заки Шалом, *Дипломатия в тени войны* (Тель-Авив: Издательство Министерства обороны Израиля, 2007), стр. 287–355 [на иврите].

солидарности» судов разных стран в порт Эйлат оказались безуспешными³³³.

Голда Меир вспоминала: «Насер ждал реакции. Ждать ему пришлось недолго. Никто ничего особенного не собирався предпринимать по этому поводу. Ну, конечно, были и протесты, были и сердитые заявления. Президент Джонсон заявил, что блокада “незаконна” и “потенциально разрушительна для дела мира”, и предложил, чтобы конвой судов, включая и израильские, прошел через пролив и не поддавался запугиванию. Но даже он не мог уговорить англичан и французов присоединиться к нему»³³⁴. Он, в общем, особо и не пытался, думая прежде всего о том, как бы не ввязаться на Ближнем Востоке во «второй Вьетнам», и как бы не спровоцировать резкое ухудшение и без того бывших не блестящими американо-советских отношений; проблемы Израиля интересовали президента США в значительно меньшей степени³³⁵. В ходе встречи с Аббой Эвеном в Вашингтоне 26 мая 1967 года Линдон Джонсон заявил, что «оценка США не согласуется с оценкой израильтян: мы считаем, что никакое военное нападение на Израиль не является неизбежным, [поэтому] Израиль не должен брать

---

³³³ См.: Michael B. Oren, *Six Days of War. June 1967 and The Making of The Modern Middle East* (Oxford: Oxford University Press, 2002), pp. 103–106 и 140–143.

³³⁴ Голда Меир, *Моя жизнь*, стр. 429.

³³⁵ Подробнее см.: Алек Д. Эпштейн, *Ближайшие союзники? Подлинная история американо-израильских отношений*, том I, стр. 220–242.

на себя ответственность за начало военных действий». Более того: президент США заявил, что «немыслимо, чтобы израильское правительство приняло такое роковое решение»³³⁶. Неоднократно подчеркнув свою зависимость от Конгресса, президент настойчиво посоветовал Израилю набраться терпения и ждать, не предпринимая никаких ответных действий в отношении Египта.

Израильские военные понимали, что в случае начала Г.А. Насером войны против Израиля ядерный объект в Димоне будет среди первых и основных целей египетской военной авиации. На кратком совещании у Леви Эшколя 26 мая (кроме премьер-министра, на нем не присутствовал больше никто из членов правительства) заместитель главы Генштаба Эзер Вейцман доказывал, что ждать больше нельзя, так как Египет может в любой момент начать военные действия и разбомбить реактор в Димоне³³⁷. В ночь с 27 на 28 мая на заседании правительства эту же точку зрения отстаивал глава Военной разведки Аарон Ярив, которого поддержал и начальник Генштаба Ицхак Рабин: «Если завтра мы начнем операцию, мы закончим

---

³³⁶ См. рассекреченную стенограмму встречи президента США и министра иностранных дел Израиля и сопровождавших их лиц: *Memorandum of Conversation, Washington, May 26, 1967 // Foreign Relations of the United States, 1964–1968. Vol. XIX. Arab-Israeli Crisis and War, 1967* (Washington: Department of State, 2004), документ 77, pp. 140–146.

³³⁷ См.: Ami Gluska, *The Israeli Military and the Origins of the 1967 War*, p. 177.

ее с меньшим числом жертв»³³⁸. То, что египетские разведывательные самолеты дважды пролетали над Димоной, а установленный вокруг нее в 1965 году американский зенитный ракетный комплекс *Hawk* не смог их перехватить, очень беспокоило израильских военных. Но члены правительства Израиля в ту ночь не смогли определиться; по инициативе министра юстиции Я.Ш. Шапира (1902–1993) они постановили принятие решения отложить³³⁹.

Глава правительства делегировал в Вашингтон главу Службы внешней разведки «Моссад» Меира Амита, который подробно разъяснил своим американским собеседникам, что Израиль больше не может бездействовать, так как дальнейшее ожидание в состоянии многодневной мобилизации резервистов губительно для его экономики, а страх перед египетским вторжением все увеличивается, создавая в обществе атмосферу ожидания второго Холокоста. М.Амит надеялся добиться от американцев конкретных обязательств по обеспечению безопасности Израиля, аналогичных тем, которые Советский Союз предоставил Египту, но эти надежды не сбылись. Максимум, что М.Амит мог доложить правительству, состоял в том, что американцы не будут осуждать Израиль и требовать от него прекратить ведение боевых действий, как они требовали в ходе израильско-

---

³³⁸ Там же, р. 187.

³³⁹ Подлинник рассекреченного протокола заседания правительства Израиля от 28 мая 1967 г., стр. 36–37 [на иврите].

египетской войны в октябре 1956 года³⁴⁰. Немало людей в Израиле и поныне считают, что лучшей и наиболее надежной гарантией обеспечения безопасности страны являются гарантии США – наиболее влиятельной мировой державы, однако горький опыт 1967 года свидетельствует, что в самые критические для Израиля дни американцы могут ограничиться невмешательством в его дела и проблемы.

На протяжении многих лет в Израиле доминировала концепция, согласно которой все войны, которые когда-либо вело еврейское государство, были теми, которых невозможно было избежать (эта доктрина известна как принцип *No choice war*). Эта концепция, однако, называя вещи своими именами, не соответствовала исторической действительности, и первым из государственных деятелей об этом сказал, насколько известно, никто иной, как Менахем Бегин, выступая в 1982 году перед выпускниками Колледжа национальной безопасности Израиля. Он верно указал, что ни вторую египетско-израильскую войну 1956 года, о которой говорилось в пятой главе настоящей книги, ни третью, начатую израильской армией 5 июня 1967 года, нельзя назвать неизбежными, что обе они были начаты по решению правительства Израиля, которое в обоих случаях имело веские причины для принятия именно такого решения – но которое, в принципе, оба раза могло действовать и по-другому. М. Бегин считал, что задача ответственного правительства состоит в том, чтобы определить, когда и в каких обстоятельствах начало

---

³⁴⁰ См.: Заки Шалом, *Дипломатия в тени войны*, стр. 440–443.

боевых действий в наибольшей мере послужит национальным интересам, а цели с наиболее возможной прогнозируемой вероятностью будут достигнуты при минимальном числе жертв³⁴¹. Начало войны 5 июня 1967 года было результатом именно такого анализа, в котором Менахем Бегин активно участвовал.

Большинство исследователей считают, что поведение Гамаля Абд эль-Насера в первой половине мая 1967 года свидетельствовало о том, что он не имел далеко идущих планов. По замечанию И.Д. Звягельской, «Насер, связанный с Сирией договором о совместной обороне от 4 ноября 1966 года, был вынужден действовать. Он выбрал метод блефа, балансирования на грани войны, но каждый предпринимаемый им шаг не только не создавал условия для политического решения, но, напротив, лишь вел к эскалации напряженности»³⁴². Похоже, Насер лишь хотел продемонстрировать свою силу, чтобы упрочить собственный авторитет в арабском мире и подтвердить свою верность союзу с Сирией; таково было в то время и мнение израильской Военной разведки³⁴³. Вопрос о том,

---

³⁴¹ Это выступление М. Бегина было полностью опубликовано в газете *Маарив* 20 августа 1982 г. [на иврите].

³⁴² См.: Ирина Звягельская, *История Государства Израиль* (Москва: Институт востоковедения РАН – МГИМО – «Аспект-пресс», 2012), стр. 153–154.

³⁴³ См.: Мордехай Бар-Он, «Шесть дней, шесть неразрешенных вопросов и шесть векторов для будущих исследователей» // *Независимость – первые пятьдесят лет*, под ред. Аниты

каковы были подлинные намерения Г.А. Насера в конце мая 1967 года, однако, не имеет – и уже никогда не будет иметь – однозначного ответа. Насколько «расширились» планы президента Египта и выросла его вера в себя, свою армию и дипломатические таланты после того, как ему удалось без каких-либо уступок и без единого выстрела изгнать из страны контингент сил ООН? Очевидно, что Г.А. Насер отказался от обязательств, взятых им на себя в марте 1957 года, в обмен на оставление израильской армией территории Газы и района Шарм-аш-Шейха; он захотел получить полную свободу действий, чтобы восстановить на израильско-египетской границе то положение, которое существовало непосредственно до второй израильско-египетской войны. Однако собирался ли он пойти дальше? Понятно, что у египетской армии были планы ведения войны против Израиля, как и у израильской армии – планы ведения войны против Египта, и вряд ли кто-то думает, что таких планов нет сейчас, но в распоряжении историков нет однозначных свидетельств того, что Г.А. Насер готовился к нападению на Израиль в конкретно определенной временной перспективе. Тогдашний президент США Линдон Джонсон считал, что события вышли из-под контроля египетского президента³⁴⁴, и вполне вероятно, что так оно в значительной степени и было.

Шапира (Иерусалим: Центр изучения Израиля им. З. Шазара, 1998), стр. 323–350 [на иврите].

³⁴⁴ Lyndon B. Johnson, *The Vantage Point: Perspectives of the Presidency, 1963–1969* (New York: Holt & Rinehart, 1971), p. 290.

При этом вопрос можно поставить и по-иному, и ответ на него придаст событиям другой угол зрения. Осознавал ли Г.А. Насер, что его крайне воинственные риторика и действия, сопровождавшиеся массовыми призывами резервистов в ряде арабских стран региона, могут побудить Израиль к превентивному началу военных действий? Вспомним, что 18 мая о мобилизации объявили Ирак и Кувейт, 21 мая – сам Египет, 24 мая – Иордания, хотя началась она в этой стране на неделю раньше; всеобщая мобилизация прошла также в Сирии, Ливане и Судане, а 29 мая об отправке нескольких воинских частей в помощь Египту объявили даже власти далекого Алжира! Близкий к президенту главный редактор ведущей каирской газеты «Аль-Ахрам» Мухаммед Хейкал (1923–2016) опубликовал 26 мая 1967 года статью, в которой говорилось: «По моей оценке, Израиль не может смолчать и смириться с тем, что происходит сейчас. Дело в том, что сейчас следующий шаг за Израилем, он должен как-то ответить. Нам только остается ждать удара, направленного против нас». В Израиле компетентные специалисты внимательно читали публикации Мухаммеда Хейкала, воспринимая их как выражение мнений, разделяемых высшим руководством ОАР. Поскольку совершенно очевидно, что никакая страна не ждет удара, который окажется для нее сокрушительным, напрашивался вывод о том, что блокированием эйлатского порта Г.А. Насер провоцировал Израиль на начало боевых действий, после чего рассчитывал добиться триумфальной победы без того, чтобы он мог быть обвинен в беспричинной агрессии. Если эта точка зрения верна, то получалось, что египтяне

ждали, когда Израиль сделает первый выстрел, чтобы дальше иметь возможность вести войну во всю мощь своих вооруженных сил, в которые Г.А. Насер и А.Х. Амер очень верили. При этом, очевидно, они не могли быть уверенными ни в том, что Израиль этот первый выстрел в самом деле сделает, ни в том, что их вооруженные силы настолько превосходят израильские, что этого будет достаточно для быстрого триумфа.

Нельзя сбрасывать со счетов и личностный фактор: единства мнений не было ни в израильском, ни в египетском руководстве. В Израиле идею превентивного удара отстаивали новоназначенный министр обороны Моше Даян, командующий военно-воздушными силами Моти Ход (1926–2003), генерал Ариэль Шарон и – особенно рьяно – заместитель начальника Генерального штаба Эзер Вейцман, тогда как глава правительства Леви Эшколь и особенно его предшественник Давид Бен-Гурион, устроивший форменный разнос посетившему его 21 мая 1967 году начальнику Генерального штаба Ицхаку Рабину³⁴⁵, стремились избежать подобного развития событий. В египетском руководстве, насколько можно судить, более всего войны жаждал главнокомандующий армией Абд эль-Хаким Амер, который подталкивал к ней Гамалю Абд эль-Насера; разделение полномочий между ними было отнюдь не формальным, но обращает на себя внимание тот факт, что когда Г.А. Насер просил А.Х. Амера изменить текст требований к «голубым

---

³⁴⁵ См.: Ami Gluska, *The Israeli Military and the Origins of the 1967 War*, pp. 264–265.

каскам» ООН, заменив глагол «вывести» на глагол «передислоцировать» и убрав местоимение «все» перед словосочетанием «эти войска», первый вице-президент ответил, что менять что-либо поздно, ибо письмо уже отправлено – без того, чтобы Г.А. Насер лично прочитал и утвердил его текст³⁴⁶.

История не имеет сослагательного наклонения, но хорошо известно, что генералы М. Даян, М. Ход и Э. Вейцман в значительной мере смогли заставить Л. Эшколя отдать приказ о начале 5 июня боевых действий *вопреки* его собственному мнению³⁴⁷; получилось ли бы у них таким же образом переубедить Давида Бен-Гуриона, если бы он не ушел в отставку за несколько лет до этого, а продолжал оставаться у руля государственного управления? Как бы вел себя Г.А. Насер, если бы рядом с ним не было А.Х. Амера и он бы не боялся конкуренции с его стороны, не опасался, что тот поднимет путч генералов, которые сместят его, подобно тому, как они сами, Г.А. Насер, А.Х. Амер и их сподвижники, отрешили от должности в 1954 году президента Египта Мухаммеда Нагиба, поместив его под домашний арест, из-под которого он был освобожден, кстати, только в 1972 году сменившим Г.А. Насера А. Садатом? У нас нет – и, увы, никогда не будет – ответов на эти вопросы. Важно

---

³⁴⁶ См.: Michael B. Oren, *Six Days of War. June 1967 and The Making of The Modern Middle East*, p. 67.

³⁴⁷ О разногласиях по поводу начала войны между Л. Эшколем и генералитетом см.: Ami Gluska, *The Israeli Military and the Origins of the 1967 War*, pp. 196–198 и 223–237.

понимать, что в те дни израильские руководители не знали, каковы подлинные планы и намерения их египетских коллег, которые, в свою очередь, также могли лишь догадываться о том, начнет ли Израиль боевые действия – и если да, то когда. Анализируя произошедшее, становится очевидно, что египетские оценки ситуации, основывавшиеся на уверенности в подготовленности и мощи вооруженных сил этой страны, оказались в корне ошибочными, что война была проиграна армией Г.А. Насера еще до того, как она в нее вступила – но всё это стало понятно лишь тогда, когда события *уже* произошли, и ни минутой раньше.

Оценка вероятности атаки армий арабских государств имела критически важное значение прежде всего потому, что риск для самого выживания Израиля (а ядерный потенциал страна к тому времени еще не обрела), связанный с возможностью такой атаки, был очевиден. Тогдашний начальник Генерального штаба израильской армии Ицхак Рабин (в последующие годы он дважды становился главой правительства страны) сформулировал опасность, с которой столкнулся на этом этапе Израиль, следующим образом: «Вторжение объединенного контингента египетских, сирийских и иракских войск, начинающееся воздушным ударом»³⁴⁸. Даже если вероятность такого развития событий была сравнительно небольшой, риск, что в этом случае Израиль был бы полностью уничтожен как государство, был совершенно

---

³⁴⁸ См.: Ицхак Рабин, *Служебный блокнот* (Тель-Авив: «Маарив», 1979), том I, стр. 206 [на иврите].

очевиден – и понятно, что ни военное, ни политическое руководство не было готово этот риск на себя брать. Никто в Израиле не стремился к войне, но никто и не был готов гарантировать, что если война начнется в день и час, выбранный противником, по его сценарию, то ее удастся завершить приемлемым для страны образом.

После израильско-египетской войны 1956 года в Израиле были сформулированы несколько «красных линий», пересечение которых расценивалось как *casus belli*, оправданный повод для упреждающего удара. К концу мая 1967 года Г.А. Насер пересек целых три подобных линии: его войска заняли большую часть Синайского полуострова; он закрыл проход каким-либо судам в порт Эйлат; и заключил несколько военных союзов, которые ставили Израиль в крайне уязвимое положение³⁴⁹. Более всего израильтян беспокоило сосредоточение египетских войск (общая численность армии Египта составляла 240 тысяч человек, танков – 1200, самолетов – 450) на Синайском полуострове, площадь которого более чем вчетверо превышала территорию всего Израиля в границах до 4 июня 1967 года. Протяженность израильско-египетской границы – более 270 километров в пустыне – превращала задачу ее защиты в крайне трудную, и сомнительно – выполнимую ли вообще, для маленького государства.

---

³⁴⁹ См.: Миха Бар, «Красные черты» в израильской стратегии сдерживания (Тель-Авив: Издательство Министерства обороны, 1990 [на иврите]).

В чем сомнений нет, так это в критической – и резко негативной – роли, сыгранной тогдашними сирийскими руководителями, которым Г.А. Насер не стал почему-то возражать. Выше уже отмечалась значимость сирийского фактора в эскалации конфликта в середине мая 1967 года, но едва ли не еще более важным стало сирийское вето на усилия, имевшие целью избежать войны. В ночь на 2 июня посол СССР в Тель-Авиве Д.С. Чувахин (1903–1997) получил зашифрованную телеграмму из МИДа с пометкой «вне очереди» с указанием немедленно встретиться с премьер-министром Израиля и передать ему приглашение советского руководства прибыть в тот же день в Москву для конфиденциальной встречи с президентом Г.А. Насером для урегулирования возникшего кризиса. В три часа ночи советский посол был принят в Иерусалиме Леви Эшколем и министром иностранных дел Аббой Эвеном. Л. Эшколь сразу же дал согласие на встречу с Г.А. Насером в Москве 2 июня, о чем советский посол немедленно доложил в Москву, однако через два часа из МИДа поступила новая зашифрованная телеграмма «вне очереди», в которой Д.С. Чувахину сообщали, что встреча не состоится. Г.А. Насер отказался от первоначального согласия на встречу с Л. Эшколем, так как против этого категорически возражали премьер-министр Сирии Юсуф Зуэйин (1931–2016) и находившийся в Москве президент Сирии Нуреддин эль-Атасси. Узнав о негативном отношении сирийцев к его встрече с Л. Эшколем, Г.А. Насер сказал советскому послу в Каире, что, хотя он не разделяет чрезмерно жесткую линию сирийского руководства, должен, однако, прийти к выводу, что без

согласия Сирии встреча, очевидно, не может иметь место³⁵⁰. Эта трагически упущенная возможность остановить сползание к войне является ярчайшим примером того, как вмешательство третьей страны – Сирии – не позволило Израилю и Египту избежать войны. Насколько известно, Л. Эшколь и Г.А. Насер так никогда лично и не встретились между собой.

Сирийский фактор играл свою резко негативную роль и позднее, уже после того, как Шестидневная война закончилась так, как она закончилась. 10 июля 1967 года А.А. Громыко докладывал в ЦК КПСС: «Между главами отдельных арабских делегаций отношения с самого начала почти неприязненные. Давление экстремистской, нереалистической линии руководства Алжира и Сирии безусловно сказывается на позиции ОАР, Ирака, а также других арабских государств, которые тоже оглядываются на экстремистов, боясь быть обвиненными в излишней уступчивости в пользу признания Израиля как государства»³⁵¹. Подчеркнем: как «экстремистскую» и «нереалистическую» позицию сирийских руководителей характеризуем не мы, а министр иностранных дел Советского Союза – страны, которая всего лишь за месяц

---

³⁵⁰ Евгений Примаков, *Ближний Восток на сцене и за кулисами*, стр. 120–121. В опубликованном варианте этой книги инициалы посла СССР в Израиле указаны как М.С.; на самом деле Чувахина звали Дмитрий Степанович.

³⁵¹ Телеграмма министра иностранных дел СССР А.А. Громыко в ЦК КПСС, 10 июля 1967 г. // *Ближневосточный конфликт*, том II, стр. 607.

до этого, по свидетельству Е.М. Примакова, была готова «пойти на вооруженное вмешательство, чтобы предотвратить захват Дамаска и ликвидацию близкого к СССР, можно сказать, союзного сирийского режима»³⁵². При жизни Г.А. Насера израильско-египетские отношения так и не вышли из зависимости от «экстремистской, нереалистической линии руководства Алжира и Сирии».

Израильские военачальники понимали, что получают большое преимущество, если нанесут удар первыми; в особенности это касалось военно-воздушных сил. Более того, как отмечал Ицхак Рабин, «сторона, начавшая воздушную атаку первой, получает огромное преимущество и на море, и на суше. Для Израиля воздушное преимущество было жизненно необходимо еще и потому, что враг мог начать бомбить районы, где было сосредоточено мирное население»³⁵³. Именно поэтому в конце мая – начале июня 1967 года в Генеральном штабе израильской армии сложился консенсус в отношении необходимости нанесения превентивного удара; как свидетельствует изучение рассекреченных к настоящему времени протоколов заседания правительства и его президиума, ставший 1 июня министром обороны Моше Даян, как и присоединившийся в тот же день к кабинету Менахем Бегин – руководитель до этого бывшей в оппозиции Партии Свободы, видели ситуацию точно таким же образом. Премьер-министр Леви Эшколь до

---

³⁵² Евгений Примаков, *Ближний Восток на сцене и за кулисами*, стр. 124.

³⁵³ См.: Ицхак Рабин, *Служебный блокнот*, том I, стр. 140–141.

последнего стремился избежать войны, но инициатива уже явно была не в его руках. Само назначение М. Даяна, поддержанное многолетними непримиримыми противниками, Давидом Бен-Гурионом и Менахемом Бегиним, сумевшими поставить государственные и общенациональные интересы выше партийно-политических, на занимаемый в то время самим Л. Эшколем пост министра обороны произошло против его воли³⁵⁴ и свидетельствовало о том, что глава правительства потерял право на решающее слово в вопросе о том, начнет ли Израиль боевые действия, и если да, то когда именно.

Когда в январе 1957 года израильские силы отступали из Эль-Ариша на Синайском полуострове, главнокомандующий Моше Даян прибыл на место для участия в церемонии сворачивания флага. Когда его спросили, что он чувствует, М. Даян, по свидетельству тогдашнего главы его канцелярии, сказал одну из тех крылатых фраз, которые потом передавали из уст в уста: «Командиры ЦАХАЛа должны попробовать каждое блюдо: и сладкое, и горькое»³⁵⁵. В то время М. Даян и не пытался скрывать испытываемую им горечь, но правительство во главе с Д. Бен-Гурионом согласилось с тем, что Израиль уйдет со всех, до последнего метра, территорий, занятых в ходе войны в конце октября –

---

³⁵⁴ См.: Йоси Гольдштейн, *Эшколь. Биография*, стр. 559–563.

³⁵⁵ См.: Мордехай Бар-Он, «Шесть дней, шесть неразрешенных вопросов...», стр. 345.

начале ноября 1956 года, и он беспрекословно следовал решениям политического руководства страны.

Спустя десять лет история предоставила Моше Даяну второй шанс: он вновь победоносно вел израильскую армию к Суэцкому каналу. М. Даян тогда и не догадывался о том, что спустя еще десять лет в качестве министра иностранных дел в правительстве М. Бегина будет вести переговоры, которые кончатся тем же, чем они кончились в 1957 году: согласием Израиля на полное отступление с Синайского полуострова. Однако к тому времени ни Леви Эшколя, ни Гамаль Абд эль-Насера, ни Абд эль-Хакима Амера уже не будет в живых...

С того момента, как в Израиле было принято решение действовать на опережение, события развивались стремительно. Около семи утра 5 июня 1967 года вся израильская авиация была поднята в воздух. Ее удары были направлены на десять аэродромов, из которых девять были атакованы точно в 7.45; десятый, Фаид, был подвергнут бомбардировке несколько минут спустя. Израильское командование выбрало для нападения именно те несколько минут, когда происходила смена ночных и дневных дежурных, сидевших в кабинах самолетов. Каждый налет совершался звеном самолетов из двух пар. Когда первая волна израильской авиации поражала свои цели, вторая волна была уже в пути, а третья поднималась в воздух. Эти волны были разделены интервалами в 10 минут. Каждому звену из четырех самолетов предоставлялось семь минут на пребывание над целью – время, достаточное, чтобы сделать три или

четыре захода: один бомбовый налет и два или три захода для обстрела наземных целей на бреющем полете.

Главной задачей первого удара израильской авиации было разрушение взлетно-посадочных полос и уничтожение максимального количества самолетов МиГ-21. Это были единственные египетские самолеты, которые могли эффективно препятствовать израильским ВВС в осуществлении их цели – уничтожить египетскую бомбардировочную авиацию дальнего радиуса действия, представлявшую большую угрозу для гражданского населения Израиля. Восемь звеньев МиГ-21 были уничтожены, когда они выруливали к краю взлетно-посадочных полос. Ранее израильтянам удалось спровоцировать египтян переместить двадцать самолетов первой линии (двенадцать МиГ-21 и восемь МиГ-19) из района Каира и Суэцкого канала, где были сосредоточены главные военно-воздушные базы Египта, на юг, в Хургаду, где самолеты фактически оказались вне битвы. Этот результат был достигнут за несколько дней до начала войны с помощью демонстративных разведывательных полетов израильской авиации на юге над Акабским заливом. Эти полеты убедили египтян, что израильское командование планирует заход левым флангом на южную оконечность Синайского полуострова, тогда как в действительности предполагалось нанесение удара правым флангом вдоль средиземноморского побережья. Когда израильская авиация атаковала египетские аэродромы, эти двадцать МиГов не взяли курс на Луксор и другие базы Верхнего Египта, которые они могли бы в какой-то мере прикрыть с воздуха, а вылетели на север к

базам в районе канала, где уже не было посадочных полос для приземления, и они стали добычей израильской авиации. Кроме этих самолетов, в воздух поднялись только два звена по четыре МиГа, которым до их гибели удалось сбить два израильских самолета, участвовавших в атаке на египетские военно-воздушные базы³⁵⁶. В течение 80 минут израильские самолеты непрерывно бомбили египетские аэродромы. Затем, после десятиминутной передышки, последовали новые 80 минут бомбардировок. Всего в первый день войны были подвергнуты бомбардировкам и выведены из строя значительное большинство египетских аэродромов, включая международный аэропорт в Каире³⁵⁷. Было уничтожено

---

³⁵⁶ Изложение начального этапа боевых действий базируется на книге: Рэндалл и Уинстон Черчилль-мл., *Шестидневная война* (Москва/Иерусалим: «Мосты культуры», 2003 [пер. с изд. на англ. яз. 1967 г.]), стр. 119–129.

³⁵⁷ Станным образом, в литературе существуют значительные расхождения в отношении их количества. В подробном докладе «Арабо-израильские войны (1948–1982)», подготовленном в Генеральном штабе СССР по свидетельствам арабских офицеров, учившихся в советских военных академиях, говорится, что «израильские ВВС нанесли внезапный удар по шестнадцати египетским аэропортам»; см.: *Арабо-израильские войны. Арабский взгляд* (Москва: «Яуза», 2008), стр. 66. В свою очередь, в книге бывшего посла Израиля в США Майкла Орена указано, что только «тринадцать [египетских] аэропортов стало невозможно использовать» (Michael B. Oren, *Six Days of War. June 1967 and The Making of The Modern Middle East*, p. 176). Напротив, в книге Рэндалла и Уинстона Черчилля-мл.

286 из 420 боевых египетских самолетов, в том числе все тридцать бомбардировщиков дальнего радиуса действия ТУ-16, 27 бомбардировщиков среднего радиуса действия Ил-28, двенадцать бомбардировщиков-истребителей Су-7, девять истребителей МиГ-21, двадцать истребителей МиГ-19, 75 истребителей МиГ-17 и 32 транспортных самолета и вертолета³⁵⁸. Погибли около трети египетских пилотов, были выведены из строя и уничтожены 23 радарные установки и станции ПВО. В 10.35 утра командующий военно-воздушными силами Израиля Моти Ход доложил начальнику Генштаба Ицхаку Рабину, что «египетские ВВС перестали существовать»³⁵⁹.

Шестидневная война указывается большее число: «В первый день войны были подвергнуты бомбардировке девятнадцать египетских аэродромов» (стр. 129). Это же число – девятнадцать атакованных израильянами «египетских военно-воздушных баз в Синае, в дельте Нила, в долине Нила и в районе Каира» – называет и Хаим Герцог в своей книге *Арабо-израильские войны*, том 1, стр. 227.

³⁵⁸ Данные извлечены из: Michael B. Oren, *Six Days of War. June 1967 and The Making of The Modern Middle East*, p. 176. В книге Хаима Герцога *Арабо-израильские войны* (том 1, стр. 227) приводятся несколько данные: «Израильские летчики уничтожили 309 из 340 готовых к бою [египетских] самолетов». Это же число – 309 уничтоженных египетских самолетов – приводится и в таблице потерь ВВС арабских стран в книге Рэндалла и Уинстона Черчилля-мл. *Шестидневная война* (стр. 131–132).

³⁵⁹ Цит. по: Michael B. Oren, *Six Days of War. June 1967 and The Making of The Modern Middle East*, p. 176.

По утверждению биографа египетского президента, когда Г.А. Насеру доложили о том, что израильские самолеты бомбят каирский военный аэродром Каиро-Вест, он кинулся к телефону, но телефонист никак не мог соединить его ни с главнокомандующим А.Х. Амером, ни с министром авиации Сидки Махмудом. В этот момент фельдмаршал А.Х. Амер и группа генералов вылетели на Синайский полуостров. Но разбомбленный аэродром в Эль-Арише не мог принять самолет, тогда пилот получил распоряжение вернуться в Каир, однако оказалось, что приземлиться в Каиро-Весте тоже уже нельзя. Египетской зенитной артиллерии был отдан приказ не открывать огонь до тех пор, пока самолет с главнокомандующим находится в воздухе. За это время израильская авиация успела фактически выиграть войну, хотя А.Х. Амер и военный министр Шамс эд-Дин Бадран зачем-то пытались убедить президента в том, что «все пока идет хорошо»³⁶⁰.

В этом же египетский народ убеждало и государственное радио. Е.М. Примаков вспоминал: «Через несколько часов после того, как Израиль начал военные действия, в корпункте “Правды” собрались мои египетские коллеги – журналисты, друзья. Они с восторгом рассказывали о десятках сбитых израильских самолетов – каирское радио через каждые полчаса называло сногсшибательные цифры, суммируя которые можно было представить, что уже в первые часы военных действий уничтожен чуть ли не весь военно-воздушный флот

---

³⁶⁰ См.: Анатолий Агарышев, *Насер*, стр. 161–162.

Израиля»³⁶¹. По каирскому радио (интересно было бы узнать, по чьей инициативе) транслировались сфальсифицированные от начала до конца информсводки, в которых утверждалось, будто египетские силы ПВО сбили 161 израильский самолет, а египетские ВВС, в свою очередь, бомбят израильские города и деревни вплоть до Тель-Авива, «возвращая арабскому народу чувство собственного достоинства, утерянное в 1948 году»³⁶². «Но, – продолжал Е.М. Примаков, – к моменту встречи с моими египетскими друзьями я уже знал от наших специалистов, что на базе Каиро-вест были уничтожены египетские самолеты. ... Мои коллеги были обескуражены, подавлены этой информацией»³⁶³. Г.А. Насер рассчитывал, что египетская армия сможет, по крайней мере, «задержаться на восточном берегу Суэцкого канала», однако израильской армии потребовалось всего трое суток, чтобы занять весь Синайский полуостров. Сотысячная египетская армия была разбита; около десяти тысяч человек погибли, а пять тысяч египетских солдат и офицеров были взяты в плен³⁶⁴. В Египте с тех пор вот уже более полувека повторяется дезинформация, будто бы

---

³⁶¹ Евгений Примаков, *Ближний Восток на сцене и за кулисами*, стр. 112.

³⁶² См.: Michael B. Oren, *Six Days of War. June 1967 and The Making of The Modern Middle East*, p. 178.

³⁶³ Евгений Примаков, *Ближний Восток на сцене и за кулисами*, стр. 112.

³⁶⁴ О ходе боевых действий на Синае в июне 1967 г. см.: Хаим Герцог, *Арабо-израильские войны*, том 1, стр. 231–249.

решающую роль в победе Израиля сыграли американские и британские военные, воевавшие на его стороне, однако факт состоит в том, что как раз ни тех, ни других на фронтах Июньской войны 1967 года не было.

Поражение в Шестидневной войне привело к череде политических потрясений в Египте. Вначале генералитет во главе с А.Х. Амером, не желая брать ответственность на себя, потребовал от Г.А. Насера сделать персональные выводы, и 8 июня глава государства объявил об отставке, выступив с телевизионным обращением к нации, назвав, однако, своим преемником не А.Х. Амера и не Ш. эд-Дина Бадрана, а бывшего премьер-министра страны Закарию Мохи эд-Дина. Последний был готов взять в свои руки рычаги управления в стране, однако ситуация изменилась быстрее, чем он успел что-либо сделать; заготовленный им текст телевыступления ему даже не довелось прочитать в эфире.

Сотни тысяч египтян пришли утром 9 июня к зданию Национальной ассамблеи, скандируя: «Насер! Насер!»; улицы центра Каира были заполнены демонстрантами. Известен тезис о том, что эти массовые выступления были инспирированы и срежиссированы властями, однако тому нет документальных свидетельств – и весьма сомнительно, что массовые демонстрации подобного размаха можно было организовать «сверху» так быстро, особенно в условиях постигшего военно-политическую элиту оцепенения в связи с масштабом военных потерь. На своем заседании парламент принял обращение к Г.А. Насеру, в котором, в частности, говорилось: «Вы – наш вождь, президент нашей Республики и останетесь

нашим вождем и президентом». Советские власти также призвали Г.А. Насера остаться на своем посту, через посла Д.П. Пожидаева передав ему, что будут готовы безвозмездно восстановить все потерянное в ходе войны египетское вооружение, включая авиацию и танки.

Сориентировавшись, З. Мохи эд-Дин попросил Г.А. Насера пересмотреть свое решение и остаться у руля страны; после этого было сформировано новое правительство, в которое ни А.Х. Амер, ни Ш. эд-Дин Бадран, несмотря на поддержку со стороны генералитета, не были включены. Готовившаяся ими попытка государственного переворота с целью свержения Г.А. Насера была разоблачена, и 25 августа 1967 года бывший военный министр Шамс эд-Дин Бадран и 55 отставных офицеров были арестованы на вилле А.Х. Амера. Ш. эд-Дин Бадран оставался в тюрьме до конца жизни Г.А. Насера и был амнистирован сменившим его на посту президента А. Садатом весной 1971 года; насколько известно, он жив до сих пор. А.Х. Амеру повезло меньше: 15 сентября 1967 года было объявлено о том, что бывший главнокомандующий вооруженными силами и первый вице-президент ОАР покончил жизнь самоубийством, приняв яд. Не будет преувеличением сказать, что он стал последним египтянином, погибшим на фронтах Шестидневной войны.

ПОСТСКРИПТУМ ШЕСТИДНЕВНОЙ ВОЙНЫ: ВМЕСТО МИРНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ – НОВАЯ ГОНКА ВООРУЖЕНИЙ

Шестидневная война справедливо считается точкой отсчета нового этапа арабо-израильских отношений. Особо сильное влияние она оказала на процессы, происходившие в общественно-политической жизни Египта, который всё больше впадал в военную, а как следствие – и в политическую зависимость от Советского Союза. В октябре 1967 года было объявлено о национализации в стране оптовой торговли. В начале 1968 года вице-президент З. Мохи эд-Дин предложил программу оздоровления египетской экономики, рекомендовав сократить госсектор и расширить возможности для частной инициативы, однако поскольку эти меры противоречили советской доктрине строительства в Египте социализма, то московские товарищи убедили Г.А. Насера отвергнуть их.

20 марта 1968 года Г.А. Насер сформировал новое правительство, а З. Мохи эд-Дин был отправлен в отставку со всех занимаемых им постов. 30 марта того же года Г.А. Насер провозгласил Манифест национальных действий. В своей речи, произнесенной в этот день, президент потребовал усилить роль Арабского социалистического союза как политической организации и заявил о твердом намерении строить в стране

социализм³⁶⁵. Был принят новый Устав Арабского социалистического союза, который определял эту правящую партию как «ведущий народ социалистический авангард». 23 июля 1969 года Г.А. Насер объявил о новой аграрной реформе, по которой максимальный земельный надел на одного человека не мог превышать 50 федданов (около 20 гектаров), что существенно ущемляло интересы представителей местной традиционной аристократии. Тогда же Г.А. Насер объявил, что впервые с 1930-х годов во внешней торговле страны достигнут положительный баланс, причем две трети своих товаров Египет экспортировал в социалистические страны³⁶⁶. В 1970 году должны были начать работу Высотная Асуанская плотина и ГЭС, построенные с помощью Советского Союза. Скоропостижная кончина Г.А. Насера 28 сентября 1970 года не позволила ему лично увидеть завершение проекта, в продвижение которого он вложил много энергии и сил. Торжественное открытие и ввод в эксплуатацию Асуанского гидроэнергетического комплекса состоялись 15 января 1971 года при участии нового президента Египта Ануара Садата, который перерезал ленточку в голубой арке на гребне плотины, и председателя Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорного (1903–1983). Но наибольшее влияние сотрудничество Египта с Советским Союзом имело на баланс сил в египетско-израильских отношениях, который изменился кардинальным образом.

---

³⁶⁵ См.: Анатолий Агарышев, *Насер*, стр. 173.

³⁶⁶ Там же, стр. 177.

Поражение в скоротечной Июньской войне 1967 года негативно сказалось на морально-политическом облике не только арабских армий, но и всего общества. В Москве были убеждены, что «это положение требовало срочного исправления, иначе позор поражения мог отрицательно повлиять на отношение арабских народов к своим режимам, в то время уже разворачивавшимся в сторону социалистической ориентации, формирования революционной идеологии, классового подхода к общественным явлениям и т.п. Такой радикализм импонировал КПСС и Советскому государству, которые тем самым не только приобретали союзников в стратегически важной зоне мира, но и обретали политических сторонников, чей голос в поддержку курса СССР на мировой арене и в сочетании с политикой всего социалистического лагеря усиливал впечатление массовости и классового единения разных народов перед лицом, как тогда говорилось, мировой реакции и империализма»³⁶⁷.

Непосредственно в ходе Шестидневной войны руководители Советского Союза пытались решить одновременно две весьма различные задачи: с одной стороны, оказать военную помощь Египту и Сирии в их противостоянии с Израилем, а с другой – дипломатическими маневрами в ООН, а также в ходе прямых интенсивных контактов с американцами и выдвижения различных угроз и ультиматумов в адрес

---

³⁶⁷ Александр Филоник и Геннадий Горячкин, *Тогда в Египте...* (Москва: ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова, 2001), стр. 6.

Израиля, добиться скорейшего окончания боевых действий³⁶⁸. Разрыв Советским Союзом дипломатических отношений с Израилем на исходе Шестидневной войны стал беспрецедентной демонстрацией степени советской поддержки арабских стран: напомним, что в 1956 году, несмотря на крайне жесткое послание Израилю Н.А. Булганина, Москва на такой шаг не пошла. После окончания Шестидневной войны во главе приоритетов советской дипломатии стала «ликвидация последствий израильской агрессии»; однако именно тогда, когда война закончилась, деятельность советских военных в Египте от месяца к месяцу всё более расширялась. Отдельные авторы говорят в этой связи про превращение Египта в «советскую военную колонию», однако, как представляется, патрон–клиентская модель куда точнее описывает двусторонние отношения. В колониях местные жители гибнут во благо колонизаторов, которые выкачивают из поработщенной страны максимум ресурсов. Напротив, Советский Союз практически бесплатно поставлял Египту дорогостоящую военную технику, а советские солдаты и офицеры рисковали своими жизнями и порой гибли, воюя за Египет – египетские же военные в советской армии никогда не служили.

С 21 по 24 июня 1967 года в Каире находились с визитом Н.В. Подгорный и сопровождавшие его государственные и военные деятели, в том числе

---

³⁶⁸ Yaacov Ro'i and Dima P. Adamsky, "Conclusions", in Yaacov Ro'i and Boris Morozov (eds.), *The Soviet Union and the June 1967 Six Day War* (Stanford: Stanford University Press, 2008), pp. 268–280.

начальник Генерального штаба маршал Советского Союза М.В. Захаров (1888–1972), заместитель министра иностранных дел Я.А. Малик (1906–1980) и другие. В сжатые сроки Советский Союз оказал Египту и другим арабским странам, прежде всего Сирии, Ираку и Йемену, содействие в перевооружении, реформировании и обучении их национальных армий. Более того, Советский Союз не остановился и перед просьбой египетской стороны направить для отражения воздушных налетов израильской авиации регулярные части своей армии, в частности, дивизию ПВО. Хотя в те годы – в 1967–1972 годах – никакая информация об этом в советской печати не публиковалась, в Генеральном штабе израильской армии тема эта обсуждалась регулярно, начиная с 19 июня 1967 года³⁶⁹.

В египетской армии и ранее присутствовали советские специалисты, следившие за поставками военной техники и учившие местных военных обращаться с ней. При этом сам факт их присутствия в Египте до войны 1967 года тщательно скрывался³⁷⁰. Транспортные самолеты,

---

³⁶⁹ Протокол заседания Генштаба ЦАХАЛа 18/67 цит. по: Шимон Голан, *Война на прекращение истощения* (Тель-Авив: Министерство обороны Израиля, 2018), стр. 18 [на иврите]. См. также Протокол заседания Генштаба ЦАХАЛа 20/67 от 3 июля 1967 г., цит. там же, стр. 19–21.

³⁷⁰ Анатолий Егорин, «Записки корреспондента АПН» // *Ближний Восток: командировка на войну. Советские военные в Египте* (Москва: Институт востоковедения РАН – ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова, 2009), стр. 41.

перебрасывавшие из СССР в Египет боевую технику, наспех были перекрашены «под Аэрофлот», а военные летчики находились в гражданской одежде и без знаков отличия³⁷¹.

После окончания Шестидневной войны существовала реальная возможность того, что ее итоги проложат путь к мирному урегулированию. 18–19 июня 1967 года правительство Израиля провело ряд интенсивных обсуждений, результаты которых не были опубликованы в печати, но через находившегося в США министра иностранных дел Аббу Эвена были доведены до сведения государственного секретаря Дина Раска (Dean Rusk, 1909–1994). По сути, речь шла о предложении полного возвращения Синайского полуострова под египетский контроль. Это предложение не распространялось на сектор Газа, который до 1948 года не входил в состав Египта. Как отметил на другом заседании правительства Элияху Сассон, в 1948–1949 годах входивший в состав делегаций, которые вели переговоры о заключении соглашений о прекращении огня с воевавшими против Израиля арабскими странами, «ни ООН, ни какая-либо другая международная институция не постановляла, что сектор Газа принадлежит Египту, а Западный берег – Иордании. Ни одна международная организация не постановляла ничего подобного. В соглашениях же о прекращении огня, [заключенных в 1949 году], сказано, что они – временные, и действуют, пока не заключены мирные договора, а пока нет мира,

---

³⁷¹ Там же, стр. 41–42.

каждая сторона удерживает то, что находится под ее контролем»³⁷². Исходя из этого, израильский контроль над Газой столь же легитимен, как и египетский.

Удивительно, что никто из членов правительства – по крайней мере, на том заседании, на котором Э. Сассон излагал свои соображения – не задался – по крайней мере, вслух – вопросом о том, а нужен ли Израилу контроль над сектором Газа – и зачем? Тот факт, что можно было найти те или иные юридические аргументы в ответ на требования об отдаче сектора Газа, не объясняет причин, по которым Израилу было бы выгодно сохранять густонаселенный исключительно арабами территориально очень маленький (площадью всего 365 квадратных километра) сектор Газа под своим контролем. Моше Сассон 27 ноября 1967 года был назначен Леви Эшколем «представителем главы правительства по политическим контактам на Западном берегу, в секторе Газа и в Иерусалиме». В наших беседах, равно как и своих опубликованных воспоминаниях, он рассказывал о своих многочисленных встречах с арабскими общественными деятелями из Хеврона и Шхема; упоминал, как Леви Эшколь обсуждал с ним и возможность частичного возвращения Западного берега Иордании, и возможность создания на этой территории палестинской автономии³⁷³; но ни о каких контактах с арабами из сектора Газа и ни о

---

³⁷² Подлинник рассекреченного протокола заседания правительства Израиля от 17 октября 1967 г., стр. 23 [на иврите].

³⁷³ См.: Моше Сассон, «О мирных переговорах с соседями (личное видение)», стр. 125–127.

каких идеях относительно его будущего статуса он не говорил. Непродуманность политики в отношении сектора Газа впоследствии дорого обошлась Израилю.

Несколько парадоксальным образом, но Июньская война 1967 года могла открыть путь к миру, а вся территория Синайского полуострова могла быть возвращена Египту без необходимости вести какие-либо боевые действия и рисковать жизнями людей. При условии подписания мирного договора между странами, который будет включать в себя обязательства обеспечения свободы израильского судоходства в Тиранском проливе и в Суэцком канале и демилитаризации Синайского полуострова, *Израиль был готов предложить Египту полное отступление к международно-признанной границе*³⁷⁴.

По мнению Аббы Эвена, именно отсутствие договора непосредственно между двумя странами после израильского отступления с Синайского полуострова в 1957 году, когда Израиль получил гарантии свободы судоходства от других стран мира, но не от Египта, десять лет спустя сделало возможным возникновение нового кризиса, приведшего к очередной войне, и из этого необходимо извлечь уроки. Госсекретарь США Дин Раск и

---

³⁷⁴ Подлинник рассекреченного протокола заседания правительства Израиля от 19 июня 1967 г., часть третья, стр. 1 (выступление Якова Герцога) и далее [на иврите]. Леви Эшколь, закрывая заседание, сказал, что «решение принято единогласно» (там же, стр. 5), но в протоколах не отражен факт проведения какого-либо голосования по данному вопросу.

постпред США в ООН Артур Голдберг (Arthur Joseph Goldberg, 1908–1990), которым Абба Эвен излагал эти соображения, непосредственно на них никак не отреагировали, вместо этого поднимая проблемы палестинских беженцев и Иерусалима³⁷⁵. Эти же две темы в беседе с Аббой Эвеном 11 июля 1967 года поднял специальный советник президента США Макджордж Банди (McGeorge Bundy, 1919–1996). В своем меморандуме на имя президента Линдона Джонсона он отмечал: «Я уже предупреждал Аббу Эвена, что Вы – не тот человек, который захочет отделить фундаментальные вопросы обороны Израиля от основных политических вопросов, в которых у нас есть легитимный интерес – таких, как Иерусалим и беженцы»³⁷⁶.

Когда Израиль обращался к США с просьбой о поставках оружия, чтобы хоть как-то уравновесить те арсеналы, которые Египет получал из Советского Союза, американцы раз за разом использовали эти обращения для политического давления на правительство еврейского государства. Более того: в то

---

³⁷⁵ См. рассекреченную телеграмму из постпредства США в ООН в Госдепартамент: Telegram From the Mission to the United Nations to the Department of State. New York, June 22, 1967 // *Foreign Relations of the United States, 1964–1968. Vol. XIX, Arab-Israeli Crisis and War, 1967*, документ 314, pp. 532–534.

³⁷⁶ См.: Memorandum From the President's Special Consultant (Bundy) to President Johnson. Washington, July 11, 1967 // *Foreign Relations of the United States, 1964–1968. Vol. XIX. Arab-Israeli Crisis and War, 1967*, документ 350, pp. 632–634.

время как Советский Союз поставлял оружие только и исключительно арабским странам, американцы считали необходимым «уравновесить» военную помощь Израилю поставками оружия арабским режимам, которые они считали «умеренными», а именно Саудовской Аравии, Иордании, Ливану, Марокко и Ливии³⁷⁷. Ни одна из этих стран в то время не имела дипломатических отношений с Израилем, не признавала его права на существование, а одна из них (Иордания) за считанные недели до этого воевала против Израиля.

Заслуживает внимания тот факт, что в ходе встречи 21 июня 1967 года со специальным помощником президента Насера по иностранным делам (в ранге министра) Махмудом Фавзи (1900–1981), в 1952–1964 годах бывшим министром иностранных дел, а позднее, уже при Ануаре Садате – главой правительства, а затем – вице-президентом, посол по особым поручениям Уильям Аверелл Гарриман (William Averell Harriman, 1891–1986), в разные периоды бывший послом США в СССР и в Великобритании и губернатором штата Нью-Йорк, напомнил, что США заняли в 1957 году определенную позицию в отношении Акабского залива. Далее, однако, прозвучала крайне амбивалентная декларация: «Мы также привержены поддержке территориальной

---

³⁷⁷ См. там же. Макджордж Банди, бывший в 1961–1966 годах советником президентов США Джона Кеннеди и Линдона Джонсона по национальной безопасности, излагал эту позицию как согласованную им с тогдашним министром обороны США Робертом Макнамара (Robert McNamara, 1916–2009).

целостности и политической независимости каждой страны в этом районе. У США нет никаких обязательств по какому-либо другому аспекту, относящемуся к сути [арабо-израильского] конфликта»³⁷⁸. В то самое время, когда едва ли не во всем мире США воспринимались как ближайший союзник и «покровитель» Израиля, а многие в самом еврейском государстве верили в то, что смогли установить с этой державой «особые отношения», видный американский дипломат уверял своего египетского коллегу в том, что ко всем странам региона США относятся одинаково и никаких особых обязательств по отношению ни к какой стране, и в частности – к Израилю, у них нет.

Существует точка зрения, согласно которой глава правительства Израиля Леви Эшколь рассчитывал, что американцы доведут информацию, полученную от Аббы Эвена, до сведения руководителей Египта и Сирии, а затем передадут в Иерусалим их ответ. Хотя сам Абба Эвен указывал в своих воспоминаниях, что американцы были поражены щедрой готовностью правительства Израиля к территориальным уступкам (и это мнение подтверждается рассекреченными и опубликованными к настоящему времени американскими документами), по его словам, спустя неделю американцы сообщили ему, что арабские страны отвергли израильское предложение, настаивая на

---

³⁷⁸ См. протокол их беседы в кулуарах Генеральной Ассамблеи ООН: Memorandum of Conversation. New York, June 21, 1967 // *Foreign Relations of the United States, 1964–1968. Vol. XIX, Arab-Israeli Crisis and War, 1967*, документ 312, pp. 528–529.

отступлении к границам, существовавшим до 4 июня 1967 года, без каких-либо предварительных условий³⁷⁹.

Это выглядело столь логичным, что на протяжении многих лет никто не ставил под сомнение эту информацию, однако изданный в 2004 году американскими властями том документов, относящихся к их участию в арабо-израильском конфликте в 1967 году, подтверждает мнение, высказанное за два года до этого Даном Бавли – полковником израильской армии в отставке, служившим после Шестидневной войны в ведомстве военного коменданта контролируемых территорий: «Изучение действий США на протяжении этой недели не позволяет найти подтверждений, что американцы в самом деле сообщили об этом решении [израильского правительства] руководителям Египта и Сирии или что они контактировали с ними с целью узнать их реакцию на него»³⁸⁰.

Вопрос, однако, состоит в том, а с чего они должны были понять, что от них такие контакты ожидаются. В докладе самого Дина Раска по итогам этой встречи отмечено: «Эвен заявил, что израильский межминистерский комитет (именно так в англоязычном оригинале – *“Israeli inter-ministerial committee”*) пришел к некоторым предварительным (именно так! использовано слово *“tentative”*) выводам, которые он хотел бы обсудить с госсекретарем, но не с другими (*“which he would like to*

---

³⁷⁹ Абба Эвен, *Страницы жизни*, том II, стр. 430 и далее.

³⁸⁰ Дан Бавли, *Упущенные мечты и возможности, 1967–1973* (Иерусалим: «Кармель», 2002), стр. 38 [на иврите].

discuss with Secretary but not others”)»³⁸¹. Нигде не цитируется просьба Эвена передать эти решения в Каир, Дамаск, Амман или куда бы то ни было еще; нет никакой просьбы получить через американцев ответ на эти – повторим, названные израильским министром иностранных дел «предварительными» – решения. В материалах, опубликованных Госдепартаментом США, приводится изложение беседы постпреда США в ООН Артура Голдберга с А.А. Громыко в кулуарах Генеральной Ассамблеи ООН 22 июня 1967 года. Американский дипломат изложил соответствующий фрагмент беседы следующим образом: «Я также сказал ему [Громыко], что не думаю, что у Израиля есть какой-то особый интерес в попытках сохранить египетскую или сирийскую территорию. (Это было основано на моем предыдущем разговоре с Эвеном)»³⁸². При этом данное утверждение было сделано именно как результат «раздумий» самого американского дипломата, ни слова о том, что решения в

---

³⁸¹ См. рассекреченную телеграмму из постпредства США в ООН в Госдепартамент: Telegram From the Mission to the United Nations to the Department of State. New York, June 22, 1967 // *Foreign Relations of the United States, 1964–1968. Vol. XIX, Arab-Israeli Crisis and War, 1967*, документ 314, pp. 532–534.

³⁸² Текст рассекреченной телеграммы постпреда Голдберга в Госдепартамент цит. по: Telegram From the Mission to the United Nations to the Department of State. New York, June 22, 1967 // *Foreign Relations of the United States, 1964–1968. Vol. XIX, Arab-Israeli Crisis and War, 1967*, документ 315, pp. 535–536.

этом ключе *уже* приняты израильским правительством, сказано не было.

При этом, как ни трудно в это поверить, о принятых правительством Израиля 18–19 июня 1967 года решениях не был проинформирован ни тогдашний начальник Генерального штаба Ицхак Рабин³⁸³, ни глава аналитического отдела Военной разведки Шломо Газит, о чем впоследствии оба они свидетельствовали в своих книгах. На меморандум, поданный главой аналитического отдела Военной разведки главе правительства, министрам обороны и иностранных дел еще 9 июня 1967 года³⁸⁴ не было получено никакой реакции, не было проведено ни одного обсуждения этого документа, на которое его автор был бы приглашен³⁸⁵.

Сложно сказать, как подобное стало возможным: казалось бы, принятие решений о будущем занятых в 1967 году израильской армией территорий с оценкой перспектив возможностей политического урегулирования между Израилем и арабскими странами без командующего армией и главы Военной разведки невозможно в принципе. Однако протоколы заседаний Генерального штаба Армии обороны Израиля свидетельствуют о том, что высший офицерский корпус

---

³⁸³ См.: Ицхак Рабин, *Служебный блокнот*, том I, стр. 227.

³⁸⁴ См.: Алек Д. Эпштейн, *Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться* (Москва: Институт Ближнего Востока – «Мосты культуры», 2008), стр. 20–22.

³⁸⁵ См.: Shlomo Gazit, *Trapped Fools: Thirty Years of Israeli Policy in the Territories* (London: Frank Cass Publishers, 2003), p. 142.

узнал о принятых правительством 18–19 июня 1967 года решениях только 27 мая 1968 года – от своего бывшего главы Ицхака Рабина, выступавшего перед бывшими подчиненными и сослуживцами в статусе нового посла Израиля в США³⁸⁶. По свидетельству генерала армии И. Рабина, он, посол, в свою очередь узнал о решениях, принятых правительством страны, которую он представлял, от своих американских собеседников!

После выступления И. Рабина новый начальник Генштаба Хаим Бар-Лев обратился к министру обороны с просьбой дать разъяснения по этому вопросу, и 10 июня 1968 года Моше Даян посвятил генералитет в подробности принятых правительством решений. Их изложение М. Даяном существенно отличается от текста, утвержденного правительством; по его словам, «правительство готово на Голанских высотах и на Синайском полуострове отступить в рамках мирного договора к границе, существовавшей во времена британского мандата, с корректировками границ и демилитаризацией освобождаемых территорий, при обеспечении свободы судоходства в Суэцком канале и в Эйлатском заливе»³⁸⁷; в тексте решения, известного по рассекреченным к настоящему времени протоколам, ни о каких «корректировках границ» на Голанах и на Синайском полуострове не говорилось вообще.

---

³⁸⁶ См.: Протокол заседания Генштаба ЦАХАЛа 20/68, цит. по: Шимон Голан, *Война на прекращение истощения*, стр. 40–41.

³⁸⁷ См.: Протокол заседания Генштаба ЦАХАЛа 22/68, цит. там же, стр. 41–42.

Самым же удивительным в этой истории было то, что, по словам М. Даяна, учитывая отсутствие готовности арабских стран на ведение мирных переговоров с Израилем, накануне поездки Леви Эшколя в США в январе 1968 года правительство отменило принятые 18–19 июня 1967 года решения; их отмена также произошла без консультаций с главами Генштаба и Военной разведки! И действительно, протокол встречи Леви Эшколя с президентом США Линдоном Джонсоном, состоявшейся 7 января 1968 года, не содержит ни единого упоминания о готовности Израиля к уходу с Голанских высот или Синайского полуострова. Л. Эшколь заявил, что Израиль готов к прямым переговорам со всеми арабскими странами, стремится к полноценному мирному договору, а не только к прекращению состояния войны и признанию самого своего права на существование. «После трех войн Израиль заслуживает мира», – отметил Л. Эшколь³⁸⁸.

В праве на мир Израилю Египет и другие арабские страны как раз отказывали – при, если называть вещи своими именами, и советской, и американской поддержке. В ходе встречи с госсекретарем США Дином Раском, состоявшейся 23 июня 1967 года, министр иностранных дел СССР Андрей Громыко отметил, что «Япония и Советский Союз закончили войну, а затем потребовалось десять лет, чтобы подписать мирный договор». Или

---

³⁸⁸ См.: Memorandum of Conversation. Texas, January 7, 1968, Session I // *Foreign Relations of the United States, 1964–1968. Vol. XX, Arab-Israeli Dispute, 1967–1968* (Washington: Department of State, 2000), документ 39, pp. 81–88.

А.А. Громыко не был точен, или Д. Раск его неверно понял, но А.А. Громыко явно имел в виду декларацию, подписанную 19 октября 1956 года в Москве председателем Совета министров СССР Николаем Булганиным (1895–1975) и премьер-министром Японии Итиро Хатоямой (1883–1959), лишь прекращавшую состояние войны между странами и устанавливавшую дипломатические отношения между ними – мирный же договор между Россией и Японией не подписан до сих пор! Далее «госсекретарь Раск спросил, как это произошло. Громыко ответил, что премьер-министр Хатояма сделал заявление о том, что состояние войны закончилось. Госсекретарь Раск сказал, что, возможно, это можно сделать с помощью аналогичных, но односторонних, если не совместных, деклараций». Громыко не спорил, заметив, что «к ситуации следует подходить диалектически»³⁸⁹.

Американцы ровно так и подошли, и в ходе встречи с Леви Эшколем в присутствии президента Л. Джонсона 8 января 1968 года госсекретарь Дин Раск напомнил израильскому премьеру: *«There were many situations in which there was peace but no peace treaty»* [«Во многих ситуациях существовал мир, но не было мирного договора»]; госсекретарь привел единственный пример, как раз от А.А. Громыко почерпнутый: «Например, между

---

³⁸⁹ Текст рассекреченного протокола беседы госсекретаря Дина Раска и министра иностранных дел СССР А.А. Громыко цит. по: Memorandum of Conversation. Glassboro, New Jersey, June 23, 1967 // *Foreign Relations of the United States, 1964–1968. Vol. XIX, Arab-Israeli Crisis and War, 1967*, документ 321, pp. 557–561.

Японией и СССР»³⁹⁰. По всей видимости, Леви Эшколь сообщил об этом подходе американцев членам своего правительства. Спустя ровно неделю, 15 января 1968 года, министр обороны Моше Даян, выступая перед генералитетом, отметил, что арабы, в целом, и Египет, в частности, не готовы к заключению мирного договора с Израилем, и что речь может идти лишь о тех или иных промежуточных соглашениях, которые будут предусматривать частичное, а не полное, отступление Израиля лишь с отдельных районов, занятых им в ходе войны в июне 1967 года; в частности, министр обороны отметил важность сохранения под израильским контролем района Шарм-аш-Шейха. М. Даян также добавил, что хотел бы, чтобы параметры израильско-египетского урегулирования были поддержаны Советским Союзом³⁹¹.

Хуже того: Израилю не только с порога отказывали в праве на мир, ему отказывали и в праве на ведение прямых, не через посредников, переговоров о каком-либо урегулировании. 22 ноября 1967 года Советом Безопасности ООН единогласно была принята широко известная резолюция №242, требовавшая «вывод[а] израильских вооруженных сил с территорий, оккупированных во время недавнего конфликта». После

---

³⁹⁰ См.: Memorandum of Conversation. Texas, January 8, 1968, Session II // *Foreign Relations of the United States, 1964–1968. Vol. XX, Arab-Israeli Dispute, 1967–1968*, документ 40, pp. 88–94.

³⁹¹ См.: Протокол заседания Генштаба ЦАХАЛа 3/68, цит. по: Шимон Голан, *Война на прекращение истощения*, стр. 38–39.

принятия этой резолюции Генеральный секретарь ООН У Тан выбрал шведского дипломата Гуннара Ярринга (Gunnar Valfrid Jarring, 1907–2002) своим представителем для ведения переговоров как в Каире, так и в Иерусалиме; при этом, вопреки ясной и недвусмысленной израильской позиции, прямые израильско-египетские переговоры не предусматривались.

На заседании правительства Израиля, прошедшем 17 октября 1967 года, Менахем Бегин подчеркивал: «У нас есть опыт переговоров через посредников, и мы больше не согласны на это. Наш подход, ратующий за прямые переговоры о заключении мирного договора – принципиальный и справедливый. Мы должны стоять на этом твердо, настойчиво и бескомпромиссно»³⁹². Леви Эшколь придерживался того же мнения, но несмотря на его обращения к Линдону Джонсону по этому вопросу, даже в проекте резолюции Совета Безопасности ООН, который внесли американцы, требование ведения прямых переговоров отсутствовало. Как свидетельствуют протоколы, 7 ноября 1967 года эта тема вновь поднималась на заседании правительства Израиля, которое в своей резолюции ответило: «Израиль стремится к устойчивому миру со своими соседями, видя только в этом разрешение острого кризиса, в котором находится регион уже двадцать лет. Мир будет достигнут путем заключения мирных договоров между Израилем и его соседями путем прямых переговоров между ними, которые и являются гарантией

---

³⁹² Подлинник частично рассекреченного протокола заседания правительства Израиля от 17 октября 1967 г., стр. 35 [на иврите].

урегулирования вызывающих разногласия проблем»³⁹³. После этого глава правительства направил телеграмму министру иностранных дел Аббе Эвену с требованием выразить американским собеседникам категорическое недовольство готовностью отказаться от требования о ведении прямых переговоров между Израилем и его арабскими соседями, и прежде всего, Египтом³⁹⁴. Абба Эвен, однако, этого не сделал, убеждая Леви Эшколя не идти на конфронтацию с США в преддверии голосования в Совете Безопасности, и шанс был упущен окончательно.

Израиль оказался в ситуации, когда его готовность к переговорам и миру с Египтом – ценой огромных территориальных уступок (напомним, что площадь Синайского полуострова втрое больше площади самого Израиля!) – не была воспринята не только в Каире, но и в Москве, и в Вашингтоне. Как следствие, сформировалась иная доктрина, наиболее активным сторонником которой был Моше Даян, очевидно, имевшая как свои плюсы, так и немалые минусы – доктрина, оправдывавшая отступление Израиля из отдельных районов в обмен на те или иные промежуточные соглашения, не являвшиеся мирными договорами. Эта доктрина оставалась в силе десять последующих лет, пока не была отвергнута ставшим к тому времени премьер-министром Израиля Менахемом Бегиним, но спустя еще

---

³⁹³ Подлинник рассекреченного протокола заседания правительства Израиля от 7 ноября 1967 г., стр. 68 [на иврите].

³⁹⁴ См.: Йоси Гольдштейн, *Эшколь. Биография*, стр. 592 и сноска 960 на стр. 740.

пятнадцать лет именно ее копирование заложило целую череду мин замедленного действия под соглашения, заключенные правительством Рабина – Переса с лидерами Организации освобождения Палестины.

Важнейшим фактором, оказавшим решающее влияние на пересмотр израильским руководством своей позиции, стала широко известная резолюция, принятая 1 сентября 1967 года на саммите Лиги арабских государств в столице Судана Хартуме, призывавшая к продолжению состояния войны с Израилем и провозгласившая принцип «трех нет»: нет – миру с Израилем, нет – признанию Израиля, нет – переговорам с Израилем. Суммируя, *Израиль предложил Египту и Сирии (но не Иордании!) реализацию принципа «территории в обмен на мир», однако натолкнулся на железную стену отказа.*

Не факт, при этом, что руководители в Каире и Дамаске в полной мере осознавали, какие возможности были перед ними открыты. Абба Эвен и Леви Эшколь почти наверняка ошибались, когда считали, что в Каире и Дамаске в деталях знали об израильском предложении, но отвергли его. В то время американцы всячески стремились самоустраниться от своего участия в качестве посредников между израильскими и египетскими руководителями, смирившись с тем, что Египет – «клиент» Москвы. 5 июля 1967 года специальный советник президента США Макджордж Банди докладывал о своей встрече с министром иностранных дел Израиля следующим образом: «Я воспользовался случаем и в ответ на замечания Эвена относительно Египта напомнил ему, что Соединенные Штаты очень мало могут сделать, чтобы

помочь кому-либо с этой страной. Я сказал, что наши прошлые переговоры с Насером всегда включали в себя существенный элемент экономической помощи со стороны США, но что я не вижу никаких перспектив подобной помощи в ближайшем будущем. Конгресс и общественность не поддержат такой шаг»³⁹⁵. В Министерстве иностранных дел Израиля существовала точка зрения, что ситуация оккупации Израилем Синайского полуострова и, как следствие, закрытия Суэцкого канала для судоходства, виделась американцам не такой плохой, ибо ограничивала способность Советского Союза поставлять вооружение во Вьетнам, где США и просоветские силы вели тогда изнурительную войну³⁹⁶.

Как бы там ни было, *Г.А. Насер сделал выбор в пользу иной стратегии, которая предусматривала не путь к миру, а поддержание состояния вялотекущей войны, которая, как он не без оснований считал, будет куда более изнурительной для Израиля, имевшего весьма ограниченные человеческие ресурсы, чем для арабов*. При этом Г.А. Насер заявил о том, что даже в случае эвакуации израильских сил с восточного берега Суэцкого канала, которая позволит вновь открыть его для судоходства, канал будет закрыт для израильских судов до тех пор, пока

---

³⁹⁵ См.: Memorandum of Conversation. New York, July 5, 1967 // *Foreign Relations of the United States, 1964–1968. Vol. XIX, Arab-Israeli Crisis and War, 1967*, документ 343, pp. 613–616.

³⁹⁶ См.: Дан Бавли, *Упущенные мечты и возможности, 1967–1973*, стр. 38.

не решена проблема палестинских беженцев 1948 года! На это в октябре 1967 года обратил внимание членов правительства Израиля Менахем Бегин, указавший: «Он [Насер] говорит о беженцах 1948 года и их возвращении на территорию Государства Израиль в границах до 5 июня [1967 года]. Это попытка косвенным путем уничтожить Государство Израиль. Он знает, что мы не согласимся на это, а значит, Суэцкий пролив не будет открыт для израильского судоходства»³⁹⁷. Никакого международного давления на Г.А. Насера с требованием отказаться от увязывания этих, никак не связанных между собой, вопросов, не было.

Как стало известно позднее, генеральный секретарь ООН У Тан обратился к Швеции с просьбой согласовать кандидатуру Гуннара Ярринга на пост своего специального посланника на Ближний Восток еще 17 октября 1967 года, то есть более чем за месяц до того, как резолюцией №242 было определено, что такой эмиссар должен быть назначен; спустя неделю, 24 октября, шведские представители ответили согласием³⁹⁸. Гуннар Ярринг имел огромный, и в значительной мере уникальный, дипломатический опыт, успев поработать в шведских посольствах и миссиях в Анкаре, Тегеране, Багдаде и других городах Среднего Востока; на протяжении трех лет, с начала 1956 до конца 1958 года, он был представителем Швеции в ООН; в 1957–1958 годах

---

³⁹⁷ Подлинник частично рассекреченного протокола заседания правительства Израиля от 17 октября 1967 г., стр. 33 [на иврите].

³⁹⁸ См.: Saadia Touval, *The Peace Brokers*, p. 140.

Швеция была временным членом Совета Безопасности, в заседаниях которого Г. Ярринг, вследствие занимаемого им поста, принимал участие. После этого он на протяжении шести лет был послом Швеции в США, а по завершении этой каденции в 1964 году был назначен послом в Москву, где и оставался до 1973 года.

Несмотря на впечатляющий опыт и абсолютную непредвзятость Г. Ярринга по отношению к вовлеченным в арабо-израильский конфликт сторонам, его миссия, продолжавшаяся почти полтора года, до апреля 1969 года, не привела ни к каким результатам. Сирийцы вообще отказались принять его³⁹⁹, а израильтяне и египтяне вели переговоры о том, как именно вести переговоры: постпред еврейского государства в ООН Йосеф Текоа (урожденный Тукочинский, 1925–1991) и правительство, которое он представлял, настаивали на том, что функция миссии Ярринга – подготовить начало прямых переговоров между сторонами, которые сами и определяют их повестку, в Каире же утверждали, что единственная задача миссии Ярринга – обеспечить выполнение Израилем резолюции №242 об уходе с занятых им в ходе войны в июне 1967 года территорий⁴⁰⁰. Хотя в первой половине октября 1968 года под американским давлением Израиль декларировал свое согласие обсуждать содержательные вопросы, касавшиеся параметров отступления, без участия представителей Египта⁴⁰¹, переговоры не продвигались никуда. Получив 2

---

³⁹⁹ Там же, р. 143.

⁴⁰⁰ Там же, рр. 143–145.

⁴⁰¹ Там же, р. 145.

апреля 1969 года очередной ответ правительства Израиля на заданные им вопросы, Гуннар Ярринг принял решение о завершении своей миссии и возвращении в Москву⁴⁰². К тому времени с момента окончания войны прошло почти два года, за время которых региональный баланс сил существенным образом изменился.

Не желая вести переговоры о мире с Израилем ни напрямую, ни через посредничество Г. Ярринга, Г.А. Насер рассчитывал на значительную военно-политическую поддержку со стороны Советского Союза, которая на самом деле была ему предоставлена. Как указывал А.О. Филоник, «новые вызовы и выросшие объемы военно-технической помощи потребовали существенным образом пересмотреть всю организационную структуру советского военного взаимодействия с Египтом. Оптимальным решением стало введение института советских военных советников, который охватывал практически все рода войск и службы и эффективно действовал в этой стране с 1967 по 1972 годы»⁴⁰³. Эта работа уже с конца июня 1967 года велась под руководством маршала Советского Союза М.В. Захарова, в 1960–1971 годах (с перерывом в 1963–1964 годах) бывшего начальником Генерального штаба Вооруженных сил СССР,

---

⁴⁰² Там же, р. 153.

⁴⁰³ Александр Филоник, «Советско-американское соперничество на Ближнем Востоке» // *Ближний Восток: командировка на войну. Советские военные в Египте*, стр. 8.

который «развернул в Египте деятельность, достойную лучших времен Второй мировой войны»⁴⁰⁴.

После возвращения М.В. Захарова в Москву, на пост главного военного советника в Объединенной Арабской Республике в августе 1967 года был назначен генерал армии П.Н. Лащенко (1910–1982), в 1956 году командовавший группировкой советских войск на территории Венгрии. По свидетельству посла СССР в Египте В.М. Виноградова (1921–1997), «предстояло в короткие сроки построить все виды вооруженных сил заново на современных началах, научить владеть новейшим вооружением – от автомата Калашникова до зенитно-ракетных комплексов, самолетов МиГ-21, подводных лодок новых типов, уникальных противотанковых установок, понтонных мостов, средств связи и т.д.»⁴⁰⁵. С этими задачами П.Н. Лащенко и офицеры, служившие под его началом, в целом справились. В декабре 1968 года П.Н. Лащенко был назначен первым заместителем главнокомандующего Сухопутными войсками СССР, а главным военным советником и командующим советской группировкой особого назначения в Египте был назначен генерал-полковник И.С. Катышкин (1914–2000).

Заслуживает упоминания и тот факт, что 14 июля 1967 года в Средиземноморье была создана 5-я эскадра военно-морского флота СССР под командованием

---

⁴⁰⁴ Анатолий Егорин, «Записки корреспондента АПН», стр. 44.

⁴⁰⁵ Владимир Виноградов, «К истории советско-египетских отношений» // *Тогда в Египте...*, стр. 12.

начальника кафедры тактики Военно-морской академии контр-адмирала Б.Ф. Петрова (1914–1984); в ноябре ему было присвоено звание вице-адмирала. Штаб эскадры состоял из опытных офицеров, набранных в основном с Северного и Черноморского флотов. Штаб командующего эскадрой находился у берегов Туниса в так называемой «точке 3»; туда же заходили скрытно приходявшие с Северного флота подводные лодки. Основной базой эскадры стал (и оставался до 1972 года) египетский город Порт-Саид.

Завершение Шестидневной войны привело к ситуации напряженного затишья в отношениях между Израилем и Египтом, которое несколько раз прерывалось тяжелыми сражениями с человеческими жертвами. Первое крупное столкновение имело место 1 июля 1967 года, когда рота египетской пехоты пересекла в полдень канал в десяти милях южнее Порт-Саида. 11 июля произошел морской бой между израильским эсминцем «Эйлат» и двумя египетскими торпедными катерами; в результате боя оба египетских катера были потоплены. 21 октября того же года эсминец «Эйлат», патрулировавший средиземноморское побережье Синая, был потоплен четырьмя противокорабельными крылатыми ракетами П-15 «Термит». Погибли 47 моряков, более 90 были ранены, среди них и командир корабля подполковник Ицхак Шошан (1930–2014); это был единственный случай за всю историю Израиля, когда боевой корабль его военно-морского флота был потоплен вражеским огнем. Бывший тогда корреспондентом «Комсомольской правды» в Египте А.А. Агарышев отмечал: «Потопление

“Эйлата” явилось первой победой египтян после Июньской войны 1967 года. К тому же они убедились в эффективности советского оружия»⁴⁰⁶.

В правительстве и Генштабе Израиля 23 октября 1967 года обсуждались различные варианты ответных действий. Напрашивавшийся ответ – операция против флота, находившегося в египетских портах Александрия и Порт-Саид – был отвергнут, так как глава Военной разведки генерал Аарон Ярив сказал, что не может гарантировать отсутствие там советских военных кораблей⁴⁰⁷, риск же военной конфронтации с СССР израильские руководители не были готовы на себя брать. Идея атаки на египетские аэродромы также была отвергнута, прежде всего – из опасений, что это приведет к отказу Франции от обещанных поставок в Израиль боевых самолетов, которые военно-воздушные силы еврейского государства очень ждали.

После многих колебаний был найден иной вариант асимметричного ответа, который и был реализован 24 октября 1967 года, когда израильские силы нанесли мощный артиллерийский удар по египетским нефтеперерабатывающим заводам в районе города Суэц⁴⁰⁸. В ходе этой операции, получившей в Израиле

---

⁴⁰⁶ См.: Анатолий Агарышев, *Насер*, стр. 175.

⁴⁰⁷ См.: Протокол заседания Генштаба ЦАХАЛа 33/67, цит. по: Шимон Голан, *Война на прекращение истощения*, стр. 26–28.

⁴⁰⁸ См.: Шимшон Офер, «Пушки ЦАХАЛа разрушили нефтяные заводы в Суэце» // *Давар* [«Слово»], 25 октября 1967 г. [на иврите].

кодовое наименование «Вспышка пламени», одиннадцать египтян погибли, 92 человека были ранены, а нефтеперерабатывающие заводы полностью уничтожены – и больше не были восстановлены. После этого в течение одиннадцати месяцев на линии противостояния сохранялось относительное спокойствие.

8 сентября 1968 года египетские силы подвергли контролируемый израильянами берег Суэцкого канала массированному артобстрелу, в результате которого погибли десять солдат, а восемнадцать получили ранения. 26 октября произошел новый мощный артобстрел израильских позиций, который привел к гибели 13 человек; еще 34 получили ранения. В ответ израильская артиллерия обстреляла города Суэц и Исмаилию, а в ночь с 31 октября на 1 ноября 1968 года отряд израильских десантников высадился с вертолетов в глубине египетской территории. Они взорвали два важных моста через Нил и крупную, незадолго до того построенную советскими специалистами, трансформаторную подстанцию в Наг-Хаммади (в Израиле эта операция получила кодовое название «Шок»). После этого – и до марта 1969 года – на египетско-израильской границе установилась напряженная тишина.

Как указывалось выше, выступая перед высшими офицерами, входившими в Генеральный штаб Армии обороны Израиля, Моше Даян сказал, что правительство отменило принятые 18–19 июня 1967 года решения накануне поездки Леви Эшколя в США, состоявшейся в январе 1968 года. Изучение рассекреченных протоколов заседаний правительства свидетельствует, что это

произошло за полтора месяца до этого, 17 октября 1967 года. Отмечалось, что «в связи с решениями, принятыми в Хартуме, Израиль продолжит сохранять существующее положение в полной мере, как было определено в соглашениях о прекращении огня, и останется на своих позициях, принимая во внимание потребности, необходимые для обеспечения безопасности и развития». Эту позицию наиболее отчетливо первым высказал на заседании правительства Менахем Бегин, отметивший: «После Хартумского саммита мы должны сказать, что в связи с принятыми на нем решениями о неприятии признания Израиля, переговоров и мира, коль скоро никакие возможности мирных переговоров не прослеживаются, мы остаемся на тех пограничных линиях, где мы находимся сегодня»⁴⁰⁹. Эту позицию Менахема Бегина, пусть и в более осторожной форме, поддержали Исраэль Галили (1911–1986), Леви Эшколь и другие члены правительства. Выступая в Кнессете 30 октября 1967 года, Леви Эшколь сказал, что «положение на Синае и на Голанах не вернется к тому, что было»⁴¹⁰.

Формулировки принятого тогда решения оставались, однако, весьма расплывчатыми, вследствие чего 31 октября 1968 года правительство Израиля вернулось к обсуждению этого круга тем и приняло куда более конкретную резолюцию, которая гласила:

---

⁴⁰⁹ Подлинник частично рассекреченного протокола заседания правительства Израиля от 17 октября 1967 г., стр. 33 [на иврите].

⁴¹⁰ Протокол заседания Кнессета от 30 октября 1967 г. [на иврите].

«Согласованная и безопасная граница будет определена в мирном договоре с Египтом, который завершит конфликт между двумя странами и обеспечит свободу судоходства в Суэцком канале. В ходе переговоров с Египтом в отношении границы позиция Израиля будет определяться соображениями обеспечения безопасности, которые будут включать в себя обеспечение полной защиты израильского судоходства через Тиранский пролив. Установление безопасной границы между Израилем и Египтом обязывает провести изменения в существовавшей прежде международно-признанной границе, включая – как само собой разумеющееся – оставление сектора Газа в границах Израиля, продолжение израильского контроля над Шарм-аш-Шейхом при обеспечении его территориальной непрерывности с Государством Израиль и другие необходимые для обеспечения безопасности урегулирования. Эти решения принимаются правительством вместо тех, которые были согласованы 19 июня 1967 года»⁴¹¹.

Очевидно, что эта резолюция представляла собой кардинальное изменение в официальной позиции Государства Израиль. При этом обращал на себя внимание акцент, сделанный исключительно на соображениях безопасности. Нельзя сказать, что израильское

---

⁴¹¹ Протокол заседания правительства от 31 октября 1968 г. цит. по: Шимон Голан, *Война на прекращение истощения*, стр. 76.

правительство слепо следовало за генералами – напротив, как указывалось выше, к принятию ключевых решений в отношении будущего занятых в ходе Шестидневной войны территорий их вообще практически не привлекали, но рассуждения министров строились почти исключительно на соображениях обороны и геополитики. Едва ли не единственным из членов правительства, кто смотрел шире и дальше, был Менахем Бегин, отмечавший, что нужно обязательно включить в мирные соглашения пункты о сотрудничестве в сферах экономики, общественных связей и культуры, а не только обязательства в сфере безопасности; «иначе мир останется только на бумаге», не будучи принятым широкими слоями населения арабских стран, интеллигенцией и бизнесменами⁴¹². В целом же, первоначальная готовность вернуть Египту весь Синай уступала место иному подходу.

Ответ на вопрос о том, почему события развивались именно по такому сценарию, нужно искать в действиях руководителей Египта, ни намеком не давших понять, что готовы к заключению мирного договора с Израилем или хотя бы установлению режима мирного сосуществования с ним, которое бы признавало его право на существование в безопасности в каких бы то ни было границах. При беспрецедентно широкой поддержке Советского Союза Египет решительно наращивал свои боевые арсеналы, о чем израильская Военная разведка неоднократно

---

⁴¹² См.: Ави Шилон, *Бегин*, стр. 219, со ссылкой на газету «Ха'арец» от 12 июня 1969 г.

докладывала на заседаниях Генерального штаба⁴¹³. Существенное усиление военного могущества Египта, территория которого в пятьдесят (!) раз больше территории Израиля в границах, существовавших до 4 июня 1967 года, при полной неготовности этой страны к заключению договора о мире с еврейским государством, формировало в Израиле более чем понятные опасения, результатом которых стало осознание необходимости корректировок пограничных линий, необходимых для того, чтобы страну, в случае нападения на нее, можно было защитить. Представляется, что опыт тяжелейшей для Израиля войны, начатой Египтом и Сирией 6 октября 1973 года, доказывает верность этих оценок. Именно того времени, когда бои велись на Синайском полуострове, хватило израильской армии для мобилизации и развертывания войск, которые смогли защитить наиболее населенные районы страны, вследствие чего до них арабские армии так и не дошли.

В сотнях посвященных Израилю книг и статей, опубликованных после войны 1973 года, повторяется абсурдное утверждение о том, что будто бы после триумфальной победы в Шестидневной войне в военно-политической элите Израиля сформировалась концепция, согласно которой страшащиеся повторного поражения арабские страны в обозримой перспективе очевидно не

---

⁴¹³ См.: Протоколы заседаний Генштаба ЦАХАЛа 15/68 от 15 апреля 1968 г., 24/68 от 24 июня 1968 г., 31/68 от 19 августа 1968 г. и другие, цит. по: Шимон Голан, *Война на прекращение истощения*, стр. 43–44, 47–48 и далее.

нападут на еврейское государство, которому, вследствие этого, незачем готовиться к войне – и что оно к ней, поэтому, якобы и не готовилось. *На самом деле всё обстояло прямо противоположным образом: протоколы заседаний Генерального штаба уже со второй половины 1967 года полны обсуждений возможного египетского нападения на Израиль, оценок того, когда, с какой стороны и при каких обстоятельствах это нападение может произойти – и как Израилю можно избежать такого развития событий, а если избежать его не удастся, то как выстоять и победить* (именно так сформулировал задачу генерал армии Хаим Бар-Лев)⁴¹⁴.

Никакой концепции гарантированного спокойствия у израильского военно-политического руководства не было и в помине. Еще в апреле 1968 года глава Военной разведки Аарон Ярив указал, что Египет готовится к войне, целью которой является уничтожение Израиля, при этом война эта может быть двухэтапной: на первом этапе Египет будет стремиться отвоевать утерянные им в 1967 году территории, которые на втором этапе станут плацдармом для «решающей и окончательной» войны против Израиля с целью стереть его с карты мира⁴¹⁵. Тот

---

⁴¹⁴ 21 ноября 1968 г. в Генштабе ЦАХАЛа состоялось оперативное обсуждение «Наша граница с Египтом», в ходе которого обсуждались возможные варианты нападения египетских войск на Израиль; стенограмма заседания цит. по: Шимон Голан, *Война на прекращение истощения*, стр. 57–61.

⁴¹⁵ См.: Протокол заседания Генштаба ЦАХАЛа 15/68 от 15 апреля 1968 г.

факт, что конкретно 6 октября 1973 года израильские силы не были должным образом готовы к агрессии со стороны Египта, о чем будет подробно сказано в настоящей книге далее, отнюдь не свидетельствует, что какая-либо концепция привела Генеральный штаб к мысли, что готовиться к возможности таковой незачем; напротив, готовились к этому активно, тщательно и основательно.

Достаточно сказать, что к весне 1969 года израильская армия – учитывая последовавшие очень вскоре события, нельзя не отметить, что очень вовремя – построила вдоль всего Суэцкого канала линию прочных укреплений, получившую в литературе название «линия Бар-Лева», по фамилии тогдашнего начальника Генерального штаба Хаима Бар-Лева.

По свидетельству генерала Хаима Герцога (1918–1997), впоследствии избранного президентом Государства Израиль, в Генштабе шли горячие обсуждения, какого рода оборонительная система должна быть создана на канале. Хаим Бар-Лев уполномочил генерала Авраама Адана (1926–2012) возглавить рабочую группу представителей различных родов войск и выработать предложения по созданию оборонительной линии вдоль Суэцкого канала. Эта группа спланировала укрепления так, чтобы обеспечить удобное наблюдение за противником (визуальный осмотр – днем и электронный контроль – ночью) и в то же время держать как можно меньшее количество солдат в пределах досягаемости египетских батарей. Между блиндажами должны были патрулировать бронетанковые части, а в тылу – разместиться артиллерия и танки, готовые выйти вперед и

сорвать любую попытку форсирования канала. Эти укрепления на берегу были задуманы как система аванпостов раннего предупреждения. Они не должны были служить оборонительной линией, поэтому блиндажи рассчитывались только на пятнадцать бойцов и располагались на семимильном расстоянии друг от друга. Их оборонные ресурсы, по плану, были ограничены. Командующий Южным округом генерал Иешаяху Гавиш принял этот план с условием, что на севере канала все возможные места для форсирования будут оборудованы системой укреплений. И. Гавиш надеялся, что во время войны передовая линия – система наблюдательных постов и укреплений на всех возможных направлениях наступления – задержит противника прежде, чем он дойдет до укрепленных позиций пехотной бригады вдоль линии перевалов, от перевала Митла на юге до Балузы на севере⁴¹⁶. За считанные месяцы была создана 160-километровая фортификационная линия, представлявшая собой цепочку из примерно тридцати взводных укрепленных пунктов, с танковыми рампами возле них и артиллерийскими позициями в 8–10 километрах позади; на то время это была крупнейшая инженерная операция в истории Израиля. К сожалению, очень скоро эта оборонительная линия обрела важнейшее практическое значение в борьбе за обеспечение безопасности Израиля, против которого Г.А. Насер начал новую войну.

---

⁴¹⁶ Хаим Герцог, *Арабо-израильские войны*, том 2, стр. 20–22.

ИСТОЩЕНИЕ В НИКУДА: ИЗРАИЛЬСКО-ЕГИПЕТСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ В ПОСЛЕДНИЙ ГОД ЖИЗНИ Г.А. НАСЕРА

Война на истощение, формально объявленная Г.А. Насером 23 июня 1969 года, но начавшаяся за три с половиной месяца до этого, главным образом, имела своей целью изменение «правил игры», возникших в результате Шестидневной войны. Эта война создала определенный потенциал для того, чтобы изменить расклад сил в арабо-израильском конфликте: Израиль мог предложить возвратить территории, которые он завоевал, в обмен на политическое урегулирование арабо-израильского конфликта. Однако нежелание арабов вести переговоры о мире привело к тому, что Израиль решил сохранять территории, завоеванные им у Египта, Сирии и Иордании, под своим контролем, не аннексируя их (за исключением Восточного Иерусалима), сделав ставку на сохранение территориального, политического и военного статус-кво – до тех пор, пока Египет и другие арабские страны не «созреют» для начала переговоров о мире. Арабские – и не только арабские – страны обвиняли Израиль в том, что он хочет «увековечить» свои территориальные завоевания, однако это не соответствовало действительности, ибо ни на какие территории – ни на Синайский полуостров, ни на сектор Газа, ни на Голанские высоты, ни на Западный берег реки Иордан (Иудею, Самарию и Иорданскую долину) на протяжении многих лет не распространялась

израильская юрисдикция. По не до конца понятным причинам, арабские руководители не обращали на это внимания. Г.А. Насер осознал, что не в силах египетской армии было отвоевать Синайский полуостров, но он считал, что сможет сломить дух израильтян, измотав их войной на истощение. Израильские вооруженные силы всегда показывали себя с лучшей стороны в маневренной войне, где важны движение и быстрота, но египтяне пришли к заключению, что окажутся в выигрышном положении в затяжной позиционной войне, где маневренность не играет роли, и в которой Египет обладал очевидным перевесом над Израилем в области артиллерии⁴¹⁷.

После того, как Г.А. Насер объявил о прекращении перемирия, 8 марта 1969 года египетская артиллерия вновь подвергла израильские позиции массированному обстрелу; в операции также принимали участие самолеты МиГ-21, но жертв с израильской стороны не было. На следующий день, 9 марта, в результате прямого попадания израильского снаряда в блиндаж в районе города Исмаилия погибли начальник египетского Генштаба (он был назначен на этот пост сразу же после окончания Шестидневной войны, 11 июня 1967 года) генерал Абдул Муним Риад (1919–1969) и несколько сопровождавших его офицеров. После этого артиллерийские дуэли стали регулярными. Израиль нес небольшие, но регулярные потери, которые постоянно увеличивались. При этом

---

⁴¹⁷ Хаим Герцог, *Арабо-израильские войны*, том 2, стр. 28.

израильская авиация атаковала артиллерийские и ракетные батареи ПВО Египта.

Египтяне понимали, что израильское общество крайне чувствительно относится к человеческим жертвам, надеясь постоянными нападениями сломить боевой дух не столько даже израильской армии, сколько гражданского населения страны, возложив на него к тому же тяжкое бремя внушительных военных расходов. Эта ситуация, считали Г.А. Насер и его советники, рано или поздно доведет израильскую армию до такого состояния, что египетским отборным частям удастся форсировать канал и занять плацдарм на восточном берегу. У египтян было и еще одно соображение: они считали, что постоянные военные действия на Суэцком канале не дадут ООН и США забыть о проблеме, и таким образом политическое давление на Израиль будет усиливаться.

Нельзя не учитывать также и изменения, произошедшие в высших эшелонах власти в Вашингтоне и в Иерусалиме. Выдвинутый Демократической партией на пост президента США Хьюберт Хамфри (Hubert Horatio Humphrey, Jr., 1911–1978), бывший в 1965–1969 годах вице-президентом в администрации Линдона Джонсона, 5 ноября 1968 года, уступив республиканцу Ричарду Никсону (Richard Milhous Nixon, 1913–1994) менее 1% голосов избирателей, проиграл выборы; 20 января 1969 года Ричард Никсон вступил в должность. Через месяц, 26 февраля 1969 года, скончался глава правительства Израиля Леви Эшколь; до 17 марта и.о. премьер-министра был Игаль Алон (урожденный Пайкович, 1918–1980), а затем этот пост заняла Голда Меир.

В отличие от Леви Эшколя, с 26 июня 1963 по 1 июня 1967 года совмещавшего посты главы правительства и министра обороны, Голда Меир была от военной проблематики весьма далека. Как следствие, резко выросла ее зависимость от Моше Даяна, остававшегося министром обороны весь пятилетний срок ее пребывания в должности, до 3 июня 1974 года. Между Л. Эшколем и М. Даяном были весьма непростые отношения, которые со временем лишь ухудшались, вследствие чего глава правительства особенно тщательно следил за деятельностью министра обороны, регулярно и весьма критически обсуждая вносимые им предложения и принимавшиеся им решения⁴¹⁸. После смерти Л. Эшколя ситуация существенно изменилась: понимая, что она малокомпетентна в вопросах военной стратегии и тем более тактики, Голда Меир предоставила Моше Даяну практически неограниченную свободу действий в вопросах, относившихся к его служебной компетенции, чем министр обороны не преминул воспользоваться. Выдающийся полководец, М. Даян, однако, плохо разбирался в вопросах внешней политики, что весной и летом 1970 года обернулось для Израиля бедой.

Начав Войну на истощение, египтяне регулярно обстреливали различные цели в зоне Суэцкого канала,

---

⁴¹⁸ Об этом свидетельствовали, в частности, воспоминания военного секретаря Леви Эшколя: *Сегодня начнется война. Воспоминания бригадного генерала Исраэля Лиора* / литературная запись Эйтана Хабера (Тель-Авив: «Эйданим», 1987), в особенности стр. 272–274 и 292–293 [на иврите].

чтобы причинить как можно больше ущерба израильским силам. Они устраивали засады и минировали дорогу, шедшую вдоль канала с севера на юг по его восточному, «израильскому» берегу. В июле 1969 года египтянам удалось пробраться в израильский танковый лагерь к югу от Порт-Тауфика, в результате чего одиннадцать человек были убиты или ранены. Израильские десантники в ответ перерезали линии высокого напряжения между Асуаном и Каиром, атаковали плотину у Надж-Хамади, пост между Идфу и Каиром и египетские береговые базы в Рас-Адабии на западном берегу Суэцкого канала; погибли 29 египетских солдат. 24 мая 1969 года израильтяне сбили американской ракетой «Хоук» класса «земля-воздух» египетский истребитель МиГ-21. 19 июля 1969 года израильские силы атаковали и захватили Зеленый остров, искусственный остров-крепость на севере Суэцкого канала, построенный для защиты подступов к нему. Защитники-египтяне понесли тяжелые потери, но и израильтяне потеряли убитыми и ранеными шестнадцать бойцов. Затем отряд десантников подорвал форт и укрепления и вернулся на свою базу⁴¹⁹.

С военной точки зрения наиболее важным изменением израильской стратегии в июле 1969 года было решение бросить в бой военно-воздушные силы. Воздушные операции Израиля вызвали соответствующую реакцию авиации Египта, и над Суэцким каналом развернулись воздушные бои. Менее чем за два месяца военно-воздушные силы Израиля выполнили более

---

⁴¹⁹ Хаим Герцог, *Арабо-израильские войны*, том 2, стр. 32.

тысячи боевых вылетов; израильтяне сбили 21 египетский самолет и потеряли три.

Тем временем в районе Суэцкого канала стрельба снайперов, рейды, засады и артобстрелы увеличивали число жертв с обеих сторон. Наиболее тяжелые бои имели место 8–11 сентября 1969 года, когда израильтяне разрушили 12 египетских аванпостов и станций предупреждения; египтяне потеряли около ста бойцов убитыми и ранеными. Но египтяне продолжали проводить десантные рейды на восточном берегу канала; не прекращались артиллерийские дуэли. Израильтяне провели ряд глубоких рейдов; наиболее внушительным был налет на радарную станцию у Рас-Араб на западном берегу Суэцкого залива 26–27 декабря 1969 года (операция «Тарнеголь-53»), в ходе которого израильтяне захватили и увезли с собой оборудование общим весом в семь тонн, в частности, исправную советскую радиолокационную станцию П-12, которая была доставлена в Израиль и тщательно изучена⁴²⁰. Приобретенный таким образом новейший тип советского радара оказал большую помощь Израилю и западным державам (а похищенная станция П-12 была одолжена для изучения американцам) в организации и ведении радиоэлектронной войны. Руководившей операцией «Тарнеголь-53» главный офицер десантных войск Рафаэль Эйтан в 1978 году был назначен начальником Генерального штаба Армии обороны Израиля.

---

⁴²⁰ Об этой операции см.: Хаим Надаль, *Смелый побеждает* (Тель-Авив: «Модан», 2015), стр. 116–124 [на иврите].

Дерзкие рейды израильтян вывели из равновесия не только египетское военное командование, но и политическое руководство страны; становился очевидным эффект массированных налетов израильской авиации. Египтяне использовали систему противовоздушной обороны, основанную на советских зенитных ракетах, но израильская авиация неоднократно бомбила их. Израильские самолеты стали наносить удары и по удаленным египетским объектам в тылу. Это заметно влияло на общественное мнение в Египте, и Г.А. Насер не без оснований был озабочен возможными последствиями для своего режима.

Война на истощение была начата Египтом вопреки соглашению о прекращении огня, достигнутому после окончания Шестидневной войны. С июля по сентябрь 1969 года Израиль добился абсолютного господства в воздухе в результате воздушных боев. В последующие месяцы были разрушены египетские ракетные системы ПВО и радарные станции, что позволило израильским самолетам свободно летать в небе противника. Однако бывший министр обороны Израиля Моше Даян считал, что и этого мало, настаивая на том, что Израиль должен добиться в Войне на истощение уверенной и однозначной победы. Начиная с 7 января 1970 года израильские ВВС атаковали как военные сооружения в окрестностях Каира (жители египетской столицы зачастую слышали сирены воздушной тревоги) и других городов, так и вторую линию египетских войск, то есть резервные соединения и части, не вовлеченные непосредственно в битвы на Суэцком канале. В начале 1970 года усилились бои, участились рейды с

обеих сторон, артобстрелы шли во всех секторах фронта. 22 января 1970 года израильские части атаковали и заняли остров Шадуан в 20 милях от Шарм-аш-Шейха. В ходе боев были убиты двадцать египетских солдат, многие были взяты в плен; были пущены ко дну два египетских катера. Израильтяне потеряли трех человек убитыми, еще шесть были ранены.

Моше Даян, к сожалению, не осознавал, что Советский Союз не был готов позволить Египту проиграть вторую войну подряд. *Чем интенсивнее становились израильские атаки и бомбардировки, тем более настойчиво Г.А.Насер просил у Советского Союза оказать ему военную поддержку, и эти просьбы удовлетворялись одна за другой.* При этом США поддерживали Израиль поставками оружия в несравнимо меньшей степени, чем Советский Союз поддерживал Египет, дипломатически же США, как и СССР, устами президента Ричарда Никсона и госсекретаря Уильяма Роджерса требовали полного вывода израильских войск со всей территории Синайского полуострова⁴²¹. Ни о каком паритете великих держав в их отношениях со «своими» ближневосточными «клиентами» говорить невозможно.

Чем больше советского оружия поставлялось в Египет и чем шире распространялось в этой стране советское влияние, тем больше беспокоились американцы – и тем сильнее они давили на Израиль, чтобы он прекратил действия, способствовавшие

---

⁴²¹ См.: Алек Д. Эпштейн, *Ближайшие союзники? Подлинная история американо-израильских отношений*, том I, стр. 262.

усилению советского проникновения на Ближний Восток. Тогдашний посол СССР в США Анатолий Добрынин (1919–2010) свидетельствовал в своих мемуарах: «Вопросы ближневосточного урегулирования довольно активно стояли в повестке дня советско-американских отношений в 1970 году. Администрация [президента Никсона] преследовала цель: ограничить советские военные поставки в арабские страны и одновременно не допустить распространения советского влияния в этом регионе»⁴²². Позиция руководителей Советского Союза состояла в том, что отправка оружия в Египет – ответ на просьбу этой страны, которая бессильна перед атаками израильской армии. Американцы, поэтому, требовали от Израиля эти атаки если и не прекратить вообще, то всячески ограничить, чтобы не давать Советскому Союзу легитимацию его военного присутствия. Чем ближе, как казалось Моше Даяну, была победа, тем на самом деле она становилась от Израиля дальше.

Уже 14 июня 1967 года в Египет прибыла эскадрилья бомбардировщиков Ту-16, в октябре того же года – 100 истребителей МиГ-21, 50 – МиГ-19, 60 – Су-7 и 20 бомбардировщиков Ил-28. Эти внушительные поставки современной военной авиатехники не создали, однако, для Израиля непреодолимых препятствий, вследствие чего возникло ошибочное ощущение, что уверенная победа может быть достигнута, причем скоро. Ни Моше Даян, ни

---

⁴²² См.: Анатолий Добрынин, *Сугубо доверительно: посол в Вашингтоне при шести президентах США* (Москва: «Международные отношения», 1997), стр. 194.

другие представители израильского генералитета явно не ожидали того ответного хода, который сделал Г.А. Насер.

По воспоминаниям тогдашнего советского посла в Каире, «египетское небо было плохо защищено от вражеской авиации. Президент Насер принял решение “секретно” посетить Москву для переговоров с руководителями нашей страны. На переговорах на самом высоком уровне [в декабре 1969 года] он обрисовал трудности Египта, находящегося как бы в положении “ни войны, ни мира”, признал, что египетские вооруженные силы, видимо, еще не готовы для крупных наступательных операций, им еще предстоит хорошо овладеть сложной современной военной техникой. Но налеты авиации Израиля становятся все более разрушительными. Для населения страны, и для экономики, и для подготовки вооруженных сил нужна надежная противовоздушная оборона. Он обратился с просьбой срочно прислать из Советского Союза современные ракетно-зенитные установки ПВО, а на время подготовки в Советском Союзе египетских расчетов (на это требуется не менее двух лет) направить в Египет советский военный персонал. Таким образом, речь шла теперь не о советниках-учителях, а об армейских расчетах для ведения боевых действий.

Два дня шло сложное и многоплановое обсуждение просьбы Насера. Наконец, решение, положительное для Египта, было принято. В нашей стране была специально создана дивизия ПВО под командованием генерал-майора А.Г. Смирнова. Ее задача состояла в надежном прикрытии главных центров Египта – Каира, Александрии, Асуана. Египетская сторона должна была обеспечить

строительство сооружений для размещения зенитно-ракетных комплексов, укрытий и жилья для персонала, охрану боевых позиций и обеспечение безопасности советского персонала и т.п. Дивизия должна была по возможности скрытно прибыть в Египет и занять боевые позиции»⁴²³. Операция получила кодовое название «Кавказ». В ходе подготовки к ее осуществлению были в негласном порядке сформированы 18-я особая зенитно-ракетная дивизия, 135-й истребительный авиационный полк и 35-я отдельная истребительная авиационная эскадрилья. Дивизия ПВО прибыла вместе с бомбардировщиками-ракетоносцами и самолетами МиГ-25 (для маскировки они назывались М-500) с советскими экипажами. Алексей Смирнов (1923–2012) оставался командиром 18-й особой зенитно-ракетной дивизии, развернутой в Египте, до 1971 года; позднее он дослужился до звания генерал-полковник.

Главкомандующий войсками ПВО СССР маршал Павел Батицкий с группой генералов вылетели в Египет для проведения рекогносцировки и выбора элементов боевых порядков частей и подразделений дивизии. Маршал П.Ф. Батицкий лично побывал практически на всех местах выбранных огневых позиций каждого зенитно-ракетного дивизиона, утверждая или отвергая их⁴²⁴. Созданием противовоздушной обороны Египта

---

⁴²³ Владимир Виноградов, «К истории советско-египетских отношений» // *Тогда в Египте...*, стр. 14–15.

⁴²⁴ Алексей Смирнов, «Операция “Кавказ”: в гуще событий» // *Тогда в Египте...*, стр. 22.

непосредственно руководил первый заместитель главкома ПВО генерал-полковник (с апреля 1970 года – генерал армии) Афанасий Щеглов (1912–1995), в 1968 году руководивший взятием под контроль системы противовоздушной обороны Чехословакии. 2 января 1970 года состоялась встреча советских офицеров во главе с П.Ф. Батицким и А.Ф. Щегловым с президентом Египта Г.А. Насером и новым вице-президентом А. Садатом.

На рубеже 1969/1970 годов в Египет были направлены советские зенитно-ракетные комплексы вместе с их расчетами. Это были регулярные подразделения с персоналом, состоявшим из хорошо подготовленных советских солдат и офицеров. Для того, чтобы успешно выполнять боевые задачи и не иметь потерь личного состава, впервые в практике действий войск ПВО для каждого зенитно-ракетного дивизиона был выделен взвод непосредственного прикрытия. В состав этого взвода входило четыре «Шилки» (радиолокационный боевой комплекс, состоящий из радиолокатора и счетверенной огневой установки скорострельностью тысяча выстрелов в минуту на один ствол) и отделения переносных зенитно-ракетных комплексов «Стрела-2»⁴²⁵.

Первые подразделения советского воинского контингента прибыли 5 и 8 марта 1970 года в порт Александрия на теплоходах «Роза Люксембург» и «Георгий Чичерин». Это были дивизионы советских

---

⁴²⁵ Алексей Смирнов, «Операция “Кавказ”: в гуще событий», стр. 25.

зенитчиков под командованием генерала А.Г. Смирнова и полки истребительной авиации под командованием генерала Г.У. Дольникова (1923–1996). Корабли и далее в основном прибывали из черноморских портов СССР в Александрию; ночами их разгружали, технику перекрашивали и грузили на тягачи. «Специалисты переодевались тут же: у каждого из них имелся с собой вещмешок, в котором лежали тропическая форма без погон, полотенце, столовый прибор, сухой паек»⁴²⁶.

В Израиле, однако, всё это ни для кого не было секретом: уже на заседании Генерального штаба, прошедшем 16 февраля 1970 года, глава Военной разведки доложил о поставках из СССР в Египет наиболее современных ракет «земля–воздух»⁴²⁷. Вместе с тем, точные масштабы советского вовлечения не были известны. Генерал в отставке Хаим Герцог, возглавлявший Военную разведку в 1959–1962 годах, писал в своей выпущенной в начале 1980-х годов книге: «К середине февраля [1970 года] в Египет прибыло полторы тысячи советских военных специалистов. Они привезли компоненты новейшей системы ПВО, включающей новые ракеты – более эффективные, чем их предшественницы, которые были размещены и в зоне канала, и в тылу Египта. Их обслуживали не египетские, а советские военные. Всего в Египте было расквартировано

---

⁴²⁶ Анатолий Егорин, «Записки корреспондента АПН», стр. 50–51.

⁴²⁷ См.: Протокол заседания Генштаба ЦАХАЛа 8/70, цит. по: Шимон Голан, *Война на прекращение истощения*, стр. 163.

пятнадцать тысяч советских солдат и офицеров: они были заняты в системе ПВО, обслуживали ракетные установки и базы ВВС, охраняли глубокий тыл Египта с помощью ракетных установок, а затем сели и за штурвалы самолетов. Так возникла ситуация, при которой проникновение израильских ВВС в воздушное пространство Египта могло привести к столкновению с советскими войсками»⁴²⁸. Насколько известно по опубликованным к настоящему времени материалам, всего в Египет были направлены (не все они служили там одновременно) 32 тысячи советских солдат и офицеров⁴²⁹.

Это была совершенно новая реальность, которую никто в Израиле не предвидел и к которой никто не готовился. 2 и 9 марта 1970 года в Генеральном штабе при участии Моше Даяна прошли обсуждения положения на египетско-израильском фронте, и протоколы свидетельствуют, что *никто* из выступавших не высказал предположений о том, что израильской армии предстоит через считанные недели оказаться лицом к лицу с советскими военными, пусть и одетыми в египетскую военную форму⁴³⁰. Однако уже на следующем совещании,

---

⁴²⁸ Хаим Герцог, *Арабо-израильские войны*, том 2, стр. 38–39.

⁴²⁹ В.А. Яременко, А.Н. Почтарев и А.В. Усиков, «Вооруженные конфликты Египта с Израилем (1967–1974 гг.)» // *Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века*, под ред. В.А. Золотарева (Москва: Институт военной истории Министерства обороны РФ, 2002).

⁴³⁰ Протоколы заседания Генштаба ЦАХАЛа 10/70 и 11/70, см.: Шимон Голан, *Война на прекращение истощения*, стр. 161–162.

прошедшем в доме министра обороны 14 марта 1970 года, глава Военной разведки указал, что в Египет прибыли три эскадрильи советских самолетов, вероятнее всего – с советскими летчиками за их штурвалами⁴³¹. Советские руководители, не объявляя Израилю войну, направили значительный воинский контингент для ведения боевых действий против еврейского государства – и это привело к кардинальному изменению ситуации на фронте, что имело и серьезные внешнеполитические последствия. *В Израиле надеялись, что поражение в начатой им самим Войне на истощение подтолкнет Г.А.Насера к пониманию неизбежности ведения переговоров о мирном урегулировании с Израилем как единственного пути обеспечения безопасного сосуществования, но случилось по-другому: военная помощь Советского Союза лишила руководителей Египта последних остатков мотивации к политическому диалогу с еврейским государством.*

В феврале 1970 года в воздушных боях было сбито восемь египетских и два израильских самолета. В марте бои интенсифицировались, и в них египтяне потеряли двенадцать самолетов. В засадах, устроенных египтянами на израильском берегу Суэцкого канала, погибли восемнадцать израильтян, еще шестеро были ранены, а шесть других взяты в плен. За три весенних месяца – март, апрель и май 1970 года – были убиты 64 израильских солдата, еще 149 были ранены.

---

⁴³¹ См.: Шимон Голан, *Война на прекращение истощения*, стр. 166.

Многолетний посол СССР в США А.Ф. Добрынин весьма лаконично описывал свои контакты с американскими дипломатами, не входя в суть того, что он им говорил: «В начале февраля [1970 года] заместитель госсекретаря Сиско (Joseph Sisco, 1919–2004), который занимался ближневосточными проблемами, передал мне послание Никсона Косыгину по Ближнему Востоку. Никсон призывал к ограничению поставок оружия в этот район, а в конце послания выразил готовность администрации продолжать совместные усилия по достижению мира на Ближнем Востоке. Спустя месяц на встрече с госсекретарем Роджерсом я изложил соображения Советского правительства по ближневосточному урегулированию»⁴³².

В соответствующем томе по истории внешней политики США, посвященном советско-американскому диалогу по Ближнему Востоку, опубликованы протоколы бесед А.Ф. Добрынина как с У. Роджерсом, так и с Г. Киссинджером, состоявшихся в первой половине марта 1970 года. В то время протоколы эти, разумеется, не были доступны израильтянам, пусть именно об их отступлении с

---

⁴³² Анатолий Добрынин, *Сугубо доверительно*, стр. 194–195. Тщательно готовившееся с участием госсекретаря У. Роджерса, его заместителя Дж. Сиско и советника президента Г. Киссинджера послание Р. Никсона А.Н. Косыгину, переданное Дж. Сиско А.Ф. Добрынину, опубликовано в книге: *Foreign Relations of the United States, 1969–1976. Vol. XII. Soviet Union, January 1969 – October 1970* (Washington: Department of State, 2006), документ 126, pp. 374–376.

занятых в ходе Шестидневной войны территорий в этих беседах и шла речь. Тогда же, по свидетельству посла Израиля в США Ицхака Рабина, американцы проинформировали его о предложении советского посла, чтобы Израиль объявил о прекращении боевых действий в одностороннем порядке на шестьдесят дней. Американцы настаивали на том, чтобы Израиль принял это требование; через Ицхака Рабина (который свидетельствовал об этом в своих воспоминаниях), Ричард Никсон направил личное послание Голде Меир⁴³³, к настоящему времени тоже опубликованное. Действительно, в этом обращении президента США, направленном 17 марта 1970 года, говорилось: «*I would like to request that the Government of Israel terminate for a period of 60 days its air and other attacks against the UAR providing a complete cease-fire*» [«Я хотел бы просить, чтобы правительство Израиля прекратило на период 60 дней воздушные и другие атаки на ОАР, обеспечив полное прекращение огня»]⁴³⁴.

Обращает на себя внимание, однако, тот факт, что, как свидетельствуют протоколы, требование о именно двухмесячном прекращении огня Израилем на египетском фронте советской стороной не поднималось! Как следует из меморандума, подписанного Уильямом Роджерсом, А.Ф. Добрынин изложил следующую позицию (цитируется

---

⁴³³ См.: Ицхак Рабин, *Служебный блокнот*, стр. 280–286.

⁴³⁴ См.: Aide-Mémoire From President Nixon to the Government of Israel, Washington, March 17, 1970 // *Foreign Relations of the United States, 1969–1976. Vol. XII. Soviet Union, January 1969 – October 1970*, документ 24, pp. 90–92.

в переводе с английского): «Советское правительство по-прежнему считает, что ближневосточное урегулирование должно привести к справедливому и прочному миру, а не просто к неустойчивому и временному перемирию. Учитывая напряженные арабо-израильские отношения, необходима осторожная, затяжная и серьезная работа по сближению позиций сторон»⁴³⁵. Советское правительство также выразило убежденность в том, что «основной проблемой урегулирования является вывод войск и установление безопасных и признанных границ. Без точных формулировок по этим вопросам невозможно перейти к вопросу урегулирования в целом»⁴³⁶. Ни о каком двухмесячном одностороннем прекращении огня Израилем, как следует из этих документов, советская сторона не говорила, ограничившись положением о том, что «в дополнение к прекращению варварских израильских бомбардировок гражданских центров ОАР необходимы новые усилия крупных держав для достижения политического урегулирования»⁴³⁷.

В ходе встречи с Г. Киссинджером А.Ф. Добрынин обратил внимание на «опасную эскалацию военных действий Израиля против ОАР и других арабских стран»; он призвал правительство США «использовать свое

---

⁴³⁵ См.: Telegram from the Department of State to the Embassy in the Soviet Union, March 12, 1970 // *Foreign Relations of the United States, 1969–1976. Vol. XII. Soviet Union, January 1969 – October 1970*, документ 141, pp. 438–440; здесь цит. пункт 4.

⁴³⁶ Там же, пункт 11.

⁴³⁷ Там же, пункт 3.

влияние, чтобы Израиль прекратил вооруженные нападения, опасные для дела мира». Повторив, что «для прекращения эскалации военных действий на Ближнем Востоке прежде всего необходимо, чтобы Израиль предпринял практические шаги в этом направлении», посол добавил: «У нас есть основания считать, что если израильтяне прекратят свои бомбардировки ОАР, то ОАР, со своей стороны, проявит сдержанность в своих действиях, разумеется, без каких-либо официальных заявлений на этот счет»⁴³⁸. Посол попросил Г. Киссинджера довести содержание их разговора до сведения президента Р. Никсона, что и было сделано.

В результате изучения этих документов становится очевидным, что требование об именно двухмесячном прекращении огня представляло собой сугубо американскую инициативу. Учитывая, что ровно в это самое время, в марте 1970 года, проходило развертывание советского воинского контингента в Египте, вполне понятно желание советской стороны обеспечить этому процессу спокойствие, не прерываемое израильскими бомбардировками. А вот американское давление на Израиль в этих условиях ни понять, ни оправдать невозможно: Ричард Никсон фактически требовал от Израиля в одностороннем порядке обеспечить Советскому Союзу условия наибольшего благоприятствования для

---

⁴³⁸ См.: Memorandum of Conversation, Washington, March 10, 1970 // *Foreign Relations of the United States, 1969–1976. Vol. XII. Soviet Union, January 1969 – October 1970*, документ 140, pp. 433–437.

развертывания его воинского контингента в Египте, направленного туда с целью ведения боевых действий против еврейского государства.

Защитники американской позиции могут возразить, что президент США не знал о массовой переброске советских войск в Египет – и какой бы урон это ни наносило престижу американских разведывательных служб, так оно на самом деле и было. 18 февраля советник президента США по национальной безопасности Генри Киссинджер извещал Ричарда Никсона, что «мы не можем быть уверены, что Советы приняли окончательное решение прийти на помощь Насеру путем поставок большего числа и более совершенного оружия и/или прямого вовлечения их людей в военные действия»⁴³⁹. В меморандуме «Советская политика на Ближнем Востоке и Средиземноморской Африке», поданном президенту заместителем директора ЦРУ 5 марта 1970 года, говорилось дословно следующее: «После Июньской войны 1967 года советское военное присутствие в этом регионе выросло: сейчас в нескольких странах региона размещено около пяти тысяч советских военных советников». «Советский Союз ... хочет предоставить Египту

---

⁴³⁹ См.: Memorandum From the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger) to President Nixon, Washington, February 18, 1970 // *Foreign Relations of the United States, 1969–1976. Vol. XII. Soviet Union, January 1969 – October 1970*, документ 136, pp. 405–407.

эффективную оборону, но стремится также минимизировать риски своего прямого участия»⁴⁴⁰.

Этот документ является свидетельством вопиющего провала самой щедро финансируемой спецслужбы мира. В то время как тысячи и тысячи советских солдат и офицеров уже находились в Египте, ЦРУ подало президенту доклад, в котором операция «Кавказ» не упоминалась ни единым словом – и даже возможность ее проведения не предполагалась. Важно подчеркнуть, что этот абсолютно не соответствовавший реальному положению дел доклад был получен Ричардом Никсоном за двенадцать дней до того, как он направил в Иерусалим меморандум с пожеланием объявления Израилем двухмесячного прекращения огня в одностороннем порядке, и на основе этого доклада и других аналогичных аналитических материалов президент США убеждал Голду Меир, будто такой шаг послужит израильским интересам! Это же говорил послу Израиля в США Ицхаку Рабину и советник президента по национальной безопасности Генри Киссинджер. При этом когда Г. Меир и И. Рабин обращались к президенту и его советнику с просьбами о поставке новых самолетов, то те либо отвечали отказом, либо переадресовывали их в Госдепартамент, откуда, в свою очередь, 23 марта 1970 года в Иерусалим пришел ответ, гласивший, что, согласно проведенному

---

⁴⁴⁰ Цит. по подлиннику рассекреченного доклада ЦРУ президенту США: National Intelligence Estimate. *Soviet Policies in the Middle East and Mediterranean Area* (Washington, March 5, 1970), pp. 1–2.

американскими специалистами анализу, безопасность Израиля не находится под угрозой, а потому «в поставках новой военной техники в настоящее время нет необходимости»⁴⁴¹. Р. Никсон, отвечая на просьбу Г. Меир о поставке Израилю боевых самолетов, поданную 8 марта 1970 года через И. Рабина Г. Киссинджеру, мотивировал свой отказ тем, что «такое решение в настоящее время не будет служить делу мира на Ближнем Востоке – общей цели, которая имеет важное значение для долгосрочных интересов обеих наших стран»⁴⁴².

В то время как Египет получил из Москвы самые современные самолеты, зенитно-ракетные комплексы, системы ПВО, радиолокации и радиоперехвата, израильские представители слушали в Вашингтоне лекции о том, что наличие у их страны современного оружия «не будет служить делу мира»... Непонимание подлинных параметров советско-египетского военного сотрудничества президентом США было поразительным. 10 марта 1970 года он говорил в телефонном разговоре Генри Киссинджеру: «*We are not going along on a massive Israeli request. It would force the Soviets into a massive reaction including men into the UAR*» [«Мы не будем удовлетворять масштабную просьбу Израиля. Это вынудит

---

⁴⁴¹ Телеграмма из посольства Израиля в США в МИД Израиля от 23 марта 1970 г. [на иврите] // Государственный архив Израиля.

⁴⁴² См.: Letter From President Nixon to Israeli Prime Minister Meir // *Foreign Relations of the United States, 1969–1976. Vol. XXIII. Arab–Israeli Dispute, 1969–1972* (Washington: Department of State, 2015), документ 101, pp. 337–338.

Советы к массовой реакции, включая отправку людей в ОАР»]⁴⁴³. И это говорило Р. Никсоном в то время, когда контингент советских военных в Египте уже исчислялся многими тысячами человек! Как ни трудно поверить в это, но даже 10 июня 1970 года в ходе заседания Совета национальной безопасности США Р. Никсон переспрашивал директора ЦРУ Ричарда Хелмса (Richard Helms, 1913–2002), докладывавшего о размещении в Египте новейших советских зенитно-ракетных комплексов и о 3–5 эскадронах самолетов МиГ-21, пилотируемых советскими летчиками: «*Are you stating that as a fact? Are we now convinced?*» [«Утверждаете ли Вы это как факт? Действительно ли мы убеждены в этом?»]. И хотя бы в середине июня, спустя почти полгода после принятия в Москве решения о начале операции «Кавказ», директор ЦРУ ответил все еще сомневавшемуся президенту утвердительно⁴⁴⁴.

В марте – апреле 1970 года попытку встретиться с Г.А. Насером в надежде добиться изменения ситуации к лучшему предпринял многолетний руководитель Всемирного еврейского конгресса Нахум Гольдман (1895–

---

⁴⁴³ См.: Transcript of a Telephone Conversation Between President Nixon and the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger). Washington, March 10, 1970 // *Foreign Relations of the United States, 1969–1976. Vol. XXIII. Arab–Israeli Dispute, 1969–1972*, документ 96, pp. 323–325.

⁴⁴⁴ См.: Memorandum for the Record. Washington, June 10, 1970 // *Foreign Relations of the United States, 1969–1976. Vol. XXIII. Arab–Israeli Dispute, 1969–1972*, документ 124, pp. 419–432.

1982). Он родился в Польше, с раннего детства жил, а затем учился в Германии, которую благоразумно покинул уже в 1933 году, выбрав местом проживания Швейцарию. С началом Второй мировой войны Н. Гольдман сумел переехать в США, а в 1964 году получил и израильское гражданство. Будучи на протяжении многих десятилетий ведущим общественным деятелем еврейских диаспор Запада, он подчеркнуто дистанцировался от партийно-политической жизни Израиля, а его взгляды были существенно более «голубиными», чем у Д. Бен-Гуриона, М. Даяна или Г. Меир. Через редактора каирского еженедельника «Роз эль-Юсеф» капитана в отставке Ахмеда Хамруша (1921–2011), входившего в движение «Свободных офицеров» и бывшего одним из участников переворота 1952 года, Н. Гольдман договорился о том, что – при условии получения согласия на его миссию главы правительства Израиля – его примет в Каире Г.А. Насер. 23 марта Н. Гольдман вылетел из Франции в Израиль для обсуждения этого вопроса с Г. Меир, которая передала этот вопрос на рассмотрение правительства; оно, в свою очередь, 29 марта приняло решение о том, что готово на прямые переговоры с президентом Египта, но не признает Н. Гольдмана своим эмиссаром и не соглашается, поэтому, на его поездку⁴⁴⁵. Если и существовал шанс на диалог ради снижения напряженности, то он был упущен.

---

⁴⁴⁵ См.: Meir Chazan, “Golmann’s Initiative to Meet with Nasser in 1970”, in Mark A. Raider (ed.), *Nahum Goldmann: Statesman Without a State* (Albany: State University of New York Press, 2009), pp. 297–324.

Закончив размещение на земле Египта новейших зенитно-ракетных систем, советские военные перешли к следующему этапу. С 1 апреля 1970 года самолеты МиГ-21 с советскими пилотами начали патрулирование в небе Центрального Египта, защищая эти районы от воздушных атак Израиля. «Голоса русских летчиков стали обычным явлением в ближневосточном эфире. Чтобы избежать столкновений с авиацией СССР, Израиль прекратил налеты на тыловые объекты Египта», – свидетельствовал Хаим Герцог⁴⁴⁶. Увеличившееся советское военное присутствие возвратило Египту ощущение уверенности в своих силах. Самолеты наносили удары по израильским целям, а затем возвращались в места своей дислокации.

Возобновление египетских наступательных действий на фоне советской воздушной поддержки изменило картину войны. Патрулирование воздушного пространства Египта советскими летчиками вынудило израильскую авиацию ограничить свои рейды прифронтовой зоной. К июню 1970 года советские летчики имели уже более сотни боевых вылетов, но воздерживались от воздушных боев с израильтянами, которые поступали аналогично. Однако обсуждая 5 июня 1970 года ситуацию со своими советниками по внешней политике и разведке, Ричард Никсон выразил опасения в связи с тем, что военные действия, предпринимаемые Израилем, могут привести к значительному росту напряженности в американо-советских отношениях. Никаких беспокойств в отношении безопасности Израиля президент не высказал, вопросов о

---

⁴⁴⁶ Хаим Герцог, *Арабо-израильские войны*, том 2, стр. 41.

том, как и чем США могут поддержать Израиль – не задал; напротив, он отметил, что «некоторые придерживаются позиции, что мы не должны делать ничего» (в оригинале – «*The President pointed out that some maintained position that we should do nothing*»)⁴⁴⁷. Египет имел полную поддержку со стороны СССР – и военную, и политическую; Израиль же должен был рассчитывать только на собственные силы. Более того: в то время как Советский Союз после разрыва дипломатических отношений с Израилем в 1967 году не имел официальных представителей в еврейском государстве, американский поверенный в делах Дональд Бергус (Donald Bergus, 1920–1998) работал в Каире при испанском посольстве (несмотря на то, что Египет разорвал дипломатические отношения с США), откуда слал в Вашингтон телеграммы о том, что США не должны становиться «пленниками» израильских интересов...⁴⁴⁸ Д. Бергас оставался в Каире до февраля 1972 года, а затем был назначен послом в Судане.

---

⁴⁴⁷ См. рассекреченный протокол обсуждения, состоявшегося в Белом доме: Memorandum of Conversation. President's Meeting with his Foreign Intelligence Advisory Board, June 5, 1970 // *Foreign Relations of the United States, 1969–1976. Vol. XXIV. Middle East Region and Arabian Peninsula, 1969–1972* (Washington: Department of State, 2008), документ 23, pp. 79–81.

⁴⁴⁸ В связи с этим Г. Киссинджер подал жалобу Р. Никсону, см.: Memorandum From the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger) to President Nixon, July 15, 1970 // *Foreign Relations of the United States, 1969–1976. Vol. XXIII. Arab–Israeli Dispute, 1969–1972*, документ 134, pp. 466–468.

Очень вскоре боевые действия в зоне Суэцкого канала активизировались, и 25 июня 1970 года произошел первый воздушный бой между советскими и израильскими летчиками: пара МиГ-21, используя малую высоту, скрытно подошла к группе «Скайхоков», шедшей на Исмаилию, и поразила один из них ракетой Р-3С; впрочем, подбитый штурмовик сумел уйти на свою авиабазу. 27 июня произошел еще один воздушный бой, 30 июня – третий, причем в ходе него четыре советских истребителя МиГ-21 были сбиты израильскими истребителями F-4 Phantom и Mirage III, а три советских летчика погибли; в тот же день один из истребителей F-4 Phantom американского производства был впервые сбит ракетой, пущенной дивизионом советских зенитчиков. 5 июля 1970 года был сбит еще один такой самолет. 18 июля 1970 года 24 израильских «Фантома» осуществили налет на советскую зенитно-ракетную группировку. Зенитчики уничтожили два израильских самолета и подбили один, однако в процессе перезарядки пусковой установки израильский самолет, зашедший с тыла на малой высоте, сбросил на позиции дивизиона бомбы; в результате взрыва погибли восемь советских военнослужащих: С.П. Сумин, А.Г. Мамедов, А.А. Забуга, Е.Ф. Диденко, Н.В. Добижа, И.И. Наку, Н.А. Довганюк и И.А. Довганюк.

30 июля 1970 года в ходе воздушного боя четыре советских истребителя МиГ-21 были сбиты израильскими истребителями *F-4 Phantom* и *Mirage III*. Погибли носившие капитанские погоны уроженец Алтайского края Владимир Журавлев (1932–1970), уроженец Башкирии Евгений Яковлев (1933–1970) и уроженец Донецка

Николай Юрченко (1937–1970)⁴⁴⁹; насколько известно, четвертый летчик сумел катапультироваться. В Израиле эта операция, тщательно и заранее спланированная, имевшая целью заманить советские самолеты в ловушку, а затем сбить их, получила кодовое наименование «Римон 20»⁴⁵⁰; командовавший ею Авияху Бин-Нун в 1987 году возглавил военно-воздушные силы страны.

«Это была самая настоящая “горячая” война, об участии в которой наших военнослужащих и частей в советской прессе тех лет не было написано ни одной строчки», – свидетельствовал А.З. Егорин⁴⁵¹. Начальник Генерального штаба израильской армии Хаим Бар-Лев уже 30 июля встретился с редакторами ежедневных газет и достаточно подробно рассказал им о произошедшем воздушном бое, но запретив при этом (а у военной цензуры в Израиле есть такие полномочия) публиковать информацию о том, что сбитые самолеты управлялись советскими пилотами⁴⁵². Несмотря на этот запрет, 31 июля

---

⁴⁴⁹ Их – и только их – имена содержатся в дневниковой записи, сделанной лейтенантом И.А. Скобаневым вечером 1 августа 1970 г.; см.: Иван Скобанев, «Ракетный заслон» // *Ближний Восток: командировка на войну. Советские военные в Египте*, стр. 232 [впервые – «Красная звезда», 14 января 2000 г.].

⁴⁵⁰ Подробнее об этой операции и ходе воздушного боя см.: Дани Шалом, *Летающие призраки над Каиром: Военно-воздушные силы Израиля в Войне на истощение* (Ришон-ле-Цион: Музей авиации и космонавтики, 2007), стр. 1045–1069 [на иврите].

⁴⁵¹ Анатолий Егорин, «Записки корреспондента АПН», стр. 50.

⁴⁵² См.: Шимон Голан, *Война на прекращение истощения*, стр. 242–243.

в газете «Маарив» вышла небольшая статья, в которой со ссылкой на зарубежные информагентства сообщалось, что все четыре сбитых МиГа пилотировали советские летчики⁴⁵³. В египетской же печати не только ничего не публиковалось об участии в бое советских офицеров, но и утверждалось, будто все самолеты благополучно вернулись на свои базы.

В связи с резким обострением ситуации 1 августа 1970 года в Каир прилетел командующий военно-воздушными силами СССР маршал авиации Павел Кутахов (1914–1984). Насколько известно (детали, касающиеся его миссии, не обнародованы и поныне), 2 августа П.С. Кутахов отдал приказ о прекращении полетов советских летчиков в зоне Суэцкого канала.

События последующего дня в исторической литературе противоборствовавших сторон описываются крайне противоречиво. По словам генерала А.Г. Смирнова, 3 августа 1970 года были сбиты еще три и подбит четвертый самолет ВВС Израиля, а всего за период с 30 июня по 3 августа советскими зенитчиками были сбиты девять и подбиты три израильских самолета⁴⁵⁴. Об этом же свидетельствовал и командир дивизиона 18-й особой зенитно-ракетной дивизии подполковник Константин Попов (1926–2015): «Задачу мы выполнили, за один день

---

⁴⁵³ «Иностранные журналисты полагают, что четыре сбитых МиГа пилотировались русскими летчиками» // *Маарив*, 31 июля 1970 г. [на иврите].

⁴⁵⁴ Алексей Смирнов, «Операция “Кавказ”: в гуще событий», стр. 31.

уничтожив три и подбив два самолета (это группировкой из трех дивизионов). Таких потерь за один день израильская авиация [прежде] не имела»⁴⁵⁵. К.И. Попов добавил: «За проведение данной боевой операции мне было присвоено звание Героя Советского Союза»⁴⁵⁶. На сайте российского Совета ветеранов войны в Египте говорится: «3 августа состоялся последний бой советских ракетчиков и израильских летчиков. ... Всего за день было сбито пять самолетов, один был поврежден»⁴⁵⁷.

В израильских же источниках упоминается только один сбитый 3 августа самолет – *F-4E Phantom* 201-й эскадрильи; упоминается об одном погибшем – катапультировавшемся штурмане этого самолета Моше Гольдвассере (1947–1970). Причины его смерти остаются неизвестными: в Израиле были убеждены, что он умер от пыток, тогда как египтяне утверждали, что причиной смерти в ходе медицинских процедур стала остановка сердца, вызванная аллергией на анестезиологические препараты⁴⁵⁸. Раненый летчик того же самолета Игаль Шохат был египтянами успешно прооперирован; после возвращения из плена он получил медицинское образование и дослужился до должности главного врача военно-воздушных сил Израиля, а позднее стал

---

⁴⁵⁵ Константин Попов, «Дивизионы дают огня» // *Тогда в Египте...*, стр. 310.

⁴⁵⁶ Там же, стр. 311.

⁴⁵⁷ <http://hubara-rus.ru/kavkaz/boi-nad-sueczkim-kanalom.html>

⁴⁵⁸ См.: Йоав Гелбер, *Истощение. Забытая война* (Модиин: «Двир», 2017), стр. 467 [на иврите].

активистом организации «Врачи за права человека». Другой самолет F-4E той же 201-й эскадрильи, поврежденный советским ЗРК С-125 под командованием подполковника Н.М. Кутынцева (1928–2007), смог вернуться на израильский аэродром и был отремонтирован; пилот Раанан Неэман и штурман Йорам Ромем героически спасли самолет – и спаслись сами⁴⁵⁹. Данные о каких-либо других сбитых или поврежденных 3 августа самолетах в израильской научной и мемуарной литературе не приводятся.

Представляется, что сведения, изложенные в российских источниках, в данном случае являются ошибочными, а причиной их появления стали конъюнктурные внешнеполитические соображения. В середине февраля 1971 года генерал А.Г. Смирнов завершил службу в Египте и вернулся на родину, где его принял министр обороны маршал А.А. Гречко. По воспоминаниям самого А.Г. Смирнова, именно тогда он услышал от министра обороны рассказ о том, как проходила очередная встреча Л.И. Брежнева с Г.А. Насером. «Насер выразил сомнение в высоких возможностях зенитно-ракетного прикрытия. Он заявил, что “Фантомы” ракетами не сбиваются, а налеты и бомбардировки объектов и войск продолжаются. В это время министр обороны получил доклад о том, что 3 августа было сбито семь (sic!) “Фантомов”, о чем не

---

⁴⁵⁹ Подробнее о ходе этого воздушного боя см.: Дани Шалом, *Летающие призраки над Каиром: Военно-воздушные силы Израиля в Войне на истощение*, стр. 1081–1104.

замедлил доложить Брежневу во время беседы с Насером. Брежнев передал это Насеру. Тот сначала не поверил, а попросил связаться с Каиром, что и было сделано. Насер был приятно удивлен и выразил признательность Брежневу»⁴⁶⁰. Постепенно семь якобы сбитых израильских «Фантомов» превратились в пять, а пять – в три. На самом деле 3 августа советскими зенитчиками был сбит один и подбит еще один израильский самолет, летчики которого сумели, однако, его спасти.

Нельзя сбрасывать со счетов также и соображения, касавшиеся дипломатического контекста боевых действий, хотя очень сложно сказать наверняка, какова была взаимосвязь – и была ли она вообще – между воздушными боями и бомбардировками, с одной стороны, и переговорами относительно инициативы по прекращению огня, которую выдвинул госсекретарь У. Роджерс, с другой. Первый вариант его плана, озаглавленный «Прочный мир на Ближнем Востоке: американская точка зрения», был представлен 9 декабря 1969 года, но был отвергнут как египетскими, так и израильскими руководителями. План Роджерса, вопреки его названию, ни в коем случае не был сугубо «американской точкой зрения», ибо 28 октября 1969 года У. Роджерс и его заместитель Дж. Сиско встретились с послом Советского Союза в Вашингтоне А.Ф. Добрыниным и представили ему полный текст американского документа, в котором говорилось, в частности, о выводе всех израильских сил с

---

⁴⁶⁰ Алексей Смирнов, «Операция “Кавказ”: в гуще событий» // *Тогда в Египте...*, стр. 34.

Синайского полуострова⁴⁶¹. Надо сказать, что этот план в очень значительной мере предвосхитил параметры израильско-египетского мирного договора, заключенного десять лет спустя, но в декабре 1969 года правительство Голды Меир отвергло идею полного отступления с Синайского полуострова, а Г.А. Насер был и в этом случае не был готов к заключению мирного договора с Израилем.

Поскольку Египет и Израиль всё глубже сползали в пучину войны, 19 июня 1970 года Уильям Роджерс разослал в американские посольства в разных странах детали новой мирной инициативы, в которой от Израйля, Египта и Иордании требовалось полностью принять резолюцию Совета Безопасности ООН №242 и согласиться на ведение непрямых переговоров, формат которых планировал определять госсекретарь США. Цель этих переговоров была определена в американском документе как «достижение соглашения об установлении справедливого и прочного мира между ними на основе (1) взаимного признания ОАР, Иорданией и Израилем суверенитета, территориальной целостности и политической независимости друг друга и (2) вывода израильских войск с территорий, оккупированных в ходе конфликта 1967 года, в соответствии с резолюцией №242». План также содержал пункт, согласно которому «стороны будут строго соблюдать, начиная с 1 июля [1970

---

⁴⁶¹ А.Д. Эпштейн, *Ближайшие союзники? Подлинная история американо-израильских отношений*, том I, стр. 263–268.

года], по крайней мере до 1 октября [1970 года], резолюции Совета Безопасности о прекращении огня»⁴⁶².

Голда Меир настаивала на том, что мирных соглашений между сторонами невозможно достичь, если между ними не ведутся прямые переговоры, о готовности Израиля к которым она в очередной раз заявила 29 мая 1970 года на открытии летней сессии Кнессета⁴⁶³. Вместе с тем, подобно тому, как израильские официальные лица до начала апреля 1969 года участвовали в переговорах, которые вел Гуннар Ярринг, они были готовы участвовать в таковых вновь, если американцы так на этом настаивали. Ошибка госсекретаря состояла в другом: *категорически неприемлемой для правительства Израиля была увязка отступления с Синайского полуострова с аналогичными требованиями в отношении Иудеи, Самарии и Иорданской долины*. 21 июня 1970 года второй план Роджерса обсуждался на заседании правительства Израиля, где именно по этой причине был решительно отвергнут; наиболее активно против него выступал Менахем Бегин⁴⁶⁴.

Голда Меир понимала, что принятие ею второго плана Роджерса приведет к распаду возглавляемого ею

---

⁴⁶² См.: Telegram From the Department of State to Certain Diplomatic Posts, Washington, June 19, 1970 // *Foreign Relations of the United States, 1969–1976. Vol. XXIII. Arab–Israeli Dispute, 1969–1972*, документ 129, pp. 445–450.

⁴⁶³ См.: Мирон Медзини, *Голда. Политическая биография*, стр. 463.

⁴⁶⁴ См.: Ави Шилон, *Бегин*, стр. 224–226.

правительства национального единства, ибо Менахем Бегин, стоявший во главе объединенного блока Партии Свободы и Либеральной партии (имевшего после выборов в Кнессет седьмого созыва, прошедших 28 октября 1969 года, 26 мандатов в Кнессете), не мог согласиться на какую бы то ни было декларацию о готовности израильского отступления из Иудеи, Самарии и Иорданской долины. Попытки Голды Меир объяснить госсекретарю, его заместителю Джозефу Сиско и тогдашнему послу США в Израиле Уолворту Барбуру (Walworth Barbour, 1908–1982), что принятие американского плана будет означать конец ее правительства, успеха не имели. Несмотря на принятое правительством Израиля 21 июня 1970 года решение отклонить план Роджерса, госсекретарь созвал 25 июня пресс-конференцию, на которой во всеуслышание представил свою инициативу. В июле Голда Меир сочла, что ей необходимо встретиться и переговорить напрямую с президентом Ричардом Никсоном, однако когда посол Израиля в США Ицхак Рабин обратился с соответствующими запросами к Генри Киссинджеру и Джозефу Сиско, то оба они ответили ему отказом⁴⁶⁵.

Ситуация, в которой оказался Израиль, была незавидной: страна скатывалась к дипломатической изоляции, находясь при этом на новом витке эскалации на израильско-египетском фронте, где в военное противостояние оказались непосредственно вовлечены советские военнослужащие. Хотя операция 30 июля, закончившаяся четырьмя сбитыми советскими

---

⁴⁶⁵ См.: Йоав Гелбер, *Истошение. Забытая война*, стр. 465–466.

самолетами, была предварительно согласована начальником Генерального штаба и командующим ВВС с министром обороны⁴⁶⁶, нет сведений о том, что о ней была заблаговременно поставлена в известность глава правительства; на заседании кабинета эта тема, насколько можно судить, не поднималась, несмотря на ее огромное не только оперативно-тактическое, но и геополитическое значение. О воздушном бое, произошедшем 3 августа, Моше Даян проинформировал правительство лишь постфактум, на следующий день⁴⁶⁷. Однако воздушные бои, произошедшие 30 июля и 3 августа, изменили ситуацию в Войне на истощение: в Израиле не знали, какова будет реакция на произошедшее советских руководителей, и опасались худшего. В этих условиях американская поддержка из желаемой превращалась в остро необходимую, вследствие чего Голда Меир решила принять второй план Роджерса, несмотря на все сопряженные с этим риски. После этого Менахем Бегин и его соратники покинули правительство, которое, однако, все еще имело поддержку парламентского большинства.

Прекращение огня между Египтом и Израилем вступило в силу в полночь с 7 на 8 августа 1970 года. Не прошло и двух месяцев, как 28 сентября в Каире скончался Гамаль Абд эль-Насер. Эпоха, длившаяся восемнадцать лет, закончилась.

---

⁴⁶⁶ Шимон Голан, *Война на прекращение истощения*, стр. 242.

⁴⁶⁷ Йоав Гелбер, *Истощение. Забытая война*, стр. 467.

МЕЧТАЯ О РЕВАНШЕ: АНУАР САДАТ НА ПУТИ К СУДНОМУ ДНЮ

После смерти Г.А. Насера во главе страны встал Ануар Садат, с 19 декабря 1969 года бывший единственным вице-президентом страны. В отдельных публикациях т.н. «новых историков» прослеживается мысль о том, что в начальный период его правления якобы мог начаться, но не начался мирный процесс между Египтом и Израилем; в этой неудаче, как это часто бывает, в основном, винят Израиль. Утверждается, что когда А. Садат стал президентом, он будто бы был готов к повороту в отношениях с Израилем; цитируются положения его выступления перед Национальной ассамблеей Египта 4 февраля 1971 года. Постулируется, что даже тяжелейшая война в октябре 1973 года могла быть предотвращена.

Однако авторы, делающие подобные выводы, изучали не само выступление А. Садата (на арабском языке), а его *изложение* в книге, опубликованной по-английски спустя семь лет, т.е. и после кровопролитной Войны Судного дня, и после визита президента Египта в Иерусалим. В изданной в 1978 году книге А. Садата утверждалось, что в своем выступлении в Национальной ассамблее за семь лет до этого он потребовал, чтобы Израиль в течение шести месяцев отвел свои войска с восточного берега Суэцкого канала к перевалам Митла и Гидди, что позволило бы открыть для судоходства

Суэцкий канал, остававшийся закрытым с Шестидневной войны (и до июня 1975 года); как президент Египта, он пообещал перемирие на тот срок, в течение которого будет происходить вывод израильских войск⁴⁶⁸.

Однако сравнение «инициативы» А. Садата, как он описывал ее в 1978 году, с действительной речью, которую он произнес в 1971 году (эту работу провел М. Газит⁴⁶⁹), показывает, что реальное положение дел было иным. А. Садат действительно потребовал вывести израильские силы с части территорий на восточном берегу Суэцкого канала, *но это был лишь первый очерченный им этап*. «Мы требуем, чтобы период прекращения огня и вывода израильских войск с восточного берега Суэцкого канала был понят как *первый шаг* в плане, который будет установлен в целях выполнения других условий резолюции [№242] Совета Безопасности ООН». Далее же А. Садат последовательно повторил максималистские требования, много раз озвученные его предшественником: по его словам, Египет «не согласится оставить под контролем Израиля ни дюйма арабской земли» и «не поступится никакими законными правами палестинцев»⁴⁷⁰.

---

⁴⁶⁸ См.: Anwar Sadat, *In Search of Identity* (New York: Harper & Row, 1978), p. 263.

⁴⁶⁹ См.: Mordechai Gazit, “Egypt and Israel – Was There a Peace Opportunity Missed in 1971?” // *Journal of Contemporary History*, vol. 32 (1997), pp. 91–115.

⁴⁷⁰ См.: *Speeches by President Sadat. September 1970–March 1971* (Cairo: Ministry of Information, State Information Service, 1971).

Главное же состояло в том, что, в отличие от сказанного в книге 1978 года, в выступлении в Национальной ассамблее за семь лет до этого А. Садат, подчеркивая, что Объединенная Арабская Республика «неизменно привержена задаче освобождения всех территорий, занятых в ходе агрессии 1967 года», совершенно не предлагал заключить мирный договор с Израилем. Впервые А. Садат осторожно высказался о готовности заключить таковой договор в ходе встречи с представителем ООН Гуннаром Яррингом 15 февраля 1971 года. А. Садат, однако, был предельно осторожен, страхуясь предварительными условиями, которые, как он отлично знал, были заведомо неприемлемыми даже и для тогдашнего руководства Израиля (а правоцентристский блок Партии Свободы и Либеральной партии, возглавляемый Менахемом Бегиним к тому времени уже покинул правительственную коалицию). А. Садат настаивал на возвращении палестинских беженцев 1948 года и их потомков как *предварительном условии* для начала переговоров с Израилем, который также должен был согласиться вывести свои войска со всех занятых в ходе войны в июне 1967 года территорий. Г. Ярринг в подготовленном им проекте меморандума, который должен был стать базой для ведения двусторонних переговоров, ограничился требованием вывода израильских войск с Синайского полуострова, но египтяне потребовали добавить положение о том, что мир не может быть достигнут без «полного и скрупулезного выполнения резолюции №242 Совета Безопасности ООН и вывода израильских сил со всех оккупированных территорий».

4 мая 1971 года для переговоров с президентом Египта в Каир прибыли госсекретарь США Уильям Роджерс и его заместитель Джозеф Сиско. Уже после переговоров с ними А. Садат вновь выступал в Национальной ассамблее, отметив: «Вопрос открытия Суэцкого канала – не независимый вопрос, и по нему не может быть частичного решения. Это этап полного вывода израильских войск, согласно плану. ... Мы никогда не согласимся прекратить огонь, пока на нашей территории находится хоть один иностранный солдат, и это относится ко всем арабским территориям». Г. Киссинджер свидетельствовал, что А. Садат хотел достичь промежуточного соглашения, которое должно было стать первым шагом к полному выводу израильских войск; на встрече с У. Роджерсом в мае 1971 года президент Египта настаивал на обязательстве об отступлении израильской армии к границам, существовавшим до 1967 года, на всех рубежах⁴⁷¹.

Американские дипломаты тщетно стремились убедить А. Садата согласиться на *обособленное* продвижение израильско-египетского урегулирования вне контекста конфликта между Израилем, с одной стороны, и другими арабскими странами и палестинскими арабами, с другой. В надежде добиться изменения позиции президента Египта американские дипломаты вели тонкую игру, в которой желаемое выдавали за действительное; своих израильских собеседников они спрашивали о

---

⁴⁷¹ Henry Kissinger, *The White House Years* (Boston, Mass.: Little, Brown and Company, 1979), pp. 1280–1288.

готовности к тем или иным уступкам *в случае, если* Ануар Садат согласится на сепаратное мирное урегулирование. Израильские руководители в сложных дискуссиях между собой искали ответы на подобного рода вопросы, которые американские посредники, в том или ином виде, передавали в Каир. Нет, однако, никаких свидетельств того, что до Войны Судного дня А. Садат хотя бы раз прямо и недвусмысленно согласился на подписание мирного договора с Израилем *на каких бы то ни было условиях*.

Выступая в Национальной ассамблее 16 сентября 1971 года, А. Садат заявил: «[Представители] США сказали, будто Египет согласился на частичное решение. Наши взгляды по этому вопросу ясны... Мы не будем соглашаться на поэтапное урегулирование, если оно не будет частью всестороннего урегулирования». 13 января 1972 года президент Египта повторил ту же мысль: «Я представил свою инициативу ... не как урегулирование с одним только Египтом, но как первый шаг к всестороннему урегулированию на Ближнем Востоке». При этом он требовал от Израиля декларации о готовности к полному уходу со всех занятых территорий, включая Восточный Иерусалим, *как условие для начала переговоров*, на что, конечно, согласия не получил.

А. Садат не был наивным – он прекрасно понимал, что в том виде, как он сформулировал свои предложения, они точно не будут приняты Израилем. Ровно на это он, собственно, и рассчитывал. Стратегически он готовился не к миру, а к войне, которая была призвана если не стереть память о тотальном фиаско 1967 года, то хотя бы добавить к нему другую память – о доблести и героизме

победоносной египетской армии; эту память только предстояло создать. Сложно сказать, рассчитывал ли А. Садат, зная, что Израиль уже стал ядерной державой, на победу над Израилем; скорее, ему было важнее начать войну, в которой Египет не будет побежден, что позволит ему *провозгласить* себя победителем – и это, в свою очередь, должно было создать совершенно иные условия для политического диалога между двумя странами. Пожалуй, А. Садат боялся того, что Египту будет навязано что-то похожее на Версальский мир, который в 1919 году оказалась вынуждена подписать Германия. Показательны в этой связи слова, сказанные его вдовой Джихан Садат в интервью израильскому корреспонденту: «Я не соглашаюсь с теми среди нас и среди вас, кто утверждает сегодня, что Садат пытался достигнуть реального мира до 1973 года. Я полагаю, что он хотел добиться перемирия, и не больше. Садат нуждался в еще одной войне, чтобы победить – и вступить в переговоры на положении равенства. Мой муж был сторонником мира, но он не был готов вести переговоры с Израилем, когда он и наша страна чувствовали себя униженными»⁴⁷².

В наследство от Г.А. Насера А. Садат получил страну, идеологией которой был не близкий ему наднациональный панарабизм, а внешняя политика которой полностью ориентировалась на Советский Союз. 2 сентября 1971 года А. Садат вбил значительный гвоздь в крышку гроба панарабизма, переименовав страну из

---

⁴⁷² Интервью было опубликовано в израильской газете *Едиот ахронот* [«Последние известия»] 11 июня 1987 г. [на иврите].

Объединенной Арабской Республики (которая де-факто распалась еще за десять лет до этого) в Арабскую Республику Египет. А. Садат был заинтересован и в том, чтобы внешняя политика возглавляемой им страны стала менее односторонней, о чем он еще 5 марта 1971 года направил личное послание президенту США Р. Никсону. Однако ситуация оставалась на редкость абсурдной: переговоры о возобновлении судоходства вели между собой представители не Египта и Израиля, чьи армии стояли на разных берегах Суэцкого канала, а их «патроны», дипломаты СССР и США, которые по своим причинам были равно заинтересованы в скорейшем решении этого вопроса, но не могли добиться прогресса из-за неуступчивости своих «клиентов».

Ведя с различными иностранными посредниками исключительно переговоры о ведении переговоров, А. Садат де-факто получил спокойствие на израильско-египетской границе, в котором он более всего нуждался для завершения перевооружения своей армии и ее подготовки к войне. В свою очередь, именно из-за опасений новой войны израильское правительство отказывалось отвести войска дальше чем на двадцать километров от Суэцкого канала, о чем американской администрации было официально сообщено 19 апреля 1971 года. Доктрина сохранения израильского контроля над Синайским полуостровом как гарантии от египетского нападения оказалась ошибочной, но за то время в октябре 1973 года, когда там шли бои, Израиль мобилизовал резервы и остановил продвижение враждебных войск к центральным районам еврейского государства.

На момент смерти Г.А. Насера в Египте продолжал находиться внушительный контингент советских войск, который незадолго до этого в статусе главного военного советника возглавил генерал-полковник Василий Окунев (1920–1995), и это в дополнение к аппарату военного атташе, которым тогда был контр-адмирал Николай Ивлиев (1918–2015). Посол Сергей Виноградов (1907–1970) скоропостижно скончался 27 августа, т.е. ровно за месяц до смерти Г.А. Насера, не успев доработать двух дней до трех лет своего пребывания в Каире. Новый посол, однофамилец предшественника, Владимир Виноградов (1921–1997), был назначен уже при А. Садате. Весь сентябрь 1970 года руководителем советской дипломатической миссии в Каире был временный поверенный в делах Владимир Поляков (1931–2002), который впоследствии дважды – в 1974–1983 и 1990–1995 годах – занимал пост посла в Египте. В беседе с прибывшим на похороны Г.А. Насера А.Н. Косыгиным А. Садат (по словам присутствовавшего на их встрече В.М. Виноградова) несколько раз подчеркнул, что дружба с Советским Союзом, которую он охарактеризовал как «наследие Насера», еще более укрепит⁴⁷³. Однако посол свидетельствовал о «фактически антинасеровском курсе Садата»⁴⁷⁴, который своим указом 28 марта 1971 года без объяснения причин снял ближайшего соратника Г.А. Насера Али Сабри с поста вице-президента; в мае того

---

⁴⁷³ Владимир Виноградов, *Египет: От Насера к Октябрьской войне* [1975] (Москва: Институт востоковедения, 2012), стр. 25.

⁴⁷⁴ Там же, стр. 31.

же года своих должностей лишился ряд высших руководителей, в том числе министр внутренних дел, председатель Национальной ассамблеи и военный министр. В написанных уже после завершения его работы в Каире воспоминаниях В.М. Виноградов отмечал «придирчивые замечания» в адрес СССР, исходившие от нового президента, «главным образом по военным вопросам»; показательно упомянутое послом одно из них: что будто бы «состояние “ни мира, ни войны” с Израилем выгодно лишь Советскому Союзу»⁴⁷⁵. В.М. Виноградов указывал, что «Садат ни разу не принял для доклада главного советского военного советника [В.В. Окунева], несмотря на мои неоднократные предложения об этом»⁴⁷⁶. Хотя 27 мая 1971 года в Каире был триумфально подписан Договор о дружбе и сотрудничестве между Египтом и Советским Союзом, а в феврале 1972 года А. Садат посетил Москву, где был принят Л.И. Брежневым, уже в июле 1972 года в ходе очередной встречи с советским послом А. Садат «внезапно с большим раздражением попросил передать в Москву без всякой мотивировки, что отказывается от услуг советских военных в Египте. Ни слова благодарности за их самоотверженный труд, ни слова о причинах этого неожиданного и необъяснимого решения... В тоне высказываний президента не было и тени сотрудничества, свое “решение” он сопровождал язвительными замечаниями по поводу советских военных»⁴⁷⁷.

---

⁴⁷⁵ Там же, стр. 30.

⁴⁷⁶ Там же, стр. 33.

⁴⁷⁷ Там же, стр. 44.

В Израиле это решение президента Египта, принятое вследствие существенного продвижения его диалога с американцами, было истолковано как значительно снижавшее шанс на вспышку боевых действий, которые, как казалось очевидным, египетская армия не начнет, не имея полномасштабной советской поддержки, как она ее имела в ходе Войны на истощение. Израильтяне при этом не знали, в какой мере американские власти – и лично Генри Киссинджер, к которому, ввиду его еврейского происхождения, Голда Меир и тогдашний посол Израиля в США Ицхак Рабин испытывали высочайшую степень доверия, – были готовы выстраивать отношения с Египтом (остававшиеся разорванными – американские интересы в этой стране представляло посольство Испании) за их счет. Встречаясь 27 июня 1972 года с египетским дипломатом Ашрафом Гхорбалом (1925–2005), тогда работавшим в Вашингтоне в посольстве Индии, представлявшей интересы Египта в США, Генри Киссинджер сказал: «Мы не поддерживаем тот факт, что Израиль владеет Синаем. Нам нужна формула для возвращения Израилем Синая. США готовы оказать давление на Израиль. ... Важно, чтобы Израиль вернул Синай». Советник президента по национальной безопасности добавил: «Мы не заинтересованы в том, чтобы пребывать в конфликте с Египтом. Если мы можем нормализовать отношения с Пекином, то почему не можем сделать это с Каиром?»⁴⁷⁸.

---

⁴⁷⁸ См.: Memorandum of Conversation // *Foreign Relations of the United States, 1969–1976. Vol. XXIII. Arab–Israeli Dispute, 1969–1972*, документ 296, pp. 1015–1019.

Г. Киссинджер смотрел вперед и оказался прав: подобно тому, как в феврале 1972 года Р. Никсон стал первым президентом США, посетившим КНР, в июне 1974 года он стал первым американским руководителем, посетившим Египет. «Садат устроил ему грандиознейшую встречу, которую не устраивал ни одному из иностранных деятелей, посещавших Египет, – свидетельствовал посол В.М. Виноградов. – Послушная полиция и Арабский социалистический союз вывели на улицы около двух миллионов человек! Никсон был награжден высшим государственным орденом страны – “Ожерелье Нила”»⁴⁷⁹.

Как свидетельствуют рассекреченные к настоящему времени документы, в ходе встречи с глазу на глаз с президентом Р. Никсоном 25 июля 1972 года Генри Киссинджер сделал весьма проницательный анализ действий А. Садата: «У него может быть три основных мотивации. Во-первых, он может шантажировать русских, ... чтобы они дали ему оружие и боеприпасы [того качества и количества, что он требует]. ... Вчера он выступил с речью, сказав, что русские слишком осторожны.

Никсон: Я видел, да, он шантажировал русских.

Вторая возможность состоит в том, что он хочет сделать шаг навстречу нам. ... Мы предвидели, что если египтяне будут серьезно недовольны их отношениями с русскими, они будут вынуждены обратиться к нам». В этот момент разговора советник напомнил президенту о контактах представителя президента Египта (его имя американцы не

---

⁴⁷⁹ Владимир Виноградов, *Египет: От Насера к Октябрьской войне*, стр. 111.

рассекретили до сих пор!) с директором ЦРУ Ричардом Хелмсом (Richard Helms, 1913–2002)⁴⁸⁰, после чего продолжил: «Третья возможность – и самая тревожная – состоит в том, что он избавляется от русских, чтобы он мог напасть на израильтян, заставив русских поддержать его.

Никсон: Вот это меня беспокоит.

*Киссинджер: Это беспокоит меня более всего»*⁴⁸¹.

Чуть больше года спустя события развивались именно по этому, третьему, сценарию – и как верно предвидел Г. Киссинджер, несмотря на факт изгнания А. Садатом советских специалистов и принятое без согласования с Москвой решение о начале боевых действий (о чем ясно свидетельствовал советский посол в Каире⁴⁸²), напав на Израиль, А. Садат получил от Москвы полную военную и дипломатическую поддержку. Отвечая на критику, высказанную в книге «Дорога к Рамадану» Мухаммедом Хейкалом, В.М. Виноградов настаивал: «Правда о позиции Советского Союза состоит в том, что он помог арабам добиться внушительной демонстрации своих потенциальных возможностей, т.е. победы в военно-

---

⁴⁸⁰ См.: Memorandum From Director of Central Intelligence Helms to the President's Assistant for National Security Affairs // *Foreign Relations of the United States, 1969–1976. Vol. XXIII. Arab–Israeli Dispute, 1969–1972*, документ 299, pp. 1024–1025.

⁴⁸¹ См.: Conversation Between President Nixon and the President's Assistant for National Security Affairs // *Там же*, документ 300, pp. 1025–1026.

⁴⁸² Владимир Виноградов, *Египет: От Насера к Октябрьской войне*, стр. 50–52 и 164–165.

политическом смысле, и спас арабов, когда военное счастье повернуло против них; Советский Союз в духе разрядки пытался сотрудничать с США в деле разрешения ближневосточного конфликта, но и не побоялся пойти на риск конфронтации, когда вырисовывалась реальная угроза военного разгрома арабов»⁴⁸³.

Этот вывод представляется абсолютно верным, удивительно другое: план А. Садата, точно понятый Г. Киссинджером, сработал идеально; и СССР, и США, и Израиль оказались заложниками развития ситуации ровно по тому сценарию, который считал для себя наиболее удобным и соответствовавшим его интересам А. Садат. Советский посол в Египте жаловался на то, что детали египетско-американских переговоров на высшем уровне оставались ему неизвестными: «Садат так ни разу и не ознакомил хотя бы с одним текстом посланий [его – Никсону или Никсона – ему]»⁴⁸⁴. В.М. Виноградов писал о вероломстве А. Садата с редкой для дипломата откровенностью: «Линия Садата ... состояла в том, чтобы ... отойти от глубоких связей и вернуться к политике использования Советского Союза в своих целях. Поэтому все концентрировалось им на двух вопросах – поставке оружия и экономической помощи, причем главным образом на оружии»⁴⁸⁵. Однако, несмотря на всё это, в октябре 1973 года Советский Союз однозначно и безоговорочно играл по партитуре, написанной в Каире.

---

⁴⁸³ Там же, стр. 160.

⁴⁸⁴ Там же, стр. 108.

⁴⁸⁵ Там же, стр. 111–112.

В Израиле в деталях знали о военных маневрах и приготовлениях как египетских, так и сирийских сил к войне. Разведка оперативно сообщила и о том, что 24 сентября 1973 года военный министр Египта Ахид Исмаил Али (1917–1974) лично побывал на линии прекращения огня между Израилем и Сирией; на этой линии не было естественного препятствия (такого, как Суэцкий канал, с 1967 года разделявший израильские и египетские войска), а потому, чтобы начать войну, сирийцам было достаточно включить моторы танков и начать движение вперед. *Проблемой Израия стала не нехватка информации, а ее неверный анализ:* руководитель Военной разведки Эли Зеира отстаивал точку зрения, согласно которой, хотя на оперативно-тактическом уровне армии Египта и Сирии постоянно улучшали свою оснащенность и боеготовность, на политико-стратегическом уровне решение о нападении на Израиль не принято – и в обозримой перспективе принято не будет. 30 сентября 1973 года заместитель начальника Генерального штаба израильской армии Исраэль Таль (1924–2010), прежде командовавший бронетанковыми войсками, встречался с Эли Зеирой и его заместителем Арье Шалевом (урожденный Фридландер, 1926–2011), аргументировано доказывая им, что собранные самой разведкой данные об изменениях в расположении войск Египта и Сирии ясно свидетельствуют о подготовке к скорой войне, но его предупреждения были отвергнуты⁴⁸⁶.

---

⁴⁸⁶ Зеэв Шиф, *Землетрясение в октябре. Война Судного дня* (Тель-Авив: «Наша библиотека», 1975), стр. 8 [пер. с иврита].

Ключевое заседание руководителей правительства, на котором обсуждалась вероятность скорого нападения арабских стран на Израиль, состоялось 3 октября 1973 года; 4 и 5 октября заседаний не было, следующее состоялось уже утром 6 октября, за считанные часы до того, как Израиль подвергся нападению. На заседании 3 октября Эли Зеира отсутствовал, а Арье Шалев представил министрам следующий анализ ситуации: «Наихудшая возможность – это тотальная война как с Сирией, армия которой может быстро перейти от обороны к наступлению, так и с Египтом, который может начать ее под прикрытием учений. Можно ли ожидать такого развития событий? Насколько мне известно и насколько я могу судить, Египет считает, что он еще не готов начать войну, поэтому возможность египетско-сирийской совместной войны [против нас] не кажется мне реальной. 10 октября там уже освобождают резервистов»⁴⁸⁷. Очень трудно поверить, но это сказано за трое суток до начала войны!

Вооруженные силы Египта и Сирии внезапным и совершенно неожиданным нападением застали израильские войска врасплох на тех самых территориях, которые они захватили у этих стран в ходе Шестидневной войны. Впервые израильская Военная разведка не выполнила свою основную миссию, не сумев предвидеть начало боевых действий⁴⁸⁸.

---

⁴⁸⁷ Протокол заседания правительства Израиля от 3 октября 1973 г. [на иврите] // Государственный архив, Иерусалим.

⁴⁸⁸ Ден Равив и Йосси Мелман, *История разведывательных служб Израиля*, стр. 251.

Во многих публикациях утверждается, что это будто бы произошло вследствие «концепции», возникшей в обстановке эйфории после ошеломляющей победы Израиля в Шестидневной войне 1967 года. Согласно этой «концепции», арабы никогда не начнут большой войны, поскольку понимают, что они не смогут ее выиграть, что израильтяне уверенно разгромят их войска и войдут в Каир и Дамаск. Как уже говорилось в конце девятой главы настоящей монографии, после Шестидневной войны этой «концепции» не было, напротив: достаточно сказать, что именно в 1968–1969 годах огромные усилия и средства были вложены в создание оборонительной линии вдоль восточного побережья Суэцкого канала, на новой границе Израиля и Египта, получившей название «линии Бар-Лева», по имени тогдашнего начальника Генерального штаба израильской армии. *До 1967 года ничего похожего на «линию Бар-Лева» не было создано Израилем ни на одной из своих границ, и если бы на самом деле существовала уверенность в том, что Египет не осмелится напасть на Израиль, то страна, еще не до конца расселившая барачные поселки новых иммигрантов, не потратила бы более трехсот миллионов долларов на фортификационные сооружения подобного рода. Данная «концепция» возникла не после Шестидневной войны, а в июле 1972 года, с изгнанием А. Садатом советских военных. Поскольку в Шестидневной войне египетская армия была Израилем сметена, а вот рядившихся под египтян советских военных победить в ходе Войны на истощение Израиль не сумел, то факт их эвакуации как раз и стал «доказательством» того,*

что войны не будет, ведь египтяне – не самоубийцы, без советских солдат и офицеров они в противостоянии с Израилем обречены; это, в частности, услышал от своих израильских собеседников в мае 1973 года неоднократно интервьюировавший А. Садата редактор журнала *Newsweek* американский журналист бельгийского происхождения Арно де Борчгрейв (Arnaud de Borchgrave, 1926–2015). То, что сразу же понял Генри Киссинджер, и что он еще в конце июля 1972 года обсуждал с Ричардом Никсоном («самая тревожная возможность состоит в том, что Садат избавляется от русских, чтобы он мог напасть на израильтян, заставив русских поддержать его»), непосредственно до дня начала войны не осознавала израильская Военная разведка, и с ее руководителями не спорили ни Моше Даян, ни Голда Меир.

Большое значение в этой связи имели события, произошедшие в предшествующие месяцы, с апреля по август 1973 года. В апреле израильская разведка получила предостережение о том, что Египет вскоре может напасть на Израиль; называлась и конкретная дата – 19 мая. 18 апреля 1973 года в доме Голды Меир прошло совещание, в котором приняли участие только наиболее близкие ей члены правительства, а также руководители армии и Военной разведки. В ходе этого совещания Эли Зеира в деталях описал, какими многогранными возможностями сбора информации в Египте обладала в то время израильская Военная разведка, отметив, что в случае, если египтяне примут решение о начале войны, информация об этом будет получена и доложена заблаговременно, и у военно-политического руководства будет несколько дней

для того, чтобы сорганизоваться наилучшим образом. Эли Зеира оценил шансы на то, что Египет нападет на Израиль, в менее чем 20% ⁴⁸⁹. Начальник Генерального штаба Давид Элазар (1925–1976), как и глава Службы внешней разведки «Моссад» Цви Замир, в 1962–1964 годах бывший командующим войсками Южного военного округа, к ведению которого относилась вся линия границы между Израилем и Египтом, не разделяли уверенность Эли Зеиры; они убедили министра обороны Моше Даяна подписать приказ о внеплановом массовом призыве резервистов, что и было сделано 17 мая 1973 года. Была объявлена максимальная боевая готовность. По распоряжению генерала армии Д. Элазара командование как сухопутных войск, так и военно-воздушных сил разработало и представило уточненные и обновленные планы подготовки к войне как на сирийском (северном), так и на египетском (южном) фронте; все планы базировались на том, что информация о грядущей войне будет передана войскам как минимум за 48 часов до ее начала⁴⁹⁰. Мобилизационные мероприятия были весьма дорогостоящими и тяжким бременем легли на бюджет страны, но ничего не произошло, Израиль не подвергся нападению. После почти трех месяцев ожидания 12 августа 1973 года предвоенная боеготовность была отменена. Всё это укрепило статус главы Военной

---

⁴⁸⁹ Мирон Медзини, *Голда. Политическая биография*, стр. 523.

⁴⁹⁰ См.: Ури Бар-Йосеф, *Задремавший часовой. Сюрприз Войны Судного дня и его истоки* (Лод: издательство «Змора-Бейтан», 2001), стр. 189 [на иврите].

разведки Эли Зеира как человека, чей прогноз оказался верен и точен, тогда как главы Генштаба и «Моссада» выглядели паникерами, чьи беспричинные опасения дорого обошлись экономике и обществу. Когда в конце сентября – начале октября эти же люди вновь выдвинули те же опасения, то, несмотря на занимаемые ими высокие посты, и уставшая Голда Меир, отметившая в мае 1973 года 75-летие, и Моше Даян слушали их с некоторым недоверием, не желая повторять майскую ошибку⁴⁹¹. *Свидетельства о том, что Египет и Сирия готовятся к войне, в октябре воспринимались сквозь призму весеннего опыта: они были расценены как дезинформационные акции, направленные на то, чтобы побудить Израиль вновь впустую проводить сложные и дорогостоящие мобилизационные мероприятия.*

Позднее во многих книгах и статьях цитировались те или иные воинственные речи А. Садата, произнесенные за считанные дни и недели до нападения на Израиль (в т.ч. 28 сентября 1973 года); авторы этих публикаций выражали изумление тем, что руководители еврейского государства игнорировали ясные угрозы, которые гласно и открыто высказывались президентом Египта. Надо, однако, понимать, что подобные угрозы и А. Садат, и Г.А. Насер высказывали регулярно на протяжении десятков лет, но нападение 6 октября 1973 года стало первой с 1948 года войной, развязанной и начатой против Израиля. *Угрозы звучали всегда, но они так и оставались словами – и к ним привыкли, не воспринимая их всерьез.*

---

⁴⁹¹ См. там же, стр. 196.

Выступление 28 сентября 1973 года ничем не отличалось от многих других речей А. Садата. Так, 22 июля 1971 года президент Египта произнес крайне агрессивную речь, в которой обещал «сделать 1971-й год решающим» – по верному анализу посла В.М. Виноградова, «решающим в смысле возврата Египту оккупированной Израилем в результате агрессии 1967 г. территории Синайского полуострова. Поскольку израильтяне и не думали добровольно отдавать эту захваченную ими территорию, единственным способом оставались военные действия против Израиля. Фактически Садат вроде бы заранее объявлял, что в 1971 году Египет начнет войну против Израиля»⁴⁹². В Израиле к этому отнеслись с максимальным вниманием, и тогдашний глава Военной разведки Аарон Ярив докладывал об этом выступлении президента Египта на заседании израильского правительства. 14 августа 1971 года, выступая перед министрами, генерал А. Ярив говорил: «В нашем распоряжении нет никаких данных об обязательствах Советского Союза способствовать египетскому нападению на нас. Их обязательства касаются воздушно-зенитной защиты. Я не вижу сейчас причин, оказывающих сильное давление на Садата, чтобы он немедленно возобновил боевые действия, [пусть даже] такие настроения есть в египетской армии. Однако если политический процесс окажется в тупике, если будет нарастать внутреннее давление в Египте, если Советский

---

⁴⁹² Владимир Виноградов, *Египет: От Насера к Октябрьской войне*, стр. 33.

Союз вынужденно смирится с возобновлением боевых действий – всё это может подтолкнуть Садата к ним. Это требует от нас быть в состоянии постоянной бдительности»⁴⁹³. В 1972 году А. Садат выступил с новыми угрозами, провозгласив теперь «решающим» тот год – и к этому в Израиле также отнеслись со всей серьезностью.

О массовом призыве резервистов 17 мая 1973 года говорилось выше. Полезно напомнить об обстоятельных обсуждениях, прошедших в Генеральном штабе Армии обороны Израиля 14 и 21 мая 1973 года. На втором из этих заседаний выступил Моше Даян, которого позднее бесчисленное количество раз обвинили в том, что он выдумал «концепцию», согласно которой сокрушенные в 1967 году арабы больше не нападут на Израиль. Эта чепуха повторяется в таком большом числе книг и статей на самых разных языках, что особенно уместно обратиться к рассекреченному к настоящему времени протоколу и прочесть, что же *на самом деле* думал и говорил тогдашний министр обороны Израиля, каков был его прогноз. А был он следующим: война начнется во второй половине лета 1973 года, причем совместным нападением Египта и Сирии, и в ней *не* примет участия Иордания. На территорию Сирии для поддержки могут прибыть войска из Ирака, а на территорию Египта – из Ливии и Судана⁴⁹⁴.

---

⁴⁹³ См.: Амос Гильбоа, *Господин разведки. Генерал Аарон Ярив – глава военной разведки* (Тель-Авив: издательство «Едиот ахронот», 2013), стр. 583 [на иврите].

⁴⁹⁴ Протокол заседания Генштаба ЦАХАЛа от 21 мая 1973 г. цит. по: Шимон Голан, *Война в Судный день* (Тель-Авив:

Дело не только в том, что никакой «концепции» неуязвимости Израиля и невозможности нападения на него арабов Моше Даян не формулировал и близко, еще более важно то, насколько точным был его прогноз! Он совершенно верно предсказал, что Израиль будет одновременно атакован с юго-запада и с северо-востока, двумя странами, но что при этом в нападении не примет участия Иордания, т.е. усиливать нужно было Южный и Северный военные округа, но не Центральный. Единственное, в чем ошибся Моше Даян – это срок; это случилось не во второй половине лета, а в середине осени.

Моше Даян, которого обвиняли в том, что он, якобы, самонадеянно не считал нужным готовиться к войне, обратился к генералитету со следующими словами: «Вы готовитесь весь год и каждый день. Я говорю про это лето, и я говорю с вами как представитель правительства. На основе имеющейся у нас информации правительство говорит Генеральному штабу: “Джентльмены [именно так!], пожалуйста, подготовьтесь к войне, учитывая, что те, кто угрожают ее начать – Египет и Сирия. Иордания не собирается начинать войну. Подготовьте оперативные планы – это то, что мы просим от Генерального штаба на ближайшее лето, быть готовыми через месяц”»⁴⁹⁵.

Планы были подготовлены, но летом Израиль нападению не подвергся, после чего состояние максимальной боеготовности было отменено. Никто,

---

Министерство «Модан» – Отдел истории Армии обороны Израиля, 2013), стр. 104–105 [на иврите].

⁴⁹⁵ Там же, стр. 106.

однако, и после этого в мнимую «эйфорию неуязвимости» не впадал. 17 сентября 1973 года в Генеральном штабе прошло еще одно обстоятельное обсуждение возможного нападения на Израиль. Тогда и был сделан вывод о том, что Египет и Сирия, вероятно, не напали на Израиль, ибо еще не получили от Советского Союза всего того оружия, на которое они в грядущей войне рассчитывают. В своем выступлении глава Военной разведки Эли Зеира указал, что можно с высокой степенью вероятности ждать нападения на Израиль в 1975–1976 годах⁴⁹⁶.

Эта оценка оказалась неточной, но в другую сторону: в апреле 1973 года ждали нападения в мае, в мае – во второй половине лета, а вот во второй половине сентября решили, что война откладывается года на полтора, тогда как в реальности до нее оставалось три недели. *Израильское военно-политическое руководство того времени не было виновно ни в каком стратегическом «провале»⁴⁹⁷, напротив: оно имело не только твердое понимание того, что страна подвергнется скорому нападению, но и ясность на тему того, с каких именно сторон; единственная ошибка касалась сроков нападения.*

---

⁴⁹⁶ Протокол заседания Генштаба ЦАХАЛа от 17 сентября 1973 г. цит. там же, стр. 106–107.

⁴⁹⁷ Едва ли не первой – уже на третий день войны – тезис о «провале» выдвинула леворадикальный израильский политик Шуламит Алони (урожденная Адлер, 1928–2014); этот же тезис активно отстаивал Зеэв Шиф в книге *Землетрясение в октябре. Война Судного дня* (стр. 58–69) и ряд его последователей.

Собственно говоря, даже в отношении этого была получена весьма точная информация. Удивительным образом, начиная с 1969 года со Службой внешней разведки «Моссад» сотрудничал Ашраф Маруан (1944–2007) – зять Г.А. Насера, знавший в Египте всех и вся и обладавший неограниченным доступом практически к любым политическим и военным документам. А. Маруан сохранил свое положение и при А. Садате, который неоднократно давал ему весьма деликатные поручения, особенно касавшиеся контактов с королем Саудовской Аравии Фейсалом и правителем Ливии М. Каддафи. А. Маруан сам вышел на связь с израильским посольством в Лондоне⁴⁹⁸. Изначально его куратором был руководитель отдела операций «Моссада» в Западной Европе Шмуэль Горен (в 1984–1991 годах в чине генерала он был координатором деятельности израильских властей на контролируемых территориях Иудеи, Самарии и сектора Газа), а с апреля 1970 года передаваемые им материалы изучались и Военной разведкой, а в нескольких встречах с ним участвовал Меир Меир – тогдашний глава Шестого (Египетского) отдела Исследовательского департамента Военной разведки⁴⁹⁹. Но на постоянной основе работал с ним именно «Моссад», в т.ч. его тогдашний глава Цви Замир, с А. Маруаном неоднократно встречавшийся лично.

---

⁴⁹⁸ См.: Ури Бар-Йосеф, *Ангел. Ашраф Маруан, «Моссад» и внезапность Войны Судного дня* (Ор-Иегуда: издательство «Змора Бейтан», 2010), стр. 53–75 [на иврите].

⁴⁹⁹ Там же, стр. 76–94.

Одним из первых переданных А. Маруаном документов был протокол беседы Г.А. Насера в Москве 22 января 1970 года, в ходе которой президент Египта попросил Советский Союз о поставках боевых самолетов, которые были бы способны разбомбить израильские военные аэродромы. А. Маруан также передал в Израиль протоколы советско-египетских переговоров на высшем уровне, проходивших в конце 1971 и в апреле 1972 года. А. Садат просил в Кремле танки Т-55, самолеты МиГ-21 и МиГ-25, зенитно-ракетные комплексы «Двина» (SA-2) и «Печора» (SA-3) и бронетранспортеры. А. Маруан передал в Израиль и египетские оперативно-тактические планы ведения боевых действий: и программу «Гранит», и ту, что пришла ей на смену в октябре 1972 года. Как утверждал А. Маруан, до октября 1972 года все угрозы А. Садата о грядущем нападении на Израиль оставались лишь разговорами, но затем президент проинструктировал генералитет быть готовым к войне до конца года – и протокол этого совещания А. Маруан оперативно передал своему израильскому «куратору»⁵⁰⁰. Командование армии не было готово к войне в названный президентом срок, однако к весне 1973 года был подготовлен новый оперативно-тактический план, получивший название «Высокая броня»; по свидетельству А. Маруана, А. Садат требовал начать войну в середине мая. На основании предостережений А. Маруана и данных радиоэлектронной разведки 17 мая 1973 года в Израиле и был объявлен призыв резервистов, о котором говорилось выше.

---

⁵⁰⁰ Там же, стр. 179–202.

Однако после того, как ни в конце 1972 года, ни в мае 1973 года ничего не произошло, руководитель Военной разведки генерал Эли Зеира потерял доверие к А. Маруану и передаваемой им информации. Позднее он написал, что у Военной разведки не было – и с годами так и не появилось – свидетельств того, что А. Садат в самом деле собирался начать войну в конце 1972 или в мае 1973 года; по его мнению, А. Маруан передавал заведомую дезинформацию, реагирование на которую, во-первых, стоило Израилю больших денег и логистических усилий, а во-вторых, дало следившим за всем этим египтянам возможность в деталях понять, как именно Израиль будет готовиться к войне⁵⁰¹. Э. Зеира и целый ряд авторов вслед за ним утверждают, что А. Маруан был двойным агентом, действовавшим с ведома А. Садата; эта версия высказывалась в Израиле и со ссылками на те или иные публикации в Египте⁵⁰². Кроме того, отмечалось, что 6 октября 2004 года А. Маруан присутствовал в Каире на церемонии, посвященной началу «победоносной» Октябрьской войны, где, как можно видеть по кадрам кинохроники, ему жал руку президент Хосни Мубарак (1928–2020), в 1973 году бывший командующим военно-воздушными силами Египта.

---

⁵⁰¹ См.: Эли Зеира, *Война Судного дня: миф и реалии*, издание второе, переработанное и дополненное (Тель-Авив: издательство «Едиот ахронот», 2004), стр. 158 и далее [на иврите].

⁵⁰² См.: Амир Орен, «Глава египетской военной разведки в 1973 году: “Ануар Садат лично руководил деятельностью Ашрафа Маруана”» // *Ха’арец* [«Страна»], 22 октября 2013 г. [на иврите].

Руководители Службы внешней разведки «Моссад» Ц. Замир и Ш. Шавит, офицер «Моссада», непосредственно работавший с А. Маруаном⁵⁰³, а также целый ряд исследователей, прежде всего – профессор Ури Бар-Йосеф, посвятивший этому вопросу отдельную монографию, считают эти обвинения безосновательными; У. Бар-Йосеф называет А. Маруана «самым лучшим шпионом, который когда-либо действовал в интересах Израиля»⁵⁰⁴. Они прозрачно намекают на то, что именно месть за его многолетнее сотрудничество с израильской разведкой стала причиной убийства А. Маруана в Лондоне (согласно официальной версии его гибели, он упал с балкона жилого дома⁵⁰⁵). Это отношение Э. Зеиры к А. Маруану оказало фатальное влияние на ход событий в начале октября 1973 года. 4 октября А. Маруан вышел на связь и попросил о срочной встрече с «генералом», указав (используя кодовое слово), что речь идет о начале войны. Самолеты из Тель-Авива в Лондон ни сейчас, ни тем более тогда не летали каждый час, и хотя глава «Моссада» Цви Замир вылетел в Лондон ближайшим рейсом, увидеть А. Маруана он смог лишь 5 октября в десять вечера. Перед вылетом Ц. Замир проинформировал Э. Зеиру куда, к

---

⁵⁰³ См.: Йосси Мелман, «В возрасте 86 лет сотрудник “Моссада”, курировавший важнейшего из израильских шпионов, решил прервать завесу молчания» // *Ха'арец* [«Страна»], 15 января 2020 г. [на иврите].

⁵⁰⁴ См.: Ури Бар-Йосеф, *Ангел. Ашраф Маруан, «Моссад» и внезапность Войны Судного дня*, стр. 380.

⁵⁰⁵ Там же, стр. 353–359.

кому и почему он срочно вылетает, попросив известить об этом М. Даяна и Г. Меир. Э. Зеира же сообщил на совещании у министра обороны, что «Цвика [Замир] получил сегодня сообщение от своего источника, хорошего источника. Он предупредил, что что-то должно произойти, и попросил, чтобы Цвика немедленно вылетел к нему на встречу. Сегодня в десять [вечера] он увидит его, мы подготовили список вопросов». Никто из присутствовавших не воспринял эвфемизм «что-то должно произойти» как свидетельство того, что уже менее чем через сутки начнется война, вследствие чего никаких экстраординарных решений и мер принято не было.

А. Маруан прибыл на встречу с Ц. Замиром, опоздав почти на два часа – без четверти двенадцать ночи. А. Маруан сразу же сообщил, что завтра, 6 октября, в шесть часов вечера войска Египта и Сирии нападут на Израиль. Помня, что два его прежних сообщения о начале войны оказались неверными, Ц. Замир долго и обстоятельно расспрашивал своего собеседника, на чем основывается его уверенность в этот раз; встреча продолжалась почти два с половиной часа и закончилась в третьем часу ночи, когда в Израиле все давно спали. Из офиса представителя «Моссада» в Лондоне Рафи Мейдана Цви Замир связался с руководителем своей канцелярии, поручив ему передать эту важнейшую информацию дальше. По непонятным причинам сам Ц. Замир не связался ни с главой правительства, ни с министром обороны, а начальник его канцелярии в Израиле передал сообщение босса лишь военному секретарю М. Даяна Арье Брауну и военному секретарю Г. Меир Исраэлю Лиору.

В четыре часа утра в Судный день Израэль Лиор разбудил Голду Меир, чтобы сообщить ей о том, что Египет и Сирия предпримут совместное нападение на Израиль во второй половине дня. На восемь утра Голда Меир назначила срочное совещание с несколькими самыми близкими ей министрами (Моше Даяном, Исраэлем Галили и Игалем Аллоном), а также начальником Генерального штаба Давидом Элазаром и главой Военной разведки Эли Зеирой, а затем вызвала посла США в Израиле Кеннета Китинга (Kenneth Barnard Keating, 1900–1975), которого она проинформировала о том, что, по данным израильских разведывательных служб, страна будет атакована в течение ближайших двенадцати часов⁵⁰⁶. Как известно к настоящему времени, американская разведка по своим каналам также получила информацию о грядущем нападении, но этими сведениями не сочла нужным поделиться. Уже 4 октября в Агентстве национальной безопасности США знали, что нападение на Израиль произойдет во второй половине дня 6 октября; будь эта информация передана в Израиль, она бы могла кардинально изменить ход подготовки к войне, а, значит, и ее результаты, как минимум, на начальном этапе сражений; этого, однако, не произошло⁵⁰⁷.

---

⁵⁰⁶ См.: U.S. Embassy Israel, Cable 7766 to Department of State, 6 October 1988, "GOI Concern About Possible Syrian and Egyptian Attack Today" // Nixon Presidential Materials Project, Фонд Совета национальной безопасности, папка 1173, док. 1.

⁵⁰⁷ См.: Алек Д. Эпштейн, *Ближайшие союзники? Подлинная история американо-израильских отношений*, том I, стр. 291.

Утром 6 октября перед израильским руководством встал вопрос, что же делать – и, пожалуй, именно тогда были приняты крайне неудачные решения. Цви Замир, со слов Ашрафа Маруана, советовал, чтобы Израиль обнародовал в международных средствах массовой информации официальное предостережение в адрес Египта, сообщив, что ему известно о планируемом нападении, вся ответственность за последствия которого ляжет на плечи А. Садата; глава «Моссада» считал, что такой шаг может побудить президента Египта отказаться от немедленного начала боевых действий. Г. Меир склонялась к тому, чтобы в самом деле пойти этим путем, дав соответствующие пресс-релизы на BBC и CBS, но ее не поддержал никто из присутствующих⁵⁰⁸ – и эта идея, которая могла принести огромную пользу, но не могла нанести никого вреда, сошла с повестки дня.

Начальник Генерального штаба Давид Элазар напоминал, что боеспособность израильских сил в войне на 25% держится на солдатах и офицерах действующей армии, а на 75% – на резервистах. Он настаивал на том, что для того, чтобы израильская армия могла противостоять врагу одновременно и на северном, и на южном фронтах, необходимо призвать 200 тысяч человек⁵⁰⁹. Однако против Д. Элазара выступили два его предшественника, бывшие начальники Генерального

---

⁵⁰⁸ Рассекреченный протокол заседания у главы правительства Израиля утром 6 октября 1973 г., стр. 7 [на иврите] // Государственный архив, Иерусалим.

⁵⁰⁹ Там же, стр. 4.

штаба министр обороны Моше Даян и его помощник Цви Цур (урожденный Чертенко, 1923–2004). Ц. Цур был особенно резок: «Если мы мобилизуем всех резервистов, экономика страны завтра встанет»⁵¹⁰. М. Даян выступил с аналогичных позиций: «Начальник Генерального штаба хочет провести полный призыв резервистов, я не считаю это необходимым»⁵¹¹. М. Даян предлагал призвать всех резервистов ВВС и две бронетанковые бригады: одну – на Голанские высоты, вторую – в Синай, всего – 50–60 тысяч человек. В итоге был согласован компромиссный вариант, который стоил Израилю многих сотен погибших, ибо противник и на сирийском, и на египетском фронте имел подавляющее численное преимущество.

Д. Элазар предлагал повторить сценарий, успешно зарекомендовавший себя 5 июня 1967 года: «у превентивного удара есть огромное преимущество»; «мы можем сегодня к 12.00 полностью уничтожить ВВС Сирии»⁵¹². Однако М. Даян с самого начала отверг такую возможность: «Мы не можем себе это позволить»⁵¹³. Г. Меир и М. Даян осознавали, что нигде в мире, и в т.ч. в США, не найдут понимания в отношении этого шага, и, чтобы сохранить надежду на поддержку США, были готовы к тому, чтобы израильская армия приняла на себя первый удар, хотя и понимали, что это приведет к значительным жертвам, которых можно было избежать.

---

⁵¹⁰ Там же, стр. 5.

⁵¹¹ Там же, стр. 3.

⁵¹² Там же, стр. 4.

⁵¹³ Там же, стр. 3.

Израильские солдаты на Синае и на Голанах своими жизнями расплачивались за внешнеполитические расклады членов правительства и ошибки руководителей Военной разведки. Когда до начала войны оставалось лишь пять часов, генерал Эли Зеира продолжал верить в чудеса: «Несмотря на то, что они готовы, по моей оценке, они понимают, что проиграют. Садат сегодня не в том состоянии, что он обязан начать войну. Всё готово, но нет необходимости. ... Он еще не отдал приказ начать войну. Может быть, он еще раздумает в последний момент»⁵¹⁴.

Но Ануар Садат не раздумал, и Хафез Асад (1930–2000) не раздумал тоже. В ожесточенных боях сирийцы возвратили себе часть Голанских высот, а египтяне с необычайной легкостью, на которую они и не рассчитывали, пересекли Суэцкий канал и закрепились на Синае. «Примерно в 14 часов в резиденции зазвонил обыкновенный городской телефон, – вспоминал В.М. Виноградов. – Я попросил секретаря Вафу Гулизаде взять трубку. Тот, поговорив, повернулся, сообщает: “С вами хочет говорить президент”. Я усомнился – президент и по простому, городскому телефону? Взял трубку – в ней ликующий голос Садата: “Сафир! [Посол! – араб.] Мы на восточном берегу канала! Египетский флаг на восточном берегу! Мы пересекли канал!”»⁵¹⁵. То, на что египетская армия планировала потратить сутки и более, она сделала буквально за пару часов, причем с минимумом жертв.

---

⁵¹⁴ Там же, стр. 6.

⁵¹⁵ Владимир Виноградов, *Египет: От Насера к Октябрьской войне*, стр. 52–53.

Наступление началось не в шесть часов вечера, а в два часа дня: призыв резервистов только начался, средства массовой информации, соблюдая иудейский Судный день, не работали. М. Даян самонадеянно обещал журналистам, что вечером следующего дня, когда в авральном порядке призываемые резервисты прибудут к линии фронта, «мы превратим для них [египтян] поле боя в большое кладбище»⁵¹⁶. Увы, реальность была иной: израильская армия вела тяжелейшие оборонительные бои. «Линия Бар-Лева» пала почти сразу же, за исключением одного бункера, бойцы которого в конце концов тоже оказались вынуждены сдаться в плен. У израильской армии не хватало артиллерийских стволов, пулеметов, биноклей. Наступавшие египетские пехотинцы атаковали израильские силы тысячами противотанковых ракет и гранат. Как отмечал Рафаэль Эйтан, всё это можно было предвидеть: «В Синае египтяне доказали, что танки могут оказаться беспомощными против пехоты, вооруженной личным противотанковым оружием. А ведь еще будучи командиром десантного полка, когда командующим бронетанковыми войсками был генерал Таль, я проводил множество маневров по войне против танков. Десантники весьма успешно справлялись с этой задачей, и танки не раз были беспомощными перед ними, причем в больших масштабах, чем это было во время войны в Синае»⁵¹⁷. К сожалению, эти уроки усвоены не были.

---

⁵¹⁶ Цит. по: Зеэв Шиф, *Землетрясение в октябре. Война Судного дня*, стр. 46.

⁵¹⁷ См.: Рафаэль Эйтан, *Повесть солдата*, стр. 218.

Прошло несколько дней, пока в Израиле осознали подлинные масштабы происходившей на египетском фронте катастрофы. На протяжении войны Комиссия Кнессета по иностранным делам и обороне неоднократно собиралась на заседания в подземном бункере в Иерусалиме. Депутаты получали информацию почти исключительно от министра обороны и начальника Генерального штаба, которые рисовали существенно более оптимистичную картину чем та, что имела место на самом деле. Едва ли не единственным депутатом, кто спорил с ними, был Менахем Бегин, имевший независимый источник правдивой информации: вновь призванный на Южный фронт демобилизовавшийся незадолго до этого Ариэль Шарон сообщал ему о царивших в войсках смятении и неразберихе, в результате чего даже не начиналась предусмотренная в планах боевых действий контратака, включающая в себя форсирование Суэцкого канала и высадку израильского десанта на его западном берегу. Депутаты были удивлены тем, что М. Бегин имел столь обширную информацию о происходившем на фронте, но лишь много позже стало известно, кто был его информантом⁵¹⁸. Позднее, в августе 1981 года, когда М. Бегин был главой правительства, он назначил А. Шарона на пост министра обороны.

На всем протяжении военных действий М. Бегин, бывший тогда, напомним, главой крупнейшей партии парламентской оппозиции, настаивал, что стране необходимо единство для противостояния силам врага – и

---

⁵¹⁸ См.: Ави Шилон, *Бегин*, стр. 238.

ни в коем случае не сведение внутренних счетов. М. Бегин вновь, как и в 1956 году, показал пример общественного деятеля, для которого интересы государства и обеспечения его безопасности превалируют над любыми узкими политическими соображениями. При этом в нападении Египта и Сирии на Израиль он наиболее резко обвинял Советский Союз, сравнив в своем выступлении в Кнессете 17 октября 1973 года Договор о дружбе и сотрудничестве между Египтом и Советским Союзом с пактом Молотова – Риббентропа: в обоих случаях еврейский народ стал жертвой и оказался под угрозой уничтожения⁵¹⁹.

К утру 7 октября на восточный берег Суэцкого канала была переброшена почти тысяча египетских танков; успех этой операции, носившей кодовое название «Бадр», значительно превзошел ожидания А. Садата. Контратака 6–7 октября силами 252-й танковой дивизии была отбита с большими потерями для израильтян (в дивизии осталось лишь 103 исправных танка из 268, а 345 человек личного состава дивизии было убито и пропало без вести). 7 октября египтянами были захвачены семь опорных пунктов «линии Бар-Лева»; из их гарнизонов только 44 человека успели эвакуироваться, а более ста были убиты или попали в плен. Контратака 8 октября также не привела к успеху, а египтянами были захвачены еще три опорных пункта «линии Бар-Лева». 9 октября в ходе контратак Израиль потерял 80 танков, а египтянами были захвачены еще пять опорных пунктов «линии Бар-Лева». В израильской армии были предприняты экстренные

---

⁵¹⁹ См. там же, стр. 239.

меры, в т.ч. по ротации командного состава: генерал армии в отставке Хаим Бар-Лев был в авральном порядке возвращен в войска и направлен на Южный фронт в статусе командующего. Второй этап египетского наступления, начавшийся 14 октября, израильским силам удалось отбить; египтяне потеряли около двухсот танков.

15 октября израильтяне начали контратаку и смогли пересечь Суэцкий канал. 143-я танковая дивизия, возглавляемая Ариэлем Шароном, атаковала египтян севернее Большого Горького озера, вблизи Исмаилии. В течение трех дней шло одно из самых ожесточенных и кровопролитных танковых сражений в истории, известное как «битва за Китайскую ферму» (ирригационный проект на восточной стороне канала). Израильским войскам при поддержке авиации удалось прорвать оборону египтян и выйти на берега Суэца. 17 октября был наведен первый понтонный мост через Суэцкий канал, и 162-я дивизия под командованием Авраама Адана переправилась по нему на египетскую сторону; к утру 18 октября на западный берег были переправлены 140 танков, которые начали быстро продвигаться на юг, чтобы отрезать Третьей египетской армии пути отступления и прервать пути её снабжения. Дивизия также выслала вперед особые подразделения для уничтожения египетских батарей ПВО к востоку от канала. К 19 октября у израильтян было уже четыре понтонных моста через Суэцкий канал, и стало ясно, что мечты А. Садата о реванше так и останутся мечтами⁵²⁰.

---

⁵²⁰ Подробный анализ хода войны см. в книге: Хаим Герцог, *Арабо-израильские войны*, том 2, стр. 62–187.

ЭПИЛОГ

Хотя А. Садат принял решение о начале войны 6 октября 1973 года сам, не спрашивая на то согласия советских руководителей (они получили информацию об этом 4 октября от Х. Асада), с самого начала боевых действий он запросил – и немедленно получил – массированную советскую военную поддержку. СССР уже 7 октября 1973 года начал доставлять оружие и снаряжение в Египет и Сирию морем, а 10 октября 1973 года начались поставки по воздуху: в общей сложности военно-транспортные самолеты Ан-12 и Ан-22 совершили 935 вылетов. В Египет была также направлена группа советских летчиков, которые на самолетах МиГ-25 проводили аэрофоторазведку. Важно подчеркнуть, что, *вопреки неоднократно повторявшимся А. Садатом утверждениям, ни за пребывание в Египте до июля 1972 года десятков тысяч советских военных, ни за все эти поставки оружия ни Египет, ни Сирия не платили Советскому Союзу вообще ничего*⁵²¹. Всё это покрывалось из госбюджета и шло за счет советских людей.

Израиль, в свою очередь, обратился с просьбой о поддержке к американцам, которые, однако, совершенно не торопились ее удовлетворять. Лишь спустя неделю после начала войны, 13 октября 1973 года, когда А. Садат

---

⁵²¹ Владимир Виноградов, *Египет: От Насера к Октябрьской войне*, стр. 43–44.

отказался от предложенного ими прекращения огня, президент Р. Никсон распорядился об открытии воздушного моста в Израиль. Первые военно-транспортные самолеты *Lockheed C-5 Galaxy*, доставившие в Израиль столь необходимое военное снаряжение (танки, снаряды, ракеты «воздух–воздух»), а также одежду и медикаменты, прибыли лишь на девятый день войны. Хотя, как совершенно верно указал посол СССР в США А.Ф. Добрынин, «Садат допустил грубейшую политическую и стратегическую ошибку, не согласившись на прекращение огня, ибо это обернулось для него через несколько дней военной катастрофой»⁵²², Советский Союз продолжал безоговорочно поддерживать президента Египта и военными, и дипломатическими средствами. 16 октября, оставив все свои дела, в Каир прибыл глава советского правительства А.Н. Косыгин; он оставался в Египте до 19 октября, демонстрируя президенту Египта данные советской разведки, свидетельствовавшие о том, что в войне наступил перелом, шанса на разгром Израиля больше нет, а опасность падения Каира вполне реальна.

Сразу после возвращения А.Н. Косыгина в Москву туда 20 октября прилетел на переговоры Г. Киссинджер. В течение следующих дней был согласован текст резолюции Совета Безопасности ООН, которая и была принята 22 октября за №338. Эта резолюция требовала немедленного прекращения всех боевых действий с остановкой войск на занимаемых ими позициях. Израильские генералы, спорившие в тот день меж собой о том, что им делать –

---

⁵²² Анатолий Добрынин, *Сугубо доверительно*, стр. 270.

завершить окружение Третьей египетской армии (на чем настаивал Шмуэль Гонен) или окружить Исмаилию и отрезать Вторую египетскую армию (как предлагал Ариэль Шарон и с чем согласился Моше Даян)⁵²³ – меньше всего были настроены на прекращение боев. Несмотря на принятие Совбезом ООН резолюции №338, израильская армия продолжила наступление и 23 октября вошла в город Суэц. Это вызвало возмущение в Кремле – прежде всего, в адрес американцев, которых советские руководители считали «патронами» израильтян, как сами они были «патронами» Египта. Л.И. Брежнев послал Р. Никсону телеграмму, в которой указал: «Откровенно говоря, господин президент, мы уверены, что у вас есть возможности повлиять на Израиль с целью положить конец провокационному поведению Тель-Авива»⁵²⁴.

Получив эту телеграмму 24 октября, Г. Киссинджер сразу же связался с израильским послом в Вашингтоне Симхой Диницем (1929–2003), который заверил, что израильская армия прекратила боевые действия⁵²⁵. Это не совсем соответствовало действительности, о чем хорошо знали в Москве. Посол А.Ф. Добрынин в тот же вечер сообщил Г. Киссинджеру о том, что Советский Союз внесет в Совет Безопасности проект резолюции, согласно которой

---

⁵²³ См.: Зеэв Шиф, *Землетрясение в октябре. Война Судного дня*, стр. 247–248.

⁵²⁴ Цит. по: *Foreign Relations of the United States, 1969–1976. Vol. XXV, Arab-Israeli Crisis and War, 1973* (Washington: Department of State, 2011), документ 262, pp. 727–728.

⁵²⁵ См. там же, документ 263, pp. 728–729.

для принуждения сторон к миру на линию разъединения войск будут направлены советские и американские войска. Г. Киссинджер прямо сказал своему собеседнику, что постпред США в ООН будет голосовать против этого проекта (т.е., наложит на него вето)⁵²⁶. После этого Р. Никсон получил новое срочное послание от Л.И. Брежнева, в котором, в частности, говорилось: «Надо действовать без промедления. Скажу прямо, что если Вы считаете невозможным действовать совместно с нами в этом вопросе, мы окажемся перед необходимостью срочно предпринять соответствующие шаги в одностороннем порядке. Мы не можем допустить произвол со стороны Израиля»⁵²⁷. Американская администрация угрозу поняла, потребовав от Израиля немедленно прекратить войну, и этот ультиматум был вынужденно принят. Израильские силы находились в сотне километров от Каира, а Третья египетская армия была полностью окружена, однако эта война, стоившая Израилю почти десяти тысяч человек убитыми и ранеными, так и не была выиграна.

Пятая война между Египтом и Израилем отчетливо продемонстрировала, что по совокупности военно-политических причин ни одна из сторон не может добиться решающей победы над другой. Именно поэтому, как представляется, война в октябре 1973 года оказалась последней между ними. Это был Судный день для всех, дальше двигаться по этому пути было некуда.

---

⁵²⁶ См. там же, документ 266, pp. 733–734.

⁵²⁷ См. там же, документ 267, pp. 734–735.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

На русском языке

Сборники исторических документов

Арабо-израильские войны. Арабский взгляд (Москва: «Яуза», 2008).

Ближневосточный конфликт. 1947–1967 (Москва: Международный фонд «Демократия», 2003), в двух томах.

Государство Израиль: политика и общество в документах (Иерусалим: Еврейский университет – Международный институт им. Ротберга, 1992).

Научная и мемуарная литература

Анатолий Агарышев, *Насер* (Москва: «Молодая гвардия», 1979).

Алексей Васильев, *Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму* (Москва: «Наука», 1993).

Владимир Виноградов, *Египет: От Насера к Октябрьской войне. Из архива посла [1975]* (Москва: Институт востоковедения РАН, 2012).

Хаим Герцог, *Арабо-израильские войны [1982]* (Лондон: Нина Карсов, 1986), в двух томах [перевод с английского].

Олег Гриневский, *Сценарий для третьей мировой войны* (Москва: ОЛМА-пресс, 2002).

Рамазан Дауров, *Долгая Шестидневная война: победы и поражения СССР на Ближнем Востоке* (Москва: Институт востоковедения РАН, 2009).

Моше Даян, «Дневник Синайской кампании» [1966] // *Арабо-израильские войны. 1956, 1967* (Москва: ЭКСМО, 2003), стр. 17–218 [перевод с иврита].

Анатолий Добрынин, *Сугубо доверительно: посол в Вашингтоне при шести президентах США* (Москва: «Международные отношения», 1997).

Татьяна Елистратова, *Революция 1952 года в Египте: идеология и внешняя политика* (Москва: Институт востоковедения РАН, 2007).

Ирина Звягельская, *История Государства Израиль* (Москва: Институт востоковедения РАН – МГИМО – «Аспект-пресс», 2012).

Ольга Ковтун, «Политика Франции в связи с Суэцким кризисом 1956 г.». Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук (Томск: Томский государственный университет, 2011).

Дмитрий Косырев, *Советский Кеннеди. Загадка по имени Дмитрий Шепилов* (Москва: Бослен, 2017).

Голда Меир, *Моя жизнь* [1976] (Чимкент: «Аурика», 1997) [перевод с иврита].

Григорий Меламедов и Алек Д. Эпштейн, *Дипломатическая битва за Иерусалим. Закулисная*

история (Москва: ИСАА МГУ – Институт Ближнего Востока – «Мосты культуры», 2008).

Ю.Ф. Мякишев и И.П. Смирнов (ред.-сост.), *Ближний Восток: командировка на войну. Советские военные в Египте* (Москва: Институт востоковедения РАН – ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова, 2009).

Михаил Пелипась, «Суэцкий кризис 1956 г.» // *Холодная война. 1945–1963. Историческая ретроспектива*, под ред. Н.И. Егоровой и А.О. Чубарьяна (Москва: Институт всеобщей истории РАН – «Олма-пресс», 2003), стр. 543–584.

Шимон Перес, *Робким мечтам здесь не место. О смелости, воображении и становлении современного Израиля* [2017] (Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2020) [перевод с иврита].

Евгений Примаков, *Ближний Восток на сцене и за кулисами*, 2-е издание, переработанное и дополненное (Москва: «Российская газета», 2012).

Ден Равив и Йосси Мелман, *История разведывательных служб Израиля* (Москва: «Международные отношения», 2000) [перевод с английского].

Владимир Румянцев, *Ближневосточная политика США и Великобритании в 1956–1960 гг.* (Томск: Издательство Томского университета, 2010).

Владимир Румянцев, «Новый фронтир» администрации Дж.Ф. Кеннеди на Ближнем и Среднем Востоке (1961–1963 гг.) (Томск: Издательство Томского университета, 2015).

Владимир Румянцев, «Длинный путь к непростому партнерству: формирование американо-израильских отношений» // *От мечты – к ее реализации. Формирование израильской государственности: политика, право и международные отношения*, под ред. А.Д. Эпштейна (Иерусалим – Москва – Ереван, 2018), стр. 177–230.

Александр Филоник и Геннадий Горячкин (ред.-сост.), *Тогда в Египте...* (Москва: ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова, 2001).

Александр Фурсенко и Тимоти Нафтали, «Холодная война» Хрущева [2006] (Москва: РОССПЭН, 2018) [перевод с английского].

Елена Хахалкина, «Суэцкий кризис 1956 г. – поворотный момент британской внешней политики?» // *Вестник Томского государственного университета*, №404 (2016), стр. 156–164.

Рэндалл и Уинстон Черчилль-мл., *Шестидневная война* [1967] (Москва/Иерусалим: «Мосты культуры», 2003) [перевод с английского].

Зезв Шиф, *Землетрясение в октябре. Война Судного дня* (Тель-Авив: «Наша библиотека», 1975) [перевод с иврита].

Рафаэль Эйтан при участии Дова Гольдштейна, *Повесть солдата* (Израиль: «Яир», 1987) [пер. с иврита].

Алек Д. Эпштейн, *Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться* (Москва: Институт Ближнего Востока – «Мосты культуры», 2008).

Алек Д. Эпштейн, *Антитеррористический террор* (Москва: Институт Ближнего Востока, 2009).

Алек Д. Эпштейн, *Ближайшие союзники? Подлинная история американо-израильских отношений* (Москва: Институт Ближнего Востока – «Мосты культуры», 2014), в двух томах.

Алек Д. Эпштейн и Михаил Урицкий, «Шестидневная война и современная политическая динамика на Ближнем Востоке» // *Восток*, №2 (2003), стр. 72–84.

В.А. Яременко, А.Н. Почтарев и А.В. Усиков, «Вооруженные конфликты Египта с Израилем (1967–1974 гг.)» // *Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века*, под ред. В.А. Золотарева (Москва: Институт военной истории Министерства обороны РФ, 2002).

На английском языке

Сборники исторических документов

Foreign Relations of the United States, 1949. Vol. VI. The Near East, South Asia, and Africa (Washington: Department of State, 1986).

Foreign Relations of the United States, 1952–1954. Vol. IX. Part 1. The Near and Middle East (Washington: Department of State, 1986).

Foreign Relations of the United States, 1955–1957. Vol. XIV. Arab–Israeli Dispute, 1955 (Washington: Department of State, 1989).

Foreign Relations of the United States. 1955–1957. Vol. XV. Arab-Israeli Dispute, January 1 – July 26, 1956 (Washington: Department of State, 1989).

Foreign Relations of the United States, 1955–1957. Volume XVI. Suez Crisis (Washington: Department of State, 1990).

Foreign Relations of the United States, 1958–1960. Volume XI. Lebanon and Jordan (Washington: Department of State, 1992).

Foreign Relations of the United States, 1964–1968. Vol. XIX. Arab-Israeli Crisis and War, 1967 (Washington: Department of State, 2004).

Foreign Relations of the United States, 1964–1968. Vol. XX, Arab-Israeli Dispute, 1967–1968 (Washington: Department of State, 2000).

Foreign Relations of the United States, 1969–1976. Vol. XII. Soviet Union, January 1969 – October 1970 (Washington: Department of State, 2006).

Foreign Relations of the United States, 1969–1976. Vol. XXIII. Arab–Israeli Dispute, 1969–1972 (Washington: Department of State, 2015).

Foreign Relations of the United States, 1969–1976. Vol. XXIV. Middle East Region and Arabian Peninsula, 1969–1972 (Washington: Department of State, 2008).

Foreign Relations of the United States, 1969–1976. Vol. XXV, Arab-Israeli Crisis and War, 1973 (Washington: Department of State, 2011).

National Intelligence Estimate. *Soviet Policies in the Middle East and Mediterranean Area* (Washington, 1970).

Progress Report of the United Nations Mediator on Palestine, September 16, 1948 // UN General Assembly, A/648.

Научная и мемуарная литература

Jon B. Alterman, *Egypt and American Foreign Assistance, 1952–1956: Hopes Dashed* (New York: Palgrave Macmillan, 2002).

Uri Avnery, “Nasser and Me”, October 2, 2015, Интернет-портал <https://www.counterpunch.org/2015/10/02/nasser-and-me/>

Elad Ben-Dror, *Ralph Bunche and the Arab-Israeli Conflict: Mediation and the UN, 1947–1949* (London: Routledge, 2016).

Elad Ben-Dror, “Ralph Bunche and the 1949 Armistice Agreements Revisited” // *Middle Eastern Studies*, vol. 56, no. 2 (2020), pp. 274–289.

David Ben-Gurion, *My Talks With Arab Leaders* (Jerusalem: Keter Books, 1972) [перевод с иврита].

Neil Caplan, *The Lausanne Conference, 1949: A Case Study in Middle East Peacemaking* (Tel Aviv University: The Moshe Dayan Center for Middle Eastern and African Studies, 1993).

Neil Caplan and Avraham Sela, “Zionist–Egyptian Negotiations and the Partition of Palestine, 1946” // *Jerusalem Quarterly*, No. 41 (1987), pp. 19–30.

Hesi Carmel, “Reuven Shiloah – Master of the Covert Contact: The First Attempt to Organize a Summit Meeting between Moshe Sharett and Gamal Abdul Nasser”, in Hesi Carmel (ed.), *Intelligence for Peace* (London: Frank Cass, 1999), pp. 49–59.

Meir Chazan, "Golmann's Initiative to Meet with Nasser in 1970", in Mark A. Raider (ed.), *Nahum Goldmann: Statesman Without a State* (Albany: State University of New York Press, 2009), pp. 297–324.

Walter Eytan, *The First Ten Years: A Diplomatic History of Israel* (London: Weidenfeld and Nicolson, 1958).

Mordechai Gazit, "Egypt and Israel – Was There a Peace Opportunity Missed in 1971?" // *Journal of Contemporary History*, vol. 32 (1997), pp. 91–115.

Shlomo Gazit, *Trapped Fools: Thirty Years of Israeli Policy in the Territories* (London: Frank Cass Publishers, 2003).

Yoav Gelber, *Palestine 1948. War, Escape and the Emergence of the Palestinian Refugee Problem* (Brighton: Sussex Academic Press, 2001).

Rami Ginat, *The Soviet Union and Egypt, 1945–1955* (London: Frank Cass, 1993).

Isabella Ginor and Gideon Remez, *Foxbats over Dimona: The Soviets' Nuclear Gamble in the Six-Day War* (New Haven: Yale University Press, 2007).

Ami Gluska, *The Israeli Military and the Origins of the 1967 War* (London: Routledge, 2007).

Motti Golani, *Israel in Search of War: The Sinai Campaign 1955–1956* (Brighton: Sussex Academic Press, 1998).

Motti Golani, "The Sinai War, 1956: Three Partners, Three Wars", in David Tal (ed.), *The 1956 War. Collusion and Rivalry in the Middle East* (London: Frank Cass, 2001), pp. 169–193.

J.A. Hail, *Britain's Foreign Policy in Egypt and Sudan, 1947–1956* (Reading: Ithaca Press, 1996).

Peter L. Hanh, *The United States, Great Britain, and Egypt, 1945–1956. The Strategy and Diplomacy in the Early Cold War* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1991).

Roger Howard, *Operation Damocles: Israel's Secret War against Hitler's Scientists, 1951–1967* (New York: Pegasus Books, 2013).

Richard Jasse, "The Baghdad Pact: Cold War or Colonialism" // *Middle Eastern Studies*, vol. 27, no. 1 (1991), pp. 140–156.

Lyndon B. Johnson, *The Vantage Point: Perspectives of the Presidency, 1963–1969* (New York: Holt, Rinehart & Winston, 1971).

Henry Kissinger, *The White House Years* (Boston, Mass.: Little, Brown and Company, 1979).

Wolfgang Lotz, *The Champagne Spy – Israel's Master Spy Tells his Story* (London: Vallentine Mitchell, 1972).

Mohrez Mahmoud El Hussini, *Soviet–Egyptian Relations, 1945–1985* (London: Macmillan, 1987).

Khaled Mohi El Din, *Memories of Revolution. Egypt 1952* (Cairo: The American University in Cairo Press, 1995).

Benny Morris, 1948. *The First Arab–Israeli War* (New Haven: Yale University Press, 2001).

Mohammed Naguib, *Egypt's Destiny: A Personal Statement* (London: Doubleday, 1955).

Michael B. Oren, "Escalation to Suez: The Egypt–Israel Border War, 1949–1956" // *Journal of Contemporary History*, 24 (1989), pp. 347–373.

Michael B. Oren, *Six Days of War. June 1967 and The Making of The Modern Middle East* (Oxford: Oxford University Press, 2002).

Uri Ra'anani, *The USSR Arms the Third World* (Cambridge, MA: MIT Press, 1969).

Itamar Rabinovich, *The Road Not Taken: Early Arab–Israeli Negotiations* (New York: Oxford University Press, 1991).

Laurent Rucker, “The Soviet Union and the Suez Crisis”, in David Tal (ed.), *The 1956 War. Collusion and Rivalry in the Middle East* (London: Frank Cass, 2001), pp. 65–93.

Yaacov Ro'i and Boris Morozov (eds.), *The Soviet Union and the June 1967 Six Day War* (Stanford: Stanford University Press, 2008).

Anwar Sadat, *In Search of Identity* (New York: Harper & Row, 1978).

Shimon Shamir, “The Origins of the 1967 War” // *The Middle East Record – 1967*, ed. by D. Dishon (Jerusalem: Israel Universities Press, 1971).

Michael Sharnoff, *Nasser's Peace. Egypt's Response to the 1967 War with Israel* (New York: Transaction Publishers, 2017).

Avi Shlaim, “The Rise and Fall of the All-Palestine Government in Gaza” // *Journal of Palestine Studies*, no. 20 (1990), pp. 37–53.

Avi Shlaim, *The Iron Wall. Israel and Arab World* (London: Allen Lane, 2001).

Avi Shlaim, "The Protocol of Sevres, 1956: Anatomy of A War Plot", in David Tal (ed.), *The 1956 War. Collusion and Rivalry in the Middle East* (London: Frank Cass, 2001), pp. 119–143.

Saadia Touval, *The Peace Brokers: Mediators in the Arab-Israeli Conflict, 1948–1979* (Princeton: Princeton University Press, 1982).

На французском языке

Christian Pineau, 1956. *Suez* (Paris: Editions Robert Laffont, 1976).

На языке иврит

Сборник исторических документов

Моше Шарет – Второй глава правительства. Избранные документы, под ред. Луизы Фишер (Иерусалим: Государственный архив Израиля, 2007) [на языке иврит].

Неопубликованные протоколы

Протоколы заседаний правительства Израиля от 29 марта 1955 г., 3 апреля 1955 г., 4 апреля 1955 г., 28 октября 1956 г. (вкл. рассекреченный позднее дополнительный протокол), 8 ноября 1956 г., 28 мая 1967 г., 19 июня 1967 г., 17 октября 1967 г., 7 ноября 1967 г., 3 октября 1973 г., 6 октября 1973 г. // Государственный архив, Иерусалим.

Научная и мемуарная литература

Меир Амит, «Синайская кампания – первый экзамен ЦАХАЛа как регулярной армии» // «Мааракхот» [«Битвы»], №306 (1986), стр. 2–4.

Йосеф Аргаман, *Теневая война* (Тель-Авив: Издательство Министерства обороны Израиля, 2007).

Илан Асия, *Фокус конфликта. Борьба за Негев, 1947–1956* (Иерусалим: Институт им. И. Бен-Цви, 1994).

Дан Бавли, *Упущенные мечты и возможности, 1967–1973* (Иерусалим: «Кармель», 2002).

Миха Бар, «Красные черты» в израильской стратегии сдерживания (Тель-Авив: Издательство Министерства обороны, 1990).

Михаэль Бар-Зохар, *Феникс. Шимон Перес – политическая биография* (Тель-Авив: «Едиот ахронот», 2006).

Ури Бар-Йосеф, *Задремавший часовой. Сюрприз Войны Судного дня и его истоки* (Лод: издательство «Змора-Бейтан», 2001).

Ури Бар-Йосеф, *Ангел. Ашраф Маруан, «Моссад» и внезапность Войны Судного дня* (Ор-Иегуда: издательство «Змора Бейтан», 2010).

Ицхак Бар-Он, *Зонтик для дождливого дня: военное сотрудничество между Францией и Израилем в 1948–1956 гг.* (Израиль: издатель Эфи Мельцер, 2010).

Мордехай Бар-Он, *Врата Газы: Военная и внешняя политика Государства Израиль в 1955–1957 гг.* (Тель-Авив: «Ам овед», 1992).

Мордехай Бар-Он, «Шесть дней, шесть неразрешенных вопросов и шесть векторов для будущих исследователей» // *Независимость – первые пятьдесят лет*, под ред. Аниты Шапира (Иерусалим: Центр изучения Израиля им. З. Шазара, 1998), стр. 323–350.

Мордехай Бар-Он, «Безопасность Израиля между Синайской войной и Шестидневной войной» // *Второе десятилетие*, под ред. Ц. Цамерета и Х. Яблонка (Иерусалим: Институт им И. Бен-Цви, 2000), стр. 343–366.

Давид Бен-Гурион, *Обновленное Государство Израиль* (Тель-Авив: «Ам овед», 1969), в двух книгах.

Иехошфат Гаркави, «Соглашения о прекращении огня – взгляд назад» // *«Маарахот»* [«Битвы»], №294 (1984), стр. 2–5.

Йоав Гелбер, «Дипломатические контакты до военного противостояния – переговоры между Еврейским агентством и Египтом и Иорданией, 1946–1948» // *«Катедра»* [«Кафедра»], №35 (1985), стр. 125–162.

Йоав Гелбер, *Истоциение. Забытая война* (Модиин: «Двир», 2017).

Нурит Герц, *По личному выбору: четыре главы из жизни Амоса Кейнана* (Тель-Авив: «Ам овед», 2008).

Амос Гильбоа, *Господин разведки. Генерал Аарон Ярив – глава военной разведки* (Тель-Авив: издательство «Едиот ахронот», 2013).

Шимон Голан, *Война на прекращение истощения* (Тель-Авив: Министерство обороны Израиля, 2018).

Йоси Гольдштейн, *Эшколь. Биография* (Иерусалим: «Кетер», 2003).

Моше Даян, «Военные действия в дни мира» // «*Бе'махане*» [«В лагере»], номера от 5 и 14 сентября 1955 г.

Моше Даян, *Этапы пути. Автобиография* (Иерусалим: «Эйданим» – Тель-Авив: «Двир», 1976).

Эли Зеира, *Война Судного дня: миф и реалии*, издание второе, переработанное и дополненное (Тель-Авив: издательство «Едиот ахронот», 2004).

Шауль Зейтуни, *Сдерживание и мир. Усилия Израиля добиться политического урегулирования* (Тель-Авив: «Чериквер», 2000).

Йерухам Коэн, литературная запись Амикама Гурвица, *Средь бела дня и в темноте* (Тель-Авив, 1969).

Эфраим Лapid, «Корабль “Бат галим” – тест, который не преуспел», портал *Israel Defense*, 28 сентября 2019 г., <https://www.israeldefense.co.il/he/node/40325>

Сегодня начнется война. Воспоминания бригадного генерала Исраэля Лиора / литературная запись Эйтана Хабера (Тель-Авив: «Эйданим», 1987).

Мирон Медзини, Голда. *Политическая биография* (Тель-Авив: «Едиот ахронот», 2008).

Йосси Мелман и Ден Равив, *Теневые войны: «Моссад» и разведывательное сообщество* (Тель-Авив: «Едиот ахронот», 2012).

Йосси Мелман и Эйтан Хабер, *Шпионы* (Тель-Авив: «Едиот ахронот», 2002).

Ури Мильштейн, *История воздушно-десантных войск от Войны за независимость до Ливанской войны* (Тель-Авив, 1985), том I.

Бенни Моррис, *Приграничные войны Израиля, 1949–1956* (Тель-Авив: «Ам овед», 1996).

Хаим Надаль, *Смелый побеждает* (Тель-Авив: «Модан», 2015).

Ицхак Рабин, *Служебный блокнот* (Тель-Авив: «Маарив», 1979), в двух томах.

Итамар Рабинович, «Египет и вопрос о Палестине до Июльской революции и после нее» // «Зманим» [«Времена»], №32 (1990), стр. 78–87.

Моше Сассон, «О мирных переговорах с соседями (личное видение)» // *Министерство иностранных дел. Пятьдесят первых лет*, под ред. М. Ягера, Й. Говрина и А. Одеда (Иерусалим: «Кетер», 2002), том 1, стр. 104–130.

Элияху Сассон, *На пути к миру* (Тель-Авив: «Ам овед», 1978).

Том Сегев, *Государство любой ценой. История жизни Давида Бен-Гуриона* (Иерусалим: «Кетер», 2018).

Иссер Харель, *Кризис: немецкие ученые, 1962–1963 гг.* (Тель-Авив: «Маарив», 1982).

Йосеф Хеллер, *Израиль и Холодная война: от Войны за независимость до Шестидневной войны* (Сде-Бокер: Университет им. Д. Бен-Гуриона, 2010).

Йоаш Цидон, *Днем, ночью и в тумане* (Тель-Авив: Библиотека «Маарив», 1995).

Яков Цур, «Как Израиль заставили отступить с Синая в 1957 году» [1971] // *Министерство иностранных дел. Пятьдесят первых лет*, под ред. М. Ягера, Й. Говрина и А. Одеда (Иерусалим: «Кетер», 2002), том 1, стр. 81–87.

Дани Шалом, *Летящие призраки над Каиром: Военно-воздушные силы Израиля в Войне на истощение* (Ришон-ле-Цион: Музей авиации и космонавтики, 2007).

Заки Шалом, *Давид Бен-Гурион, Государство Израиль и арабский мир, 1949–1956* (Сде-Бокер: Университет им. Д. Бен-Гуриона в Негеве, 1995).

Заки Шалом, *Военно-политические дилеммы в первое десятилетие Израиля* (Раанана: Открытый университет Израиля, 2007).

Заки Шалом, *Дипломатия в тени войны: мифы и реалии международной политики накануне Шестидневной войны* (Тель-Авив: Издательство Министерства обороны Израиля, 2007).

Ави Шилон, *Бегин* (Тель-Авив: «Ам овед», 2007).

Абба Эвен, *Страницы жизни* (Тель-Авив: «Сифрият Маарив», 1978), в двух томах.

Эхуд Яари, *Египет и фидаины, 1953–1956* (Гиват-Хавива: Центр арабских и афро-азиатских исследований, 1975).